Том 18 № 1 2022

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

ИЗВЕСТИЯ

ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2022. Т. 18. № 1

Издательство
Иркутского национального исследовательского технического университета
2022

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION

IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY

REPORTS
of the LABORATORY
# of ANCIENT TECHNOLOGIES

2022. Vol. 18. No. 1

Publishing house
Irkutsk national research technical university
2022

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2022. Т. 18. № 1

Редакционная коллегия

Главный редактор – Новиков П. А., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Зам. гл. редактора – Харинский А. В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Андерсон Д., PhD, профессор Абердинского университета (Абердин, Великобритания)

Базаров Б. В., академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

Вебер А. В., PhD, профессор Университета Альберта (Эдмонтон, Канада)

Ганин А. В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва, Россия)

Гебел Т., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (Колледж Стэйшн, США)

Граф К., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (Колледж Стэйшн, США)

Дацышен В. Г., доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия)

Зайкер Дж., PhD, профессор Университета штата Айдахо в Бойсе (Бойс, США)

Иванов А. А., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Като Х., PhD, профессор Университета Хоккайдо (Саппоро, Япония)

Константинов М. В., доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Чита, Россия)

Крадин Н. Н., член-корреспондент РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток, Россия)

Кузнецов С. И., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)

Лозей Р., PhD, профессор Университета Альберта (Эдмонтон, Канада)

Наумов И. В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Номоконова Т. Ю., PhD, профессор начальной стадии Университета Саскатчеван (Саскатчеван, Канада)

Олейников А. В., доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного университета (Астрахань, Россия)

Петрушин Ю. А., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения (Иркутск, Россия)

Пученков А. С., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Сирина А. А., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия)

Тетенькин А. В., кандидат исторических наук, доцент Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Тишкин А. А., доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

Эрдэнээбаатор Д., PhD, профессор Национального университета Монголии (Улан-Батор, Монголия)

Сведения о журнале можно найти на сайте: http://ildt.istu.edu/

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-62783 от 18 августа 2015 г.

Журнал основан в 2003 г.

Периодичность издания – ежеквартально

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет»

Подписной индекс в ООО «Урал-Пресс» – 41510

Адрес ООО «Урал-Пресс»: 620026, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 130

Журнал включен в Научную электронную библиотеку (eLIBRARY.RU) для создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в **Перечень ведущих научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес учредителя и издателя: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Адрес редакции: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, ауд. К-211, e-mail: ildt@yandex.ru

© ФГБОУ ВО «ИРНИТУ», 2022

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2022. Vol. 18. No. 1

Editorial board

Editor-in-Chief – Novikov P. A., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Deputy Editor-in-Chief – Kharinskiy A. V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Anderson D., PhD, Professor of University of Aberdeen (Aberdeen, UK)
Bazarov B. V., Academician of Russian Academy of Sciences, Chair of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Ulan-Ude, Russia)
Weber A. W., PhD, Professor of University of Alberta (Edmonton, Canada)
Ganin A. V., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Goebel T., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (College Station, USA)
Graf K., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (College Station, USA)
Datsyshen V. G., Doctor of History, Professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)
Ziker J., PhD, Professor, Boise State University (Boise, USA)
Ivanov A. A., Doctor of History, Professor Saint Petersburg University (St. Petersburg, Russia)
Kato H., PhD, Professor of Hokkaido University (Sapporo, Japan)
Konstantinov M. V., Doctor of History, Professor, Transbaikalian State University (Chita, Russia)
Kradin N. N., Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia)
Kuznetsov S. I., Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia)
Losey R., PhD, Professor, University of Alberta (Edmonton, Canada)
Naumov I. V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Nomokonova T. Yu., PhD, Assistant Professor, University of Saskatchewan (Saskatchewan, Canada)
Oleinikov A. V., Doctor of History, Professor of Astrakhan State University (Astrakhan, Russia)
Petrushin Yu. A., Doctor of History, Professor of Irkutsk State Transport University (Irkutsk, Russia)
Puchenkov A. S., Doctor of History, Professor of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
Sirina A. A., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Teten'kin A. V., Candidate of History, Associate Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Tishkin A. A., Doctor of History, Professor of Altai State University (Barnaul, Russia)
Erdenebaator D., PhD, Professor, National University of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)

Reference to website: http://ildt.istu.irk.ru/
The journal is registered with the Federal Agency for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor). Certificate ПИ № ФС77-62783 on 18 August 2015
The Journal was founded in 2003
Frequency of publication – quarterly
Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Irkutsk National Research Technical University"
The subscription code in Ural-Press LLC: 41510
The postal address of Ural-Press LLC: 130, Mamin-Sibiryak St., Yekaterinburg 620026, Russia

The journal is included in the Scientific Electronic Library (eLIBRARY.RU) for the creation of the Russian Science Citation Index (RISC)
The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications which aims to publish the basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science of the Higher Attestation Commission (HAC)

Address of the Founder and Publisher: 83, Lermontov St., Irkutsk 664074.
Address of the Editorial Board: 83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Office K-211, e-mail: ildt@yandex.ru

© FSBEIHE «INRTU», 2022

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2022. Т. 18. № 1

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Фестиваль в Окинском районе Республики Бурятия 8

АРХЕОЛОГИЯ

Ташак В. И. Неолит Окинского плоскогорья: местонахождения Тропа Кропоткина-1, -2, -3 15

Аржанников С. Г., Аржанникова А. В., Иванов А. В., Демонтерова Е. И. Легендарный Эргунэ-Кун: исторический этап активизации вулканизма на Жомболокском лавовом поле как причина исхода протомонгольских племен из Восточного Саяна 34

Харинский А. В., Кичигин Д. Е., Коростелев А. М., Портнягин М. А. Курганы древнего населения Окинского плоскогорья (Восточный Саян) 50

ЭТНОЛОГИЯ

Владимиров И. Н., Выркин В. Б., Кобылкин Д. В. Оценка экологического потенциала геосистем Окинского плоскогорья для целей хозяйственного освоения 76

Дугаров Б. С. Эргунэ-Кун: путь Буртэ-Чино и Окинский край 89

Ступин С. Г. Окинские сойоты 1980-х годов: от ассимиляции к возрождению 102

ИСТОРИЯ

Петров Д. М. Вооруженные конфликты и культура войны у якутов в позднем средневековье 116

Снопков С. В., Хобта А. А. Сибирская одиссея Жан-Пьера Алибера 128

Кирильчик Д. В. Книжная культура русских переселенцев в Туркестанском крае во второй половине XIX – начале XX в. 142

Сысоев А. А. Умышленные убийства на территории Восточной Сибири досоветского времени 151

Авилов Р. С. «Иркутскую же роту следует комплектовать исключительно из войск Приамурского военного округа…» Иркутская дисциплинарная рота в 1899 г. (по материалам поездки А. Н. Куропаткина) 161

Михаэлис Д. В. Государственное довольствие и льготы мировых судей в Иркутской губернии в 1896–1917 гг. 173

Новиков П. А., Хипхенов Г. И. «Саяны на военном фоне»: Поход красного отряда во главе с Н. А. Каландаришвили осенью 1918 г. 181

Вебер М. И. «Никто из духовенства действующей армии не должен находиться в обозах»: рапорты благочинного 15-й Воткинской дивизии Георгия Желватых (январь – октябрь 1919 г.) 196

Бакшеев А. И., Рогачев А. Г. «Под давлением идеологии»: Отечественное сельское хозяйство 1920-х годов в советской историографии 1920-х – начала 1950-х годов 209

Мануйлов Е. В. Деятельность подразделений пожарной охраны в Алтайском крае (1953–1965 гг.) 219

РЕЦЕНЗИЯ

Сирина А. А. 300 лет назад в Иркутске 230

Наумов И. В. Впечатляющая панорама раннего этапа советской действительности 235

На обложке представлена фотография бронзовой бляшки с зооморфным изображением. Могильник Байкальское 27, комплекс 2, железный век. Раскопки А. В. Харинского. Фото А. Б. Данилова

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2022. Vol. 18. No. 1

CONTENTS

FROM THE EDITORS

Festival in the Okinsky district of the Republic of Buryatia 8

ARCHAEOLOGY

Tashak V. I. Neolithic of the Oka Plateau: the sites Tropa Kropotkina -1, -2, -3 15

Arzhannikov S. G., Arzhannikova A. V., Ivanov A. V., Demonterova E. I. The legendary Ergune-Kun: the historical stage of the volcano activation in the Jombolok lava field as the reason for the exodus of proto-Mongolian tribes from the Eastern Sayan Ridge 34

Kharinsky A. V., Kichigin D. E., Korostelev A. M., Portniagin M. A. Kurgans of the ancient population of the Oka Plateau (Eastern Sayan) 50

ETHNOLOGY

Vladimirov I. N., Vyrkin V. B., Kobylkin D. V. The estimation of an ecological potential of geosystems of the Okinsky Plateau 76

Dugarov B. S. Ergune-Kun: path of Burte-Chino and Okinsky region 89

Stupin S. G. 1980s Oka-Soiots: from assimilation to rebirth 102

HISTORY

Petrov D. M. Armed conflicts and the culture of war of the Yakuts in the Late Middle Ages 116

Snopkov S. V., Khobta A. V. The Siberian epopee of Jean-Pierre Alibert 128

Kirilchik D. V. Book culture of Russian settlers in the Turkestan region in the second half of the 19th - early 20th century 142

Sysoev A. A. Premeditated murders on the territory of Eastern Siberia in pre-Soviet times 151

Avilov R. S. "But the Irkutsk Company must be recruited only from the troops of Priamour Military District…" The Irkutsk Disciplinary Company in 1899 (based on material of visit of Aleksey N. Kuropatkin) 161

Mikhaelis D. V. State allowances and privileges of magistrates in Irkutsk Province in 1896-1917 173

Novikov P. A., Hipkhenov G. I. "Sayans on a military background": The campaign of the Red detachment led by N. A. Kalandarishvili in the autumn of 1918 181

Weber M. I. "No one of the clergy of army in the field should be in supply train": the reports of dean of the 15th Votkinsk division Georgy Zhelvatykh (September - October 1919) 196

Baksheev A. I., Rogachev A. G. "Under the pressure of ideology": Domestic agriculture of the 1920s in Soviet historiography of the 1920s - early 1950s 209

Manuilov E. V. Activity of fire protection units in the Altai Territory (1953-1965) 219

REVIEW

Sirina A. A. 300 years ago in Irkutsk 230

Naumov I. V. An impressive panorama of the early stage of Soviet reality 235

The cover presents zoomorphic bronze plate from necropolis Baikalskoe 27, grave 2. Iron Age. Excavations by A.V. Kharinsky. Photo by A.B. Danilov

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2022. Т. 18. № 1

Уважаемые читатели!
Предлагаем вашему вниманию выпуск научного журнала
«Известия Лаборатории древних технологий».

Ежеквартальный журнал продолжает серию ежегодных изданий. Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований Северной, Центральной и Восточной Азии. Кроме того, в журнале публикуются материалы, касающиеся взаимоотношений населения Северо-Восточной Азии с представителями других частей Евразии и Североамериканского континента с древнейших времен до современности.

Приоритетными для издания являются статьи фундаментального характера, затрагивающие современные проблемы теории и методологии исторической науки и культурной (социальной) антропологии, учитывающие новейшие сведения естественных наук. Приветствуются рукописи с четкой и убедительной логикой изложения исследовательского материала с указанием его значения для современного научного контекста, аргументированными обобщениями и развернутыми выводами. Авторам рекомендуется учитывать и указывать сведения новейших публикаций, характеризующих общий уровень осмысления конкретных сюжетов.

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» проводит рецензирование научных материалов и принимает к публикации статьи, короткие сообщения и обзоры по следующим направлениям:

– история,
– археология,
– этнология,
– рецензия,
– персоналия (мемориальные заметки о коллегах).

Издание реферируется и рецензируется.

Приглашаем вас к активному творческому сотрудничеству.

Редколлегия

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2022. Vol. 18. No. 1

Dear Readers!
We would like to bring to your attention the installment of the scholarly journal the
«Reports of the Laboratory of Ancient Technologies».

The quarterly magazine continues and develops a series of annual publications. The subjects of the issues cover various aspects of archaeological, ethnological and historical research. The articles are mostly devoted to the past of North, Central and East Asia. In addition to data from these regions, we try to publish materials on the interaction of Northeast Asian residents with the population of other parts of Eurasia and the North American continent, both in antiquity and in modern times.

Priority interest for the Journal is represented by articles of a fundamental nature that concern on modern problems of the theory and methodology of historical science and cultural (social) anthropology, and also takes into account the latest information of the natural sciences. The manuscripts are welcome with a clear and convincing logic for the presentation of the research material and an indication of its significance for the modern scientific context, with well-reasoned generalizations and detailed conclusions. Authors are advised to take into account and indicate the information of the latest publications characterizing the general level of comprehension of specific plots.

The Journal «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies» reviews and publishes original materials and papers, short reports, reviews on the issues of:

– History,
– Archaeology,
– Ethnology,
– Review,
– Personnel (memorial notes about colleagues).

Journal is peer-reviewed.

You are welcome for active and creative collaboration.

Editorial Board

От редакции

Фестиваль в Окинском районе Республики Бурятия

From the editors

Festival in the Okinsky district of the Republic of Buryatia

В июле 2021 г. в Окинском районе Республики Бурятия проходил фестиваль «Эргэне-Кун» – легендарная и историческая прародина монголов», посвященный изучению и популяризации природных объектов, истории и культуры жителей Восточно-Саянского региона. В организации и реализации этого научно-популярного проекта приняли участие ООО «Бест. Коммерческая недвижимость» (Санкт-Петербург), Российское историческое общество, Иркутский национальный исследовательский технический университет (Иркутск), Институт монголоведения, буддологии и тибетологии (Улан-Удэ), Иркутский областной краеведческий музей (Иркутск), средняя общеобразовательная школа (Орлик). Финансовую поддержку в организации и проведении фестиваля оказали руководитель Группы компаний Бест Г. К. Рыков, руководитель компании АН Инвест А. Н. Недбаев и генеральный директор ООО «Биосинергия» Н. Г. Доржиев.

Работа фестиваля проходила в три этапа.

1. Археологические раскопки и разведки в окрестностях села Саяны, Окинского района.

2. Полевой семинар «Эргэне-Кун» – легендарная и историческая прародина монголов».

3. Геолого-историческая экскурсия на графитовый рудник Ботогол.

Археологические исследования 2021 г. включали разведки и раскопки в районе с. Саяны. Основное внимание было уделено изучению круглых курганообразных насыпей, расположенных в долине Оки и ее левых притоков Жомболока и Сенцы, которые воспринимались на протяжении длительного времени большинством исследователей как надмогильные сооружения (рис. 1). Во время работ 2021 г. остатки человеческого захоронения были выявлены только на памятнике Шарза 3. На остальных археологических комплексах под круглыми курганообразными кладками кроме отщепов и пластин из кремня не было обнаружено больше никаких находок. Материалы этих исследований приводятся в одной из статей, представленных в этом номере журнала.

15–19 июля в археологическом лагере, расположенном в 5,7 км к северо-востоку от с. Саяны, на левом берегу р. Оки в местности Зун Номто-Гол, проходил полевой семинар «Эргэне-Кун» – легендарная и историческая прародина монголов» (рис. 2; 3). Одной из основных задач семинара являлось обсуждение проблемы становления монгольского народа и определение места расположения легендарной местности Эргэне-Кун, с которой связан начальный этап его формирования. Во время работы семинара заслушано 12 докладов, касающихся вопросов географии, экологии, археологии, истории и этнографии Горной Оки, становления монгольского народа и значения Монгольской империи в судьбах народов Евразии. С докладами выступили: член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН Н. Н. Крадин (рис. 4); кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН Д. В. Кобылкин; кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник Института земной коры СО РАН С. Г. Аржанников; кандидат биологических наук, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН Ю. И. Дробышев; кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии В. И. Ташак; кандидат исторических наук, доцент Забайкальского государственного университета Е. В. Ковычев; доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета А. В. Харинский; доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета А. А. Тишкин (рис. 5); доктор филологических

Рис. 1. Раскопки комплекса 12 археологического объекта Ока 1
Fig. 1. Excavations of the complex of 12 archeological objects Oka 1

Рис. 2. Встреча участников фестиваля на границе Окинского района
Fig. 2. Meeting of festival participants on the border of Oka district

Рис. 3. Лагерь археологов на берегу р. Оки
Fig. 3. Camp of archaeologists on the shore of the Oka river

Рис. 4. Выступление Н. Н. Крадина с докладом «Монгольская империя и судьбы народов Евразии»
Fig. 4. Speech by N. N. Kradin with the report "Mongolian Empire and the fate of the peoples of Eurasia"

Рис. 5. Выступление А. А. Тишкина с докладом «Алтай в монгольское время»
Fig. 5. Speech by A. A. Tishkin with the report "Altai in the Mongolian time"

Рис. 6. А. В. Харинский рассказывает о раскопках погребения Шарза 3–1
Fig. 6. A. V. Kharinskii tells about excavations of egrave Sharza 3-1

Рис. 7. В. И. Ташак демонстрирует петроглифы утеса Монгольжин
Fig. 7. V. I. Tashak demonstrates the petroglyphs of the Mongolzhin cliff

Рис. 8. Б. Д. Шарастепанов проводит экскурсию в окрестностях с. Саяны. Святилище Шамхаг-Байсан
Fig. 8. B. D. Sharastepanov conducts an excursion in the vicinity of the village Sayans. Shrine of Shamkhag-Baisan

Рис. 9. Участники экскурсии у памятной бронзовой таблички, посвященной П. А. Кропоткину
Fig. 9. Participants of the excursion at the commemorative bronze plaque dedicated to P. A. Kropotkin

Рис. 10. С. А. Нимаева рассказывает об окинской национальной кухне
Fig. 10. S. A. Nimaeva talks about the Okina national cuisine

Рис. 11. Остатки шахты на гольце Ботогол
Fig. 11. Remains of a mine on the Botogol mountain

наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Б. С. Дугаров; кандидат философских наук, директор Иркутского областного краеведческого музея С. Г. Ступин; кандидат геолого-минералогических наук, доцент Иркутского государственного университета С. В. Снопков; доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета П. А. Новиков.

Во время семинара кандидатом географических наук Б. Д. Шарастепановым и кандидатом географических наук А. П. Папаевым были проведены экскурсии по природным, культурным и историческим объектам в долине р. Оки, осмотрены археологические памятники (рис. 6; 7; 8). На скале возле с. Саяны была прикреплена памятная бронзовая табличка, посвященная П. А. Кропоткину (рис. 9).

В рамках фестиваля с докладом «Основные тенденции в современном российском искусстве» выступил С. А. Бугаев. Практический курс йоги провел Д. М. Смяткин. Под руководством С. А. Нимаевой – учителя биологии средней общеобразовательной школы с. Орлик, прошел «День окинской национальной кухни» (рис. 10).

После завершения полевого семинара участниками фестиваля была предпринята геолого-историческая экскурсия на графитовый рудник Ботогол, находящийся в 40 км от трассы Монды – Орлик. Рудник расположен на вершине Ботогольского гольца (высота более 2300 м) (рис. 11). В 1840-х – 1860-х годах он разрабатывался под руководством французского предпринимателя И. П. Алибера. После осмотра гольца, на ветрозащитной стенке возле шахты была прикреплена памятная бронзовая табличка, посвященная Ж. П. Алиберу.

Часть докладов, с которыми выступали участники полевого семинара, было решено напечатать в журнале «Известия Лаборатории древних технологий». Материалы, представленные в некоторых из них, уже частично были опубликованы авторами в других статьях. Тем не менее редакционная коллегия журнала посчитала возможным представить их в полном объеме, чтобы создать целостную картину исследований, проводимую авторами по изучению различных аспектов природы Окинского района и истории его жителей.

Артур Харинский
Artur V. Kharinskii

Научная статья
УДК 902.2
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-15-33

Неолит Окинского плоскогорья: местонахождения Тропа Кропоткина-1, -2, -3

Василий Иванович Ташак

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия,
tvi1960@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1891-9915

Аннотация. Систематическое исследование археологических объектов Окинского плоскогорья, расположенного между горными хребтами Восточный Саян и Большой Саян, начинается с 2018 г. Одним из результатов этого исследования становится открытие трёх археологических местонахождений, названных Тропа Кропоткина-1, -2, -3, в связи с тем что местонахождения находятся на пути следования экспедиции П. А. Кропоткина во второй половине XIX в. Археологические материалы, на основании типологии и морфологии, датированные развитым неолитом, зафиксированы во 2-м литологическом слое, идентичном для всех местонахождений. На местонахождении Тропа Кропоткина-3 обнаружены несколько очагов разной степени сохранности с большим содержанием мелких пережжённых обломков костей животных. Рядом с очагами найдены различные орудия – стерженёк рыболовного крючка китойского типа, наконечники стрел и др. Свидетельств первичного расщепления рядом с очагами очень мало. В связи с этим предположено, что очаги Тропы Кропоткина-3 были связаны с проведением ритуалов. В Тропе Кропоткина-3, впервые для Окинского плоскогорья, зафиксированы обломки керамических сосудов усть-бельского типа, широко распространённые в Приангарье, с которым Окинское плоскогорье, окружённое горными хребтами, связано долиной реки Оки. Методами естественных наук доказано, что различные типы керамических сосудов, найденные здесь, изготовлены с использованием различных источников сырья. На основании этого предположено, что стоянки Тропа Кропоткина-1, -2, -3 посещались эпизодически, различным населением. Наиболее древний эпизод появления людей в этих местах зафиксирован в слое финала плейстоцена – начала голоцена Тропы Кропоткина-1, это первые для Окинского плоскогорья находки артефактов в слое такого возраста.

Ключевые слова: археология, каменный век, неолит, керамика, каменная индустрия, химический состав сырья, Восточный Саян, Окинское плоскогорье, Окинский район, Республика Бурятия

Благодарности: работа выполнена в рамках НИР ИМБТ СО РАН (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства»). Автор выражает глубокую благодарность директору Орликской средней школы Б. Д. Шарастепанову, а также ученикам и учителям школы, при участии которых в полевых исследованиях получены археологические материалы, освещённые в данной статье.

Для цитирования: Ташак В. И. Неолит Окинского плоскогорья: местонахождения Тропа Кропоткина-1, -2, -3 // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 1. С. 15–33. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-15-33

Original article

Neolithic of the Oka Plateau: the sites Tropa Kropotkina -1, -2, -3

Vasily I. Tashak

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia,
tvi1960@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1891-9915

Abstract. Systematic investigations of archaeological sites in the Oka Plateau situated between the mountain ridges Eastern Sayan and Big Sayan have been beginning from 2018. One of the results of these researches is the discovering of three archaeological sites named Tropa Kropotkina-1, -2, -3, such names have been given because of their location on the travel rout of P. A. Kropotkin's expedition conducted in the second part of the XIX century. Archaeological materials dated back to the developed Neolithic times are recorded in the second lithological layer typical for all sites Tropa Kropotkina. At the site Tropa Kropotkina-3 several

© Ташак В. И., 2022

hearths of different state of preservation have been revealed. The hearths contained a big quantity of small burned animal bone debris. Various tools such as a lithic shank of composite Kitoi fishhook, arrow heads and others were found near the hearths. Evidences of a primary knapping are almost absent here. In this relation, the author proposes the using these hearths for ritual activity. For the first time for the Oka Plateau among the findings of the Tropa Kropotkina-3 site author recognized the Ust'-Belaya Ceramic Type fragments of vessels which are wide-spread in Angara Region. Surrounded by mountains Oka Plateau connected with Angara region by the Oka River Valley. The results of natural science methods show that different types of ceramic vessels recognized here were made with the using different raw material sources. This fact leads to the supposition that the sites Tropa Kropotkina-1, -2, -3 were used episodically by different peoples. The most ancient time of the people entry at these places is recorded in the layer of the Final Pleistocene – Early Holocene at the site Tropa Kropotkina-1, these are the first finds of artifacts in the cultural horizon of such age for the Oka Plateau.

Keywords: archeology, Stone Age, Neolithic, ceramics, stone industry, chemical composition of raw materials, Eastern Sayan Mountain, Oka Plateau, Oka district, Buriatia Republic

Acknowledgements: this article was carried out within the framework of the state task (project "Historical space of the Mongolian world: archaeological cultures, societies and states", № 121031000241-1). The author thanks the Principle of the Orlik High School B. D. Sharastepanov, the students, and the teachers for their participation in the fieldwork, during which used archaeological materials were obtained.

For citation: Tashak V. I. (2022) Neolithic of the Oka Plateau: the sites Tropa Kropotkina -1, -2, -3. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 1. P. 15-33. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-15-33

Введение

В 1865 г. П. А. Кропоткин, возглавлявший экспедицию, направлявшуюся к вулканам в верховьях долины р. Жомболок (Зуун Булак), дал описание наскальных рисунков на утёсе Монгольжин, в долине Жомболока, а также небольших каменных курганов в долине реки Оки (Кропоткин, 1867. С. 57). Оба объекта были кратко упомянуты, а их описание дано в результате беглого осмотра, но с этого времени начинается археологическое изучение Окинского плоскогорья. Каменные кладки, представляющие собой наземные конструкции диаметром от 2 до 7 м, с плоской поверхностью или насыпью в виде кургана, были интерпретированы П. А. Кропоткиным как остатки древних жилищ.

Следующим эпизодом археологического изучения Окинского плоскогорья стала специальная поездка П. А. Ровинского в 1870 г. в долину реки Оки (Аха) с целью проверить мнение П. А. Кропоткина о том, что каменные конструкции являются остатками древних жилищ. После того как П. А. Ровинский раскопал две каменные кладки в окрестностях Окинского караула, он пришел к выводу, что это остатки культовых сооружений, под которыми нет следов жилищ и погребений (Ровинский, 1871. С. 38, 39).

В дальнейшем на территории Окинского плоскогорья археологические исследования сохраняли эпизодический характер до начала 2000-х годов (Ташак, 2019), за это время не было осуществлено ни одного исследования древних стоянок с применением раскопок любого масштаба, осуществлялись только сборы подъёмных материалов. В 2004 г. было поставлено несколько разведочных шурфов в долине р. Сенца, в окрестностях улуса Шаснур (Аржанников, Инешин, Аржанникова, Снопков, 2010).

Систематические исследования археологии Окинского плоскогорья начинаются с 2018 г., и одним из основных направлений таких исследований становится поиск и комплексное изучение древних стоянок в первую очередь стоянок каменного века (Ташак, 2019; Ташак, 2020а). Ансамбль археологических местонахождений, названных Тропа Кропоткина-1; Тропа Кропоткина-2; Тропа Кропоткина-3, на сегодняшний день, наиболее изученные стоянки каменного века Окинского плоскогорья. Своё название эти стоянки получили из-за того, что именно здесь, в 1865 г. пролегал путь экспедиции П. А. Кропоткина, дорога (накатанная колея, а в XIX в. конная тропа) проходила и проходит сейчас прямо по поверхности местонахождений Тропа Кропоткина-1 и -2. На Тропе Кропоткина-1 и -2 археологические материалы впервые были зафиксированы в 2017 г. в дорожной колее и промоинах. Позже, в 2018 г. обнаружено местонахождение Тропа Кропоткина-3. В представленной статье предложен анализ количественно представительных археологических материалов трёх указанных местонахождений, материалы которых залегают в стратиграфических слоях. Это позволяет рассматривать их

как опорные местонахождения для исследования нового каменного века на территории Окинского плоскогорья.

Район исследования

Окинское плоскогорье расположено между двух крупных хребтов Саянской горной страны – Восточный Саян и Большой Саян, и представляет собой в этой связи своеобразный территориальный рефугиум, изолированный горными хребтами от обширных пространств Внутренней Азии (Монголии) на юге и пространств Восточной Сибири на севере и востоке. Плоскогорье изобилует глубоко врезанными долинами рек. Одной из крупнейших рек в этом районе является река Ока (Аха), которая берёт начало в Окинском озере на юге плоскогорья. Первоначальное направление течения реки с юга на север. После впадения в Оку её левого притока – Сенцы Ока поворачивает на восток. Здесь начинается основная территория Окинской котловины (Выркин, Масютина, 2017), протянувшейся с запада на восток, примерно, на 40 км до входа долины реки в горные теснины Восточного Саяна. Именно в самой Окинской впадине и в нижнем течении основных притоков Оки, в зоне Окинской впадины – рек Сенца и Жомболок, сосредоточено наибольшее количество известных археологических местонахождений Окинского плоскогорья.

Рассматриваемые в статье объекты расположены по правому борту долины реки Жомболок, в 5 км западнее её слияния с долиной Оки и 9,5 км западнее места впадения Жомболока в Оку (рис. 1). Древние стоянки были организованы на западной оконечности небольшого гористого массива, вклинившегося с востока на запад в пространство между хребтом Кропоткина на севере и Окинским плоскогорьем на юге (рис. 2). Гористый массив длиной 4,5 км является частью мелового отрога, простирающегося с востока на запад на восточном берегу Оки. Оконечность этого массива, вдавшегося в долину Жомболока, по всей

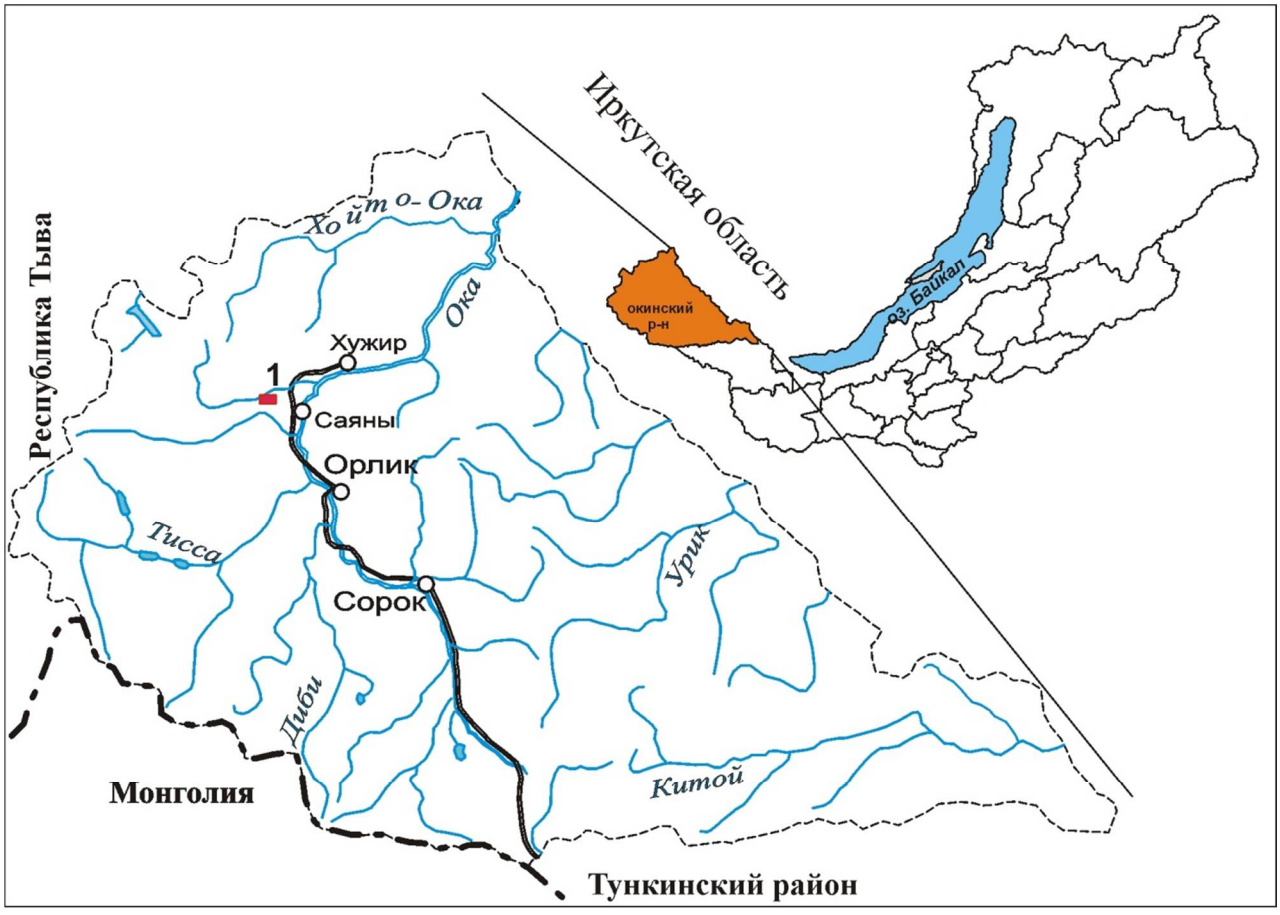


Рис. 1. Местоположение рассматриваемых археологических объектов на территории Окинского района Республики Бурятии

Fig. 1. The location of the archaeological sites under consideration on the Oka district territory of the Buryatia Republic

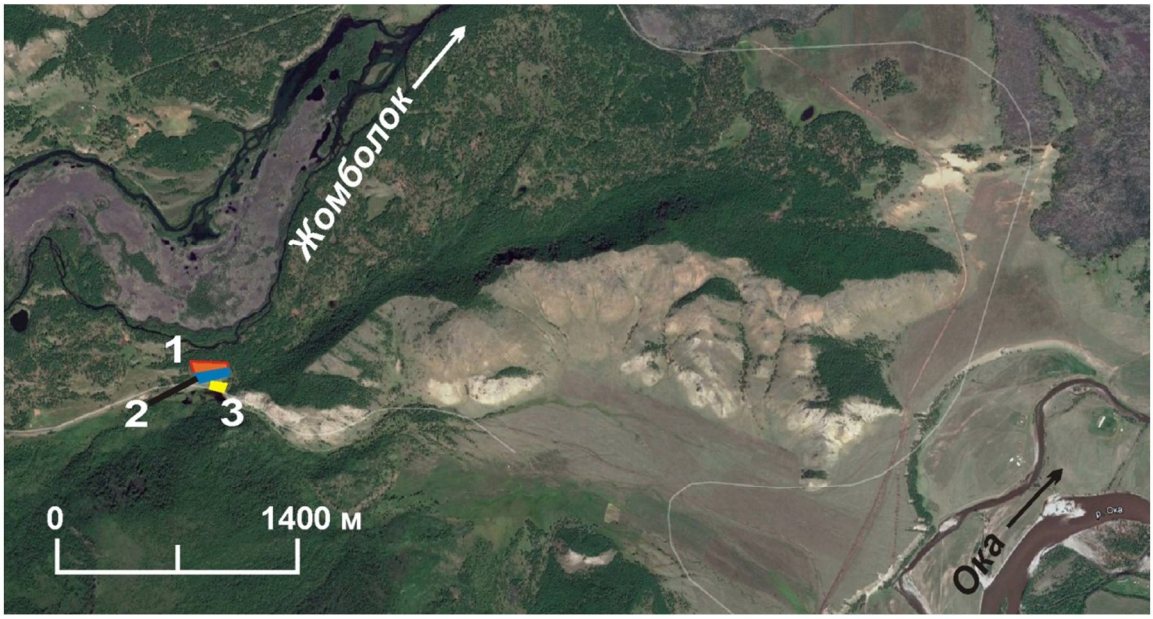


Рис. 2. Схема расположения археологических местонахождений – Тропа Кропоткина-1, -2, -3 в долине реки Жомболок
Fig. 2. Situation scheme of the archaeological sites of the Tropa Kropotkina-1, -2, -3 in the valley of the Zhombolok River

видимости, была отторгнута расширившейся долиной реки Оки.

На участке расположения рассматриваемых археологических объектов долина Жомболока имеет ширину около 1 км. Вся пойменная часть долины покрыта застывшими лавовыми потоками разновременной генерации. Древнейшие из них появились в финале плейстоцена (Аржанников, Иванов, Аржанникова, Демонтерова и др., 2017. С. 41–45; Щетников, Безрукова, Кербер, Белозерова и др., 2019. С. 339). Вблизи археологических памятников преобладает застывшая лава поздней генерации, которая, по данным новейших исследований, связана с последней фазой активности вулканов в верховьях Жомболока, датированной VIII в. н. э. (Arzhannikov, Ivanov, Arzhannikova, Demonterova et al., 2016).

Исходя из результатов многочисленных геологических исследований в Саянских горах, территория Окинского плоскогорья подвергалась оледенениям в позднем плейстоцене. В частности, долины большинства притоков Оки были заполнены ледниками в самом финале плейстоцена, о чём свидетельствуют остатки конечных морен в устьях долин (Олюнин, 1965; Аржанников, Броше, Жоливе, Аржанникова, 2015). Значительный фрагмент конечной морены Жомболокского ледника финального плейстоцена сохранился вдоль правого берега реки Жомболок (Аржанников, Броше, Жоливе, Аржанникова, 2015. С. 1922), непосредственно со стороны западной оконечности гористого массива, т. е. на том участке, где расположены рассматриваемые археологические местонахождения. Участок отложений морены, прислонённых к западной оконечности отрога, с севера ограничен долиной реки Жомболок, а с юга понижением между самой мореной и горными склонами, которое периодически наполняется водой при обилии осадков. По всей видимости, при активном таянии ледников в финале плейстоцена данное понижение представляло собой небольшое озеро. По мере отступления воды в древнем водоёме и смыва рыхлых отложений со склона, здесь образовался небольшой конус выноса в виде низкой террасовидной поверхности, которая стала поверхностью обитания в период функционирования стоянки, получившей наименование Тропа Кропоткина-1. Местонахождения Тропа Кропоткина-2 и Тропа Кропоткина-3 расположены на поверхности морены, разделённой на две протяжённые гряды с неглубоким понижением между ними. На южной гряде расположено местонахождение Тропа Кропоткина-2, на северной – Тропа Кропоткина-3.

Каменное сырьё

Частично каменное сырьё рассматриваемых местонахождений было исследовано с помощью растрового электронного микроскопа LEO-1430VP (анали-

тик Е. А. Хромова, Геологический институт СО РАН). Это позволило получить не только общие, но и уточнённые данные о горных породах и минералах, использовавшихся здесь для изготовления орудий. Первичный визуальный анализ артефактов указывает на то, что в большинстве для изготовления орудий использовались окатанные галечные и валунные отдельности. Реже в качестве сырья использовались неокатанные плитчатые куски сырья. Окатанные гальки и валуны в обилии встречаются по берегам Оки и её притоков. Непосредственно рядом с археологическими объектами Тропа Кропоткина таких залежей галечного сырья нет. Это обусловлено тем, что сюда близко подходит лавовое поле, перекрывшее дно долины Жомболока, а за протокой, которая огибает лавовое поле с юга и отделяет его от археологических местонахождений, обильны песчаные отложения, перекрывшие галечники. Кроме этого, галечники фиксируются в теле морены, на которой расположены древние стоянки, но исходя из данных стратиграфии, видно, что культурные горизонты местонахождений формировались в период, когда поверхность морены уже была перекрыта слоями песка и супеси, появившимися после завершения формирования морены. В связи с этим следует полагать, что галечное сырьё было в большинстве приносным для всех рассматриваемых археологических местонахождений. Ближайшим участком, где такое сырьё было доступным в изобилии, был левый берег реки Оки, до которого в настоящее время около 5 км по прямой линии на восток, но в период функционирования древних стоянок конфигурация левобережья Оки была иной. Указанный участок долины Оки в середине голоцена был затоплен водами подпорного палеоозера, образовавшегося в результате перегораживания долины плотиной из лавы, вытекавшей из долины Жомболока (Аржанников, Иванов, Аржанникова, Демонтерова и др., 2013; Щетников, Безрукова, Филинов, Иванов, Кербер, 2016), поэтому левый берег Оки в середине голоцена был несколько ближе к стоянкам Тропа Кропоткина, чем в настоящее время.

Простой визуальный осмотр каменных артефактов на предмет сырья показывает, что выраженного превалирования какого-либо типа сырья здесь не отмечается. Этот факт характерен и для других местонахождений каменного века Окинского плоскогорья. В целом, предпочтение отдавалось горным породам с тонкозернистой структурой или с ненаблюдаемой визуально зернистостью, например, кремни различных цветов. Наряду с этим, орудия изготавливались из пород с выраженной зернистостью, например, из метаморфизованного песчаника с очень плотной структурой. Также сырьём служили: микрокварцит и кварцит, андезит, риолит, дацит и др. Цветовая гамма кремней обусловлена наличием или отсутствием тех или иных примесей в основном составе, например, конкретно в местонахождениях Тропа Кропоткина черный цвет кремня обусловлен наличием магния в составе породы.

Заметной концентрации какого-либо типа сырья в шурфах и в раскопе не наблюдается, за исключением шурфа 2 Тропы Кропоткина-1, где по сырьевому составу количественно преобладают сколы из дымчато-серого кремня, из которого предметы толщиной около 5 мм и тоньше просвечиваются при направленном свете.

Археологические объекты

Тропа Кропоткина-1 – археологическое местонахождение стояночного типа расположено на правобережье реки Жомболок, в 5,6 км северо-западнее села Саяны, в Окинском районе РБ и находится в 65 м на северо-запад от западной оконечности утёса Монгольжин, которым и заканчивается небольшой горный отрог. Участок с древней стоянкой находится почти в створе горного прохода, который ведёт у подножия утёса из долины Жомболока в долину Оки параллельно с долиной Жомболока. Местонахождение Тропа Кропоткина-1 занимает площадку у подножия террасовидного уступа, образованного остатками конечной морены ледникового времени. Центральная часть участка с местонахождением возвышается на 1–1,5 м над затапливаемой низиной, расположенной на юге и представляющей собой остатки ледниковых озёр. От местонахождения до правобережной протоки Жомболока около 220 м.

Стратиграфия местонахождения исследована разведочными шурфами. Наиболее показательным из них стал шурф 2 (рис. 3.1), в котором зафиксировано представительное число артефактов.

1. – Супесь темно-коричневого цвета с умеренным содержанием мелкозернистого песка и единичными включениями крупнозернистого песка. Мощность слоя: 10 см.

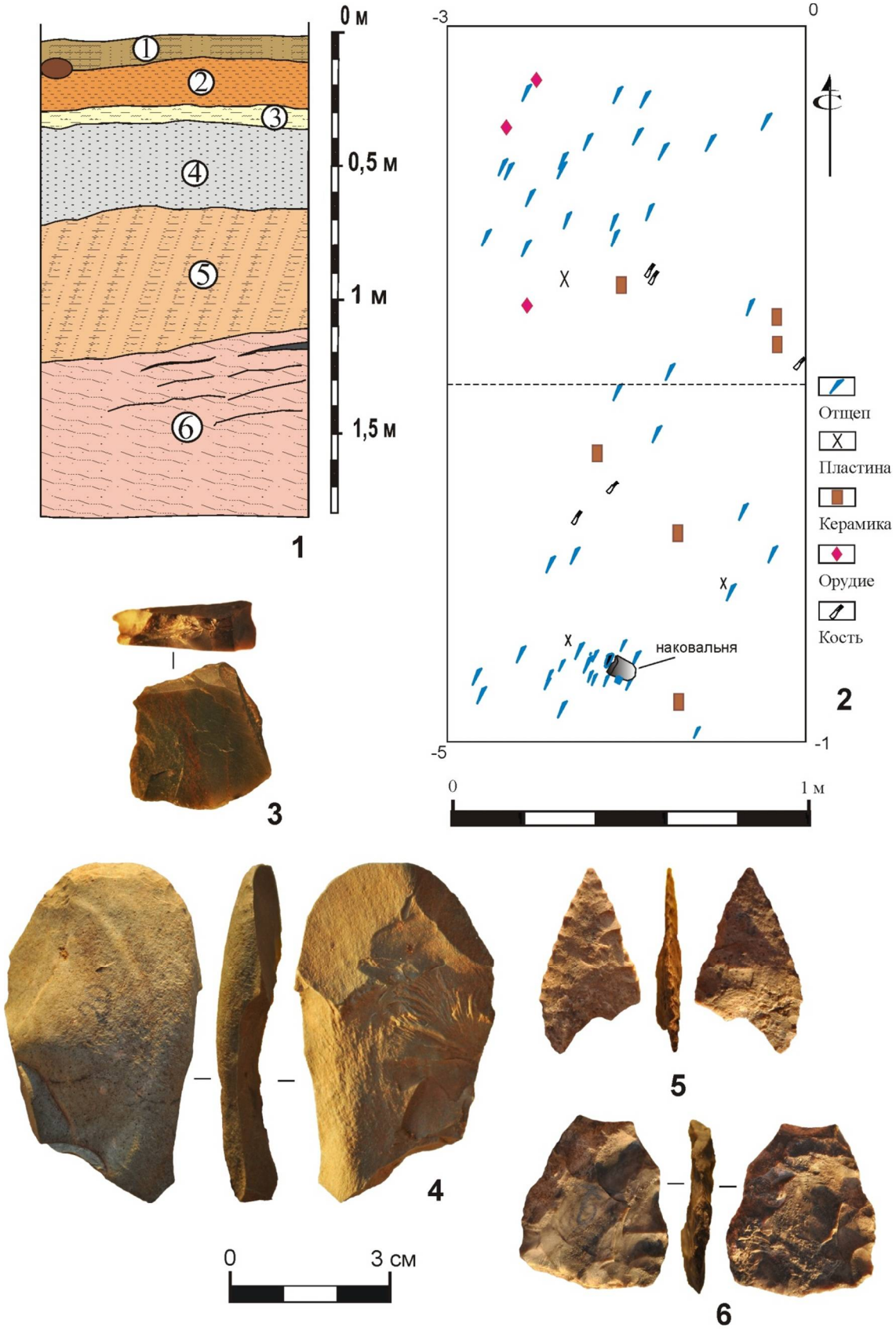


Рис. 3. Тропа Кропоткина-1: *1 – стратиграфия шурфа № 1, описание слоёв дано в тексте; 2 – план первого культурного горизонта в шурфе № 1; 3 – краевой скребок; 4 – концевой скребок на отщепе; 5, 6 – наконечники стрел*

Fig. 3. Tropa Kropotkina-1site: *1 – stratigraphy of test-pit No. 1, the description of the layers is given in the text; 2 – plan of the first cultural horizon in test-pit No. 1; 3 – edge-scraper; 4 – end-scraper on the flake; 5, 6 – arrowheads*

2. – Супесь коричневого цвета с более высоким содержанием песка в сравнении с первым слоем. Мощность слоя: 20–25 см.

3. – Супесь пылеватая с большим содержанием мелкозернистого песка. Цвет слоя бледно-коричневый с серым оттенком. Слой плотный. В нижней части увеличивается содержание среднезернистого песка. Мощность слоя: 7–15 см.

4. – Песчаный слой светло-серого цвета с коричневым оттенком. Слой сыпучий, представляет собой смесь средне- и мелкозернистого песка при преобладании среднезернистого и включениях крупнозернистого песка. Мощность слоя: 25–40 см.

5. – Песок мелкозернистый, иловатый, карбонатизированный, с многочисленными рыжеватыми пятнами ожелезнения. Цвет слоя светло-серый, белесоватый из-за карбонатов. В средней части слоя наблюдаются коричнево-красноватые прослойки песка. Мощность слоя: 50–60 см. В средней части слоя зафиксированы единичные каменные артефакты.

6. – Толща косослоистого песка: чередуются прослои мелко- и среднезернистого песка. Наблюдается наклон прослоев песка в южную и западную стороны. Видимая мощность слоя – до 65 см.

Артефакты зафиксированы в слое 2 (культурный горизонт 1) с концентрацией в верхней части, а также в средней части слоя 5 (культурный горизонт 2), зафиксированы единичные каменные артефакты.

В литологическом слое 2 зафиксирован 21 микроотщеп размерами менее 1 х 0,5 см; 4 мелких фрагмента микропластин длиной около 5 мм и 36 каменных артефактов размерами не менее 1 х 1 см, а также 6 мелких обломков керамических сосудов. Большинство отщепов и микроотщепов концентрировалось рядом с плоской окатанной галькой размерами 10 х 6 х 4 см (рис. 3.2). Галька была частично повреждена, а на её поверхности наблюдались рассеянные мелкие выбоины, что позволяет интерпретировать её как наковаленку, использовавшуюся при расщеплении каменного сырья или ретушировании орудий. Это мнение подтверждается тем, что из 27 предметов из тёмного дымчатого кремня (включая 10 микроотщепов), зафиксированных в шурфе 2, 24 находки сконцентрированы в непосредственной близости (до 20 см) с плоской галькой.

Орудийный набор шурфа 2 представлен несколькими предметами: концевой скребок; фрагмент массивного первичного отщепа с ретушью; скребок на оббитой плитке. Отдельную группу представляют два каменных наконечника.

Концевой скребок оформлен на крупном поперечном отщепе, коротком по длине и широком от латерали к латерали: на одной латерали вентральной ретушью подготовлено скребковое лезвие (рис. 3.4). Второй скребок оформлен крутой ретушью на краю мелкой плитки с естественной коркой на «вентральной» поверхности и параллельными пластинчатыми снятиями на дорсальной поверхности (рис. 3.3). Два мелких фрагмента халцедоновой микропластинки несут микроретушь по одному краю. Наконечники стрел – 2 экз., из них один треугольный в плане: 36 мм длины и 20 мм максимальной ширины, с угловато вогнутой базой, края которой представлены двумя шиповидными окончаниями (рис. 3.5). Наконечник оформлен на поперечном коротком отщепе метаморфизованного песчаника. Один из шипов на краю базы подготовлен на месте ударной площадки. Вентральная поверхность отщепа подработана ретушью только по краям. Дорсальная поверхность полностью модифицирована стелющейся ретушью. Второй наконечник треугольной формы со слегка выпуклой базой: 38 мм длины при отломленном остром конце и 28 мм максимальной ширины. Формально наконечник может быть отнесён к виду II, вариант 1 в классификации каменных наконечников могильника «Локомотив», предложенной В. И. Базалийским (Базалийский, 2010). При этом полного соответствия наконечника Тропы Кропоткина-1 предложенным вариантам не наблюдается. Вероятно, наконечник остался незавершенным после поломки жала. Обе поверхности изделия полностью подработаны подтёской и стелющейся ретушью.

Из шести мелких обломков керамических сосудов четыре тонкостенных – толщиной 2–3 мм, один 7–8 мм и один бесформенный обломок. Все фрагменты гладкостенные и красноцветные с наружной стороны. Максимальная длина обломков до 20 мм. В формовочной массе всех фрагментов наблюдается примесь в виде зёрен песка.

В шурфе 1 Тропы Кропоткина-1 зафиксировано 5 каменных артефактов: один фрагмент полуреберчатой микропластинки, маркирующей начальный этап

расщепления нуклеуса для микропластин; один микроотщеп; два мелких обломка и один обломок первичного отщепа.

В дорожной колее, рядом с шурфом 2, обнаружен сломанный крупный наконечник и фрагмент, вероятно, ещё одного наконечника. Сохранившаяся длина наконечника 35 мм при ширине 30 мм в базальной части. Наконечник был оформлен на крупном отщепе кварцита: вентральная поверхность подработана только по краям, дорсальная подработана полностью стелющейся подтёской и краевой ретушью по краям. Базальная часть оформлена крупной бифасиальной ретушью. Второе изделие – бифас с ровным концом, подработанным в виде ровной базальной части наконечника, второй конец обломан. В связи с чем и предположено, что это фрагмент наконечника. Сырьём для этого изделия послужил кварц.

В целом, каменные артефакты Тропы Кропоткина-1 демонстрируют индустрию, характерную для неолита Восточной Сибири и Забайкалья.

Палеонтологические остатки из шурфа 2 представлены 11 мелкими обломками зуба жвачного животного и одним мелким обломком суставной части кости животного.

В слое 5 зафиксировано три мелких отщепа, покрытых лёгким солевым налётом, непозволяющих делать выводы об их культурной принадлежности. Основой интерес эти находки вызывают своим положением в слое, который, по всей видимости, начал формироваться после завершения активной фазы формирования морены, т. е. в начале голоцена или в финале плейстоцена.

Тропа Кропоткина-2 – археологическое местонахождение каменного века, расположенное на правобережье реки Жомболок, в 5,7 км северо-западнее села Саяны, в Окинском районе РБ. Стоянка находится на южном краю террасовидной поверхности, образованной остатками конечной морены по правому борту долины Жомболока. Поверхность морены в данном месте возвышается над подножием, где расположена стоянка Тропа Кропоткина-1, около 10–12 м. От правобережной протоки Жомболока стоянка расположена в 130 м южнее. С севера местонахождение ограничено тальвегом неглубокой ложбинки разделившей фрагмент морены на две гряды – южную и северную. Наибольшая концентрация археологических материалов наблюдается в восточной части местонахождения. Здесь же расположено современное культовое место, называемое «Тамгата», активно используемое в ритуальной практике местным населением, что затрудняет проведение на этом месте земляных работ. В месте максимальной концентрации археологических материалов удалось поставить один разведочный шурф в непосредственной близости с грунтовой дорогой. Верхняя часть отложений в этом шурфе аналогична отложениям верхней части Тропы Кропткина-1, но уже на глубине 25–35 см в шурфе фиксируется галечно-гравийная толща с крупно- и среднезернистым песком. Этой толщей представлены отложения морены финального плейстоцена.

Археологические материалы зафиксированы в слое 2, большая часть которых сосредоточена в его верхней части. Находки представлены 14 каменными артефактами и двумя мелкими обломками (около 1 х 1 см) гладкостенной керамики. Каменные артефакты представлены: 5 микроотщепов и обломков; 4 мелких отщепа, из которых 1 первичный; 1 краевой скол; 2 отщепа длиной около 3 см из метаморфизованного песчаника. Орудийный набор представлен двумя предметами, изготовленными на крупных отщепах. Одно орудие – скребок высокой формы, оформленный на массивном отщепе длиной 36 мм и шириной 30 мм, стелющейся ретушью, нанесённой по всему периметру (рис. 4.1). Второе изделие – скобель со слегка вогнутым длинным лезвием, оформленным мелкой полукрутой дорсальной ретушью на плоскости слома отщепа из кремня белого (рис. 4.2).

Значительно дополняют данные о материалах Тропы Кропоткина-2 артефакты, собранные в накатанной колее и мелких промоинах на бровке террасовидного уступа. Всего собрано 28 артефактов, из них: 5 микроотщепов; 4 (один первичный) мелких отщепа размером около 1 х 1,5 см; 2 медиальных фрагмента микропластин; 1 проксимальный фрагмент крупной пластины; 11 отщепов размером от 3 х 3 см; 1 фрагмент крупного пластинчатого отщепа; 1 фрагмент крупного, размером более 6 см, отщепа. Кроме этого, здесь найдено орудие, оформленное на крупном отщепе сегментовидной формы. Лезвие орудия – ножа, оформлено на широком дистальном конце отщепа мелкой пологой ретушью (рис. 4.3).

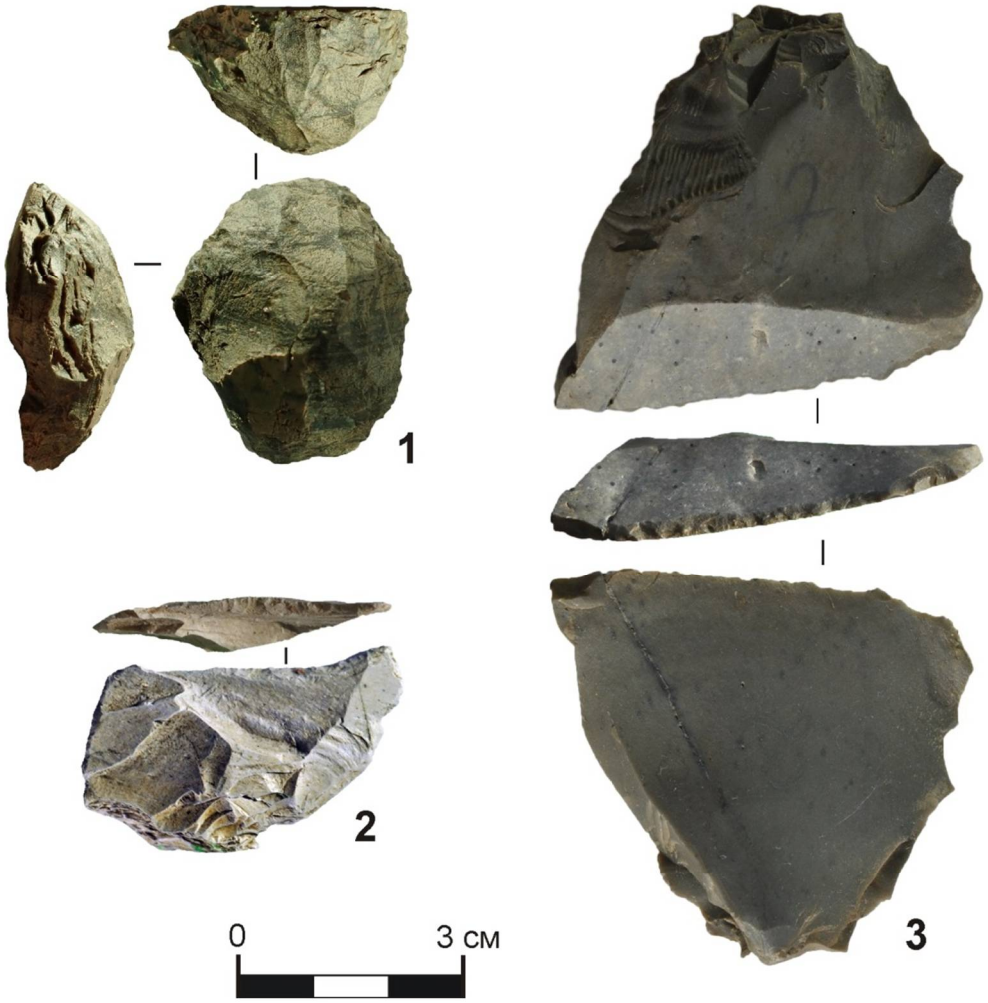


Рис. 4. Тропа Кропоткина-2, археологические материалы: *1 – массивный скребок; 2 – скобель с вогнутым лезвием; 3 – нож на отщепе. 1, 2 – шурф; 3 – подъёмный материал*

Fig. 4. Tropa Kropotkina-2 site, archaeological materials: *1 – massive end-scraper; 2 – scraper with a concave working edge; 3 – knife on a flake. 1, 2 – test-pit; 3 – findings from the surface*

Тропа Кропоткина-3 – археологическое местонахождение каменного века, расположенное на правобережье реки Жомболок, в 5,8 км северо-западнее села Саяны, в Окинском районе РБ. Стоянка находится на северном краю террасовидной поверхности, образованной остатками конечной морены по правому борту долины Жомболока с пологим спуском к правобережной протоке этой реки. Высота участка расположения Тропы Кропоткина-3 над уровнем реки около 20 м. От правобережной протоки Жомболока стоянка расположена в 80 м южнее. От местонахождения Тропа Кропоткина-2 местонахождение Тропа Кропоткина-3 отделено небольшой ложбинкой, протянувшейся с востока на запад и разделяющей две гряды на поверхности морены. Северная гряда занята Тропой Кропоткина-3. Центральная часть археологического памятника находится в 70 м севернее дороги, ведущей из долины Оки к местности Шарза в долине Жомболока, на опушке леса, произрастающего между стоянкой и протокой Жомболока.

Археологические материалы на территории Тропы Кропоткина-3 обнаружены в результате шурфовочных работ, исходя из которых установлено, что древняя стоянка была организована по центральной линии гряды, протянувшейся с востока на запад. Наиболее показательными по прочтению планиграфии и количеству артефактов стали шурфы 1 и 2. Шурф 2 был расширен до размеров небольшого раскопа.

В шурфе 1 зафиксирована следующая стратиграфия (рис. 5.4):

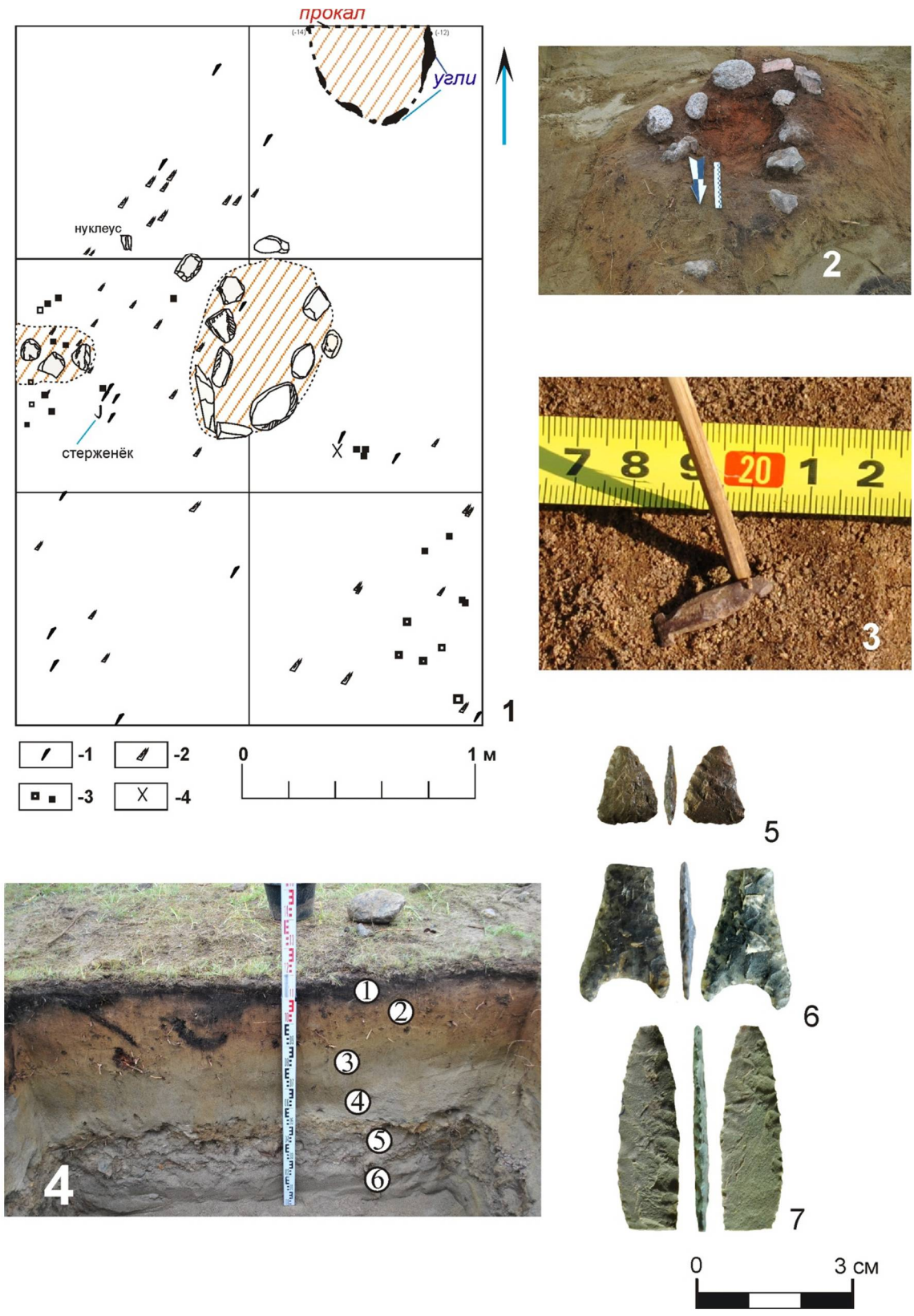


Рис. 5. Тропа Кропоткина-3: *1 – план культурного горизонта, шурф № 1; 1.1 – отщепы; 1.2 – обломки костей; 1.3 – керамика; 1.4 – пластинка; 2 –очаг № 1 после выемки пережжённых костей; 3 – стерженёк рыболовного крючка; 4 – южная стенка шурфа № 1, описание слоёв дано в тексте; 5–7 – наконечники стрел*

Fig. 5. Tropa Kropotkina-3 site: *1 – spatial organization of the cultural horizon, test-pit No. 1; 1.1 – flakes; 1.2 – fragments of bones; 1.3 – ceramics; 1.4 – blade; 2 -hearth No. 1 after the excavation of burnt bones; 3 – lithic shank of composite fishhook; 4 – the southern profile of pit No. 1, the description of the layers is given in the text; 5–7 – arrowheads*

1. – Супесь тёмно-коричневая, плотная, с небольшим содержанием среднезернистого песка. Мощность 6–10 см.

2. – Супесь светло-коричневая с красноватым оттенком, с умеренным содержанием мелко- и среднезернистого песка. Мощность 20–28 см.

3. – Супесь с большим содержанием среднезернистого песка. Цвет бледно-коричневый. Мощность 6–15 см.

4. – Песок мелко- и среднезернистый, цвет серый с коричневым оттенком. Слой рыхлый, сыпучий. Мощность 20–35 см.

5. – Галечно-щебнистый слой с песком. Цвет серый. Мощность 20–40 см.

6. – Песок серый, среднезернистый, горизонтально слоистый. Видимая мощность 35 см.

Во всех шурфах археологические материалы фиксируются по всей толще слоя 2, но конструктивные элементы культурного горизонта фиксируются в нижней и средней части слоя 2.

Большой интерес представляет планиграфия шурфа 1, где обнаружены: один очаг с каменной обкладкой; остатки разрушенного очага; и кострище без каменной обкладки (рис. 5.1). Очаг с каменной обкладкой (очаг № 1), овальной формы слегка вытянут по линии север-юг, размерами 75 х 55 см. С северной стороны очажной обкладки наблюдается небольшой разрыв, а в 12 см севернее находится продолговатая окатанная галька, которая могла быть в очажной обкладке, но была смещена с места. При этом галька лежит на 10 см ниже камней обкладки очага, но уровень поверхности под камнями обкладки в основном совпадает с уровнем кострища, расположенного в 60 см севернее, северо-восточнее очага. По поводу формы очага, стоит обратить внимание на такую деталь, как два неокатанных скальных обломка, помещённых в обкладку из окатанных камней с юго-западной стороны очага. Эти камни расположены под углом друг к другу, образуя своеобразное остриё. В таком случае очаг приобретает некую каплевидную форму (рис. 5.2). В 40 см западнее очага зафиксированы три окатанных камня, расположенных на пятне прокалённого грунта со следами углей и золы, которые являются остатками разрушенного очага. Надо полагать, что очаги и кострища функционировали не одновременно, а могли организовываться, например, посезонно. В этом случае при сооружении обкладки для очага могли использоваться камни из уже оставленных очагов. Слой прокалённого грунта под очагом № 1 оказался очень мощным – до 7–10 см толщиной, а окрас внутри обкладки интенсивным – до ярко-красного цвета, что предполагает или долгое горение огня, или его большую температуру. Второй вариант из предложенных вполне возможен, поскольку внутри очага обнаружено более 1500 обломков пережжённых костей животных. Большинство обломков костей мелкие – около 5 х 5 мм, редко встречаются обломки длиной до 3 см. Древесные угольки в очаге не обнаружены.

В 8-ми метрах на запад от очага № 1 зафиксировано ещё два очага. Один из них – очаг № 2, похожий на очаг № 1, но с разрозненной и частично повреждённой обкладкой угловато-округлой формы, длиной около 50 см. В 70 см западнее него находился более крупный очаг – № 3, сложенный из крупных окатанных камней и скальных обломков. Этот очаг оказался сильно повреждённым и смещённым с первоначального местоположения в результате произрастания на месте очага крупного дерева. Впоследствии дерево или оставшийся от него пень вместе с корневищем полностью выгорело, а очаг «опустился» в образовавшуюся после выгорания корня дерева пустоту. На современной поверхности место над этим очагом выглядело как чашевидное углубление диаметром около 1,5 м. В очаге № 2 зафиксировано более 5000 пережжённых обломков костей, большинство из которых размером не более 5 х 5 мм, обломки длиной до 3 см встречаются очень редко.

В шурфе 1 зафиксировано 34 артефакта, размеры которых не менее 1 х 0,5 см, а также мелкие и неопределимые обломки керамики размером не более 5 х 5 мм. Среди находок каменные артефакты представлены 14 экземплярами. В их составе три мелких отщепа и один сильно затертый первичный отщеп длиной 23 мм, которые можно рассматривать как отходы производства. Все остальные предметы, в той или иной степени, являются изделиями или обломками изделий. Из них наиболее крупное – это фрагмент прямоугольной сланцевой плитки размерами 46 х 28 х 6 мм, грубо оббитой по краям. Необычной формой представлен фрагмент изделия из полосчатого, зернистого сырья (песчаника?), треугольного в сечении, с конвергентными краями. На одном краю изделия, в 8 мм от конца, сделан кли-

новидный пропил глубиной 1,5 мм и 2 мм шириной. Аналогичный пропил был на противоположном краю, но часть этого края отделилась по длине до места пропила. Первоначально противолежащими пропилами был выделен узкий конец изделия, которое после отслоения края было оставлено. Возможно, это заготовка стерженька составного рыболовного крючка.

Группу изделий представляют три микроскребка максимальная длина у которых до 16 мм. Из них один округлый на коротком отщепе, дорсальной ретушью на 1/2 периметра оформлено крутое скребковое лезвие, на 1/3 периметра лезвие оформлено мелкой вентральной ретушью. Второй скребок оформлен на мелком продолговатом отщепе по типу концевого, двулезвийного. У этого скребка одно лезвие оформлено дорсальной крутой ретушью, противолежащее лезвие оформлено вентральной полукрутой ретушью. Третье изделие – концевой микроскребок с лезвием, смещённым к одному из краёв.

Лезвие ещё одного изделия формально является лезвием микроскребка, хотя само изделие не имеет сходства с типичными микроскребками – на плоском сегментовидном отщепе, один конец-латераль срезан мелкой отвесной ретушью. На таком же по форме отщепе изготовлен наконечник из шурфа 2 Тропы Кропоткина-1.

Проколка оформлена на угловатом обломке крупного отщепа – острый угол обломка подработан мелкой ретушью с разных сторон. Пластинчатая составляющая индустрии представлена дистальной частью пластинки шириной 9 мм; полностью повреждённым клиновидным нуклеусом, у которого сохранился маленький фрагмент фронта скалывания, а также фрагментированным нуклеусом для призматических пластинок.

Наиболее оригинальной и пока единственной для всего Окинского плоскогорья стала находка стерженька составного рыболовного крючка (рис. 5.3). По форме изделие относится к стерженькам китойского типа, распространённым в Приангарье и Прибайкалье (Новиков, Мамонтов, Горюнова, 2018; Nomokonova, Novikov, Losey, Goriunova et al., 2017).

Керамика в шурфе представлена 20 обломками (за исключением микрообломков), максимальные размеры которых до 30 х 20 мм. По толщине обломки делятся на две группы: 5–6 мм – все гладкостенные и 2–3 мм – с оттисками шнура на внешней поверхности. По структуре формовочной массы и внешнему виду поверхности фрагменты идентичны.

В шурфе 2, расширенном до небольшого раскопа, выявлены 2 очага, о которых уже шла речь. Эти очаги расположены в 8 м строго на запад от очага в шурфе 1, западнее, на протяжении 5 м, нет никаких следов очагов или кострищ. Также шурфы, поставленные западнее, показали уменьшение количества археологических материалов до единичных находок. Полностью отсутствуют находки в нескольких метрах на север от осевой линии гряды. В этой связи можно предположить, что центром древней стоянки был именно тот участок, где зафиксированы очаги. Как далеко линия очагов продолжается на восток от очага в шурфе 1, пока не установлено.

В раскопе на месте шурфа 2 выявлен 401 артефакт, за исключением мелких обломков керамики размером не более 5 х 5 мм. Из них каменные артефакты представлены 52 экземплярами, среди которых наиболее многочисленны отщепы – 35, в том числе 5 первичных. Остальные каменные артефакты единичны: 2 мелких краевых скола; 1 крупный скол с гальки; 2 обломка сколов; 3 медиальных, 1 проксимальный фрагмент пластинки, и одна пластинка с усечённым дистальным концом. Все пластинчатые сколы шире микропластин – минимальная ширина – 8 мм, и 16 мм максимальная. Помимо подвергавшихся обработке артефактов в слое обнаружено 3 манупорта. Из них два – это уплощенные и заглаженные мелкие гальки с плоскими концами, напоминающими лезвия тёсел, ещё один манупорт представлен прямоугольным заглаженным кусочком сырья. Наиболее представительны три каменных наконечника стрел, представленные разнообразными формами. Один из них изготовлен на пластине, форма удлинённая, узкая, напоминающая ивовый лист (рис. 5.7). Дорсальная сторона пластины полностью обработана ретушью. Фасетки ретуши от правого края (остриё вверху) диагонально направлены вверх, от противоположного края диагонально вниз, или встречно фасеткам правого края. Фасетки ретуши доходят до осевой линии изделия, иногда накладываются друг на друга. Вентральная плоскость обработана иначе – половина изделия со стороны острия ретуширована полностью таким же образом как и

дорсальная поверхность. Половина со стороны базальной части ретуширована только по краям. Базальный конец ровный, вероятно, слегка обломан. Также слегка обломано остриё.

Второй наконечник, изготовленный на полупрозрачном, в чёрную крапинку, кварците, представлен треугольной формой с конвергентными к острию краями (рис. 5.6). База вогнута в виде плавной дуги. Шипы по внешним краям слегка загнуты к осевой линии. Остриё обломано. Изделие полностью обработано бифасальной ретушью. На одной поверхности фасетки ретуши перпендикулярны осевой линии и встречно направлены. На другой плоскости часть фасеток диагонально скошена к базе. От центра базы к острию наносились параллельные фасетки, уплощающие край базы.

Третий наконечник треугольной формы обработан как бифас (рис. 5.5). Это наиболее мелкий наконечник: 15 х 12 х 2 мм, база слегка выпуклая. Одна плоскость подработана встречными, перпендикулярными осевой линии фасетками. На противоположной плоскости фасетки слегка диагональны и наблюдается прохождение некоторых фасеток через всю плоскость.

Помимо наконечников в слое обнаружен фрагмент изделия с бифасиальной ретушью на одном краю и односторонней ретушью на другом краю. Также здесь найден отщеп с ретушью утилизации.

Большая часть отщепов – это отходы, образовавшиеся в результате подправки или изготовления изделий. Нуклеусов и их фрагментов не обнаружено. Также единичны сколы, которые могут свидетельствовать о первичном расщеплении. Всё это позволяет сделать вывод о том, что первичное расщепление производилось за пределами зоны с очагами.

Стоит отметить такие интересные находки как кусочки минерального красителя охры, на некоторых из них отмечены следы трения, вероятно, они, использовались для рисования. «Мелки» из охры представлены двумя цветами: малиново-красный или тёмно-красный; и оранжево-красный.

Наиболее массовые находки Тропы Кропоткина-3 – это фрагменты керамических сосудов. В ходе исследования керамики Тропы Кропоткина-3 применялись естественнонаучные методы, в связи с чем вся керамика местонахождений и результаты её исследования даны в отдельном разделе.

Керамика местонахождений Тропа Кропоткина

В раскопе Тропы Кропоткина-3 обнаружено 349 фрагментов керамики, без учёта микрообломков. Основу всех находок составляют два типа керамики: богато орнаментированная – усть-бельская и с оттисками шнура на внешней поверхности (шнуровая). На некоторых фрагментах следы шнура сильно затёрты ещё в процессе его изготовления. Всего обнаружено 137 таких фрагментов, большинство которых являются обломками тулова, но есть и крупные фрагменты венчика. Аппликирование некоторых черепков позволило реконструировать крупный фрагмент сосуда (рис. 6.1), по которому можно, в общих чертах реконструировать весь сосуд. Значительная часть устья сосуда восстановлена склеиванием пяти крупных черепков с венчиком (рис. 6.2). На основе применения определения диаметра окружности по хорде определён примерный диаметр устья, который равен 24 см. В целом реконструируется продолговатый сосуд с овальным дном и широким устьем без выраженного перехода тулова к устью в виде плечиков. Верхняя венчиковая часть сосуда выполнена в виде пояска шириной 3–3,5 см. Этот поясок крепился к основной части (тулову), от которого был отделён узким налепным валиком с трапециевидным и треугольным (на разных участках) сечением. На внешней стороне пояска наблюдаются параллельные горизонтальные полосы технического декора. Ниже налепного валика подобные полосы тоже наблюдаются, но они сглажены и просматриваются значительно слабее. Толщина стенок сосуда варьирует: в верхней и нижней частях около 3 мм, в средней части достигает 7 мм. Резкое изменение толщины стенок наблюдается даже на небольших по размерам черепках – около 4 см длины. Сам венчик ровный, с украшением по внешней кромке в виде систематических защипов, которые были приплюснуты но не по всей окружности.

Второй тип керамики, массово представленный среди находок Тропы Кропоткина-3, широко известен в Восточной Сибири и особенно в Приангарье – это керамика усть-бельского типа (Уланов, Бердников, 2015). Следует заметить, что это первые находки керамики такого типа на территории Окинского плоскогорья. В составе материалов всех местонахождений Тропа Кропоткина эта керамика обнаружена только в западной части Тропы Кропоткина-3. Вероятнее всего, все черепки усть-бельского типа являются об-

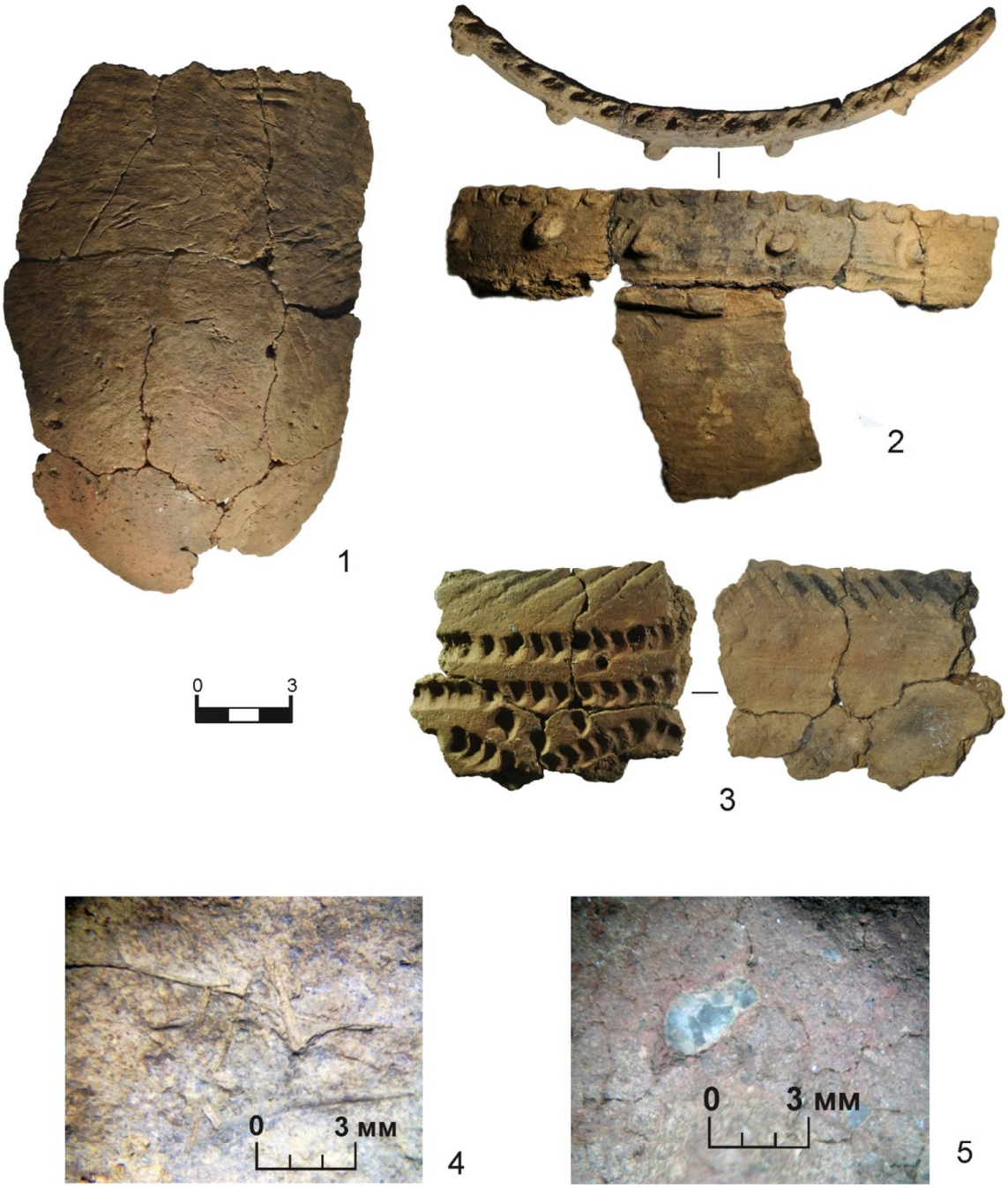


Рис. 6. Тропа Кропоткина-3: *1 – крупный фрагмент сосуда (шнуровая керамика); 2 – фрагмент устья сосуда (шнуровая керамика); 3 – фрагмент сосуда (усть-бельский тип керамики); 4 – шнуровая керамика со следами растительности в формовочной массе (фотография с использованием микроскопа); 5 – минеральные примеси в усть-бельской керамике (фотография с использованием микроскопа)*

Fig. 6. Tropa Kropotkina-3 site: *1 – a large fragment of a vessel (corded ceramics); 2 – a fragment of the mouth of the vessel (corded ceramics); 3 – a fragment of a vessel (Ust'-Belaya Type of ceramics); 4 – corded ceramics with traces of vegetation in the molding composition (photo with using a microscope); 5 – mineral additions in Ust'-Belaya ceramics (photo using a microscope)*

ломками одного сосуда, причём верхней части, от венчика и, примерно, до половины тулова. Часть обломков аппликируется, что позволяет восстановить крупные фрагменты (рис. 6.3). Внешняя поверхность сосуда была богато орнаментирована. Венчик, приострённый с систематическими наклонными насечками с внешней и внутренней сторон, выполненными мелкозубчатым штампом. Насечки наносились с усилием в верхней части венчика, здесь штамп проникал глубоко в ещё влажную формовочную массу. Нижняя

часть сосуда отсутствует, тем не менее на сохранившейся части присутствует большинство элементов, типичных для орнаментов сосудов усть-бельского типа.

В усть-бельской керамике присутствует большое количество примесей в виде крупнозернистого песка размером до 2 мм (рис. 6.5). Такие примеси в шнуровой керамике единичны. При использовании микроскопа «Альтами СМ0745» установлено, что в усть-бельской керамике зёрна песка угловатые. Количество песчинок на площадь поверхности в 1 х 1 см варьирует от 8 до 15. В шнуровой керамике визуально наблюдаются следы органических примесей в виде линейных пустот, при использовании микроскопа число наблюдаемых следов органики возрастает (рис. 6.4).

Применение растрового электронного микроскопа LEO-1430VP показало, что формовочные массы сосудов усть-бельского и с оттисками шнура изготавливались из разных по составу глин (табл. 1; 2). Различия наблюдаются в основных компонентах глин (табл. 2): в усть-бельской керамике преобладает кремнезём (51,6 %) и меньше глинозёма (22,9 %), против (43,4 %) и (26,6 %) соответственно, в шнуровой. Оксид железа преобладает в шнуровой керамике (14 %) против (10 %) в усть-бельской. Есть различия и в сопутствующих компонентах, например, оксид фосфора (пентаоксид фосфора) представлен в большем количестве во всех пробах шнуровой керамики и в меньшем, в усть-бельской, а такой химический элемент как хлор представлен во всех пробах усть-бельской керамики и отсутствует в шнуровой. Отмеченное преобладание в усть-бельской керамике механических примесей уточнялось с применением электронного микроскопа: здесь отмечаются такие минералы как плагиоклаз, слюда, кварц, магнетит, эпидот, ильменит. В шнуровой керамике механических минеральных примесей значительно меньше, среди них – слюда, магнетит, ильменит.

Таким образом, по двум, наиболее многочисленно представленным в обломках типам керамики, можно сделать ряд выводов. Во-первых, состав их формовочных масс различается по присутствию механических минеральных примесей. Во-вторых, в шнуровой керамике значительны следы органических примесей, чего нет в усть-бельской. В третьих, состав основных и сопутствующих компонентов глин имеет различия. Это обусловлено разными сырьевыми источниками и разным подходом к созданию формовочных масс. Исходя из этого, следует полагать, что рассмотренные сосуды были изготовлены в разных местах, разными людьми и, возможно, в разное время, хотя их обломки найдены на одной погребённой поверхности.

Таблица 1. **Элементный (в %) состав превалирующих компонентов в формовочных массах основных типов керамики Тропы Кропоткина-3 (усреднённый показатель из серии проб)**
Table 1. **Elemental (in %) composition of the prevailing components in the molding masses of the main types of ceramics of the Tropa Kropotkina-3 (averaged indicator from a series of samples**

Тип керамики	Всего	Si	Ti	Al	Fe	Mn	Mg	Ca	Na	K
усть-бельская	100	21,0	0,7	10,2	6,54	0.1	1,7	1,0	1,3	3,8
шнуровая	100	18,3	0,25	12,25	11,71	1,2	1,1	2,5	0,5	1,5

Таблица 2. **Компонентный состав (в %) формовочных масс основных типов керамики Тропы Кропоткина-3 (усреднённый показатель из серии проб)**
Table 2. **Component composition (in %) of molding masses of the main types of ceramics of the Tropa Kropotkina-3 (the average indicator from a series of samples)**

Тип керамики	Всего	SiO2	TiO2	Al2O3	FeO	MnO	MgO	CaO	Na2O	K2O	P2O5	Cl
Усть-Бельская	100	51,6	1,0	22,9	10,0	0,16	3,3	1,55	2,0	4,9	3,3	0,4
шнуровая	100	43,4	0,9	26,6	14,0	1,2	2,0	4,0	0,8	2,1	5,0	0

Несколько мелких обломков представляют ещё два типа керамики в Тропе Кропоткина-3: один фрагмент венчика с прямым срезом по верху, толстостенный без орнаментации – тип 3; тип 4 – один фрагмент венчика с прямым срезом по верху и с небольшим внешним карнизом, с косыми насечками по верху и по внешнему краю. Оба обломка венчиков найдены на контакте слоёв 1 и 2, в то время как большинство черепков усть-бельской и шнуровой керамики находились в среднем и нижнем уровнях слоя 2.

В Тропе Кропоткина-1, по очень мелким и малочисленным обломкам выделено 2 типа керамики. Тип 1 – это тонкая (до 3 мм) и гладкостенная керамика коричневато-красного цвета с большим количеством мелкого песка в формовочной массе. Эти мелкие обломки залегали вместе с каменными артефактами. Тип 2 керамики устанавливается по одному мелкому обломку толщиной 9 мм. Его внешняя стенка, предположительно, была покрыта ангобом (плохая сохранность). Этот обломок залегал в мелкой западине во втором слое, которая была заполнена отложениями первого слоя.

Обсуждение и заключение

Представленные три местонахождения и их материалы впервые для Окинского плоскогорья исследованы масштабно. В ходе их изучения активно применялись как археологические методы, так и методы естественных наук, что позволило получить интересные результаты и наметить пути исследования каменного века этого горного района. Впервые для Окинского плоскогорья была исследована планиграфия древних поселений. В культурном горизонте Тропы Кропоткина-3 обнаружено несколько очагов, как разрушенных в разной степени, так и сохранившихся в почти целом виде. В трёх очагах обнаружены мелкие обломки пережжённых костей животных, исчисляемые тысячами. Поскольку это мелкие обломки, то палеонтологический их анализ затруднителен. Тем не менее предварительный анализ обломков костей показал, что подавляющее их большинство – это обломки костей конечностей и некоторые из них определяются как кости благородного оленя. Также здесь найден обломок мелкой пережжённой кости конечности рыси. На основе таких результатов возникает вопрос: почему в очагах только остатки сгоревших костей животных, причём лесных животных, что предполагает наличие древесной растительности более пригодной для поддержания огня в очагах?

В этой связи следует обратить внимание на такую деталь как планиграфия древней стоянки. Рядом с очагами № 1–3 единичны отходы первичного расщепления, нет орудий из одного и того же сырья, непережжённые кости животных не встречены, только мелкие и редкие обломки зубов жвачных животных (олень). В очагах сжигались только кости нижних отделов конечностей (других данных пока нет). Найденный рядом с очагом № 1 стерженёк рыболовного крючка слегка повреждён. Костей рыб, при условии промывки грунта через сито, не найдено.

Всё это, по моему мнению, указывает на некую специфичность стоянки (стоянок) Тропы Кропоткина-3. Вероятнее всего, стоянки Тропы Кропоткина-3 организовывались на кратковременный период и различными группами населения, на что могут указывать данные о разных источниках происхождения усть-бельской и шнуровой керамики. Организация стоянок на участке Тропы Кропоткина-3, была обусловлена не хозяйственной, а ритуальной деятельностью, в процессе которой осуществлялись жертвоприношения в виде сожжения нижних отделов конечностей (не мясных частей) животных. Такие предметы, как стерженёк рыболовного крючка, предполагаемая заготовка стерженька, наконечники стрел, мелкие скребки из яшмоидов, обломок клиновидного нуклеуса из коричневато-оранжевого кремня могут рассматриваться как подношения местным духам-охранителям или духам предков.

Тропа Кропоткина-1, расположенная внизу и удалённая от залитой лавой долины Жомболока, вероятно, функционировала как стоянка, где осуществлялась хозяйственная деятельность.

Исходя из археологического материала, в котором находятся многочисленные аналогии материалам неолитических местонахождений Приангарья, стоянки могут быть датированы развитым неолитом. Подтверждение этому видится в залегании археологических материалов в литологических слоях, аналогичных по внешнему виду и составу, зафиксированных как в Окинском плоскогорье, так и на юго-востоке от него – в Тункинской долине, основной водной артерией которой является р. Иркут, также берущая начало на Окинском плоскогорье. Например, на ме-

стонахождении Пологий Холм в Тункинской долине, в слое, внешне аналогичном красновато-коричневому слою 2 местонахождений Тропа Кропоткина, зафиксированы неолитические материалы. Радиоуглеродная дата, полученная по погребённой почве из слоя (Ташак, Антонова, Кобылкин, 2017. С. 95), указывает на эпоху развитого неолита.

Наиболее вероятные пути проникновения изучаемых археологических материалов и их носителей на территорию Окинского плоскогорья видятся из Приангарья по долине реки Оки, проходящей через массив Восточного Саяна. Помимо выраженной общности археологических материалов Приангарья и Окинского плоскогорья, в качестве подтверждения этой версии зафиксирована общность в изобразительных традициях создания наскальных рисунков как низовьях Оки и прилегающих к её устью участков Ангары (Окладников, 1966), так и в Окинской впадине (Антонова, Миягашев, 2013; Ташак, 2020b).

При этом следует учитывать, что проникновение людей на территорию Окинского плоскогорья начинается задолго до развитого неолита, что фиксируется находками в 5-м литологическом слое Тропы Кропоткина-1 – как минимум, ранний голоцен. Кроме этого, получены данные о проживании людей на этой территории в позднем плейстоцене (Ташак, 2021).

Список источников

Антонова Ю. Е., Миягашев Д. А. Шамхаг-Байсан как культовый объект древности в долине р. Оки (запад Бурятии) // Вестник Томского государственного ун-та. Сер. История. 2013. № 3 (23). С. 103–107.

Аржанников С. Г., Инешин Е. М., Аржанникова А. В., Снопков С. В. Палеогеографическая обстановка обитания человека в долинах рек Окинского плоскогорья в Восточном Саяне (на примере долины р. Сенца) // Известия Лаборатории древних технологий. 2010. Вып. 8. С. 291–302.

Аржанников С. Г., Иванов А. В., Аржанникова А. В., Демонтерова Е. И., Орлова Л. А., Пигати Д. Этапы формирования Жомболокского лавового поля (Восточный Саян) // Геодинамическая эволюция литосферы Центрально-Азиатского подвижного пояса (от океана к континенту) : материалы научного совещания по Программе фундаментальных исследований ОНЗ РАН (15–18 октября 2013 г., ИЗК СО РАН, г. Иркутск). Вып. 11. Иркутск : Изд-во Ин-та земной коры СО РАН, 2013. С. 22–24.

Аржанников С. Г., Броше Р., Жоливе М., Аржанникова А. В. К вопросу о позднеплейстоценовом оледенении юга Восточного Саяна и выделении конечных морен MIS 2 на основе бериллиевого датирования (10Be) ледниковых комплексов // Геология и геофизика. 2015. Т. 56. № 11. С. 1917–1933.

Аржанников С. Г., Иванов А. В., Аржанникова А. В., Демонтерова Е. И., Жоливе М., Воронин В. И., Буянтуев В. А., Осколков В. А. Возраст Жомболокского лавового поля (Восточный Саян) по дендрохронологическим и радиоуглеродным данным // Геология и геофизика. 2017. Т. 58. № 1. С. 27–47.

Базалийский В. И. Морфотипологический анализ каменных наконечников стрел могильника «Локомотив» //

References

Antonova Yu. E., Miyagashev D. A. (2013) Shamhag-baisan as a sacral object of antiquity in the Oka River valley (western Buryatia). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya = Tomsk State University Journal of History*. No. 3 (23). P. 103–107. (In Russ.).

Arzhannikov S. G., Ineshin E. M., Arzhannikova A. V., Snopkov S. V. (2010) Paleogeographic situation of human habitation in the river valleys of the Okinsky Plateau in the Eastern Sayan (on the example of the Sentsa River Valley). *Izvestiya Laboratorii drevnih tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Iss. 8. P. 291–302. (In Russ.).

Arzhannikov S. G., Ivanov A. V., Arzhannikov A. V., Demonterova E. I., Orlova L. A., Pigati D. (2013) The stages of the Jom-bolok volcanic field formation (East Sayan). *Geodinamicheskaya evolyutsiya litosfery Tsentral'no-Aziatskogo podvizhnogo poyasa (ot okeana k kontinentu). Materialy nauchnogo soveshchaniya po Programme fundamental'nykh issledovanii ONZ RAN (15–18 oktyabrya 2013 g., IZK SO RAN, g. Irkutsk) = Geodinamic evolution of the lotosphere of the Central Asia mobile belt (from ocean to continent). Proceedings of Scientific Research under the Program of Fundamental Research of the ONZ RAS (October, 15–18, 2013, IEC SB RAS, Irkutsk)*. Irkutsk: Institute of the Earth's Crust SB RAS. Iss. 24. P. 22–24. (In Russ.).

Arzhannikov S. G., Broshe R., Zholive M., Arzhannikova A. V. (2015) Late Pleistocene glaciations in southern East Sayan and detection of MIS 2 terminal moraines based on beryllium (Be10) dating of glacier complexes. *Geologiya I geofisika = Geology and Geophysics*. Vol. 56. No. 11. P. 1917-1933. (In Russ.).

Arzhannikov S. G., Ivanov A. V., Arzhannikova A. V., Demonterova E. I., Zholive M., Voronin V. I., Buyantuev V. A. and Oskolkov V. A. (2017) Age of the Jombolok lava field (East Sayan Mts.): evidence from dendrochronology and radiocarbon dating. *Geologiya i geofizika = Geology and Geophysics*. Vol. 58. No. 1. P. 27–47. (In Russ.).

Bazaliiskii V. I. (2010) Morphotypological analysis of stone arrowheads of the "Lokomotiv" burial ground. *Izvestiya*

Известия Лаборатории древних технологий. 2010. Вып. 8. С. 39–53.

Выркин В. Б., Масютина Ю. А. Геоморфологическое районирование Окинского плоскогорья (Восточный Саян) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Науки о Земле. 2017. Т. 19. С. 32–47.

Кропоткин П. А. Поездка в Окинский караул // Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск : Типография Окружного штаба, 1867. Книжки IX и X. С. 1–94.

Новиков А. Г., Мамонтов А. М., Горюнова О. И., Орудия рыбного лова и ихтиофауна из комплекса раннего неолита стоянки Шракшура III на Малом Море озера Байкал // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 24. С. 61–73.

Окладников А. П. Петроглифы Ангары. М.-Л. : Наука, 1966. 322 с.

Олюнин В. Н. Неотектоника и оледенение Восточного Саяна. М. : Наука, 1965. 127 с.

Ровинский П. А. О поездке на Тунку и на Оку до Окинского караула // Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск : Изд-во типографии Синицына, 1871. С. 31–52.

Ташак В. И. Каменный век Окинского района Республики Бурятия: изученность и перспективы // Вестник БНЦ СО РАН. 2019. № 3 (35). С. 28–34. DOI 10.31554/2222-9175-2019-35-10-28-34

Ташак В. И. Стоянка каменного века в долине р. Жомболок в Восточном Саяне (предварительные данные) // Вестник БНЦ СО РАН. 2020а. № 2 (38). С. 7–15. DOI 10.31554/2222-9175-2020-38-7-15

Ташак В. И. Новые исследования наскальных рисунков Окинского плато // Вестник БНЦ СО РАН. 2020б. № 4 (40). С. 9–17. DOI 10.31554/2222-9175-2020-40-9-17

Ташак В. И. Перспективы исследований древнейших этапов заселения человеком территории Окинского плоскогорья (Восточный Саян) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 4. С. 9–19. DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-9-19

Ташак В. И., Антонова Ю. Е., Кобылкин Д. В. Исследования неолита в Торской котловине Тункинской рифтовой долины // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 19. С. 82–102.

Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Iss. 8. P. 39–53. (In Russ.).

Vyrkin V. B., Masyutina Yu. A. (2017) Geomorphological Regionalization of Okinskoe Highland (Eastern Sayan). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Nauki o Zemle = The bulletin of Irkutsk state university. Ser. Eearth sciences*. Vol. 19. P. 32–47. (In Russ.).

Kropotkin P. A. (1867) The journey to the Oka Guarding station. *Zapiski Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva = The notes of the Siberian branch of the Imperial Russian geogpaphical society*. Irkutsk: Tipografiya Okruzhnogo shtaba. Books IX, X. P. 1–94. (In Russ.).

Novikov A. G., Mamontov A. M., Goryunova O. I. (2018) Fishing toolkit and ichthyofauna from the complex of the Early Neolithic site of the Shrakshura III site on the Small Sea of Lake Baikal. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya = News of Irkutsk State University. Ser. Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology*. Vol. 24. P. 61–73. (In Russ.).

Okladnikov A. P. (1966) Angara petroglyphs. Moscow-Leningrad: Nauka. 322 p. (In Russ.).

Olyunin V. N. (1965) Neotectonics and Glaciation of the Eastern Sayan. Moscow: Nauka. 127 p. (In Russ.).

Rovinskii P. A. (1871) About the travel to Tunka and Oka as far as Oka guard fort. *Zapiski Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva = Notes of the Siberian branch of the Imperial Russian Geographical society*. Irkutsk: Izd-vo tipografii Sinicyna. P. 31–52. (In Russ.).

Tashak V. I. (2019) Stone Age of the Okinsky area of the Republic of Buryatia: study and prospects. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN = The Bulletin of the Buryat Scientific Center of the SB RAS*. No. 3(35). P. 28–34. (In Russ.). DOI 10.31554/2222-9175-2019-35-10-28-34

Tashak V. I. (2020a) The site of stone age in the valley of the Zhombolok River in the East Sayan (preliminary data). *Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN = Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. No. 2 (38). P. 7–15. (In Russ.). DOI 10.31554/2222-9175-2020-38-7-15

Tashak V. I. (2020b) New studies of the rock arts in the Oka Plateau. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra SO RAN = Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. No. 4 (40). P. 9-17. (In Russ.). DOI 10.31554/2222-9175-2020-40-9-17

Tashak V. I. (2021) Prospects of researching the oldest stages of human settlement on the Oka Plateau territory (Eastern Sayan). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 4. P. 9-19. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-4-9-19

Tashak V. I., Antonova Yu. E., Kobylkin D. V. (2017) Research of the Neolithic in Tory Depression of the Tunka Rift Valley. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarheologiya. Etnologiya. Antropologiya = Bulletin of the Irkutsk state university. Geoarchaeology, ethnology, and anthropology series*. Vol. 19. P. 82–102. (In Russ.).

Уланов И. В., Бердников И. М. Керамические комплексы Усть-Белой: систематизация, хронометрия, хронология // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2015. Т. 12. С. 47–80.

Щетников А. А., Безрукова Е. В., Филинов И. А., Иванов Е. В., Кербер Е. В. Озерный морфолитогенез в долине вулканов (Восточный Саян) // География и природные ресурсы. 2016. № 3. С. 37–48. DOI: 10.21782/GiPR0206-1619-2016-3(37-48)

Щетников А. А., Безрукова Е. В., Кербер Е. В., Белозерова О. Ю., Кузьмин М. И., Иванов Е. В., Крайнов М. А., Филинов И. А., Нечаев И. О. Первые результаты тефрохронологических исследований позднеплейстоцен-голоценовых вулканических извержений в долине р. Жом-Болок (Восточный Саян) // Доклады Академии наук. 2019. Т. 486. № 3. С. 336–340.

Arzhannikov S. G., Ivanov A. V., Arzhannikova A. V., Demonterova E. I., Jolivet M., Buyantuev V. A., Oskolkov V. A., Voronin V. I. The most recent (682–792 CE) volcanic eruption in the Jombolok lava field, East Sayan, Central Asia triggered exodus of Mongolian pre-Chinggis Khaan tribes (778–786 CE) // Journal of Asian Earth Sciences, 2016. 125. P. 87–99.

Nomokonova T. Y., Novikov A. G., Losey R. J., Goriunova O. I., Saveliev N. A., and Weber A. W. Holocene Fishing in the Big Sea Region of Lake Baikal (Based on Materials from Multilayered Habitation Sites) // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2017. 45(4). P. 13–23.

Информация об авторе

В. И. Ташак – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, Россия.

Вклад автора

Ташак В. И. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 12 января 2022 г.; одобрена после рецензирования 17 февраля 2022 г.; принята к публикации 9 марта 2022 г.

Ulanov I. V., Berdnikov I. M. (2015) Ceramic complexes of Ust-Belaya: systematization, chronometry, chronology. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya = Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. Vol. 12. P. 47– 80. (In Russ.).

Shchetnikov A. A., Bezrukova E. V., Filinov I. A., Ivanov E. V., Kerber E. V. (2016) Lake morpholithogenesis in the valley of volcanoes (East Sayan). *Geografiya i prirodnye resursy = Geography and Natural Resources*. No. 3. P. 37–48. (In Russ.). DOI: 10.21782/GiPR0206-1619-2016-3(37-48)

Shchetnikov A. A., Bezrukova E. V., Kerber E. V., Belozerova O. Yu., Kuz`min M. I., Ivanov E. V., Krainov M. A., Filinov I. A., Nechaev I. O. (2019) The first results of tephrochronological investigations of the late pleistocene-holocene volcanic explosions in the valley of the Zhom-Bolok river (Eastern Sayan). *Doklady Akademii nauk = Reports of the Academy of Sciences.* Vol. 486. No. 3. P. 336–340. (In Russ.).

Arzhannikov S. G., Ivanov A. V., Arzhannikova A. V., Demonterova E. I., Jolivet M., Buyantuev V. A., Oskolkov V. A., Voronin V. I. (2016) The most recent (682–792 CE) volcanic eruption in the Jombolok lava field, East Sayan, Central Asia triggered exodus of Mongolian pre-Chinggis Khaan tribes (778–786 CE). Journal of Asian Earth Sciences. No. 125. P. 87–99.

Nomokonova T. Y., Novikov A. G., Losey R. J., Goriunova O. I., Saveliev N. A., and Weber A. W. (2017) Holocene Fishing in the Big Sea Region of Lake Baikal (Based on Materials from Multilayered Habitation Sites) // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. No. 45(4). P. 13–23.

Information about the author

V. I. Tashak – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Leading Researcher,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russia.

Contribution of the author

Tashak V. I. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted January 12, 2022; approved after reviewing February 17, 2022; accepted for publication March 9, 2022.

Научная статья
УДК 551.21,94(571.54)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-34-49

Легендарный Эргунэ-Кун: исторический этап активизации вулканизма на Жомболокском лавовом поле как причина исхода протомонгольских племен из Восточного Саяна

Сергей Геннадьевич Аржанников [1], Анастасия Валентиновна Аржанникова [2], Алексей Викторович Иванов [3], Елена Ивановна Демонтерова [4]

[1, 2, 3, 4] Институт земной коры СО РАН, Иркутск, Россия
[1] sarzhan@crust.irk.ru, https://orcid.org/0000-0002-4389-3684
[2] arzhan@crust.irk.ru, https://orcid.org/0000-0002-7576-1029
[3] aivanov@crust.irk.ru, https://orcid.org/0000-0002-6410-5237
[4] dem@crust.irk.ru, https://orcid.org/0000-0001-9085-6125

Аннотация. В статье приводятся данные об одном из молодых (исторических) вулканических извержений Центральной Азии. Жомболокское лавовое поле расположено в горах Южной Сибири (хребет Восточный Саян), в пределах долин рек Хи-Гол, Жомболок и Ока. Лавовый поток, имеющий длину 74 км и толщину до 150 м, является одним из наиболее протяженных в Восточной Сибири. Бериллиевое датирование (^{10}Be) свидетельствует о том, что активизация вулканизма произошла после стаивания Жомболокского ледника в конце MIS2. Геоморфологические исследования и радиоуглеродное датирование (^{14}C) показали, что лавовое поле формировалось в течение ~14–13 тысяч лет. Вулканизм здесь имел минимум четыре фазы активизации. Первые два этапа – были сближены во времени и датируются периодом 14–13 тысяч лет. Время третьего этапа извержений определяется по морфологии лавовых потоков и датируется серединой голоцена. Следы последней активизации зафиксированы в верховьях долины Хи-Гол и в приустьевой части реки Жомболок в виде молодых базальтовых потоков, расположенных среди лав предыдущих генераций. В поле молодой лавы взяты образцы живых и мертвых деревьев. Обнаружены 9 фрагментов древесины, затянутых в обломки лав при последнем извержении. Историческое исследование, радиоуглеродное датирование и дендрохронологический анализ показали, что последнее извержение произошло в период между 682 и 792 годами нашей эры. Свидетелями вулканической активизации могли быть представители монгольских племен, кочевавших на юге Восточного Саяна, перед их исходом из местности Эргунэ-Кун в 778–786 годах нашей эры.

Ключевые слова: Эргунэ-Кун, Монгол, исторические хроники, Жомболокске лавовое поле, Восточный Саян, радиоуглеродное датирование, дендрохронология, вулканическое извержение, лава

Для цитирования: Аржанников С. Г., Аржанникова А. В., Иванов А. В., Демонтерова Е. И. Легендарный Эргунэ-Кун: исторический этап активизации вулканизма на Жомболокском лавовом поле как причина исхода протомонгольских племен из Восточного Саяна // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 1. С. 34–49. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-34-49

Original article

The legendary Ergune-Kun: the historical stage of the volcano activation in the Jombolok lava field as the reason for the exodus of proto-Mongolian tribes from the Eastern Sayan Ridge

Sergey G. Arzhannikov [1], Anastasia V. Arzhannikova [2], Alexey V. Ivanov [3], Elena I. Demonterova [4]

[1, 2, 3, 4] Institute of the Earth's Crust, SB RAS, Irkutsk, Russia
[1] sarzhan@crust.irk.ru, https://orcid.org/0000-0002-4389-3684
[2] arzhan@crust.irk.ru, https://orcid.org/0000-0002-7576-1029

© Аржанников С. Г., Аржанникова А. В., Иванов А. В., Демонтерова Е. И., 2022

[3] aivanov@crust.irk.ru, https://orcid.org/0000-0002-6410-5237
[4] dem@crust.irk.ru, https://orcid.org/0000-0001-9085-6125

Abstract. This work presents new data on probably the most recent (historical) volcanic eruption in Central Asia. The Jombolok lava field is located in the mountains of Southern Siberia (the Eastern Sayan Ridge), within the valleys of the Khi-Gol, Jombolok and Oka rivers. The lava flow (74 km long and up to 150 m thick) is one of the longest in Eastern Siberia. Beryllium dating (^{10}Be) showed that the activation of volcanism occurred after the melting of the Jombolok glacier at the end of MIS2. Geomorphological studies and radiocarbon dating (^{14}C) have shown that the lava field formed over ~14-13 thousand years. Volcanism here had at least four phases of activation. The first two stages were close in time and date back to the period of 14-13 thousand years. The time of the third stage of eruptions is determined by the morphology of lava flows and dates back to the middle of the Holocene. The evidences associated with the last phase have been found in the upper reaches of the Khi-Gol valley and in the Oka-Jombolok basin. They are represented by young basaltic lava flows located among the previously generated lavas. Live and dead trees have been sampled in the young lava field. Nine fragments of wood have been found embedded in lavas of the latest eruption. Dendrochronological analysis, radiocarbon dating and the analysis of historical chronicles have shown that the latest eruption occurred during the period 682-792 A.D. The volcanic activity possibly triggered the migration of Mongolian tribes out of the locality known in historical chronicles as Ergune-Kun in 778-786 A.D.

Keywords: Ergune-Kun, Mongol, historical chronicles, Jombolok lava field, Eastern Sayan Ridge, radiocarbon dating, dendrochronology, volcanic eruption, lava

For citation: Arzhannikov S. G., Arzhannikova A. V., Ivanov A. V., Demonterova E. I. (2022) The legendary Ergune-Kun: the historical stage of the volcano activation in the Jombolok lava field as the reason for the exodus of proto-Mongolian tribes from the Eastern Sayan Ridge. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 1. P. 34-49. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-34-49

Введение

Изучение происхождения монголов и формирования их как этноса основано на обширных литературных источниках по истории монгольских и тюркских народов для периода пред- и становления Монгольского государства и формирования Монгольской империи. Это «Монголын Нууц Товчоо» (аноним. Сокровенное сказание монголов, 1240); «Судрин Чуулган» (Рашид ад-Дин Синан. Сборник летописей, 1303–1311); «Шаджарат ал-атрак» (Абу аль-Гази Бахадур. Родословие тюрков, 1661); «Хурааанги Алтан Товч» (аноним., 1625 или 1655); «Алтан Товч» (Гууш Лувсанданзан. Золотая пуговица, или Золотой свод, 1651.); «Эртний Монголын хаадын ундесний их Шар туудж оршвой» (аноним.?); «Эрденийн Товч» (Саганг Сечен, 1662); «Болор эрих» (Рашпунцаг. Хрустальные четки, 1775); «Болор толи » (Джамбадоржи. Хрустальное зерцало, 1825) и другие.

Эти исторические произведения дают представление о жизни народов, населявших территории современной Монголии и юга Восточной Сибири, начиная с древнейших времен. Для нашего исследования большой интерес представляет та часть истории монгольского народа, которая связана с этапом их жизни в местности под названием Эргунэ-Кун. В раннем произведении «Судрин Чуулган» и более позднем произведении «Шаджарат ал-атрак» имеется схожая информация о бегстве остатков монгольских родов после их поражения в битве с тюрками в труднодоступную местность Эргунэ-Кун. Хотя время ухода и пребывания в Эргунэ-Кун у Рашид ад-Дина (Рашид ад-Дин, 1952) и Абу аль-Гази (Абулгази-Баядур-Хан, 1768) сильно различаются, в данном контексте нас интересует информация о пребывании монголов в данной местности без дискуссии о времени их бегства. У Рашид ад-Дина (Рашид ад-Дин, 1952. С. 153, 154) в его летописях процесс перекочевки предков монголов в урочище Эргунэ-Кун, а затем и исход из него, описаны следующим образом: «…Имеется рассказ, [передаваемый со слов], заслуживающих доверия почтенных лиц, что над монголами одержали верх другие племена и учинили такое избиение [среди них], что [в живых] осталось не более двух мужчин и женщин. Эти две семьи в страхе перед врагом бежали в недоступную местность, кругом которой были лишь горы и леса и к которой ни с одной стороны не было дороги, кроме одной узкой и труднодоступной тропы, по которой можно было пройти туда с большим трудом и затруднением. Среди тех гор была обильная травой и здоровая [по климату] степь. Название этой местности Эргунэ-Кун. Значение слова кун – косогор, а

эргунэ-крутой, иначе говоря, «крутой хребет»… Когда среди тех гор и лесов этот народ размножился и пространство [занимаемой им] земли стало тесным и недостаточным, то они учинили друг с другом совет, каким бы лучшим способом и нетрудным [по выполнению] путем выйти им из этого сурового ущелья и тесного горного прохода. И [вот] они нашли одно место, бывшее месторождением железной руды, где постоянно плавили железо. Собравшись вместе, они заготовили в лесу много дров и уголь целыми хараварами, зарезали семьдесят голов быков и лошадей, содрали с них целиком шкуры и сделали [из них] кузнечные меха. [Затем] сложили дрова и уголь у подножья того косогора и так оборудовали то место, что разом этими семидесятью мехами стали раздувать [огонь под дровами и углем] до тех пор, пока тот [горный] склон не расплавился. [В результате] оттуда было добыто безмерное [количество] железа и [вместе с тем] открылся и проход. Они все вместе откочевали и вышли из той теснины на простор степи… Несколько других племен претендуют на [участие в] раздувании мехов, но вышеупомянутые племена не признают за ними [этого] и утверждают, что племя кунгират … прежде других, без совета и обсуждения, вышли [из ущелья], потоптав ногами очаги других племен…».

Поиски местонахождения Эргунэ-Кун начались русскими востоковедами еще в XVIII веке (Билэгт, 2007. С. 46), Д. Банзаров (Банзаров, 1955. С. 178, 319) и Л. Билэгт (Билэгт, 2007. С. 47), давая обзор поиска разным исследователям легендарной земли, указали на широкую географию возможных вариантов. Это могли быть: местность около озера Кукунор (современный Китай); внутренняя часть Алтайских гор; река Аргунь или бассейн Аргуни; горные системы Южной Монголии; истоки р. Хайлар в Большом Хингане. Некоторые исследователи считали, что Эргунэ-Кун может находиться на юге Саянских гор (Чагдуров, 1997; Чагдуров, 1999) или в Восточной Туве (Абаев, 2011). Л. Билэгт (Билэгт, 2007. С. 52) на основе анализа современной топонимики и названий районов, упомянутых в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина (Рашид ад-Дин, 1952), считает, что местность Эргунэ-Кун находится в долине р. Аргунь на территории России. Б. Зориктуев (Зориктуев, 1997. С. 20–21), однако, не пришел к однозначному решению и оставил для себя этот вопрос открытым.

Действительно, река Аргунь по своему названию достаточно хорошо вписывается в определение местности Эргунэ-Кун. Однако топография района мало могла помочь в сохранении остатков племени, разбитого тюрками. Больше под эту местность подходили суровые Саянские горы, где и были обнаружены топонимические соответствия с монгольскими названиями (Чагдуров, 1997).

Эргунэ-Кун имеет и другое прочтение Эрхуу-Нэхун, где Эрхуу это река Иркут в системе Тункинских впадин, олицетворяющая мужское начало, и Нэхун, преобразующаяся из древнейших корней со значением женского, материнского начала в р. Аха (р. Ока) (Чагдуров, 1997; Коновалов, 1999. С. 124). То есть крупный Иркуто-Окинский район и по топографии, и по топонимики более подходит под понятие Эргунэ-Кун. Также, о территории, расположенной к северо-западу от оз. Хубсугул как о местности Эргунэ-Кун, свидетельствовал Х. Пэрлээ (Балданжапов, 1970. С. 137). Эта территория в современном административном делении представляет собой Окинский район, где центральное место занимает река Ока и ее притоки. Современная дорога, соединяющая поселок Орлик (центр Окинского района) с поселками Тункинской долины, была построена всего лишь 30 лет назад в 1990 году. Основным видом транспорта до этого была авиация. Это свидетельствует о сложности рельефа и труднодоступности этого района. Если мы обратимся к описанию местности в легенде, приведенной Рашид ад-Дином (Рашид ад-Дин, 1952. С. 153, 154), то увидим описание тропы, идущей через перевал Нухун-Дабан (рис. 1, а). Уникальный по своей красоте и природе район еще недавно был недоступен ввиду узких каньонообразных непроходимых долин (рис. 1, б).

Труднопроходимая область на юге, представляющая собой систему хребтов Большого Саяна с вершиной Монх Сарьдаг (Мунку-Сардык) (рис. 1, в), к северу сменяется широкими остепненными долинами (рис. 1, г) рек Ока, Тисса, Сенца, Деби, Забит и др. «…Среди тех гор была обильная травой и здоровая [по климату] степь...» (Рашид ад-Дин, 1952. С. 153, 154). Как видно из легенды, изложенной Рашид ад-Дином (Рашид ад-Дин, 1952. С. 153,

а *б* *в* *г*

Рис. 1. Элементы рельефа Окинского плоскогорья и окружающих его хребтов: *а – тропа к перевалу Нухун-Дабан; б – каньоны в верховьях р. Иркут; в – высочайшая гора Восточного Саяна Мунку Сардык (3491 м); г – широкие остепненные долины рек Сенца и Ока*

Fig. 1. Relief of the Oka Plateau and the ridges surrounding it: *a - the path to the Nukhun-Daban pass; b - canyons in the upper reaches of the Irkut River; c - Munku Sardyk is the highest mountain of the Eastern Sayan Ridge (3491 m); d - wide steppe valleys of the Sentsa and Oka rivers*

154), центральное место в исходе протомонгольских племен из местности Эргунэ-Кун занимает история с расплавлением горы. Причем некоторые роды монголов обратились в паническое бегство с мест обитания в другие районы Саян или северной Монголии. Так племя кунгират по Рашид ад-Дину (Рашид ад-Дин, 1952. С. 153, 154), не дождавшись общего решения по перекочевке из мест обитания, ушло одним из первых.

В данном контексте присутствует элемент внезапности проявления геологического процесса (плавление горы) и реакция на него людей (паническое бегство). Если мы коснемся вопросов геологии местностей, предложенных как Эргунэ-Кун, то мы обнаружим, что единственным местом, где это могло происходить, являются долины рек Ока и Жомболок со следами молодой вулканической деятельности. Обратившись к топонимике района реки Жомболок, в непосредственной близости от лавового поля, да и на самом лавовом поле, обнаружим слова с основой «монгол». Это Монголжон и Монголжонгул. Если следовать утверждению С. Ш. Чагдурова (Чагдуров, 1997) о том, что этноним «монгол» мог появиться только в III–VIII веках нашей эры, то он мог появиться только в местности Эргунэ-Кун. Следовательно, с определенной долей уверенности, мы можем утверждать, что часть монгольских племен могла находиться в долине р. Оки и ее притоках. Время ухода монгольских родов из Эргунэ-Куна произошло за 400 лет до рождения Чингиз-хана (Рашид ад-Дин, 1952).

В данной легенде отражено значительное событие в истории монгольского племени и связано оно с их исходом из местности Эргунэ-Кун. Важной деталью является упоминание о способе выхода посредством расплавления горы и количестве мехов (70), принимавших в этом участие. На наш взгляд участники исхода могли быть свидетелями грандиозной, по их меркам, геологической катастрофы непосредственно вблизи их жилищ, и впоследствии время ухода в виде метафоры было увязано с расплавленной горой при обилии очагов горения. Немаловажным фактором для них явилось то, что появление лавовых потоков происходило внезапно на локальных участках из разрушенных лавовых тоннелей. Возможно, что часть родов в панике покидало обжитые территории, приняв извержение за дурной знак.

Этапы активизации вулканизма в долинах рек Хи-Гол и Жомболок

Жомболокское лавовое поле расположено в горном массиве Восточного Саяна на границе Окинского плоскогорья и хребта Кропоткина, где заполняет большую часть долины р. Жомболок и долины Хи-Гол (рис. 2). Этот объект представлен шлаковыми конусами и лавовым потоком длиной более 70 км, шириной до 4 км и максимальной мощностью 150 м (Обручев, Лурье, 1954; Ярмолюк, Никифоров, Иванов, 2003; Ivanov et al., 2011; Аржанников, Иванов, Аржанникова, Демонтерова, 2013; Arzhannikov et al., 2016; Arzhannikov et al., 2017).

В сартанскую фазу позднеплейстоценового оледенения (MIS 2) в речных долинах Окинского плоскогорья (Ока, Тисса, Сенца, Жомболок и др.) лежали ледники толщиной 300–400 м, которые оканчивались мощными конечными моренами на абсолютной высоте 1300–1400 м (Arzhannikov et al., 2012). В период отступания ледника, произошел интенсивный врез во флювиогляциальные отложения и в долинах рек образовался комплекс террас высотой 25–30 м. Жомболокское лавовое поле формировалось после стаивания ледника и представляет собой комплекс вулканов в долине Хи-Гол и в верховьях реки Барун-Хадарус, а также систему разновозрастных потоков, объединенных в гигантское лавовое поле в долинах рек Жомболок и Ока.

Датирование углеродсодержащих материалов из шлаков вулкана Аткинсона, подбазальтовых углей и малакофауны из осадков подпорного водоема показало, что начало формирования Жомболокского лавового поля произошло около 13–14 тысяч лет назад (Arzhannikov et al., 2016; Arzhannikov et al., 2017). Морфологически выделяется, по меньшей мере, четыре этапа активизации вулканизма (рис. 3). Первым из серии извержений было формирование вулкана Старый и вулкана Трещина. Затем, с небольшим промежутком по времени, произошло извержение вулканов Перетолчина, Аткинсона и Останец. Были сформированы мощные толщи лав по всей долине р. Жомболок с вы-

Рис. 2. Местоположение Жомболокского лавового поля между хребтом Кропоткина и Окинским плато (показано красным цветом)

Fig. 2. Location of the Jombolok lava field between the Kropotkin Ridge and the Oka Plateau (shown in red)

ходом их в долину р. Оки. При выходе базальтов из узкой долины Жомболока произошло растекание лав широким веером в сторону р. Оки с подпором последней. Большая часть флювиальной равнины, расположенной во фронте Жомболокской конечной морены, была погребена базальтовой лавой.

На третьем этапе образовался вулкан Кропоткина, лавы которого изливались в меньших объемах и имели распространение в верховьях пади Хи-Гол и р. Кадыр-Ос. Возможно, что часть изверженного материала разгружалась по лавовым тоннелям, сформированным в теле потока в предыдущие фазы.

Четвертый этап произошел в историческое время (Arzhannikov et al., 2016; Arzhannikov et al., 2017). Отличительной чертой поверхности молодых потоков является почти полное отсутствие растительного покрова, более темный цвет по сравнению с базальтами ранних генераций и хорошо читаемые волны растекавшихся лав. Наиболее ярко лавы последнего этапа извержения выражены в приустьевой части Жомболока, где количество очагов проявления молодых потоков достигает нескольких десятков. Их поверхность характеризуется как аа-лава, представленная скоплением корок – взломанных фрагментов верхней части тоннелей, по которым происходило растекание лавы. Размеры блоков варьируют от первых десятков сантиметров до первых метров (рис. 4). Характерной особенностью поверхности этих потоков является наличие «островов» старой лавы с фрагментами мертвой, а иногда и живой древесины. Максимальные размеры «островов» достигают 10–12 м, в основном же это площадки 1–2 м^2. Отмечаются крупные линейные вздутия длиной несколько десятков метров.

В плане формы полей молодых лав выражены в виде линейных или изометричных структур. Характерной их особенностью является вытянутость согласно естественному уклону долины и присутствие отчетливо читаемой крупной ряби течения на поверхности базальтового потока. Создается впечатление истекания базальта из-под поверхности старых лав в направлении с запада на восток.

Молодые (последние) базальтовые поля в верховьях долины Хи-Гол и в устьевой части Жомболока формировались в одно время и имели центр излияния в районе вулкана Кропоткина. Пе-

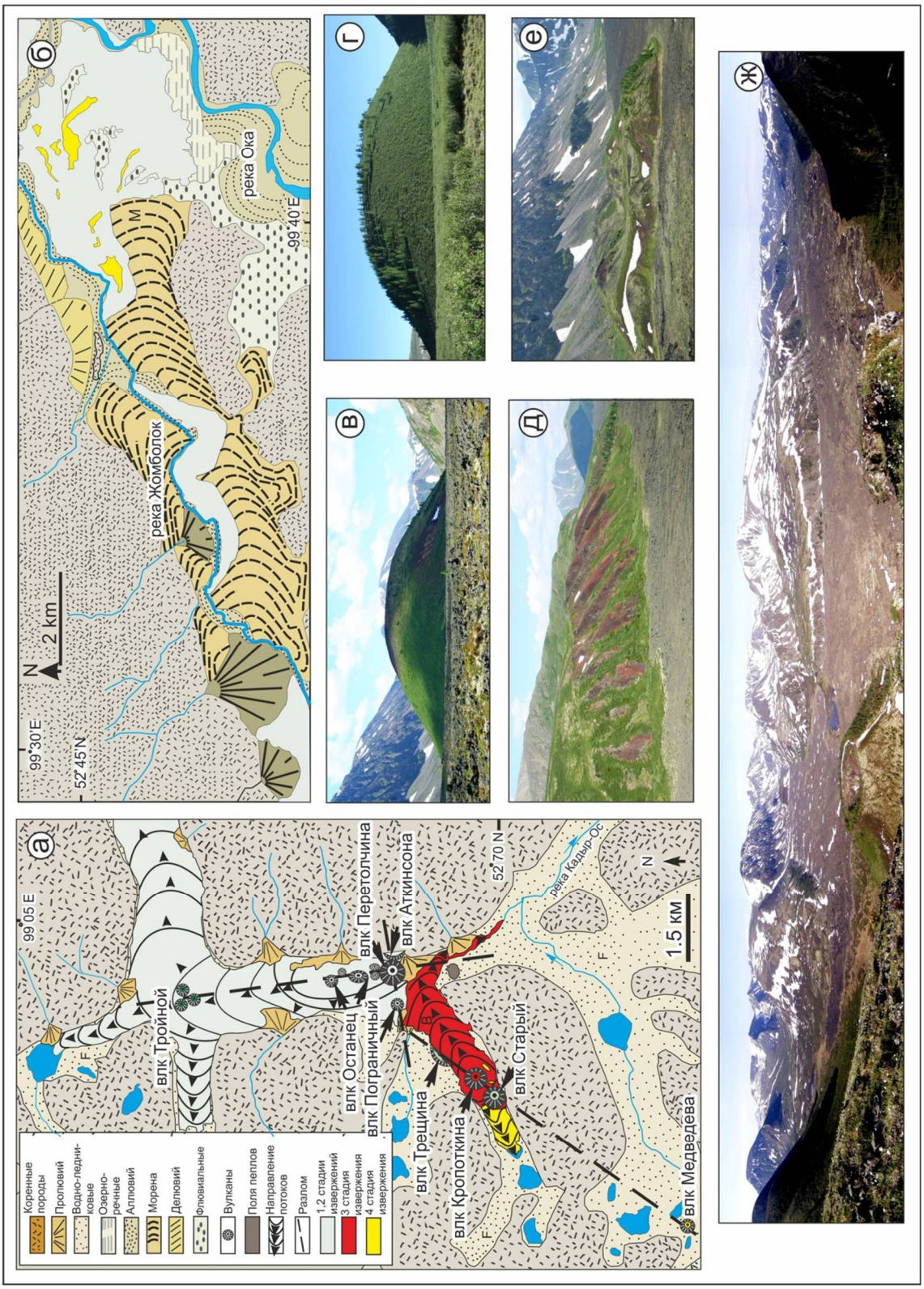


Рис. 3. Схема размещения лавовых полей и центров излияния разных генераций: *а – в долине Хи-Гол; б – в устье р. Жомболок; в – вулкан Кропоткина; г – вулкан Перетолчина; д – вулкан Трещина; е – вулкан Старый; ж – панорама долины вулканов в пади Хи-Гол*

Fig. 3. Map of the location of lava fields and eruption centers of different generations: *a - in the Khi-Gol Valley; b - at the mouth of the Jombolok River; c - Kropotkin Volcano; d - Peretolchin Volcano; e - Treshina Volcano; f - Stariy Volcano; g - panorama of the valley of volcanoes in the Khi-Gol Valley*

а

б

Рис. 4. Характер поверхности молодых лав в приустьевой части р. Жомболок
Fig. 4. The features of the young lava surface in the mouth of the Jombolok River

ремещение лав в нижние части долин происходило по тоннелям, которые образовались в предыдущие стадии извержений. При этом обращает на себя внимание расстояние в 70 км, пройденное лавами последнего этапа активизации. Скорее всего перемещение происходило достаточно глубоко в теле 150 метрового потока, что исключает появление молодых полей лав в интервале между верховьями и устьем Жомболока. Выход молодых лав на дневную поверхность произошел в результате уменьшения мощности первичного потока и нарушенности тоннелей в поле старых лав. В некоторых местах вытекание молодой лавы привело к почти полному затоплению поверхности старой лавы.

Материалы и методы

Попытки датировать молодые базальты K/Ar методом результатов не дали в связи с низким содержанием калия в образце. В связи с этим основные усилия были направлены на поиски древесных фрагментов в различных частях молодых потоков, в том числе и в их толщах для радиоуглеродного датирования по ^{14}C. Были взяты 30 образцов древесины ели и лиственницы (спилы сухостойных и буровые керны живых деревьев) на «островах» старой лавы, расположенной среди молодых потоков, и с поверхности трех молодых лавовых полей и смежных территорий. Также в результате изучения поверхности молодых полей лав были обнаружены фрагменты стволов деревьев, затянутых в базальтовые обломки (Arzhannikov et. al., 2016. P. 91). На наш взгляд это является важной находкой, дающей возможность напрямую датировать возраст последней вулканической активизации. Под базальтовыми корками были обнаружены девять фрагментов стволов деревьев хорошей сохранности. Местонахождение представляет собой краевую часть молодого потока, выраженную в виде вала, налегающего на лавы ранних генераций. На поверхности вала в виде полосы имеется скопление базальтовых плит, нагроможденных друг на друга. Высота и ширина вала составляют 1 м, а длина – несколько десятков метров. Внешне это выглядит в виде невысокой, узкой взломанной зоны, где отдельные плиты стоят вертикально или наклонно. По аналогии можно привести пример торошения льда на границе двух ледяных полей. Внутри зоны на глубине 60–70 см были обнаружены фрагменты стволов деревьев. По нашему мнению, формирование данной структуры произошло следующим образом. Перемещение жидких лав происходило по тоннелям, образовавшимся в предыдущие стадии извержений. Заполнение и давление на стенки тоннеля привело к большим напряжениям. Когда напряжения превысили прочность пород, верхняя часть тоннеля сдвинулась и в зоне ее примыкания к телу старого потока, произошел разрыв со сдвигом, что привело к торошению корки на поверхности и захват с затягиванием фрагментов деревьев.

Дополнительно к обнаруженным фрагментам стволов были взяты образцы живых и мертвых деревьев как с молодых базальтовых полей, так и с «островов» старой лавы. Для дендрохронологического анализа с сухих (погибших) деревьев отбирались круговые поперечные спилы или поперечные спилы сохранившегося сектора отмершего дерева. У живых деревьев были отобраны буровые керны на высоте груди (1,3 м). Сверление проводилось в направлении перпендикулярном продольной оси ствола дерева (Arzhannikov et al., 2016).

Результаты и дискуссия

Жомболокское лавовое поле состоит из серии разновозрастных потоков, основной объем которых сформировался около 14–13 тыс. лет назад (Arzhannikov et al., 2016; Arzhannikov et al., 2017). Среди лав ранних генераций выделяются наиболее молодые вулканические проявления, расположенные в верховье долины Хи-Гол и в приустьевой части р. Жомболок. В приустьевой части р. Жомболок несколько десятков очагов излияния лав расположены в матриксе старых базальтов. Источник лав находился в 65 км выше по долине в районе вулкана Кропоткина. Перемещение лав происходило по тоннелям, сформированным в предыдущие фазы активизации. Проявление лав на поверхности произошло при уменьшении мощности лавового потока до 20–30 м в приустьевой части р. Жомболок. Морфологически лавы выглядят очень молодо. В то же время они несколько отличаются друг от друга. Например, имеются потоки, где отсутствуют признаки старых лав, то есть молодые потоки, полностью погребают поверхность старых. В другом случае в поле молодых лав

присутствуют небольшие фрагменты, площадью первых метров или нескольких десятков метров лав предыдущих этапов излияния с хорошим растительным и моховым покрытием. В третьем случае произошло разрушение поверхности верхней лавовой корки старых лав и смешение их с корками молодых лав. В этом случае сохранились большие площади смещенных участков с растительным покровом. Также имеются выходы молодых лав из трещин на поверхности старых потоков. Они ограничены малым объемом и представлены в виде небольших скоплений. Морфологическая молодость поверхности рассматриваемых лав не оставляет сомнений, однако определение абсолютного возраста каким-либо методом датирования вулканических образований не представляется возможным. Единственным путем решения данной проблемы является дендрохронологический метод и метод радиоуглеродного датирования. Определение возраста радиоуглеродным методом ограничивалось тем, что, датируя древесину или другой образец, мы получаем только верхнюю границу, то есть не моложе такого-то возраста. Что в данном случае не решало проблемы возраста вулканической активизации.

Детальное изучение поверхности лавовых потоков и их приповерхностных частей позволило обнаружить уникальный, на наш взгляд, материал для датирования возраста лавовых потоков (рис. 5). На глубине 60–70 см от поверхности были найдены фрагменты стволов деревьев, которые попасть туда могли только при взламывании и перемещении верхней части тоннелей. Иное попадание древесины внутрь перемешанной массы обломков исключено. Среди обнаруженных обломков нами выделена серия образцов, которые могли принадлежать одному стволу дерева. Проведенное сравнение древесно-кольцевых серий этих фрагментов подтвердило это предположение. Для определения абсолютного возраста гибели этого дерева образец был датирован АМС методом. Калиброванный возраст образца показал, что гибель дерева произошла между 682 и 778 годами нашей эры, т. е. этот период является нижней возрастной границей формирования молодых лав.

Для определения возраста верхней возрастной границы мы привлекли анализ сохранившейся живой и мертвой древесины, расположенной на поверхности молодых потоков и приграничных территориях (Arzhannikov et al., 2016; Arzhannikov et al., 2017). Всего анализу подверглись 26 образцов живой и мертвой древесины. В среднем древесно-кольцевые хронологии насчитывают 400–500 лет, что является неплохим материалом для построения плавающих и абсолютных шкал. Проведенный анализ индивидуальных древесно-кольцевых хронологий позволил построить обобщенную хронологию для периода 792–2014 года н. э. (Arzhannikov et al., 2016. P. 95). То есть календарный год (792 н. э.) является годом начала роста деревьев на молодых вулканических полях. Таким образом, возраст этого дерева дает верхнюю границу вулканической активизации в этом районе.

Исходя из исторической реконструкции исхода предков Чингиз-Хана из урочища Эрхуу-Нэхун (Эргунэ-Кун) мы можем говорить о совпадении периода формирования потоков базальтов и времени ухода монгольских родов. Монгольские племена покинули Эргунэ-Кун (Рашид ад-Дин, 1952), примерно, за 400 лет до рождения Чингис-хана (Cleaves, 1982; Коновалов, 1999), то есть около 762 г. Большое значение для определения времени исхода монгольских родов из Эргунэ-Кун имеет генеалогическое дерево рода Чингис-Хана, описанное в «Сокровенном сказании». По мнению Рашид ад-Дина (Рашид ад-Дин, 1952), только монголы и арабы с большим вниманием относились к сохранению памяти о своем родстве.

В согласии с ханским генеалогическим древом основателем династии является Борте-Чино, который возглавил исход монголов из Эргунэ-Кун. В результате источниковедческих работ (Пэрлээ, 1956. С. 6–7; Балданжапов, 1970. С. 137–138; Билэгт, 1995; Билэгт, 2007. С. 29) были установлены годы рождения всех предков Чингиз-хана. Л. Билэгт (Билэгт, 2007), давая обзор предположительной даты рождения Бортэ-Чино, из разных литературных источников выяснил, что по «Алтан Тобчи» годом рождения является 758 г. н. э., по «Болор толь» – в период 610–907 н. э. Сам Л. Билэгт (Билэгт, 2007. С. 25) рассматривал период 702–802 н. э., в который мог родиться Бортэ-Чино, но взял за основу своих исследований 758 год (Билэгт, 2007. С. 27). Можно предположить, что, достигнув 20 летнего возраста,

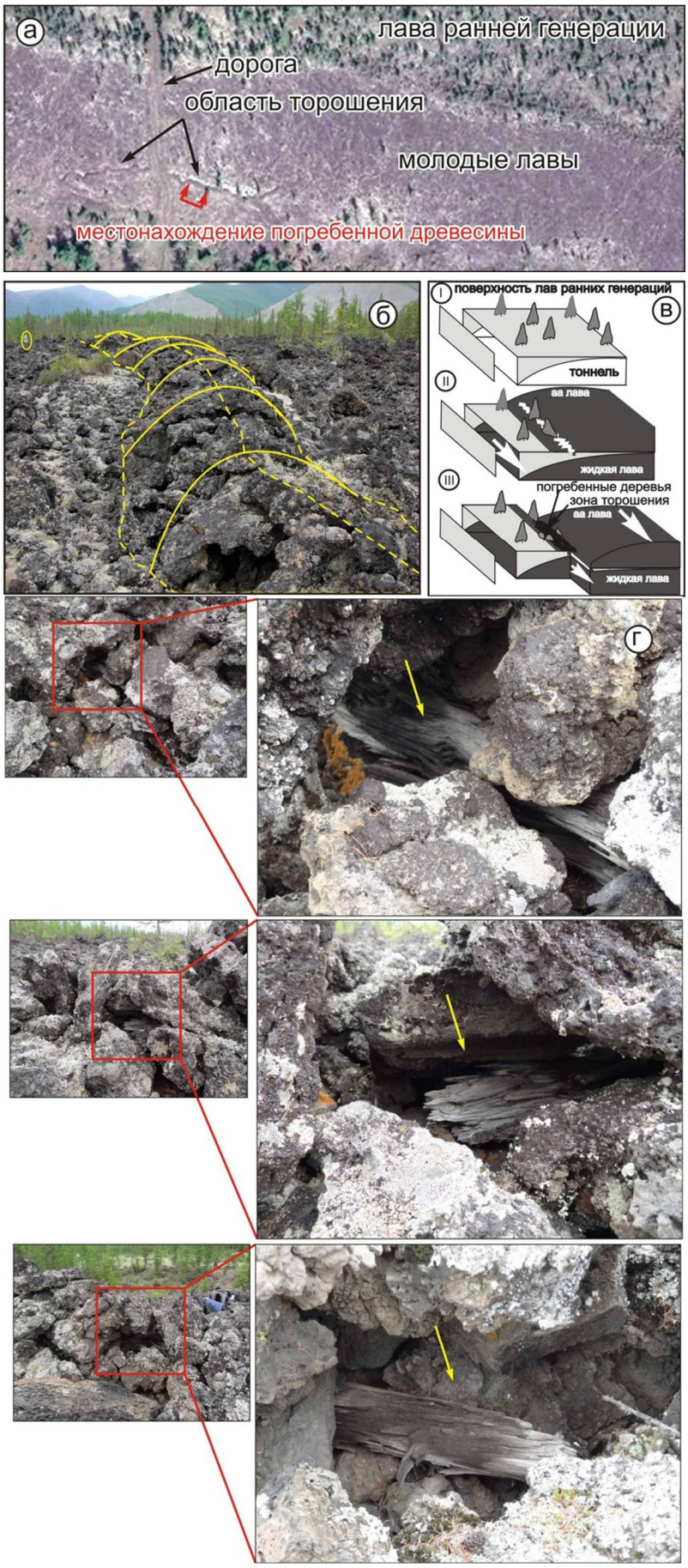


Рис. 5. (См. с. 45) / Fig. 5. (See p. 45)

Рис. 5 (с. 44). Местоположение и характеристика поверхности лавового потока, где была обнаружена погребенная древесина: *а – фрагмент космоснимка (Google Earth), на котором отображена часть молодого потока с областью торошения и район обнаружения погребенной древесины; б – полевая фотография, показывающая область торошения верхней части потока, где были найдены фрагменты стволов деревьев; в – модель образования области торошения поверхности лавового потока с погребением стволов деревьев: I – поверхность лав и тоннель, сформированные ранее, II – стадия наполнения тоннеля молодыми лавами и ее выход на поверхность старого потока в виде аа-лавы, III – стадия вовлечения в движение части старого потока с формированием области торошения и погребения стволов деревьев лавовыми корками; г – полевые фотографии фрагментов древесины, погребенной лавовыми корками*
По Arzhannikov et al., 2017

Fig. 5 (p. 44). Location and characteristics of the surface of the lava flow, where the buried wood was found: *a - a fragment of the satellite image (Google Earth), which displays a part of the young lava flow with the hummocking area and the area where the buried wood was found; b - field photograph showing the hummocking area of the upper stream where fragments of tree trunks were found; c - a model of the formation of a hummocking area of the surface of a lava flow with the burial of tree trunks: I - the surface of the lavas and the tunnel formed earlier, II - the stage of filling the tunnel with young lavas and its emergence on the surface of the old flow in the form of aa-lava, III - the stage of involvement in movement parts of the old stream with the formation of an area of hummocking and burial of tree trunks with lava crusts; d - field photographs of wood fragments buried with lava crusts. After Arzhannikov et al., 2017*

Бортэ-Чино уже мог возглавить исход монгольских родов из Эргунэ-Кун, начиная с 778 г. н. э. (758+20=778). Другой важной датой является год рождения Батачи-хана, сына Борто Чино. Батачи-хан родился в 786 г. н. э., но уже за пределами Эргунэ-Кун (Билэгт, 2007. С. 29). Таким образом, исход монгольских родов из Эргунэ-Кун мог произойти в период ~ 778–786 г. н. э. Калиброванная дата гибели дерева в вулканических обломках определяется периодом между 682 и 778 годами нашей эры.

Таким образом, мы имеем четыре ключевые даты: 758 год н. э. время рождения Бортэ Чино – основателя ханской династии, который возглавил исход монгольских племен из Эргунэ Кун (при исходе имеется упоминание о расплавленной горе); 786 г. н. э. – время рождения Батачи-хана (сын Бортэ-Чино) за пределами Эргунэ-Кун; 792 г. н. э. – начало роста дерева на молодых лавах, с которого был взят образец; 682–778 года н. э. – интервал времени, в течение которого могла произойти гибель погребенного дерева. В свете полученных данных важным моментом в определении верхней границы возраста последнего извержения является время начала роста дерева на молодых лавах 792 г. н. э. Нижнюю границу возраста молодых лав определяет начало временного периода 682–778 года н. э. (калиброванная дата), когда могла произойти гибель дерева, погребенного в лавах. Исходя из дат рождения Бортэ Чино и Батачи-хана можно предположить, что последнее извержение произошло в период 778–786 года н. э.

Совпадение периода исхода и времени формирования вулканических потоков говорит о том, что предки Чингиз-хана могли быть свидетелями неординарного по их меркам события, давшего сильный толчок к обширной перекочевке монгольских родов из местности Эргунэ-Кун. В легенде в метафору облекаются события, которые наблюдали предки Чингиз-хана. С близлежащих возвышенностей открывается панорама на все молодые базальтовые проявления. На момент их формирования они представляли большое количество изолированных очагов с пожарами и могли быть в дальнейшем интерпретированы как очаги, расплавлявшие гору (рис. 6). О том, что появление лавовых потоков сильно повлияло на психологическое состояние племен, обитавших в этой местности, свидетельствует их общее решение покинуть обжитые места. Более того, некоторые роды монголов, не дождавшись общего решения, обратились в паническое бегство с мест обитания в другие районы Саян или северной Монголии. Так племя кунгират по Рашид ад-Дин (Рашид ад-Дин, 1952), не дождавшись общего решения по перекочевке из мест обитания, ушло одним из первых «…потоптав костры других племен…». Дальнейший массовый исход, следуя топонимики, присутствующей в летописях Рашид ад-Дина (Рашид ад-Дин, 1952. С. 153, 154) и нашей реконструкции, возможно, происходил по долинам рек Сенца, Тисса, Обо-Гол через перевалы Тэнгис-Дабан и Монгол-Шара-Дабан в долину р. Тэнгисийн-Гол с выходом в Дархадскую и далее в Хубсугульскую впадины. Та-

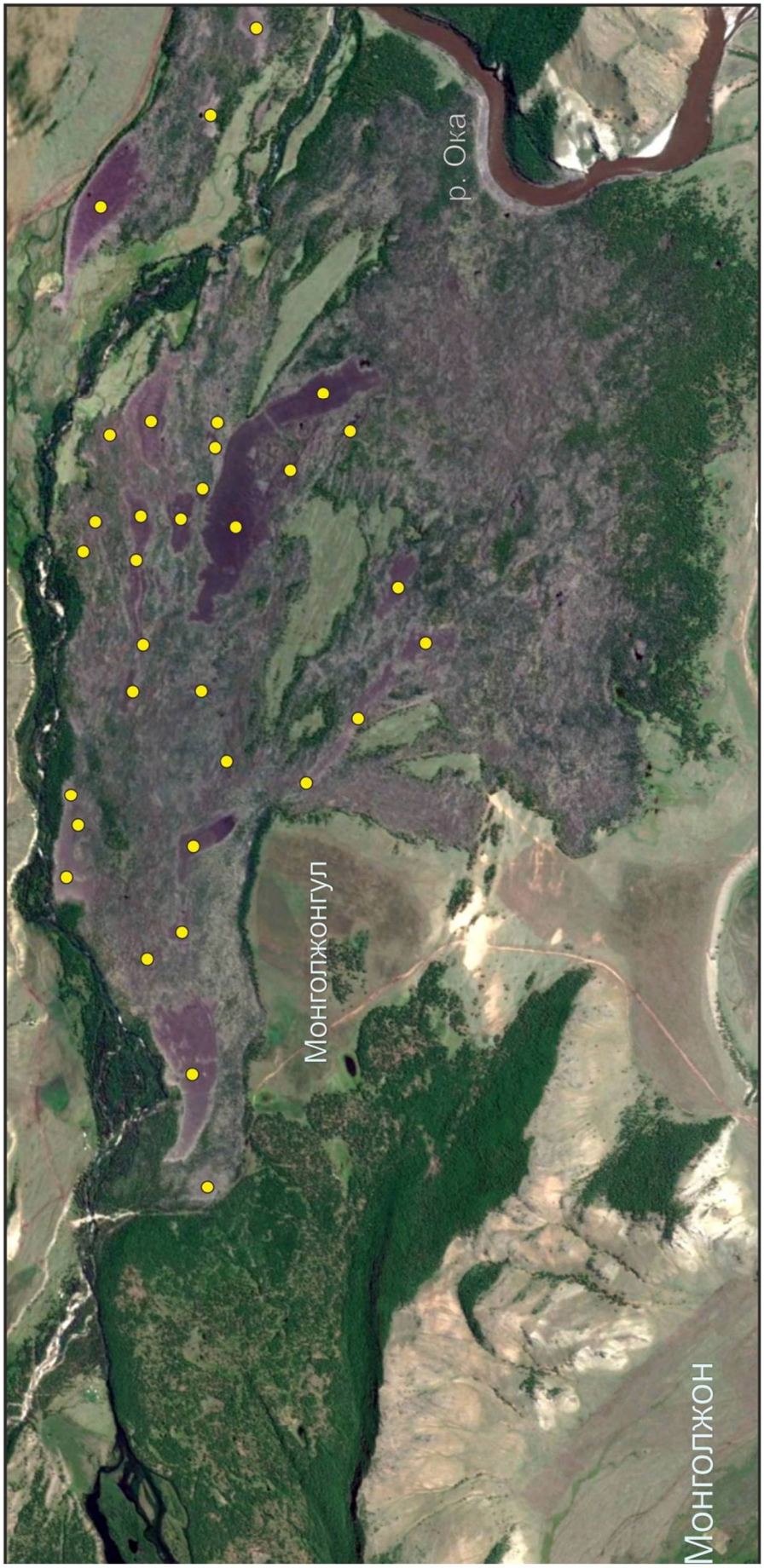


Рис. 6. Устьевая часть р. Жомболок, заполненная потоками лавы с возрастом 13–14 тысяч лет, среди которой желтыми точками помечены проявления лавы с возрастом 1200 лет

Fig. 6. The mouth of the Jombolok River, filled with lava flows with an age of 13-14 thousand years, among which lavas with an age of 1200 years are marked with yellow dots

ким образом, время активизации вулканизма на юге Восточного Саяна совпадает с исходом монголов и может быть определено как 778–786 года нашей эры.

Заключение

Проведенные исследования в северо-западной части Окинского плоскогорья (хребет Восточный Саян, горы Южной Сибири), в долинах рек Ока и Жомболок, открыли новую страницу в изучении молодого вулканизма Северной Азии, проявлявшегося, начиная с конца позднего плейстоцена и в голоцене. В результате детального обследования молодых потоков обнаружены и датированы углеродсодержащие образцы, уточняющие историческое время последней активизации вулканизма. Для юга Восточной Сибири на основе дендрохронологического анализа 30 образцов живой и мертвой древесины впервые получен непрерывный ряд древесно-кольцевых серий для последних 900 лет. На основе амс-датирования и дендрохронологического анализа фрагментов стволов деревьев определено время последних извержений базальтовых лав в долине р. Жомболок в возрастной вилке 682 и 778 года нашей эры. Анализ исторических документов и топонимики для исследуемого района дает основание сделать вывод об одновременности проявления вулканизма в историческое время и исход предков Чингиз-хана из урочища Эргунэ-Кун (долины Окинского плоскогорья) в 778–786 годах нашей эры.

Судьба некоторых монгольских племен сложилась так, что девять столетий спустя, в 1688 году, племя хонгодоров, считающееся некоторыми исследователями потомками племени кунгират (Ангархаев А. Л. Единство из глубины тысячелетий: Хонгодоры – это хонгираты // Буряад унэн. 1999. 11 марта. С. 7) и когда-то покинувшего Эргунэ-Кун, вынуждено было вернуться обратно на землю предков, убегая от начинающейся Ойрат-Халхасской войны, где живут и по сей день.

Список источников

Абаев Н. В. О прародине всех тюрков и монголов: «Эргенекон», «Эргунэ-Хун» или Танну-Урянхай? // Новые исследования Тувы. 2011. № 1. С. 169–185. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_9/3042-abaev.html (дата обращения 15.12.2021).

Абулгази-Баядур-Хан. Родословная история о татарах. М. : Императорская Академия наук, 1768. Т. 1. 483 с.

Аржанников С. Г., Иванов А. В., Аржанникова А. В., Демонтерова Е. И. Долина вулканов в Восточном Саяне // Наука из первых рук. 2013. № 5–6 (53–54). С. 66–83.

Балданжапов П. Altan tobči. Монгольская летопись XVIII в. Улан-Удэ, 1970. 416 с.

Банзаров Д. Собрание сочинений. М.: АН СССР, 1955. 373 с.

Билэгт Л. К вопросу о достоверности родословной Чингис-Хана // Археологийн судлал. 1995. Т. XV. С. 97–110.

Билэгт Л. Ранние монгольские племена. Улаанбаатар, 2007. 222 с.

Зориктуев Б. Р. Прибайкалье в середине VI–XVII вв. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1997. 103 с.

Коновалов П. Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии. Улан-Удэ, 1999. 214 с.

References

Abaev N. V. (2011) On the ancestral homeland of all Turks and Mongols: «Ergenekon», «Ergune-Kun» or Tannu-Uryankhai? *Novye issledovaniya Tuvy = A New Study of Tuva*. No. 1. P. 169-185. (In Russ.). Available from: https://www.tuva.asia/journal/issue_9/3042-abaev.html (Accessed: 12.15.2021).

Abulgazi-Bayadur-Khan. (1768) Genealogical history of the Tatars. Moscow: Imperial Academy of Sciences. Vol. 1. 483 p. (In Russ.).

Arzhannikov S. G., Ivanov A. V., Arzhannikova A. V., Demonterova E. I. (2013) Valley of volcanoes in the Eastern Sayan. *Nauka iz pervykh ruk = Science first hand.* No. 5-6 (53-54). P. 66-83. (In Russ.).

Baldanzhapov P. (1970) Altan tobči. Mongolian chronicle of the 18th century. Ulan-Ude. 416 p. (In Russ.).

Banzarov D. (1955) Collected Works. Moscow: USSR Academy of Sciences. 373 p. (In Russ.).

Bilegt L. (1995) On the question of the authenticity of the genealogy of Chinggis Khan. *Arkheologiin sudlal = Archaeological Sudl.* Vol. XV. P. 97-110. (In Russ.).

Bilegt L. (2007) Early Mongol Tribes. Ulaanbaatar. 222 p. (In Russ.).

Zoriktuev B. R. (1997) Baikal region in the middle of the 6th-17th centuries. Ulan-Ude: BNTs SO RAN. 103 p. (In Russ.).

Konovalov P. B. (1999) Aspects of Ethnic History of Central Asia. Ulan-Ude. 214 p. (In Russ.).

Обручев С. В., Лурье М. Л. Вулканы Кропоткина и Перетолчина в Восточном Саяне // Труды лаборатории вулканологии. 1954. Вып. 8. С. 210–225.

Пэрлээ Х. Монголын туухийн урьд мэдэгдээгүй зарим он цагийн мэдээ. Некоторые неизвестные даты истории Монголии. Улаанбаатар, 1956. 137 с.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Москва-Ленинград, 1952. Т. 1. Кн. 1. 214 с.

Чагдуров С. Ш. Горная Бурятия – прародина всех монголов // Филологический сборник. Улан-Удэ, 1999. С. 190–193.

Чагдуров С. Ш. Эргунэ-Кун – прародина монголоязычных родов и племен // VII Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1997 г.): Доклад российской делегации. М., 1997. С. 168–172.

Ярмолюк В. В., Никифоров А. В., Иванов В. Г. Строение, состав, источники и механизм долинных излияний лавовых потоков Жом-Болок (голоцен, Южно-Байкальская вулканическая область) // Вулканология и сейсмология. 2003. № 5. С. 41–59.

Arzhannikov, S. G., Braucher, R., Jolivet, M., Arzhannikova, A.V., Vassallo, R., Chauvet, A., Bourles, D., Chauvet, F., 2012. History of late Pleistocene glaciations in the central Sayan-Tuva Upland (southern Siberia). Quatern. Sci. Rev. 49, 16-32. http://dx.doi.org/10.1016/j.quascirev.2012.06.005.

Arzhannikov S. G., Ivanov A. V., Arzhannikova A. V., Demonterova E. I., Jolivet M., Buyantuev V. A., Oskolkov V. A., Voronin V. I. The most recent (682-792 CE.) volcanic eruption in the Jombolok lava field, East Sayan, Central Asia triggered exodus of Mongolian pre-Chinggis Khaan tribes (778-786 CE) // Journal of Asian Earth Science, 2016, v.125, p. 87-99.

Arzhannikov S. G., Ivanov A. V., Arzhannikova A. V., Demonterova E. I., Jolivet M., Voronin V. I., Buyantuev V. A., Oskolkov V. A. Age of the Jombolok lava field (East Sayan): evidence from dendrochronology and radiocarbon dating // Russian Geology and Geophysics, 2017, (58). P. 20–36.

Cleaves, F. W. The Secret History of the Mongols. Harvard University Press. Cambridge and London, 1982. 277 p.

Ivanov A. V., Arzhannikov S. G., Demonterova E. I., Arzhannikova A. V., Orlova L. A. Jom-Bolok Holocene volcanic field in the East Sayan Mts., Siberia, Russia: structure, style of eruptions, magma compositions, and radiocarbon dating // Bulletin of Volcanology. 2011. V. 73. P. 1279-1294, doi: 10.1007/s00445-011-0485-9.

Информация об авторах

С. Г. Аржанников – кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории Современной геодинамики,
Институт земной коры СО РАН,
664033, Иркутск, ул. Лермонтова, 128, Россия.

Obruchev S. V., Lur'e M. L. (1954) Volcanoes Kropotkin and Peretolchin in the Eastern Sayan. *Trudy laboratorii vulkanologii = Proceedings of the Laboratory of Volcanology.* Iss. 8. P. 210-225. (In Russ.).

Perlee Kh. (1956) Some unknown date on the history of Mongolia. Ulaanbaatar. 137 p. (In Mongol).

Rashid-ad-Din. (1952) Compendium of Chronicles. Moscow-Leningrad. Vol. 1. Book 1. 214 p. (In Russ.).

Chagdurov S. Sh. (1999) Mountain Buryatia - the ancestral home of all Mongols. *Filologicheskii sbornik = Philological collection*. Ulan-Ude. P. 190–193. (In Russ.).

Chagdurov S. Sh. (1997) Ergune-Kun - a homeland for the Mongolian clans and tribes. VII *Mezhdunarodnyi kongress mongolovedov (Ulan-Bator, avgust 1997 g.). Doklad rossiiskoi delegatsii = The 7th International Conference on Mongolian Studies in Ulaanbaatar, August 1997. The Russian Delegation's Report.* Moscow. P. 168-172. (In Russ.).

Yarmolyuk V. V., Nikiforov A. V., Ivanov V. G. (2003) Structure, composition, sources, and mechanism of valley effusions of Jombolok lava flows (Holocene, South Baikal volcanic region). *Vulkanologiya i seismologiya = Volcanology and Seismology*. No. 5. P. 41-59. (In Russ.).

Arzhannikov, S. G., Braucher, R., Jolivet, M., Arzhannikova, A.V., Vassallo, R., Chauvet, A., Bourles, D., Chauvet, F., 2012. History of late Pleistocene glaciations in the central Sayan-Tuva Upland (southern Siberia). Quatern. Sci. Rev. 49, 16–32. http://dx.doi.org/10.1016/j.quascirev.2012.06.005.

Arzhannikov S. G., Ivanov A. V., Arzhannikova A. V., Demonterova E. I., Jolivet M., Buyantuev V. A., Oskolkov V. A., Voronin V. I. The most recent (682–792 CE.) volcanic eruption in the Jombolok lava field, East Sayan, Central Asia triggered exodus of Mongolian pre-Chinggis Khaan tribes (778-786 CE) // Journal of Asian Earth Science, 2016, v.125, p. 87-99.

Arzhannikov S. G., Ivanov A. V., Arzhannikova A. V., Demonterova E. I., Jolivet M., Voronin V. I., Buyantuev V. A., Oskolkov V. A. Age of the Jombolok lava field (East Sayan): evidence from dendrochronology and radiocarbon dating // Russian Geology and Geophysics, 2017, (58). P 20–36.

Cleaves, F. W. The Secret History of the Mongols. Harvard University Press. Cambridge and London, 1982. 277 pp.

Ivanov A. V., Arzhannikov S. G., Demonterova E. I., Arzhannikova A. V., Orlova L. A. Jom-Bolok Holocene volcanic field in the East Sayan Mts., Siberia, Russia: structure, style of eruptions, magma compositions, and radiocarbon dating // Bulletin of Volcanology. 2011. V. 73. P. 1279-1294, doi: 10.1007/s00445-011-0485-9.

Information about the authors

S. G. Arzhannikov – Cand. Sci. (geological and mineralogical), Leading Researcher of the Laboratory of Present Geodynamics,
Institute of the Earth's Crust, SB RAS,
128, Lermontov St., Irkutsk 664033, Russia.

А. В. Аржанникова – кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник лаборатории Современной геодинамики,
Институт земной коры СО РАН,
664033, Иркутск, ул. Лермонтова, 128, Россия.
А. В. Иванов – доктор геолого-минералогических наук, заместитель директора по науке, заведующий Центром коллективного пользования «Геодинамика и геохронология»,
Институт земной коры СО РАН,
664033, Иркутск, ул. Лермонтова, 128, Россия.
Е. И. Демонтерова – кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории Палеогеодинамики,
Институт земной коры СО РАН,
664033, Иркутск, ул. Лермонтова, 128, Россия.

A. V. Arzhannikova – Cand. Sci. (geological and mineralogical), Senior Researcher, Laboratory of Present Geodynamics,
Institute of the Earth's Crust, SB RAS,
128, Lermontov St., Irkutsk 664033, Russia.
A. V. Ivanov – Dr. Sci. (geological and mineralogical), Head of the Center for Shared Use “Geodynamics and Geochronology”,
Institute of the Earth's Crust SB RAS,
128, Lermontov St., Irkutsk 664033, Russia.

E. I. Demonterova – Cand. Sci. (geological and mineralogical), Leading Researcher, Laboratory of Paleogeodynamics,
Institute of the Earth's Crust, SB RAS,
128, Lermontov St., Irkutsk 664033, Russia.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 23 декабря 2021 г.; одобрена после рецензирования 25 января 2022 г.; принята к публикации 7 февраля 2022 г.

Article info

The article was submitted December 23, 2021; approved after reviewing January 25, 2022; accepted for publication February 7, 2022.

Научная статья
УДК 902
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-50-75

Курганы древнего населения Окинского плоскогорья (Восточный Саян)

Артур Викторович Харинский [1, 2], Дмитрий Евгеньевич Кичигин [3], Алексей Михайлович Коростелев [4], Матвей Александрович Портнягин [5]

[1, 3, 4, 5] Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия
[2] Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
[1, 2] kharinsky@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4815-6069
[3] kichkok@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0003-3382-4199
[4] alex-korostelev@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-7799-9746
[5] matirk@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7245-105X

Аннотация. Курганы из камня – один из наиболее известных типов археологических памятников, встречающихся на Окинском плоскогорье Восточного Саяна (Окинский район Республики Бурятия). Первые раскопки этих сооружений были проведены в 1870 г. П. А. Ровинским возле Окинского караула (в настоящее время археологические объекты Ока 1 и Ока 2). По мнению исследователя, раскопанные им конструкции возводились в память об умерших или с их помощью обозначали место жертвоприношений. Несмотря на результаты раскопок П. А. Ровинского, окинские курганы из камня продолжали восприниматься большинством исследователей как погребальные комплексы. Новые данные об этих объектах были получены в результате раскопок, проведенных в 2020 г. на археологическом объекте Шаснур 3 А. В. Харинским. Под двумя раскопанными им каменными кладками не обнаружены следы человеческих захоронений. Изучение археологических объектов с курганами из камня было продолжено в 2021 г. Проведена фиксация и описание всех каменных конструкций памятников Ока 1 и Ока 2, раскопано три комплекса с круглыми курганами из камня. Один из них находился на археологическом объекте Ока 1 (комплекс 12), другой на Шара-Тала 1 и третий на Сондинто 1. Ни в одном из раскопанных комплексов не найдены следы человеческих захоронений. Под камнями кургана Шара-Тала 1 обнаружены кремневые пластины, микропластины и отщепы, под курганом Сондинто 1 – кремневая пластина. Результаты работ 2021 г. не позволили однозначно определить возраст и культурную принадлежность окинских курганов. Предварительно эти сооружения можно характеризовать как кенотафы или поминальники, одновременно выполняющие маркирующие функции на территории, заселенной их строителями.

Ключевые слова: Восточный Саян, Окинское плоскогорье, р. Ока, р. Сенца, древние ритуальные конструкции, херексур, раскоп, кремневый отщеп, кенотаф

Благодарности: полевые исследования, проводившиеся авторами статьи в 2021 г. в Окинском районе Бурятии, осуществились благодаря финансовой поддержке группы компаний Бест – руководитель Г. К. Рыков и компании АН Инвест – руководитель А. Н. Недбаев. Авторы признательны всем, кто помог осуществить работы, предпринятые в 2021 г. в Окинском районе.

Для цитирования: Харинский А. В., Кичигин Д. Е., Коростелев А. М., Портнягин М. А. Курганы древнего населения Окинского плоскогорья (Восточный Саян) // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 1. С. 50–75. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-50-75

Original article

Kurgans of the ancient population of the Oka Plateau (Eastern Sayan)

Artur V. Kharinsky [1, 2], Dmitrii E. Kichigin [3], Aleksei M. Korostelev [4], Matvei A. Portniagin [5]

[1, 3, 4, 5] Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia
[2] Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
[1, 2] kharinsky@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4815-6069
[3] kichkok@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0003-3382-4199
[4] alex-korostelev@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-7799-9746

© Харинский А. В., Кичигин Д. Е., Коростелев А. М., Портнягин М. А., 2022

[5] matirk@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7245-105X

Abstract. Stone kurgans are one of the most famous types of archaeological sites found on the Oka plateau of the Eastern Sayan (Oka region of the Republic of Buryatia). The first excavations of these structures were carried out in 1870 by P. A. Rovinsky near the Okinsky guard (currently the archaeological sites of Oka 1 and Oka 2). According to the researcher, the structures unearthed by him were erected in memory of the dead or, marked the places of sacrifice practices. Despite the results of excavations by P. A. Rovinsky, the stone kurgans of Oka continued to be perceived by most researchers as burial complexes. New data on these objects were obtained as a result of excavations carried out in 2020 at the archaeological site Shasnur 3 by A. V. Kharinsky. No traces of human burials were found under the two stone excavated pavements. The study of archaeological sites with stone kurgans was continued in 2021. All stone structures of the Oka 1 and Oka 2 sites were recorded and described, three structures with round stone kurgans were excavated. One of them was located at the archaeological site Oka 1 (complex No. 12), another at Shara-Tala 1 site and the third one at Sondinto 1 site. No traces of human burials were found in any of the excavated structures. Flint blades, microblades and flakes were found under the stones of the Shara-Tala 1 kurgan, and a flint blade under the Sondinto kurgan. The results of the work in 2021 did not allow us to unambiguously determine the age and cultural affiliation of the Oka kurgans. Preliminarily, these structures can be characterized as cenotaphs or memorials, simultaneously performing the marking functions on the territory inhabited by their builders.

Keywords: Eastern Sayan, Oka Plateau, Oka River, Sentsa River, ancient ritual structures, khirgisuur, excavation, flint flake, cenotaph

Acknowledgements: field research conducted by the authors of the article in 2021 in the Okinsky District of Buryatia was carried out thanks to the financial support of the Best Group of Companies headed by G. K. Rykov and the AN In-vest company headed by A. N. Nedbaev. The authors are grateful to everyone who helped to carry out the work in 2021 in the Okinsky District.

For citation: Kharinsky A. V., Kichigin D. E., Korostelev A. M., Portniagin M. A. (2022) Kurgans of the ancient population of the Oka Plateau (Eastern Sayan). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 1. P. 50-75. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-50-75

Введение

Окинское плоскогорье занимает значительную часть Окинского района Республики Бурятии, располагаясь на юго-востоке Восточного Саяна (рис. 1). С севера оно ограничено хребтом Кропоткина, с западной стороны – Сенца-Тиссинским и Тисса-Дибинским массивами, с южной стороны окаймляется хребтом Мунку-Сардык, на востоке граница плоскогорья проходит по Главному Саянскому разлому. С севера на юг плоскогорье пересекает р. Ока, вытекающая из Окинского озера. Выходя за пределы плоскогорья, она огибает хребты Восточного Саяна и вырывается на просторы Иркутско-Черемховской равнины.

Особенности морфологии, геологического строения и экзоморфогенеза позволили выделить на территории Окинского плоскогорья десять геоморфологических районов. В северной части плоскогорья располагается Окинский низкогорный котловинный район со следами ледниковой деятельности в краевых частях (Выркин, Масютина, 2017). Район вытянут вдоль р. Оки, с левой стороны в которую впадают реки Сенца, Жомболок и Сайлаг, а с правой стороны – река Улзыта. Между речными долинами располагаются расчлененные денудационные скальные останцы, поросшие лиственничным лесом. В расширенном днище р. Оки сформировались аллювиальные равнины, покрытые степной растительностью.

Участок Окинской долины, расположенный между рекой Сенцой с юга и рекой Улзыта с севера, наиболее интересен в археологическом отношении. В работе Л. В. Лбовой и Е. А. Хамзиной «Древности Бурятии. Карта археологических памятников» в этом районе упоминается 12 из 16 археологических объектов, известных в Окинском районе. Из них 6 памятников характеризуются как средневековые могильники (Лбова, Хамзина, 1999. С. 141, 142). Наличие на Окинском плоскогорье доступных для исследования захоронений представляло возможность для решения целого ряда задач, связанных с историей Горной Оки и примыкающих к ней Тувы, Прихубсугулья, Тункинской долины и Иркутско-Черемховской равнины. На поверхности земли эти археологические объекты обозначались кладками из камня, что облегчало их исследование.

Полевые работы, связанные с изучением памятников археологии, считавшихся могильниками, начались в Окинском районе в 2020 г. Они связаны с раскопками на Шаснуре 3, в результате которых бы-

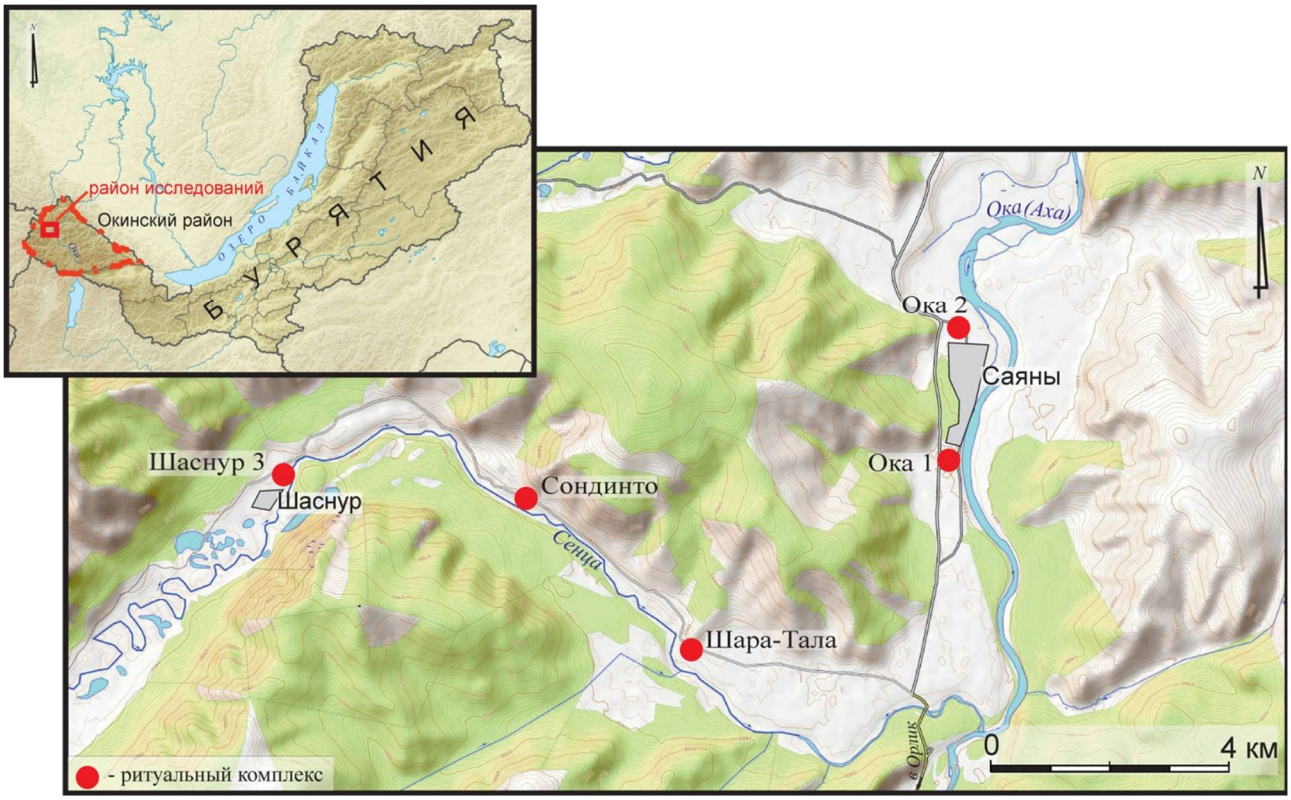


Рис. 1. Карта расположения ритуальных комплексов с курганообразными кладками в районе с. Саяны
Fig. 1. Map of the location of ritual sites with kurgan-like pavements in the area of the village Sayany

ли вскрыты комплексы № 1 и 2, под каменными кладками которых не выявлено останков человеческих захоронений. Оба комплекса отнесены к ритуальным сооружениям, возможно, выполнявшим функции кенотафов (Ташак, Харинский, Портнягин, 2021). Попытки найти и исследовать древние захоронения на территории Окинского района продолжали оставаться достаточно актуальными. В связи с чем в 2021 г. предприняты новые раскопочные работы археологических объектов, обозначенных на поверхности земли курганообразными кладками из камней. В большинстве из них не было обнаружено следов человеческих захоронений, тем не менее полученные во время раскопок данные существенно дополнили представления об этом типе памятников и духовной культуре древнего населения Окинского плоскогорья.

История изучения археологических объектов с кладками из камня

Первые сведения о каменных курганообразных кладках в Горной Оке были опубликованы в 1867 г. П. А. Кропоткиным. В 1865 г. им предпринята поездка к Окинскому караулу – поселению, в котором жили русские казаки и буряты, охранявшие границу России с империей Цин, установленную на основании Кяхтинского договора 1727 г. П. А. Кропоткин должен был проверить сведения о водопадах, находившихся вблизи караула. По сведениям господина Черепанова, представившего эту информацию, у одного из них высота падения воды составляла около 100 саженей (около 200 м), таким образом делая его одним из самых высоких водопадов в мире.

П. А. Кропоткин писал: «…падь Оки, низовья Сенцы, Тисы и Джунбулака … если неудобны для хлебопашества, то по крайней мере доставляют много удобств для кочевых народов. Поэтому они должно быть издавна были заселены, а теперь в окрестностях караула считают до 300 бурят, которые заняли низовья Сенцы, Джунбулака и самую долину Оки в то время, как верхние части тех же долин посещаются карагазами, а в былое время и сойотами» (Кропоткин, 1867. С. 56).

Во время осмотра окрестностей Окинского караула П. А. Кропоткиным на луговой равнине Оки были обнаружены кучи булыжников круглой или овальной формы. Исследователь посчитал, что это, по-видимому, остатки от невысоких конических по-

строек. Они были покрыты дерном и заросли травой, но на камнях прослеживались следы копоти от воздействия огня. П. А. Кропоткин пишет: «… хотя я и предположил сперва, что это остатки плавильных печей чуди, но, не найдя никаких следов шлаков, пришел к тому убеждению, что это действительно остатки жилищ» (Кропоткин, 1867. С. 56).

В 1870 г. для изучения каменных куч, описанных П. А. Кропоткиным, в Окинский караул отправился П. А. Ровинский (Ровинский, 1871. С. 38, 39). На первой, второй и четвертой от Сенцы террасах им отмечены кучки камней, сложенные в виде кругов, диаметром от сажени и менее в диаметре. Они слегка возвышались над поверхностью земли и располагались без всякого порядка и симметрии. Эти кладки не походили на остатки зданий, но, по мнению исследователя, могли быть могилами. Правда, его смущало отсутствие даже небольших насыпей земли возле этих сооружений, что было бы неизбежно, если бы здесь копали землю.

П. А. Ровинским были раскопаны две каменные кладки. Одна из них находилась на ровной поверхности четвертой террасы, близ двух казачьих изб, другая располагалась поодаль от первой, на бугре, имеющем вид параллелограмма и находящемся посередине впадины. При раскопках кладок выяснилось, что под наложенными сверху камнями залегал незначительный слой земли, под которым находилось галечное основание, состоящее из мелких и крупных камней. Глубина раскопов была более сажени. В них ничего не было найдено и отсутствовали малейшие следы какого-либо воздействия со стороны человека на расположенные под кладкой отложения. По мнению П. А. Ровинского, древние обитатели окинских берегов сооружали каменные кладки на поверхности земли в память об умерших или обозначали с их помощью место для жертвоприношений. Отсутствие под ними ям объяснялось невозможностью с помощью древних орудий пробить галечное основание.

После значительного перерыва работы по поиску и описанию археологических объектов Горной Оки были продолжены в 1974 г. Они проводились А. В. Тиваненко и А. Д. Жалсараевым – сотрудниками Института общественных наук СО АН СССР. Дальнейшие исследования археологических памятников Окинского района предприняты в первой половине 1990-х годов Б. Б. Дашибаловым. Им зафиксировано 14 археологических объектов с каменными кладками на поверхности земли, из которых 2 были определены как жертвенники и 12 как могильники (Дашибалов, 1994)[1]. Среди последних присутствовали конструкции с овальными кладками (Хургэ 2, Саяны 1, Монголжон 2, Обтой, Сайлаг 2), круглыми курганообразными кладками (Саяны 1, Шарза 1, Шарза 3, Шаснур 3, Шара-Тала, Булаг 1), небольшими круглыми плоскими кладками (Шарза 2, Сайлаг 2, Булаг 3). Б. Б. Дашибалов предложил следующую датировку для ряда осмотренных им памятников: Хургэ 2 – эпоха позднего средневековья, курганы оставлены бурятами; Монголжон 2 – старобурятское погребение; Обтой – относится к эпохе средневековья и датируется монгольским временем (XI–XIV вв.); Шарза 2 – старобурятские захоронения (Дашибалов, 1994. Л. 2, 7–9)[1]. Дав характеристику некоторым «могильникам» первой и третьей группы, исследователь никак не охарактеризовал археологические объекты с крупными кладками круглой курганообразной формы.

Спустя практически два десятилетия после разведочных работ Б. Б. Дашибалова, к осмотру археологических объектов, расположенных в Окинском районе, и определению их границ приступил сотрудник «НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры» Республики Бурятии Д. А. Миягашев. В составленном им отчёте указано 29 археологических объектов, для каждого из которых установлены границы и указаны координаты (Миягашев, 2012)[2]. Помимо объектов, обнаруженных в начале 90-х гг., Д. А. Миягашевым выявлены и новые археологические памятники. Среди них упоминаются средневековый могильник Булаг-Шэбэй, расположенный в 8 км к юго-западу от с. Хужир (Миягашев, 2012. Л. 17)[2], и средневековый могильник Шахмаг, находившийся северо-восточнее с. Сая-

[1] Дашибалов Б. Б. Археологические памятники Окинского района Республики Бурятии. Улан-Удэ, 1994. Архив научно-производственного центра Охраны памятников, инв. № 64. 67 л.

[2] Миягашев Д. А. Отчет о выполнении работ по установлению границ территорий объектов археологического наследия Окинского района Республики Бурятии. Улан-Удэ, 2012. Архив научно-производственного центра Охраны памятников, инв. № 205. 42 л.

ны, у восточного подножия скалы с петроглифом, в 230 м на северо-восток от АЗС (Миягашев, 2012. Л. 29, 30)[2]. Некоторым из объектов, описанных Б. Б. Дашибаловым, исследователь дал иные названия. Так могильник Обтой был переименован в Джамбулак (Жомболок) (Миягашев, 2012. Л. 22)[2]. В свою очередь в том месте, где у Д. А. Миягашева упоминается могильник Обтой, у Б. Б. Дашибалова археологические объекты отсутствуют (Миягашев, 2012. Л. 6, 27)[2].

Могильник Саяны 1 переименован в могильник Ока и разделен на два пункта. Пункт 1 памятника располагался на высокой террасе левого берега р. Оки, на остепненном участке южной окраины села, по обе стороны грунтовой дороги, ведущей в с. Хужир. Пункт 1 памятника включал 15 могил, отмеченных крупными курганами (до 6 м в диаметре). Пункт 2 памятника локализовался на остепненном участке поймы р. Оки за северной окраиной села Саяны с правой стороны дороги, ведущей в с. Хужир. Пункт 2 включал 8 могил, отмеченных крупными курганами (до 6 м в диаметре) (Миягашев, 2012. Л. 23–25)[2].

Могильники Шарза 1, Шарза 2 и Шарза 3 объединены Д. А. Миягашевым в один объект – Шарза. Могильник (средневековье) – и получил наименование пункт 1, пункт 2 и пункт 3. При этом координаты границ пункта 3 (Шарза 3) были указаны неверно (Миягашев, 2012. Л. 33)[2]. Их местоположение локализуется на 960 м юго-западнее реального пункта расположения могильника. Ошибочные координаты приведены и для могильника Шара-Тала, локализующиеся в 3,6 км северо-западнее истинного места нахождения этого памятника (Миягашев, 2012. Л. 36)[2]. Они соответствуют положению другого археологического объекта – Сондинто 1, который Д. А. Миягашев перепутал с могильником Шара-Тала.

Из трех групп археологических объектов, обозначенных Б. Б. Дашибаловым как могильники, наиболее представительно выглядели комплексы с круглыми курганообразными кладками, по своим размерам превышающими другие памятники – с овальными и небольшими круглыми кладками. Именно их решено было исследовать в первую очередь в 2020–2021 гг., в надежде на получение достаточного количества материала, необходимого для создания предварительной культурно-хронологической схемы истории Окинского плоскогорья.

В 2020 г. под руководством А. В. Харинского предприняты работы на археологическом объекте Шаснур 3. На нем выявлено 3 археологических комплекса, обозначенных на поверхности земли каменными кладками. На месте комплекса № 1 заложен раскоп 7 х 7 м. С его помощью исследована круглая курганообразная кладка диаметром 5,5 м. Раскопом 5 х 5 м вскрыт комплекс № 2 с плоской кладкой круглой формы диаметром 4 м. Оба сооружения, вероятно, были ритуальными конструкциями. Под ними не зафиксировано следов захоронений. Их каменные кладки сооружены на месте неолитических стоянок, поэтому на площади раскопа зафиксированы изделия из камня, фрагменты неолитической керамической посуды и костей животных. Предварительно время сооружения комплексов № 1 и № 2 определено серединой I тыс. до н. э. – серединой II тыс. н. э. (Харинский, 2021)[3].

В этом же году М. А. Портнягиным проведен осмотр пункта 1 археологического объекта Ока 1. Проведено координирование всех каменных конструкций памятника, их описание и фотофиксация. Выявлены две новых конструкции из камня, которые ранее не отмечались предыдущими исследователями памятника (Портнягин, 2021)[4].

Разведочные и раскопочные работы, проводившиеся в течение нескольких десятилетий на территории Окинского района, не дали возможности сформировать четкие представления о хронологии, культурной принадлежности и функциональном назначении большинства археологических комплексов, обозначенных на поверхности земли каменными кладками. Подобная ситуация требовала даль-

[3] Харинский А. В. Отчет о раскопках на территории выявленного объекта археологического наследия «Шаснур. Могильник» в Окинском районе Республики Бурятия в 2020 г. Открытый лист № 1217-2020, выдан 27 июля 2020 г. Иркутск, 2021. Архив ИА РАН. Р.1. 71 л.

[4] Портнягин М. А. Отчет о проведении археологических разведочных работ на территории Тункинского и Окинского районов Республики Бурятия в 2020 г. Открытый лист № 1004-2020, выдан 16 июля 2020 г. Иркутск, 2021. Архив ИА РАН. Р. 1. 90 л.

нейших исследований памятников этого типа, которые и были предприняты в 2021 г.

Ока 1

В ходе разведочных работ 2012 г. Д. А. Миягашев пришёл к заключению, что археологический объект Ока 1, именовавшийся Б. Б. Дашибаловым Саяны 1, включает в свой состав каменные курганы куполообразной формы диаметром до 6 м, похожие на курганы-херексуры эпохи бронзы. Также на нем отмечены кладки кольцеобразной формы с западиной в центре, сложенные из грубо обломанных камней диаметром до 4 м, похожие на рядовые хуннуские кладки. В ходе частных визитов этот памятник осматривали П. Б. Коновалов и А. Д. Цыбиктаров. По их мнению, в его составе имеются как средневековые кладки, так и курганы-херексуры и хуннуские могилы. Расположение комплексов с каменными кладками к северу и югу от с. Саяны побудило Д. А. Миягашева разделить объект на 2 пункта. Южный из них получил наименование Ока, пункт I, северный – Ока, пункт 2 (Миягашев, 2012. Л. 23)[2]. Для унификации наименований археологических объектов Окинского района мы предлагаем первый из пунктов именовать как Ока 1, а второй пункт – Ока 2.

Археологический объект Ока 1 расположен на высокой, покрытой степной растительностью террасе левого берега р. Оки, к югу от села Саяны (рис. 1). К западу от территории памятника проходит грунтовая дорога, следующая из с. Орлик в с. Хужир. Отходящая от нее в сторону с. Саяны проселочная дорога пересекает северо-западную часть памятника. Еще одна проселочная дорога проходит вдоль обрыва, спускающегося к реке, в восточной части памятника. Размер территории археологического объекта 315 х 660 м, её высота над уровнем моря составляет 1294–1300 м. К настоящему времени на памятнике фиксируется 17 искусственных каменных кладок (рис. 2; 3; табл. 1).

Отдельного внимания заслуживает комплекс 15. Он располагается между просёлочными дорогами на южной окраине пос. Саяны (рис. 4; 5.1). Кладка комплекса состоит из кольца диаметром 27 м и расположенного внутри него кургана диаметром 16,5 м. Внутри насыпи фиксируются следы старого раскопа четырёхугольной формы размером 5,5 х 3,5 м, ориентированного длинной осью по азимуту 290° (рис. 5.2). Кладка подверглась разрушению, поэтому полностью реконструировать ее детали проблематично. Кольцо сложено в один ряд из камней размером от 35 х 20 см до 40 х 30 х 30 см, между которыми находятся более мелкие камни. Размеры камней кургана от 15 х 10 см до 50 х 25 см.

В пространстве между курганом и кольцом кладки на некоторых участках фиксируются выкладки из камней. В западной части кладки располагается конструкция размером 4,4 х 2,3 м, ориентированная по азимуту 36°. Она состоит из камней размером от 24 х 10 до 60 х 30 см. Возможно, первоначально конструкция имела более четкие очертания и была представлена лучами, соединяющими кольцо с насыпью.

В восточной части конструкции между кольцом и насыпью фиксируются выкладки из камней, напоминающие лучи. Самый северный из них, длиной 4 м и шириной 1,7 м, ориентирован по линии 260°. В 1,7 м к югу от него второй луч, длиной 3 метра, шириной 1,8 м, ориентирован по линии 274°. С южной стороны кладки также фиксируется два луча. Размер восточного 1,6 х 1,2 м, ориентирован по линии 0°. В 3,4 м от него другой луч 2,6 х 1,2 м, ориентирован по линии с азимутом 33°.

Среди камней кладки располагаются 7 лиственниц. В центре грабительского раскопа находятся 5 лиственниц, в северной части кургана произрастает еще одна лиственница и одна высохшая лиственница располагается в его восточной части. В 2 м к северо-западу от кладки установлена деревянная опора ЛЭП.

Большая часть каменных конструкций на памятнике Ока 1 имеет круглую курганообразную форму (12 комплексов) диаметром 2,5–6 м. Также отмечены овальные курганообразные кладки (комплексы 5, 7, 16), размером от 3 х 4 м до 4,5 х 5,0 м, овальная плоская кладка (комплекс 9) 2 х 3,5 м, и круглая плоская кладка (комплекс 14), диаметром 7 м. В северо-восточной части археологического объекта располагалась кладка, состоявшая из кольца диаметром 27 м и расположенной посреди него курганной насыпи диаметром 16,5 м. По своим конструктивным особенностям эта кладка напоминает херексуры (керексуры) – погребальные и поминальные конструкции, распространенные на территории Монголии и Южной Сибири (Алтай, Тува

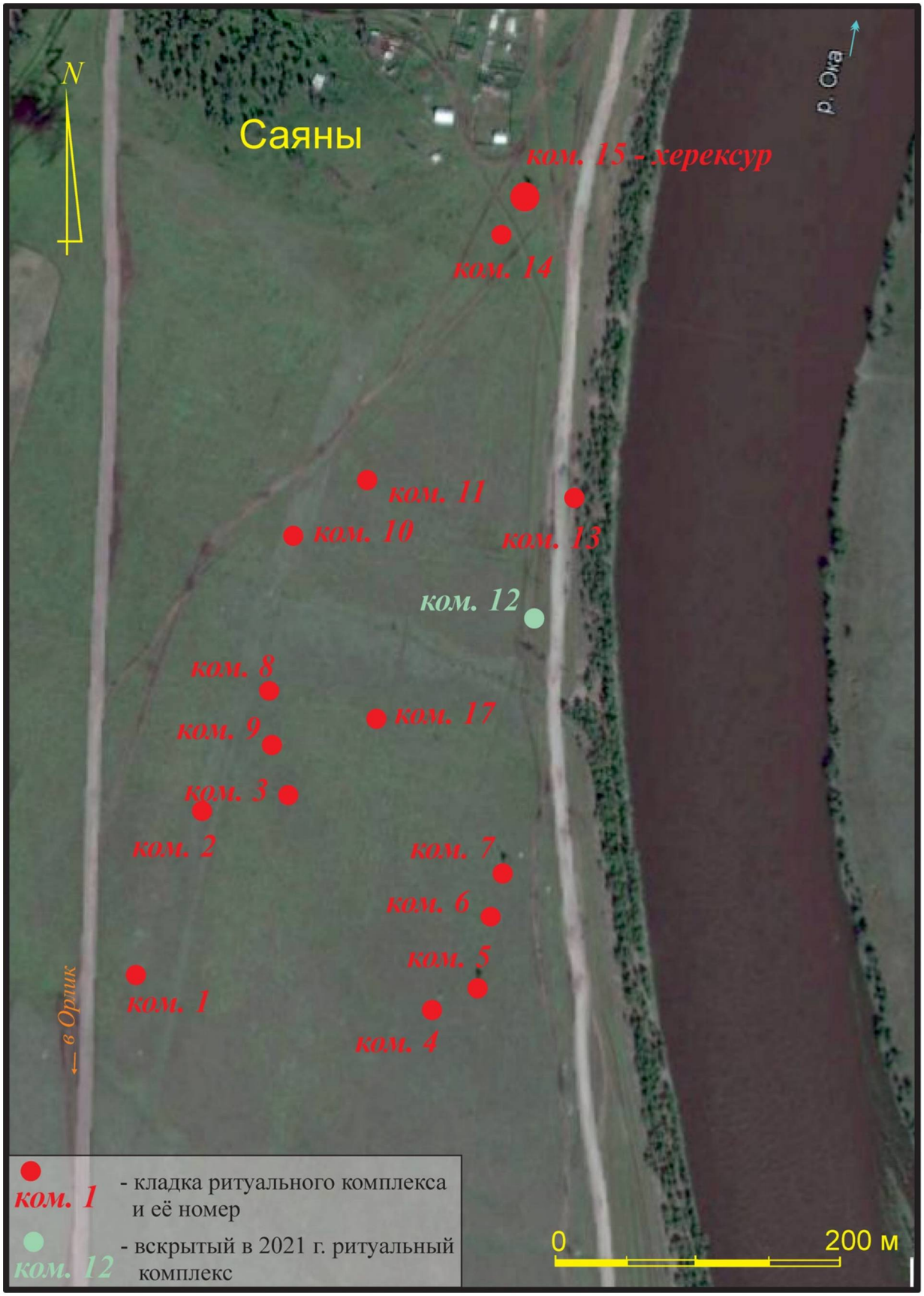


Рис. 2. Спутниковый снимок ритуального комплекса Ока 1, 2021 г.
Fig. 2. Satellite image of the Oka 1 ritual site, 2021

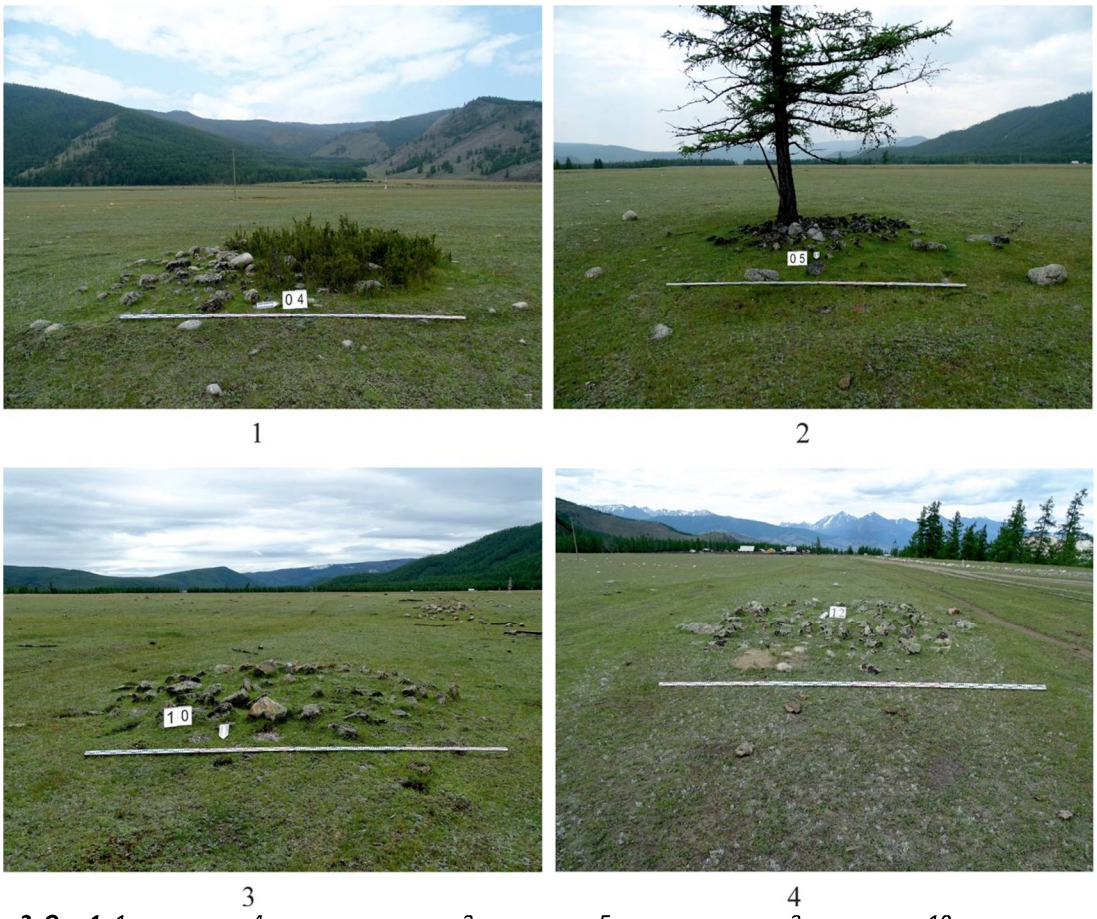


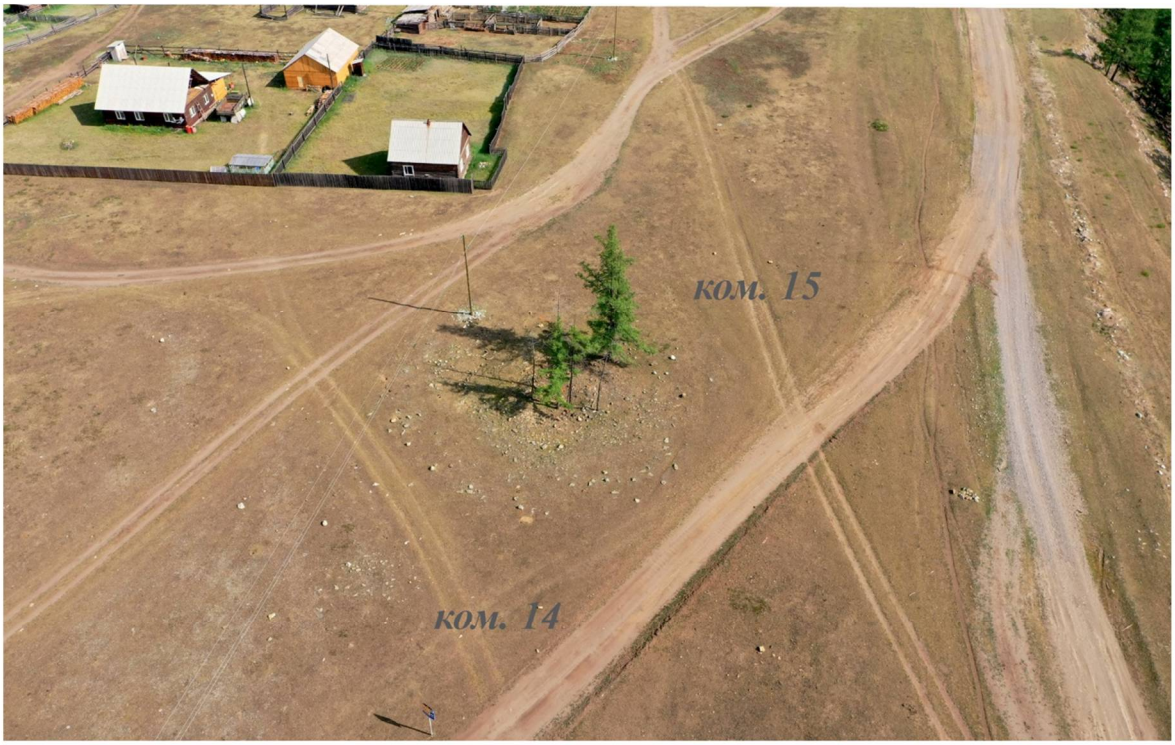
Рис. 3. Ока 1: *1 – комплекс 4, снято с востока; 2 – комплекс 5, снято с севера; 3 – комплекс 10, снято с севера; 4 – комплекс 12, снято с юга*

Fig. 3. Oka 1 site: *1 –structure No. 4, photo from the east; 2 - structure No. 5, photo from the north; 3 - structure No. 10, photo from the north; 4 - structure No. 12, photo from the south*

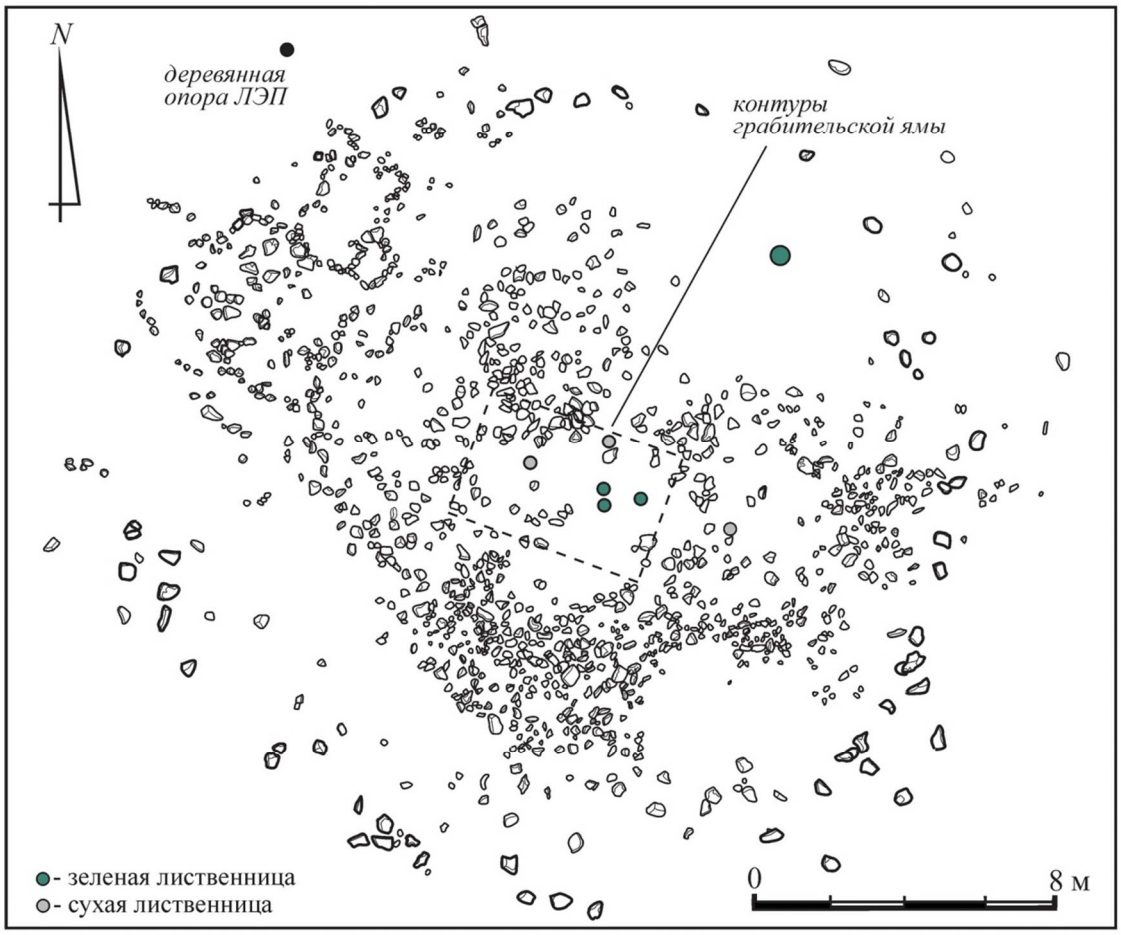
Таблица 1. **Характеристика курганов ритуального комплекса Ока 1**

Table 1. **Characteristics of the burial mounds of the Oka 1 ritual complex**

№ кургана	Форма	Размеры / диаметр, м	Вытянутость по длинной оси	Размеры западины в центре кладки, м	Вытянутость западины по длинной оси
1	круглая	5,5	–	–	–
2	круглая	6	–	–	–
3	круглая	2,5	–	–	–
4	круглая	4,5	–	+	–
5	овальная	3 x 4	СВ–ЮЗ	–	–
6	круглая	6	–	2,5 x 1	З–В
7	овальная	4,5 x 5	СВ–ЮЗ	–	–
8	круглая	3	–	–	–
9	овальная	3,5 x 2	СВ–ЮЗ	–	–
10	круглая	5	–	–	–
11	круглая	3,5	–	–	–
12	круглая	4,5	–	–	–
13	круглая	4	–	+	–
14	круглая	7	–	–	–
15	круглая	16,5 (27)		5,5 x 3,5	ЗСЗ–ВЮВ
16	овальная	3,5 x 4,5	ССВ–ЮЮЗ	–	–
17	круглая	2,5	–	–	–



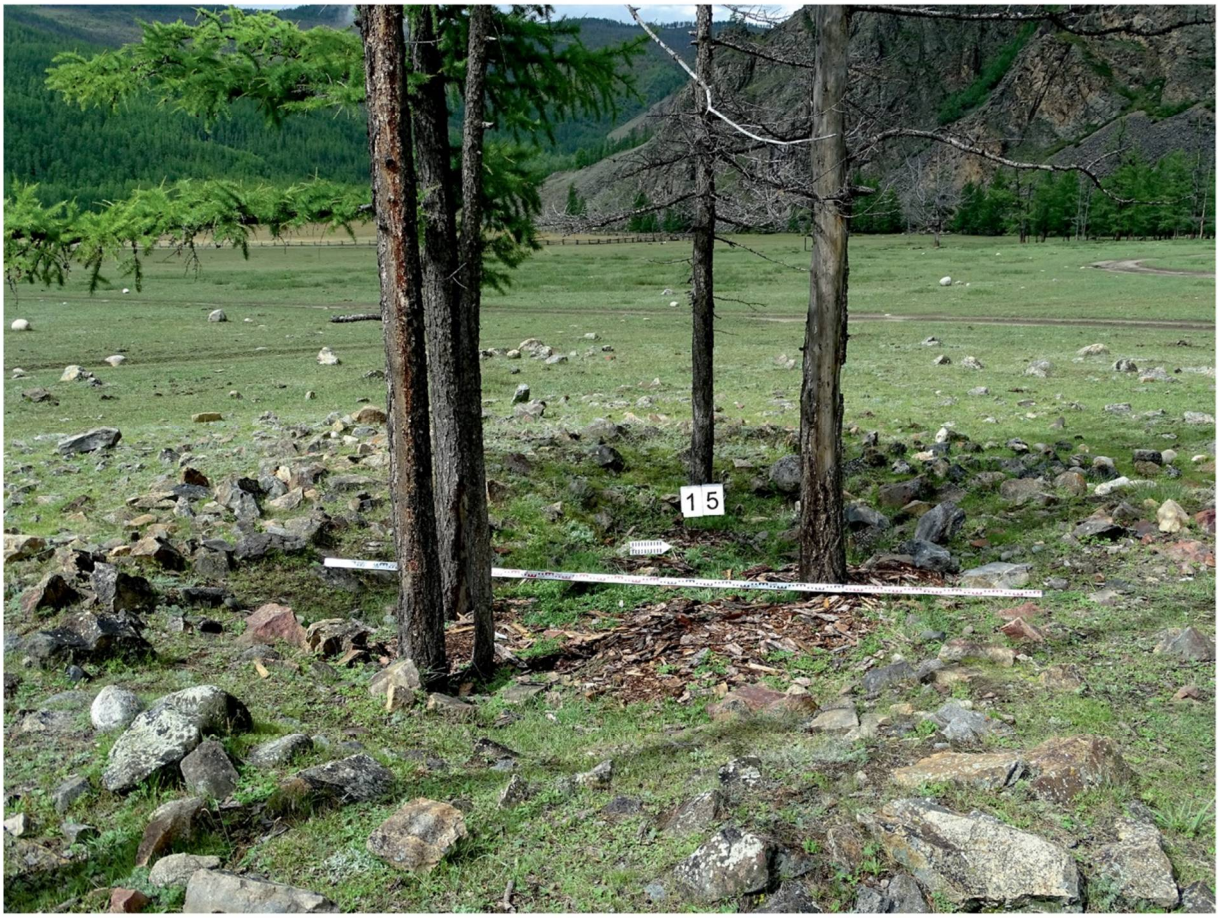
1



2

Рис. 4. Ока 1: *1 – комплексы 14 и 15, снято сверху с юга; 2 – план каменной кладки комплекса 15*
Fig. 4. Oka 1site: *1 - structure No. 14 and structure No. 15, top photo from the south; 2 - plan of stone pavement of structure No. 15*

1



2

Рис. 5. Ока 1, комплекс 15: *1 – снято с юга; 2 – центральная часть, снято с востока*
Fig. 5. Oka 1 site, structure No. 15: *1 - photo from the south; 2 - central part of pavement, photo from the east*

и юго-западное Забайкалье). Возможно, комплекс 14, лежащий к юго-западу от херексура, является сопровождающей его кладкой, под которой, обычно находят останки домашних копытных животных. У остальных комплексов Оки 1 не наблюдается какой-либо закономерности в расположении.

Раскопки комплекса 12

Для решения вопросов хронологии, культурной принадлежности и конструкции комплексов Оки 1, было решено вскрыть один из них. Для этого был выбран комплекс № 12, у кладки которого не зафиксированы следы разрушения. На месте кладки заложен раскоп 5,5 х 6,0 м, ориентированный длинными стенками по линии север-юг. Для фиксации конструктивных особенностей кладки комплекса (устройство каменной конструкции и т. д.), использовались профильные линии (бровки) A-B и C-D шириной до 30 см. Бровка A-B пересекала каменную конструкцию по линии северо-запад – юго-восток, бровка C-D по линии северо-восток – юго-запад. После выхода на уровень основания кладки бровки разбирались с зарисовкой и фиксацией находящихся в них камней, артефактов и т. д. Для счёта высотных отметок использовался репер Р-1, располагавшийся в 3,3 м к северу от раскопа.

После расчистки кладки выяснилось, что она имеет форму круга диаметром 5 м. Конструкция сложена из камней размером от 12 х 20 см до 35 х 50 см. Камни располагаются в 1–3 слоя. Мощность конструкции достигает 30 см. Ряд камней укладывался на кладку намного позже времени ее сооружения. Это относится, например, к самому крупному камню конструкции размером 50 х 75 см, расположенному в её северо-западной части (рис. 6.1). Нижний уровень камней кладки образовывал конструкцию овальной формы, размером 3,5 х 4,5 м, ориентированную длинной осью по линии с азимутом 35°. С северо-западной стороны к ней был сделан четырехугольный пристрой размером 1,0 х 1,5 м. Между камней кладки в северо-западной части конструкции обнаружен позвонок мелкого рогатого скота, а в центре кладки под камнями зафиксированы фрагменты древесины (рис. 6.2; 7.1).

В районе комплекса 12 отмечена следующая стратиграфическая ситуация (рис. 6.3; 7.2,3):

1. Дёрн мощностью 3–5 см.
2. Тёмно-серая супесь мощностью 10–25 см.
3. Светло-коричневая супесь вскрыта на 25 см.

Кладка комплекса заложена из основания темно-серой супеси. Камни, которые укладывались на конструкцию позже времени ее сооружения, залегали в кровле этого слоя.

После снятия камней кладки каких-либо свидетельств о наличии под ними искусственных углублений, сооружений из дерева или камня, наличия костей и артефактов зафиксировано не было (рис. 6.4).

Ока 2

Археологический объект Ока 2 расположен на высокой, покрытой степной растительностью террасе левого берега р. Оки, к северу от села Саяны, на высотных отметках 1280–1290 м над уровнем океана (рис. 1). К западу от территории памятника проходит грунтовая дорога, следующая из с. Орлик в с. Хужир. Несколько проселочных дорог пересекают территорию памятника с юго-востока на северо-запад, следуя из с. Саяны в сторону с. Хужир. С юга на север через нее проложена ЛЭП. Размер территории археологического объекта 750 х 930 м.

Впервые территория памятника была описана в 1994 г. Б. Б. Дашибаловым. На северо-западной окраине поселка им зафиксировано 4 круглых кургана. Они располагались по краю поймы вдоль невысокой террасы, поросшей молодым лиственничным лесом. Один из курганов находился в ограде крайнего строящегося дома. Курганы этой группы растянулись почти до крутого каменного утеса, расположенного за колхозной заправкой. Насыпи курганов круглой формы выложены из плотно задернованных окатанных, а также грубо обломанных камней (Дашибалов, 1994. Л. 4)[1].

Следующее скопление каменных кладок отмечено исследователем в 500 м к северо-востоку от первой группы. Оно состоит из 6 больших курганов и двух маленьких кладок. Эти курганы располагались в центре поймы и были равноудалены от реки и каменного утеса. Между двумя крайними восточными курганами находились две небольшие овальные кладки, выложенные из валунов. Самый ближний к реке курган ограблен. Два крупных кургана находились в 150–200 м к северо-западу от основной части курганов этой группы.

Третья группа состояла из 8 курганов, находившихся в 400 м на запад от второй группы. Она располагалась к югу от высокой террасы, вытянутой амфитеатром в сторону р. Оки. Курганы находились за изгородью по обе стороны грунтовой дороги, ведущей в Улан-Оку. Два кургана сложены вплотную друг к другу и образуют восьмеркообразную конструкцию, вытянутую по линии запад – восток. На трех курганах выросли деревья (Дашибалов, 1994. Л. 5)[1].

К настоящему времени на памятнике фиксируется 17 искусственных каменных кладок, располагающихся тремя группами (рис. 8; 9; табл. 2). Южная группа соответствует первой группе, выделенной Б. Б. Дашибаловым. В нее входят две искусственные каменные конструкции вместо четырех, отмеченных Б. Б. Дашибаловым. Восточная группа кладок соотносится со второй группой, выделенной Б. Б. Дашибаловым. В ней отмечено 7 каменных конструкций, а не 8, как у Б. Б. Дашибалова. Северо-западная группа кладок соответствует третьей группе. Она включает 8 кладок.

На археологическом объекте Ока 2 зафиксировано 8 каменных конструкций круглой курганообразной формы диаметром 4,0–5,8 м, 6 конструкций овальной курганообразной формы размером от 2,8 х 3,6 м до 6 х 7 м, 1 овальная плоская кладка размером 2,2 х 3,6 м и 2 малых овальных кладки размером 1,4 х 2,0 и 2,0 х 2,3 м. Комплексы с каменными кладками на памятнике Ока 2 разделяются на три локальные группы. Две круглые курганообразные кладки памятника раскапывались в 1870 г. П. А. Ровинским. Одной из раскопанных им кладок, вероятно, является каменная конструкция комплекса 3. Местоположение другой кладки установить не удалось. Под каменными конструкциями

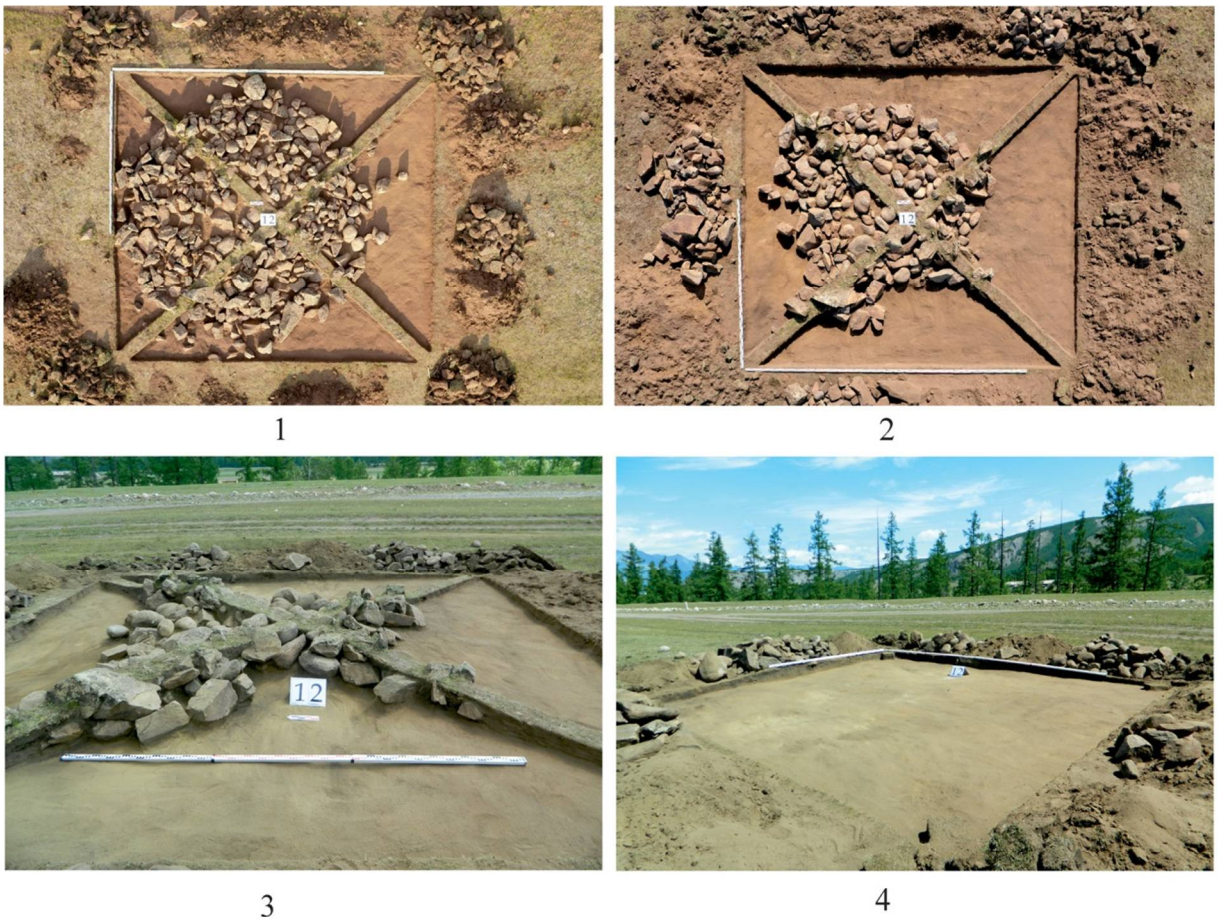


Рис. 6. Ока 1, комплекс 12: *1 – кладка после расчистки, снято сверху, верхний уровень камней; 2 – нижний уровень камней кладки, снято сверху; 3 – нижний уровень камней кладки, снято с запада; 4 – зачистка земли под кладкой комплекса, снято с юго-запада*

Fig. 6. Oka 1 site, structure No. 12: *1 - stone pavement after clearing, upper level of stones, photo from above; 2 - lower level of the stone pavement, photo from above; 3 – lower level of the stone pavement, view from the west; 4 - clearing the ground under the stone pavement of the structure, view from the southwest*

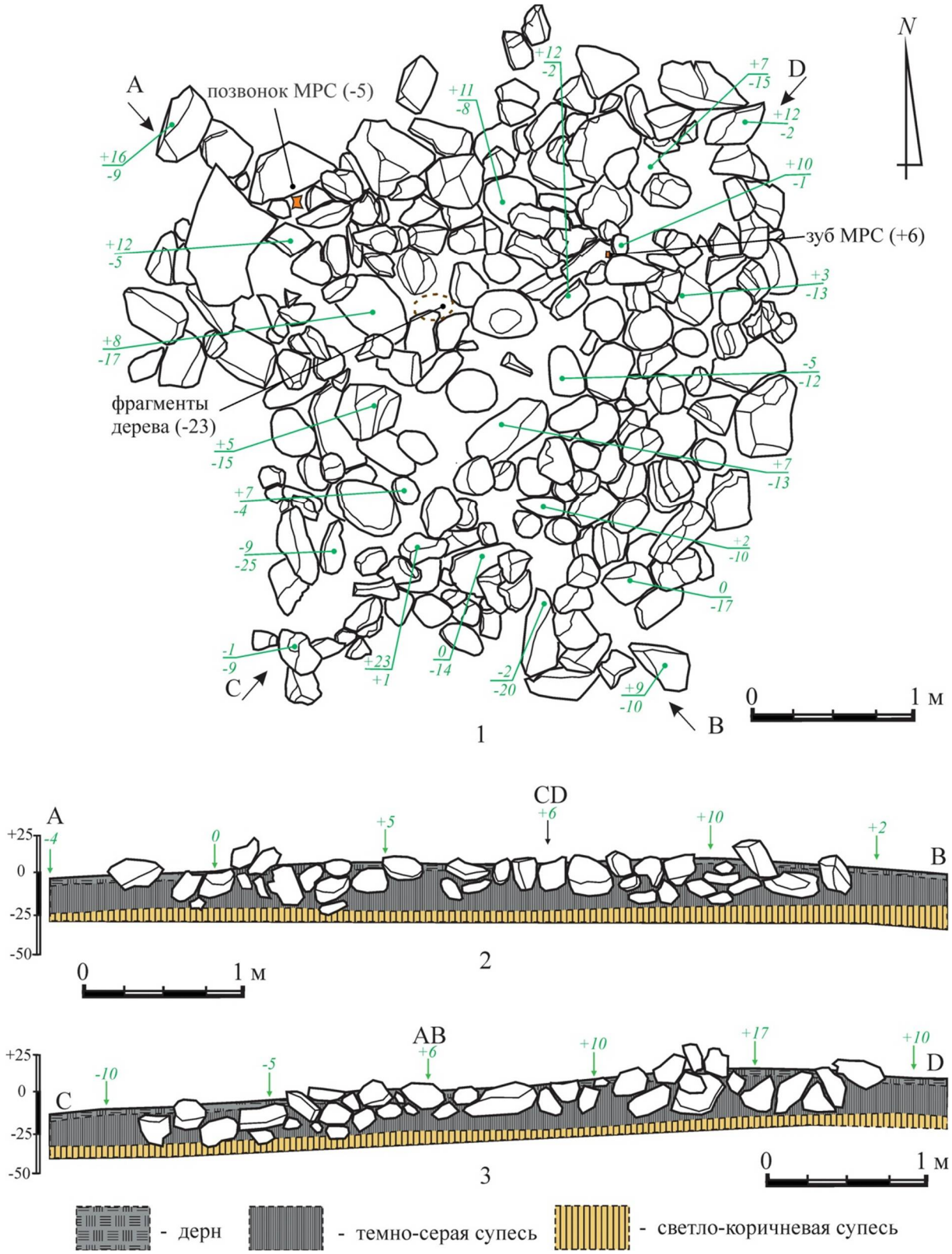


Рис. 7. Ока 1, комплекс 12: *1 – нижний уровень камней кладки; 2 – разрез комплекса 12 по линии северо-запад – юго-восток; 3 – разрез комплекса 12 по линии юго-запад – северо-восток*

Fig. 7. Oka 1 site, structure No. 12: *1 - lower level of the stone structure; 2 - section of structure No. 12 along the line northwest - southeast; 3 - section of structure No. 12 along the line southwest - northeast*

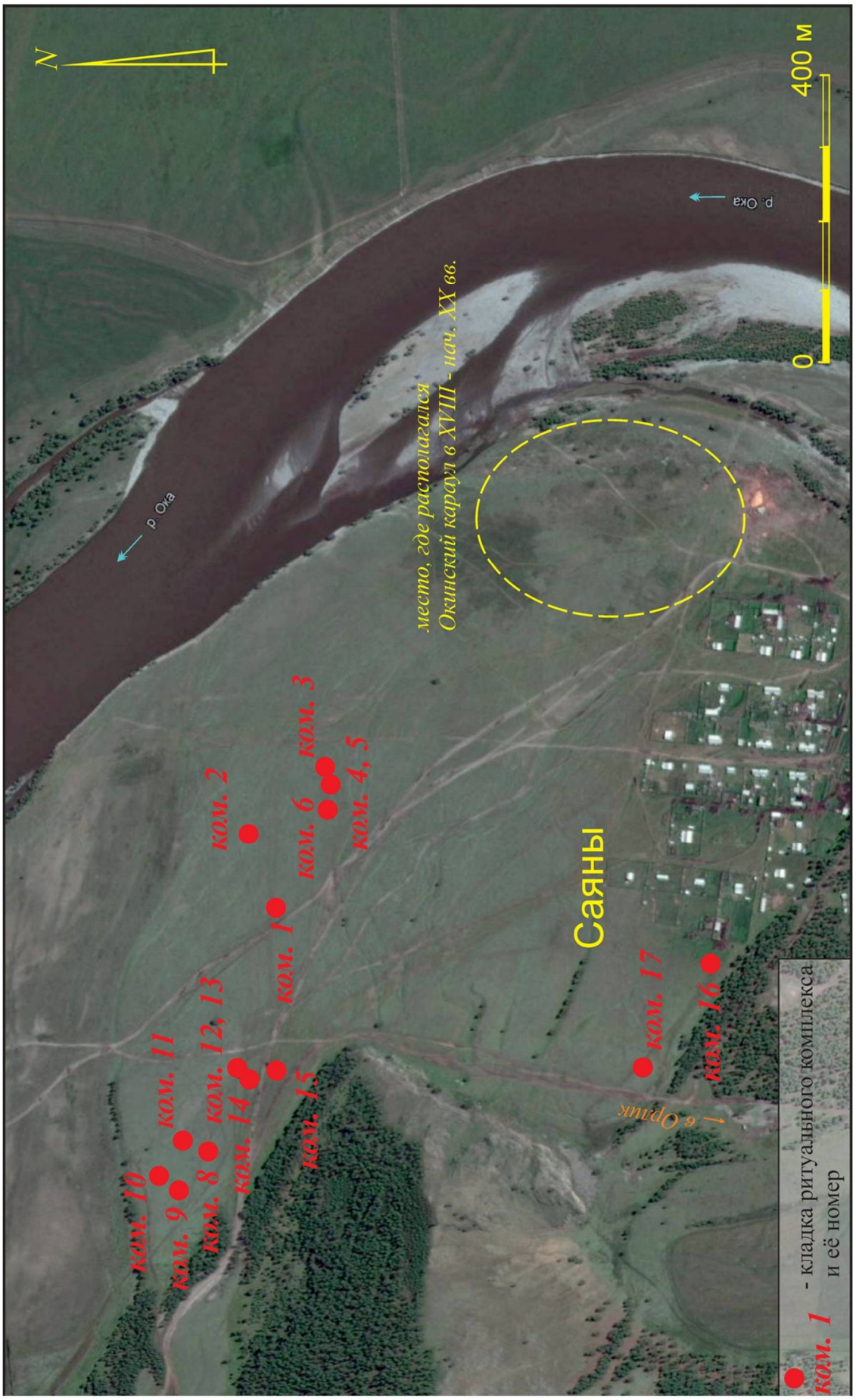


Рис. 8. Спутниковый снимок ритуального комплекса Ока 2, 2021 г.
Fig. 8. Satellite image of the Oka 2 ritual site, 2021

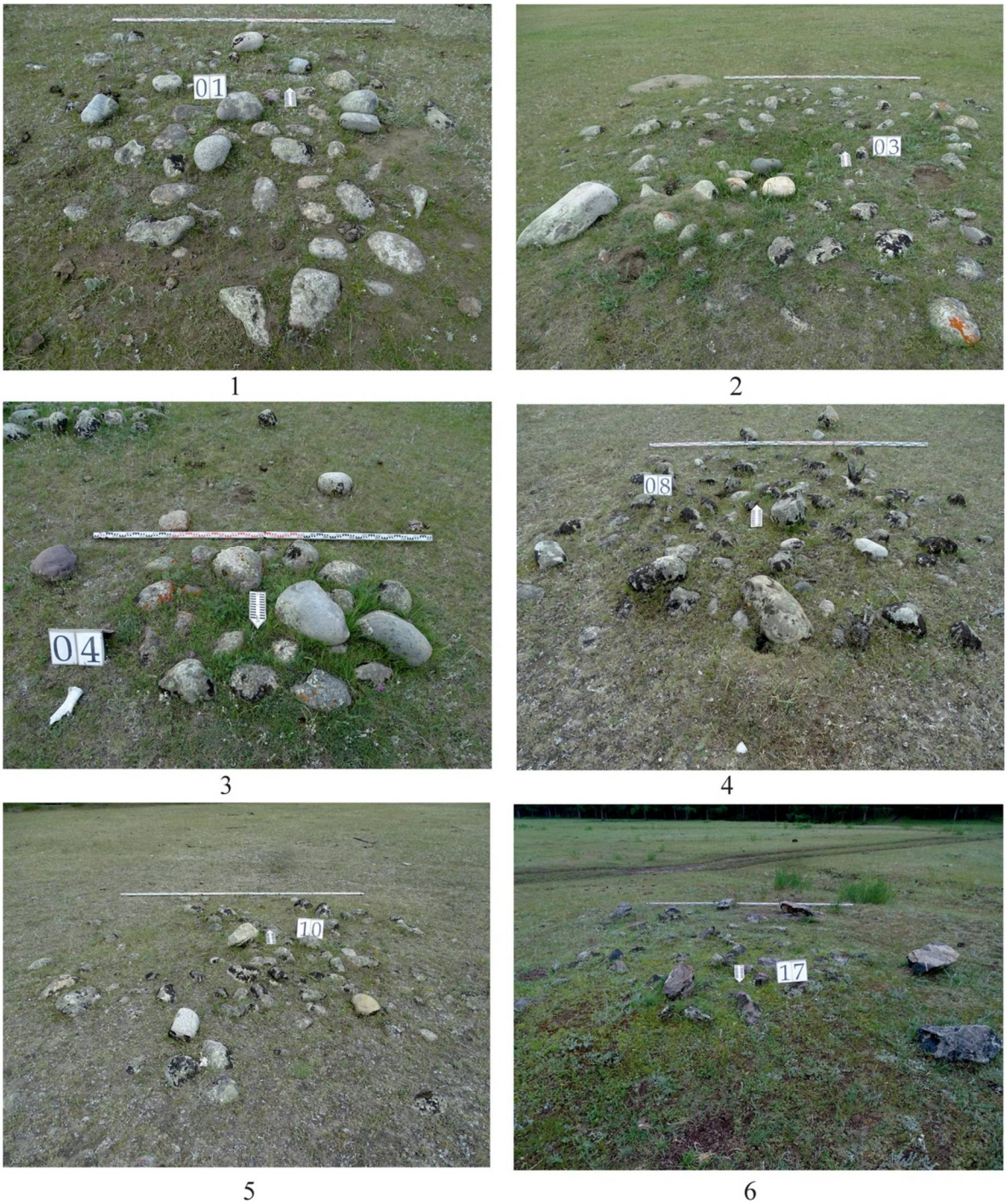


Рис. 9. Ока 2: *1 – комплекс 1, снято с юга; 2 – комплекс 3, снято с юга; 3 – комплекс 4, снято с севера; 4 – комплекс 8, снято с юга; 5 – комплекс 10, снято с юга; комплекс 17, снято с севера*

Fig. 9. Oka 2 site: *1 - structure No. 1, photo from the south; 2 - structure No. 3, photo from the south; 3 - structure No. 4, photo from the north; 4 - structure No. 8, photo from the south; 5 - structure No. 10, photo from the south; structure No. 17, photo from the north*

П. А. Ровинским не обнаружено каких-либо находок и искусственных конструкций или углублений.

Шара-Тала 1

Для определения возраста и культурной принадлежности археологических объектов с курганообразными кладками из камня требовалось проведение более масштабных исследований этих памятников. В связи с этим было принято решение раскопать два комплекса с курганообразными кладками в нижнем течении реки Сенцы на памятниках Шара-Тала 1 и Сондинто 1 (рис. 1).

Таблица 2. **Характеристика курганов ритуального комплекса Ока 2**
Table 2. **Characteristics of the burial mounds of the Oka 2 ritual complex**

№ кургана	Форма	Размеры / диаметр, м	Вытянутость по длинной оси	Размеры / диаметр западины в центре кладки, м	Вытянутость западины по длинной оси
1	овальная	3 х 4,3	Ю–С	–	–
2	круглая	4	–	–	–
3	круглая	5,8	–	2	–
4	овальная	1,4 х 2	ЗСЗ–ВЮВ	–	–
5	овальная	2 х 2,3	ЗСЗ–ВЮВ	–	–
6	овальная	4,8 х 6,1	ЗЮЗ–ВСВ	–	–
7	круглая	4,8	–	–	–
8	круглая	4	–	–	–
9	круглая	4	–	1,5	–
10	круглая	4	–	–	–
11	овальная	2,2 х 3,6	ЮЗ–СВ	–	–
12	овальная	2,8 х 3,6	Ю–С	–	–
13	овальная	4,5 х 5,2	Ю–С	–	–
14	овальная	5,5 х 6,4	Ю–С	2	–
15	овальная	6 х 7	ЮЗ–СВ	3 х 4	ЮЗ–СВ
16	круглая	5	–	–	–
17	круглая	4	–	–	–

Археологический объект Шара-Тала 1 находится в 7,1 км к юго-востоку от улуса Шаснур, на левом берегу р. Сенцы, в 1 км к северо-западу от летника Шара-Тала. Памятник представлен одиночной курганообразной каменной кладкой, расположенной на террасовидной незалесенной площадке, в 240 м к востоку от реки и к югу от проселочной дороги, следующей из с. Саяны в улус Шаснур. Диаметр кладки, зафиксированный до начала раскопочных работ, составлял 4 м. Она состояла из камней размером от 11 х 16 см до 47 х 58 см.

На месте расположения кладки заложен раскоп размером 4,5 х 5,5 м, ориентированный длинной осью по линии запад – восток. Для изучения конструктивных особенностей комплекса использовались профильные бровки A-B и C-D шириной до 30 см. Бровка A-B пересекала каменную конструкцию по линии северо-запад – юго-восток, бровка C-D по линии северо-восток – юго-запад. Для отсчета высот во время археологических раскопок, в 6 м от юго-восточного угла раскопа был установлен репер Р-1.

В ходе раскопочных работ была расчищена конструкция кладки. Она – четырехугольной формы размером 4,5 х 5,5 м, ориентирована длинной осью по линии север-юг (рис. 10.1; 11.1). В центре кладки камни располагаются в 2–3 слоя, по краям в один слой. Мощность конструкции в центре составляет 50 см (рис. 11.2)

В районе раскопа зафиксирована следующая стратиграфическая ситуация (рис. 11.3, 4):

1. Дёрн мощностью 3–5 см.

2. Тёмно-серая супесь мощностью 10–15 см.

3. Светло-коричневая супесь мощностью 5–15 см.

4. Жёлтая супесь со скальной крошкой вскрыта на 5 см.

Каменная кладка заложена с основания слоя светло-коричневой супеси.

Под камнями кладки в слое светло-коричневой супеси обнаружено несколько артефактов из кремня. Один из них – пластина, располагавшаяся под камнями в северной части кладки (рис. 10.2). Под камнями северо-западной части кладки выявлено скопление кремневых изделий, включающее 2 пластины (рис. 10.3, 4), 2 микропластины (рис. 10.5, 6) и 17 отщепов (рис. 10.6–10.8). Не исключено, что обнаруженные под кладкой изделия из камня имеют отношение к каменной конструкции Шара-Тала 1. Но полной уверенности в этом нет. Возможно, найденные артефакты соотносятся с культурным слоем неолитической стоянки, располагавшейся на надпойменной террасе р. Сенцы, и не связаны с дан-

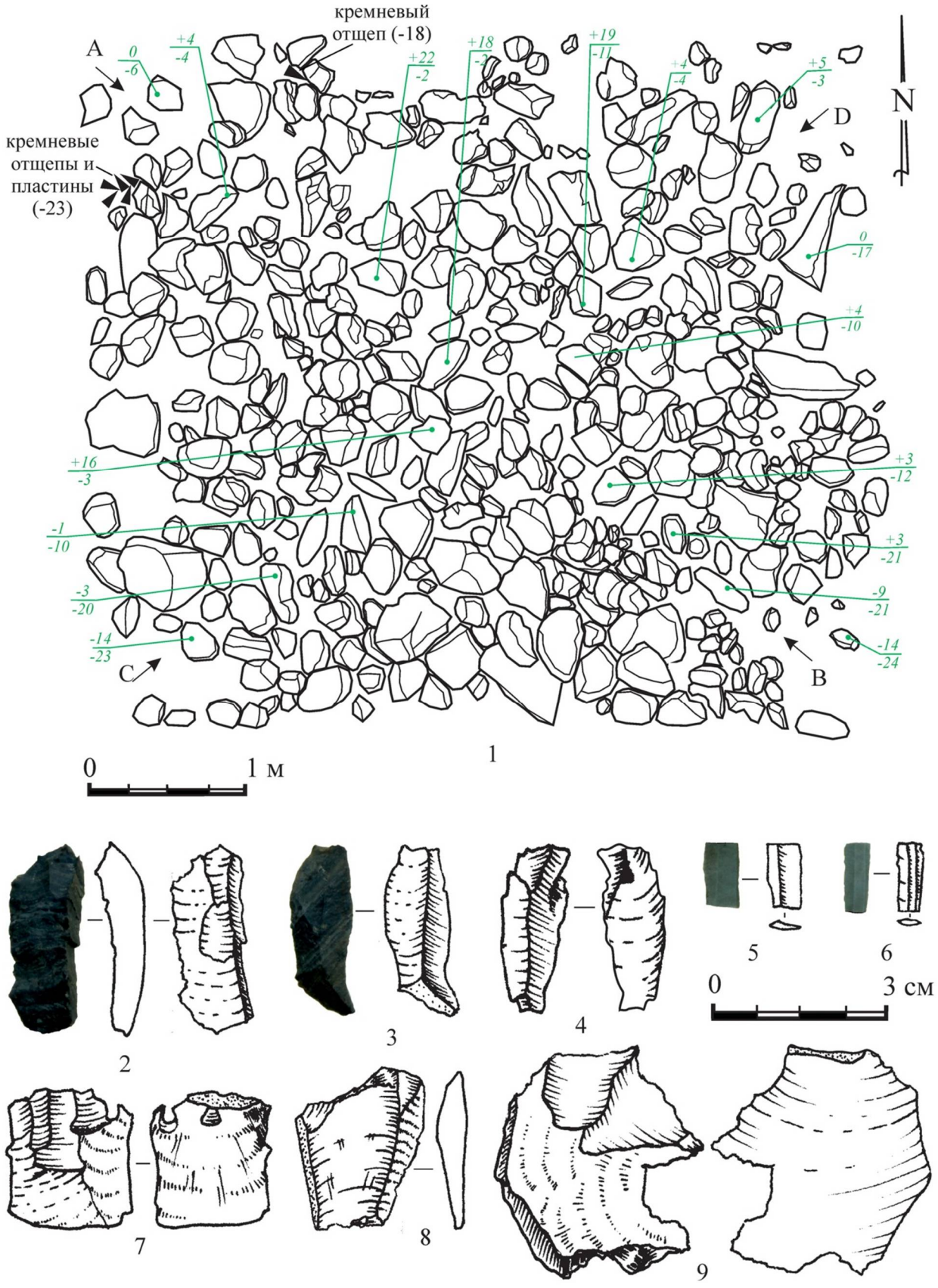


Рис. 10. Шара-Тала 1, комплекс 1: *1 – кладка после расчистки; 2–4 – кремневые пластины; 5, 6 – кремневые микропластины; 7–9 – кремневые отщепы*

Fig. 10. Shara-Tala 1 site, structure No. 1: *1 - stone pavement after clearing; 2-4 - flint blades; 5, 6 – flint microblades; 7-9 - flint flakes*

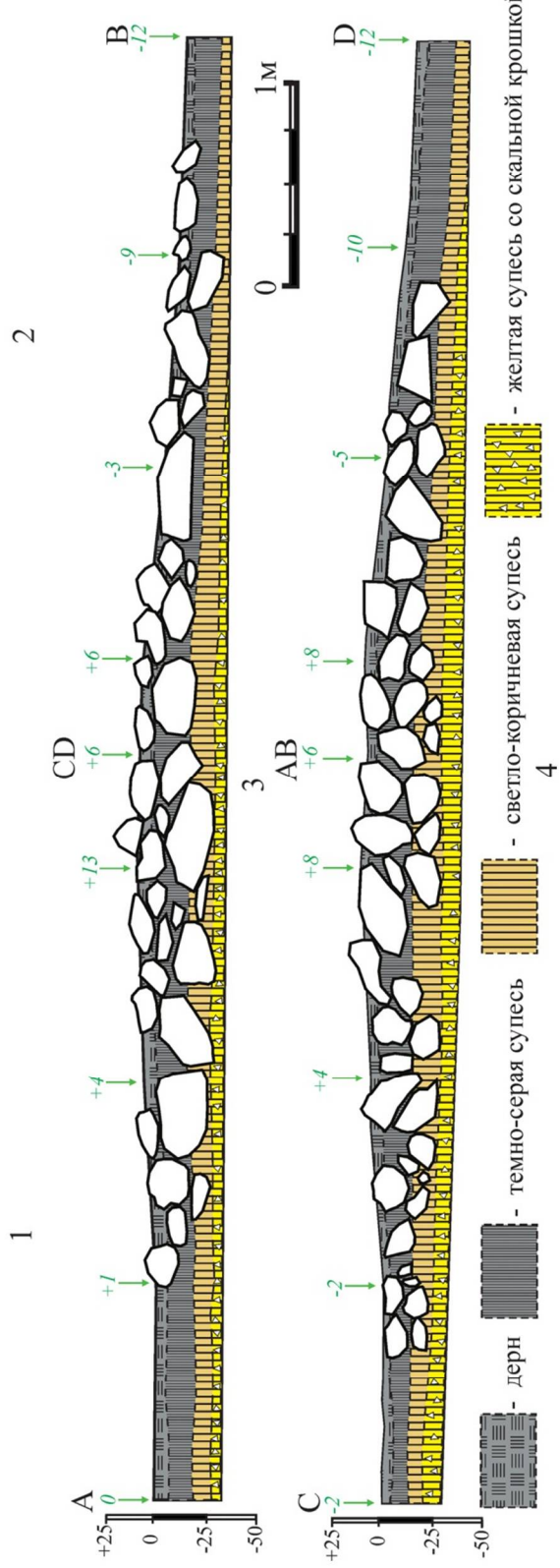


Рис. 11. Шара-Тала 1, комплекс 1: *1 – кладка после расчистки, снято с востока; 2 – стратиграфические разрезы кладки, снято с юга; 3 – разрез комплекса 1 по линии северо-запад – юго-восток; 4 – разрез комплекса 1 по линии северо-восток – юго-запад*

Fig. 11. Shara-Tala 1, structure No. 1: *1 - stone pavement after clearing, photo from the east; 2 - stratigraphic sections of the stone pavement, photo from the south; 3 - section of structure No. 1 along the line northwest - southeast; 4 - section of structure No. 1 along the line northeast - southwest*

ной конструкцией. Правда, поблизости от раскопа находки неолитического времени обнаружены не были, что ставит под сомнение наличие вблизи раскопа неолитической стоянки.

После снятия камней кладки каких-либо искусственных конструкций или углублений под ними выявлено не было.

Сондинто 1

Археологический объект Сондинто 1 находится в 3,8 км к востоку от улуса Шаснур, на левом берегу р. Сенцы, в 500 м к юго-востоку от зимника Сондинто. Памятник представлен одиночной курганообразной каменной кладкой, расположенной на незалесенной террасовидной площадке, в 120 м к северо-востоку от реки и в 30 м к югу от проселочной дороги, следующей из с. Саяны в улус Шаснур. Диаметр кладки, зафиксированный до начала раскопочных работ, составлял 5,1 м. В центре конструкции фиксировалась небольшая западина диаметром около 70 см и глубиной 15 см (рис. 12.1).

На месте кладки археологического объекта заложен раскоп 6 х 6 м, ориентированный стенками по сторонам света. Для изучения конструктивных особенностей раскапываемого объекта использовались профильные бровки A-B и C-D шириной до 30 см. Бровка A-B пересекала каменную конструкцию по линии запад – восток, бровка C-D по линии север-юг. Для отсчета высот во время археологических раскопок, в 16 м от юго-восточного угла раскопа был установлен репер Р-1.

После расчистки выяснилось, что диаметр кладки составляет около 5,5 м (рис. 12.2). Она сложена из камней преимущественно округлой (окатанной) формы в 1–3 слоя (рис. 13.1). Размеры камней варьируют от 16 х 12 х 6 см до 65 х 37 х 21 см. В центральной части кладки отмечен провал грунта; количество камней в этой части также незначительно, что может свидетельствовать о нарушении каменной конструкции еще в древности (возможно, в целях ограбления). В процессе расчистки каменной конструкции на разных уровнях среди камней отмечены фрагменты костей животных. Не исключено, что они попали в кладку уже после её сооружения.

В районе кладки обнаружена следующая стратиграфическая ситуация (рис. 13.2,3):

1. Дерн мощностью 3–5 см.

2. Легкий гумусированный суглинок темно-серого цвета мощностью 10–25 см.

3. Легкий бурый суглинок мощностью 10–15 см.

4. Желтый суглинок со скальной крошкой вскрыт на 20 см.

Кладка заложена из подошвы слоя легкого гумусированного суглинка темно-серого цвета. Под самой кладкой каких-либо фрагментов костей, контуров могильной ямы или же выделяемой визуально каменной конструкции не обнаружено.

Под юго-восточной частью кладки, на контакте темно-серого и бурого суглинка найден кремневый отщеп (рис. 12.3). Его отношение к кладке из камня не совсем понятно. Возможно, он является одним из элементов культурного слоя неолитической стоянки, которая могла располагаться на надпойменной террасе р. Сенцы, но свидетельств этой стоянки к настоящему времени не обнаружено.

Обсуждение

В ходе археологических работ, предпринятых на территории Окинского района Бурятии в 2020–2021 гг. сотрудниками Иркутского национального исследовательского технического университета, было обследовано 5 археологических объектов, на которых располагались курганы из камня. Материалы раскопок на памятнике Шаснур 3 были уже опубликованы (Ташак, Харинский, Портнягин, 2021), а данные исследований на археологических объектах Ока 1, Ока 2, Шара-Тала 1, Сондинто 1 представлены в этой статье.

В состав памятников Шаснур 3, Шара-Тала 1 и Сондинто 1 входит по одному кургану круглой формы. Ока 1 включает 12 круглых и 3 овальных кургана, Ока 2 – 8 круглых и 6 овальных курганов. На археологических объектах Шаснур 1, Ока 1 и Ока 2 курганообразные кладки из камней соседствуют с другими разновидностями каменных кладок. На Оке 1 и Оке 2, на которых представлено несколько разных видов кладок, не выявлено их раздельного расположения. Рядом находятся разные по форме каменные конструкции.

Все известные курганы из камня располагаются в открытой остепненной местности. Как правило, это высокие террасы рек Ока, Сенца или Жомболок. Недалеко от каменных конструкций проходят проселочные дороги, которыми, вероятно, пользовались еще в

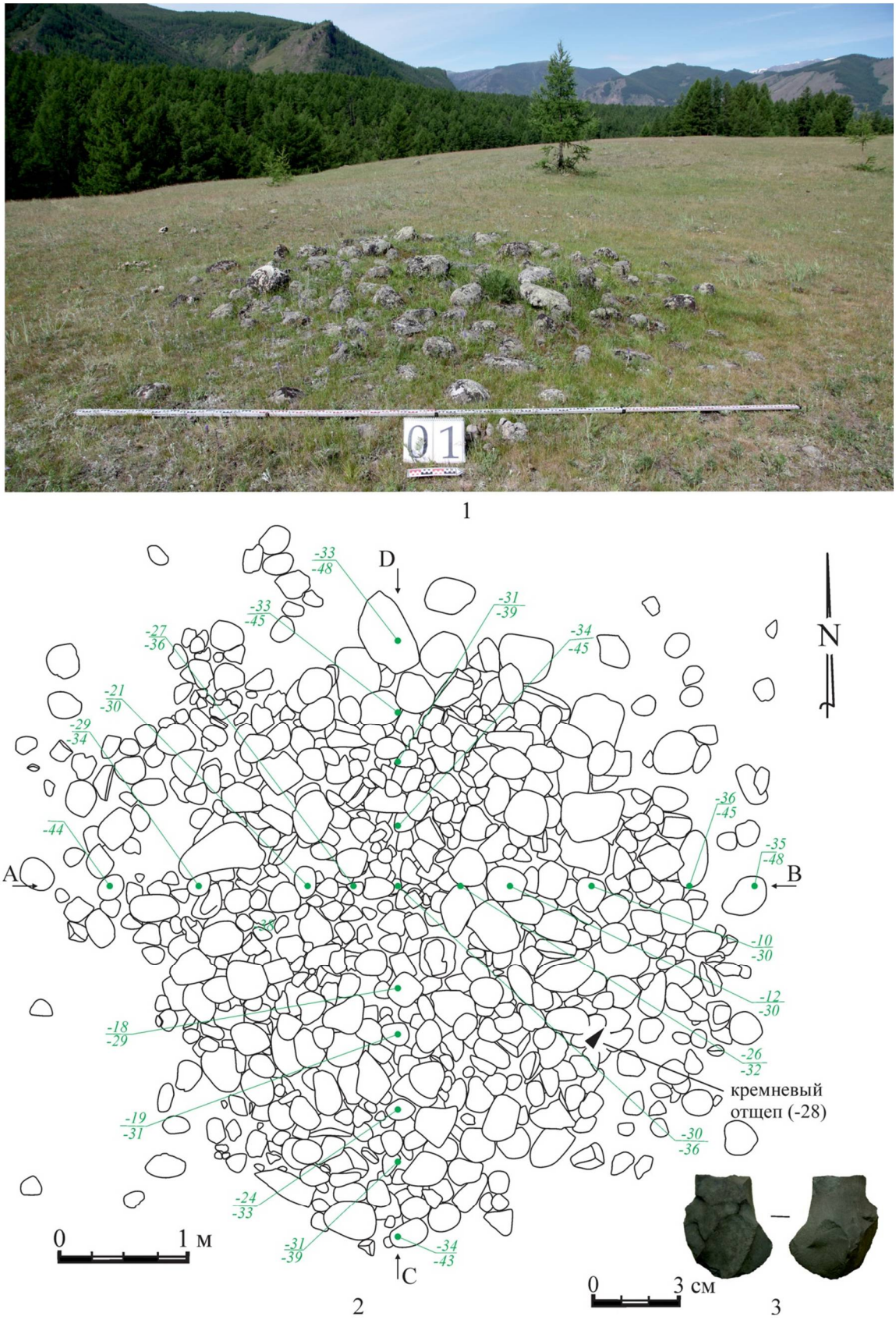


Рис. 12. Сондинто 1, комплекс 1: *1 – кладка до расчистки, вид с востока; 2 – кладка после расчистки; 3 – кремневый отщеп*

Fig. 12. Sondinto 1 site, structure No. 1: *1 - stone pavement before clearing, photo from the east; 2 - stone pavement after clearing; 3 - flint flake*

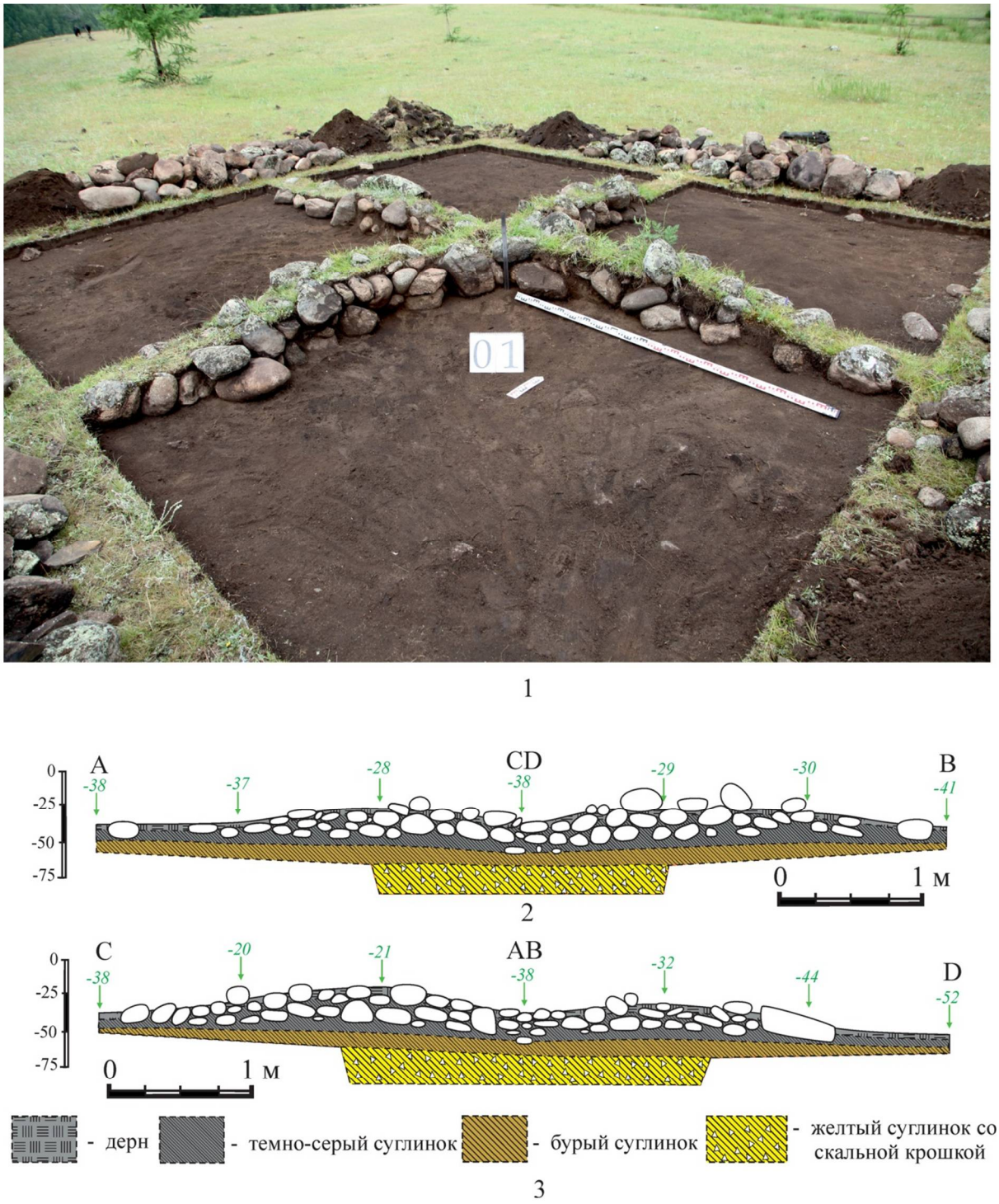


Рис. 13. Сондинто 1, комплекс 1: *1 – стратиграфические разрезы кладки, снято с юго-востока; 2 – разрез комплекса 1 по линии запад-восток; 3 – разрез комплекса 1 по линии север-юг*

Fig. 13. Sondinto 1 site, structure No. 1: *1 - stratigraphic sections of the stone pavement, photo from the southeast; 2 - section of structure No. 1 along the line west - east; 3 - section of structure No. 1 along the line north-south*

древности. На большинстве из курганов отмечено наличие камней, которые были помещены на них намного позже времени сооружения этих конструкций. Ни под одной из курганообразных кладок не отмечены следы человеческих захоронений.

Вышеперечисленные факты могли бы служить основанием для характеристики курганообразных кладок как придорожных сооружений, посвященных духам местности и известным в Южной Сибири и Монголии под именем обо (обоо, овоо) (Герасимова,

1969; Манжигеев, 1978. С. 61–62; Галданова, 1987. С. 101). Для одиночных курганов Шаснур 3, Шара-Тала 1 и Сондинто 1 такая версия была бы вполне уместной, но для Оки 1 и Оки 2 она не подходит. Курганообразные насыпи этих памятниках располагаются на значительной территории и локализуются не только возле дорог. Подобного размещения каменных или деревянных конструкций обо нигде не зафиксировано.

Топография размещения окинских курганов не соответствует местоположению погребальных комплексов, известных на территории Предбайкалья, которые, как правило, локализуются у подножия холмов или гор, на их склонах или пологих вершинах. Из всех окинских курганов, обследованных в 2020–2021 гг., только Шара-Тала 1 находится у подножия горы. Но раскопочные работы, проведенные на этом объекте, не подтвердили его погребальную направленность.

Под камнями кладок Шаснура 3, Шара-Тала 1 и Сондинто 1 обнаружены различные изделия из камня. Преимущественно, это не завершённые орудия, а элементы их производства. Подобный набор артефактов обычно встречается в культурном слое стоянок, поселений или мастерских. Не исключено, что вышеперечисленные курганы были сооружены на месте неолитических памятников. Но эта версия может быть подтверждена только для Шаснура 3, возле которого проводились шурфовочные работы и подтверждено наличие древних стоянок (Аржанников, Инешин, Аржанникова, Снопков, 2010). Возле Шара-Тала 1 и Сондинто 1 шурфовочные работы не проводились. На территории вокруг каменных конструкций не обнаружен подъемный археологический материал.

Одна из версий, объясняющая функциональное назначение круглых курганообразных кладок, уже выдвигалась (Ташак, Харинский, Портнягин, 2021). В статье, опубликованной в 2021 г., высказывается предположение о том, что «…плоские или курганообразные конструкции диаметром от 3 до 6 м, похожие на надмогильные кладки, можно характеризовать как кенотафы – имитацию погребальных сооружений. Они сооружались в память о человеке, останки которого не были доставлены к месту захоронения» (Ташак, Харинский, Портнягин, 2021. С. 151–152). Как правило, кенотафы имитируют погребальные конструкции. Их каменная кладка, яма и инвентарь подобны реальным прототипам из захоронений той культурной общности, которая их сооружала. Очень часто схожесть с погребальными конструкциями помогает датировать кенотафы, в которых отсутствуют артефакты. В нашем случае под круглыми курганообразными кладками отсутствовали какие-либо остатки ямы, сооружения из дерева или камней. Под кладкой комплекса 1 Шаснура 3 зафиксирована небольшая ямка, но вероятней всего она была оставлена грабителями, на следы деятельности которых указывает и частичное разрушение кладки.

Если все же считать окинские курганы из камня кенотафами и что они повторяли форму реальных погребальных конструкций, то в таком случае напрашивается мысль о том, были ли в погребальных конструкциях, синхронных им, могильные ямы. Может, представители общности, сооружавшей курганообразные насыпи из камня, хоронили своих умерших на поверхности земли и сверху закладывали покойника камнями. Подобная версия, на наш взгляд, вполне уместна. Она также не противоречит ранее высказанной мысли о том, что под этими сооружениями могли захоранивать сумочку с волосами умершего (сондой), если его тело было невозможно доставить к месту погребения. Подобный обряд зафиксирован у окинских хонгодоров – нынешних жителей Окинского плоскогорья. Прядь волос, находившаяся в сумочке, срезалась с головы ребенка, когда ему исполнялся год. Для этого проводился специальный обряд милан. Сондой хранили в родительском доме, чаще всего у алтаря. «Когда человек надолго покидал родные места, он вешал на шею сондой со своими волосами, и этот мешочек становился оберегом. Он должен был поддерживать его связь с родственниками и Родной Землей и защищать от неприятностей. Когда человек умирал, мешочек с прядью волос хоронили вместе с ним» (Ташак, Харинский, Портнягин, 2021. С. 152).

Преимущественно кенотафы сооружали в связи с гибелью человека в бою или в результате несчастного случая, тело которого доставить на родину не представлялось возможным. Процесс сооружения кенотафа направлен на преодоление оппозиции «жизнь-смерть» и создание благоприятных условий в загробном мире для души умершего человека (Дашковский, Серегин, 2008. С. 95).

Можно высказать еще одно предположение относительно назначения окинских курганов из камня.

Верховья Оки являются прекрасным изолятом, окруженным со всех сторон высокими горами. На протяжении столетий на Окинском плоскогорье могли скрываться переселенцы из соседних районов. Не исключено, что некая культурная общность, переселившаяся в лесостепную часть долины р. Оки, решила здесь на некоторое время закрепиться. В составе их духовной культуры вполне могли присутствовать обряды, связанные с почитанием умерших предков. Естественно, что переместить на новую территорию могилы предков они не могли, но соорудить из камней их имитацию, им было вполне по силам. Благодаря этим сооружением, они могли заручиться поддержкой духов предков и обращаться к ним за помощью в случае необходимости. Кроме этого, наличие на осваиваемой территории «могил предков» дополнительно её маркировало и устраняло претензии на эту землю других претендентов.

Из всех курганообразных конструкций Окинского плоскогорья кладка комплекса 15 Оки 1 выглядит наиболее впечатляющей. И хотя к настоящему времени каменная конструкция этого комплекса значительно разрушена, по ряду особенностей – наличие кольцевой оградки диаметром 27 м и круглой курганообразной кладки диаметром 16,5 м в центре конструкции, а также отсутствие сплошного заполнения камнями пространства между кольцом и кладкой, позволяет её охарактеризовать как херексур (Цыбиктаров, 1998. С. 136; Чугунов, 2002). Радиальные сооружения из камней, находящиеся между оградкой и курганной насыпью, напоминают лучи, фиксируемые у целого ряда херексуров. К настоящему времени это самый северный из известных херексуров. Вторым по удаленности на север и ближайшим к нему из херексуров является комплекс 1 археологического объекта Овоотын Узуур I (Судал 1). Он располагается в Монголии на северном берегу озера Хубсугул, на юго-восточной окраине сумонного центра Ханх (Харинский, Ожередов, Эрдэнэбаатар, 2006). Расстояние между двумя херексурами 110 км. Третий из самых северных херексуров – археологический комплекс Кур-Кечу 2 находится в Центральном Алтае (Тишкин, Гиенко, Дружинина, 2011). Он располагается в 940 км к западу от Оки 1.

Культуру оленных камней и херексуров в широком хронологическом диапазоне датируют XV–VIII вв. до н. э. (Ėnkhtör, Bemmann, Brosseder, 2018; Баярсайхан, Тувшинжаргал, Тэйлор и др., 2018; Frohlich, Amgalantögs, Littleton et al., 2009; Jeong, Wang, Wilkin et al., 2020; Wright, 2021). Не исключено, что в разных районах обширного ареала распространения херексуров хронологический диапазон существования этих памятников может не совпадать. Проникнуть на Окинское плоскогорье носители культуры оленных камней и херексуров могли только с юга – с территории современной Монголии. Один из наиболее вероятных маршрутов их продвижения проходил от северного побережья озера Хубсугул вверх по течению реки Их-Хоро-Гол до перевала Уха-Даба, или по её левому притоку Нарийн-Хоро-Гол до перевала Нарийн-Даба. Далее движение осуществлялось по долине реки Хоре – левому притоку Оки.

В значительной части херексуров не обнаружено следов захоронения человека. Вероятно, их сооружали для иных целей (Эрдэнэбаатар, 2009; Broderick, Houle, Seitsonen, Bayarsaikhan, 2014; Мамкин, Белоусов, 2019). Возможно, херексуры выполняли роль поминальников или кенотафов. В связи с этим правомерно рассматривать археологические объекты Ока 1 и Ока 2, до строительства с. Саяны и разборки части курганов, составлявшие единый памятник Саяны 1, как большой ритуальный ансамбль, не включающий в свой состав погребальных конструкций, что подтверждают раскопки 1870 и 2021 гг. Центральное положение в этом ансамбле занимает херексур. Не исключено, что большая часть комплексов с курганообразными насыпями сооружалось одновременно с ним и датируется в пределах конца II тыс. до н. э. – середины I тыс. н. э.

Заключение

Археологические памятники с курганами из камня, сооруженные древним населением Окинского плоскогорья, можно отнести к числу объектов, о которых известно очень немного. Вопросы их хронологии, культурной принадлежности и функционального назначения до сих пор остаются полностью нерешенными. Раскопки 2020–2021 гг. немного приоткрыли завесу таинственности над этими археологическими объектами. Большинство из них не являются погребальными сооружениями. Под ними отсутствуют ямы или какие-либо конструкции из камня и дерева. Наземные сооружения этих комплексов представлены круглыми кладками диаметром 2,5–6 м и оваль-

ными кладками размером от 2,8 х 3,6 м до 6 х 7 м. Часть овальных кладок, возможно, утратила свою первоначальную форму в результате действий грабителей. Конструкция всех курганообразных кладок однотипна, что указывает на их культурное единство и датировку в близком хронологическом диапазоне.

Ритуальный характер окинских курганов из камня не вызывает сомнения. Чаще всего они располагались по одному. Исключение составляют памятники Ока 1 и Ока 2, включавшие по несколько курганов из камня. В настоящее время можно предполагать, что эти сооружения выполняли роль кенотафов или поминальников, одновременно являясь искусственными территориальными маркерами, закреплявшими права их строителей над определенной территорией.

Список источников

Аржанников С. Г., Инешин Е. М., Аржанникова А. В., Снопков С. В. Палеогеграфическая обстановка обитания человека в долинах рек Окинского плоскогорья в Восточном Саяне (на примере долины р. Сенцы) // Известия Лаборатории древних технологий. 2010. № 8. С. 291–302.

Выркин В. Б., Масютина Ю. А. Геоморфологическое районирование Окинского плоскогорья (Восточный Саян) // Известия Иркутского государственного университета. 2017. Т. 19. Сер. Наука о Земле. С. 32–47.

Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск : Наука, 1987. 116 с.

Герасимова К. М. Культ обо как дополнительный материал для изучения этнических процессов в Бурятии // Этнографический сборник. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского института общественных наук СО АН СССР, 1969. Вып. 5. С. 105–144.

Дашковский П. К., Серегин Н. Н. Кенотафы кочевников Алтая в эпоху поздней древности и раннего средневековья // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул : Изд-во Азбука, 2008. Вып. II. С. 83–100.

Кропоткин П. А. Поездка в Окинский караул // Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. IX и X. Иркутск : Типография Окружного штаба, 1867. С. 1–94.

Лбова Л. В., Хамзина Е. А. Древности Бурятии. Карта археологических памятников. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 241 с.

Мамкин А. М., Белоусов В. Е. Новелла о курганах-керексурах на территории восточной провинции Байкальской Азии // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 6. С. 28–45.

Манжигеев И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М.: Наука, 1978. 128 с.

Ровинский П. А. О поездке на Тунку и на Оку до Окинского караула // Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск : Изд-во типографии Синицына, 1871. С. 31–52.

References

Arzhannikov S. G., Ineshin E. M., Arzhannikova A. V., Snopkov S. V. (2010) Paleogeography conditions of human habitation in the valleys of the Oka Plateau in the Eastern Sayan Mountains (on the example of Sentsa River valley). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Vol. 8. P. 291–302. (In Russ.).

Vyrkin V. B., Masyutina Yu. A. (2017) Geomorphological zoning of the Oka Plateau (Eastern Sayan). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Nauka o Zemle = Reports of the Irkutsk State University. Earth Science series.* Vol. 19. P. 32-47. (In Russ.).

Galdanova G. R. (1987) Beliefs Predating Lamaism of the Buryats. Novosibirsk: Nauka. 116 p. (In Russ.).

Gerasimova K. M. (1969) The Obo cult as additional material for the study of ethnic processes in Buryatia. *Etnograficheskii sbornik = Ethnographic collection.* Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo instituta obshchestvennykh nauk SO AN SSSR. Iss. 5. P. 105-144. (In Russ.).

Dashkovskii P. K., Seregin N. N. (2008) Cenotaphs of the nomads of Altai in the era of Late Antiquity and the early Middle Ages. *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive = Worldview of the population of South Siberia and Central Asia in historical retrospective.* Barnaul: Azbuka. Iss. 2. P. 83–100. (In Russ.).

Kropotkin P. A. (1867) The travel to the Oka Guard Fort. *Zapiski Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Kn. IX i X = Notes of the Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society. Books IX and X.* Irkutsk: Tipografiya Okruzhnogo shtaba. P. 1–94. (In Russ.).

Lbova L. V., Khamzina E. A. (1999) Ancient Buryatia: map of archaeological sites. Ulan-Ude:BNTs SO RAN . 241 p. (In Russ.).

Mamkin A. M., Belousov V. E. (2019) A short story about kereksur kurgans on the territory of the eastern province of Baikal Asia. *Gumanitarnyi vektor = Humanitarian vector.* Vol. 14. No. 6. P. 28-45. (In Russ.).

Manzhigeev I. A. (1978) Buryat shamanistic and preshamanistic terms. Moscow: Nauka. 128 p. (In Russ.).

Rovinskii P. A. (1871) About the travel to Tunka and Oka as far as Oka Guard Fort. *Zapiski Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva = Notes of the Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society.* Irkutsk: Tipografiya Sinitsyna. P. 31–52. (In Russ.).

Ташак В. И., Харинский А. В., Портнягин М. А. Древние ритуальные объекты Окинского плоскогорья (Восточный Саян) // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33. № 4. С. 132–156.

Тишкин А. А., Гиенко Е. Г., Дружинина Е. В. Астроархеологические исследования на древнем комплексе Кур-Кечу-II // Древние и современные культовые места Алтая / отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета, 2011. С. 81–90.

Харинский А. В., Ожередов Ю. И., Эрдэнэбаатар Д. Северное побережье озера Хубсугул в эпоху палеометалла // Эколого-географические, археологические и социоэтнографические исследования в Южной Сибири и Западной Монголии: российско-монгольский сборник научных трудов. Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета, 2006. С. 115–125.

Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского государственного университета, 1998. 288 с.

Чугунов К. В. Херексуры Центральной Азии (к вопросу об истоках традиции) // Северная Евразия в эпоху бронзы. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2002. С. 142–149.

Эрдэнэбаатар Д. Краткий очерк археологических исследований в Монголии // Известия Лаборатории древних технологий. 2009. Вып. 7. С. 113–148.

Broderick L. G., Houle J. L., Seitsonen O., Bayarsaikhan J. The mystery of the missing caprines: stone circles at the Great Khirigsuur in the Khanuy Valley. Studia Archaeologica. 2014. T. XXXIV. Pp. 164–174.

Ėnkhtör, Altangerel & Bemmann, J. & Brosseder, Ursula. (2018). The first excavations of bronze and iron age monuments in the middle Orkhon Valley, Central Mongolia: results from rescue investigations in 2006 and 2007. Asian Archaeology. 1. 10.1007/s41826-018-0001-8.

Frohlich, B., Amgalantögs, T., Littleton, J., Hunt, D., Hinton, J., and Goler, K. (2009). Bronze Age burial mounds in the Khövsgöl Aimag, Mongolia. In Bemmann, J., Parzinger, H., Pohl, E., and Tseveendorzh, D. (eds.), Current Archaeological Research in Mongolia, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, Bonn, pp. 99–115.

Jeong C., Wang K., Wilkin S., Taylor W. T. T., Miller B. K., Bemmann J. H., Stahl R., Chiovelli C., Knolle F., Ulziibayar S., Khatanbaatar D., Erdenebaatar D., Erdenebat U., Ochir A., Ankhsanaa G., Vanchigdash C., Ochir B., Munkhbayar C., Tumen D., Kovalev A., Kradin N., Bazarov B. A., Miyagashev D. A., Konovalov P. B., Zhambaltarova E., Miller A. V., Haak W., Schiffels S., Krause J., Boivin N., Erdene M., Hendy J., Warinner C. A Dynamic 6,000-Year Genetic History of Eurasia's Eastern Steppe. Cell 183, 890–904, November 12, 2020.

Tashak V. I., Kharinskii A. V., Portnyagin M. A. (2021) Ancient ritual objects of the Oka plateau (Eastern Sayan). *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovanii = Theory and practice of archaeological research.* Vol. 33. No. 4. P. 132-156. (In Russ.).

Tishkin A. A., Gienko E. G., Druzhinina E. V. (2011) Astroarchaeological research on the ancient complex Kur-Kechu-II. *Drevnie i sovremennye kul'tovye mesta Altaya = Ancient and modern places of worship in Altai.* Barnaul: Altai State University. P. 81–90. (In Russ.).

Kharinskii A. V., Ozheredov Yu. I., Erdenebaatar D. (2006) The Northern Coast of Lake Khubsugul in the Paleometallic Time. *Ekologo-geograficheskie, arkheologicheskie i sotsioetnograficheskie issledovaniya v Yuzhnoi Sibiri i Zapadnoi Mongolii: rossiisko-mongol'skii sbornik nauchnykh trudov = Ecological-geographical, Archaeological and Socio-Ethnographic Studies in Southern Siberia and Western Mongolia. Russian-Mongolian Collection of Scientific Works.* Barnaul: Altai State University. P. 115–125. (In Russ.).

Tsybiktarov A. D. (1998) The culture of slab graves in Mongolia and Transbaikalia. Ulan-Ude`: Buryat State University. 288 p. (In Russ.).

Chugunov K. V. (2002) Khirigsuures of Central Asia (to the question of the origins of tradition). *Severnaya Evraziya v epokhu bronzy = Northern Eurasia in the Bronze Age.* Barnaul: Altai State University. P. 142-149. (In Russ.).

Erdenebaatar D. A (2009) Brief Outline of Archaeological Research in Mongolia. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Iss. 7. P. 113–148. (In Russ.).

Broderick L. G., Houle J. L., Seitsonen O., Bayarsaikhan J. The Mystery of the Missing Caprines: Stone Circles at the Great Khirigsuur in the Khanuy Valley. Studia Archaeologica. 2014; XXXIV:164–174.

Ėnkhtör, Altangerel & Bemmann, J. & Brosseder, Ursula. (2018). The first excavations of bronze and iron age sites in the middle Orkhon Valley, Central Mongolia: results from rescue investigations in 2006 and 2007. Asian Archaeology. 1. 10.1007/s41826-018-0001-8.

Frohlich, B., Amgalantögs T., Littleton J., Hunt D., Hinton J., and Goler K. Bronze Age Burial Mounds in the Khövsgöl Aimag, Mongolia. Bemmann, J., Parzinger, H., Pohl, E., and Tseveendorzh, D. (eds.), Current Archaeological Research in Mongolia, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität. Bonn, 2009. P. 99–115.

Jeong C., Wang K., Wilkin S., Taylor W. T. T., Miller B. K., Bemmann J. H., Stahl R., Chiovelli C., Knolle F., Ulziibayar S., Khatanbaatar D., Erdenebaatar D., Erdenebat U., Ochir A., Ankhsanaa G., Vanchigdash C., Ochir B., Munkhbayar C., Tumen D., Kovalev A., Kradin N., Bazarov B. A., Miyagashev D. A., Konovalov P. B., Zhambaltarova E., Miller A. V., Haak W., Schiffels S., Krause J., Boivin N., Erdene M., Hendy J., Warinner C. A Dynamic 6,000-Year Genetic History of Eurasia's Eastern Steppe. Cell 183, 890–904, November 12, 2020.

Wright, J 2021, 'Prehistoric Mongolian Archaeology in the Early 21st Century: Developments in the Steppe and Beyond', *Journal of Archaeological Research*, vol. 29, pp. 431–479. https://doi.org/10.1007/s10814-020-09152-y

Баярсайхан Ж., Түвшинжаргал Т., Тэйлор В., Батсайхан З., Лаури Б. Бор шорооны амны к дурсгалт газарт хийсэн археологийн судалгаа. НҮҮДЭЛЧДИЙН ӨВ СУДЛАЛ. Улаанбаатар, 2018. ТОМ-XIX-II, FASC 1-24. С. 5-28.

Wright, J 2021, 'Prehistoric Mongolian Archaeology in the Early 21st Century: Developments in the Steppe and Beyond', *Journal of Archaeological Research*, vol. 29, pp. 431–479. https://doi.org/10.1007/s10814-020-09152-y

Bayarsaikhan J., Tuvshinjargal T., Taylor V., Batsaikhan Z., Lauri B. Archaeological survey of Bor Shoroon Oral Monument. NOMAD HERITAGE. Ulaanbaatar, 2018. Vol.-XIX-II, FASC 1-24. P. 5-28. (In Mongolian)

Информация об авторах

А. В. Харинский – доктор исторических наук, профессор, руководитель Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
Иркутский государственный университет,
664003, Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, Россия.

Д. Е. Кичигин – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия.

А. М. Коростелев – научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия.

М. А. Портнягин – лаборант-исследователь Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия.

Information about the authors

A. V. Kharinskii – Dr. Sci. (History), Professor, Director of the Laboratory of Archaeology, Palaeoecology and Subsistence of People of the Northern Asia,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia;
Irkutsk State University,
1, Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russia.

D. E. Kichigin – Cand. Sci. (History), associate-professor of the department of history and philosophy, researcher of the Laboratory of Archaeology, Paleoecology and Subsistence of People of Northern Asia,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia.

A. M. Korostelev – research associate of the Laboratory of Archaeology, Paleoecology and Subsistence of Peoples of the Northern Asia,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia.

M. A. Portniagin – Laboratory Assistant Researcher of the Laboratory of Archaeology, Paleoecology and Subsistence of Peoples of the Northern Asia,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 18 января 2022 г.; одобрена после рецензирования 25 февраля 2022 г.; принята к публикации 9 марта 2022 г.

Article info

The article was submitted January 18, 2022; approved after reviewing February 25, 2022; accepted for publication March 9, 2022.

Научная статья
УДК 911.2(571.5)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-76-88

Оценка экологического потенциала геосистем Окинского плоскогорья для целей хозяйственного освоения

Игорь Николаевич Владимиров [1], Владимир Борисович Выркин [2], Дмитрий Владимирович Кобылкин [3]

[1, 2, 3] Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, Иркутск, Россия
[1] garisson@irigs.irk.ru, https://orcid.org/0000-0002-9071-1847
[2] vyrkin@irigs.irk.ru
[3] agrembrandt@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-5029-0761

Аннотация. В современной географической науке относительно недавно получило развитие новое направление – оценка экологического потенциала, основанная на природо- и антропоцентричном подходе. На сочетании этих направлений предлагается комплексный подход, открывающий возможности для оптимального использования природных и человеческих ресурсов той или иной территории. Одним из основных свойств потенциала является хронологическая неоднородность, в этом отношении он успешно может применятся для гуманитарных исследований. В качестве объекта исследования был выбран малообжитой, труднодоступный и отдаленный, но богатый полезными ископаемыми район Восточных Саян – Окинское плоскогорье. Приводится краткое описание особенностей геоморфологического строения, климата, растительного покрова. В основу положен анализ данных дистанционного зондирования Земли, обработанный в соответствующем алгоритме. Полученные таким образом картографические изображения, проанализированные с использованием метода анализа иерархий (Analytic Hierarchy Process), позволили провести дифференциацию изучаемой территории по значению экологического потенциала. Различие в строении рельефа обусловило развитие высотных ландшафтных поясов, экспозиционность. Структура ландшафтов весьма разнообразная, что связано ярко выраженной высотной поясностью, контрастным рельефом, суровым резкоконтинетальным климатом. В ней принимают участие лишенные растительного и почвенного покрова склоны высокогорных хребтов с альпинотипным рельефом, горные тундры, сочетающиеся с ерниковыми зарослями и низкорослым лиственничным редколесьем. Пониженные части, прилегающие к бортам долин рек, а также плосковершинным поверхностям низких частей плато, занимают лиственничные леса с развитым мохово-лишайниковым покровом. Северный макросклон Китойских и Тункинских гольцов занят темнохвойной кедрово-пихтовой тайгой. В долинах рек активное участие принимают еловые леса. Характерной особенностью территории является наличие степей на склонах южной экспозиции (экспозиционная степь), наиболее широкое распространение получивших в Окинской котловине и долине р. Оки, расположенных в центральной части. Наибольшим значением экологического потенциала обладают лесостепные геосистемы.

Ключевые слова: Восточный Саян, Окинское плоскогорье, комплексные исследования, данные дистанционного зондирования, рельеф, климатические данные, вегетационные индексы, геосистемы, экологический потенциал

Благодарности: исследование выполнено за счет средств государственного задания (№ госрегистрации темы АААА-А21-121012190017-5).

Для цитирования: Владимиров И. Н., Выркин В. Б., Кобылкин Д. В. Оценка экологического потенциала геосистем Окинского плоскогорья для целей хозяйственного освоения // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 1. С. 76–88. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-76-88

© Владимиров И. Н., Выркин В. Б., Кобылкин Д. В., 2022

Original article

The estimation of an ecological potential of geosystems of the Okinsky Plateau

Igor' N. Vladimirov [1], Vladimir B. Vyrkin [2], Dmitrii V. Kobylkin [3]

[1, 2, 3] V. B. Sochava Institute of Geography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russia
[1] garisson@irigs.irk.ru, https://orcid.org/0000-0002-9071-1845647
[2] vyrkin@irigs.irk.ru
[3] agrembrandt@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-5029-0761

Abstract. A new direction in modern geographical science - the ecological potential assessment - is being developed relatively recently. In this paper, the assessment proposes an integrated approach that combines both traditional main directions - natural and anthropocentric approaches. The integrated approach opens up opportunities for the optimal use of natural and human resources of a particular territory. One of the main properties of the potential is chronological heterogeneity, in this respect it can be successfully applied for humanitarian research. We chose the Okinsky Plateau as an object of research - a sparsely populated, inaccessible and remote region of the Eastern Sayan Mountains, but rich in minerals. The paper provides a brief description of the features of the geomorphological structure, climate and vegetation cover. It is based on the analysis of Earth remote sensing data processed in an appropriate algorithm. The resulting cartographic images, analyzed with the method of analysis of hierarchies - AHP (Analytic Hierarchy Process), made it possible to differentiate the area under study according to the value of the ecological potential. The AHP is a mathematical tool for a systematic approach to complex decision-making problems. The difference in the structure of the relief led to the development of high-altitude landscape belts. The structure of landscapes is very diverse, which is associated with a pronounced high-altitude zonation, contrasting relief, and severe sharply continental climate. There are slopes of high-mountain ranges with alpine-type relief here, mountain tundra, in combination with yerniks and low-growing larch woodlands. The lowered parts adjacent to the sides of the river valleys, as well as the flat-topped surfaces of the lower parts of the plateau, are occupied by larch forests with a developed moss-lichen cover. The northern macroslopes of the Kitoisky and Tunkinsky Goletz are occupied by dark coniferous Siberian stone pine-fir taiga. Fir forests grow in river valleys. A characteristic feature of the territory is the presence of steppes on the slopes of the southern exposure (expositional steppe). They are most widespread in the Oka Depression and the Oka River valley located in the central part. Forest-steppe geosystems have the greatest value of ecological potential.

Keywords: Eastern Sayan, Okinsky Plateau, integrated research, remote sensing data, relief, climatic data, vegetation indices, geosystems, ecological potential

Acknowledgements: the study was carried out at the expense of the state task (state registration number of the topic AAAA21-121012190017-5).

For citation: Vladimirov I. N., Vyrkin V. B., Kobylkin D. V. (2022) The estimation of an ecological potential of geosystems of the Okinsky Plateau. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 1. P. 76-88. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-76-88

Введение

В настоящее время в географической науке активно развивается направление по изучению экологического потенциала геосистем. Направление призвано найти механизмы сохранения живой природы, а также рационального использования ее богатств. Экологический потенциал имеет свойство изменяться во времени в зависимости от природно-климатической обстановки, применения технологий на том или ином хронологическом этапе. В этом отношении данное понятие применимо в ходе комплексных палеогеографических, археологических и историко-географических исследований. Например, для номадного животноводства определение экологического потенциала можно использовать для определения экологической емкости геосистемы и тем самым вычислить пределы роста поголовья скота.

В научный оборот понятие «природный потенциал ландшафта» было впервые введено Н. А. Солнцевым с формулировкой: «...те внутренние возможности, которые уготованы в ландшафте самой природой...» (Солнцев, 1948). Изучение природного потенциала является одним из стержневых направлений как в отечественной, так и в зарубежной науке. Понятие «природноресурсный потенциал территории» относится к ключевым концепциям географии

природных ресурсов, геоэкологии и природопользования (Исаченко, 1991). Для сравнительной характеристики различных регионов, в частности разности в обеспеченности природными ресурсами, оно оказалось удобным интегральным показателем. Между понятием ПРП и ЭП выделяется некоторое пересечение. Природно-ресурсный потенциал в определенном смысле можно рассматривать как сочетание природного и экологического потенциала пересечение, в связи с тем, что определенные виды природных ресурсов выполняют как экологические, так и производственные функции. Тем не менее ЭП рассматривается шире, поскольку он включает в себя не только природные ресурсы, но и природные условия. Между этими понятиями существует некоторое пересечение, поскольку определенные виды природных ресурсов выполняют как экологические, так и производственные функции. Однако в структуру экологического потенциала входят не только природные ресурсы, но и природные условия, в ряде случаев – все они рассматриваются как экологические факторы.

Экологический потенциал ландшафта рассматривается в качестве фундаментального понятия экологической географии и географической теории взаимодействия человека и природы (Антипов, Семенов, 2006). Первые детальные исследования и научное обоснование экологического потенциала ландшафтов принадлежат А. Г. Исаченко (Исаченко, 1992).

Существует несколько определений экологического потенциала (рис. 1), но все они в основном сводятся к пониманию его как совокупности природных условий, необходимых для жизни и воспроизводства населяющих данную территорию организмов (Голубець, 2000; Гавриленко, 2008[1]). Такие определения исходят из антропоцентрического подхода, базирующегося на требованиях человека к качеству среды обитания и ориентирующегося на потенциальную полезность природных объектов для человека и удовлетворения его потребностей.

Подход к оценке экологического потенциала за-

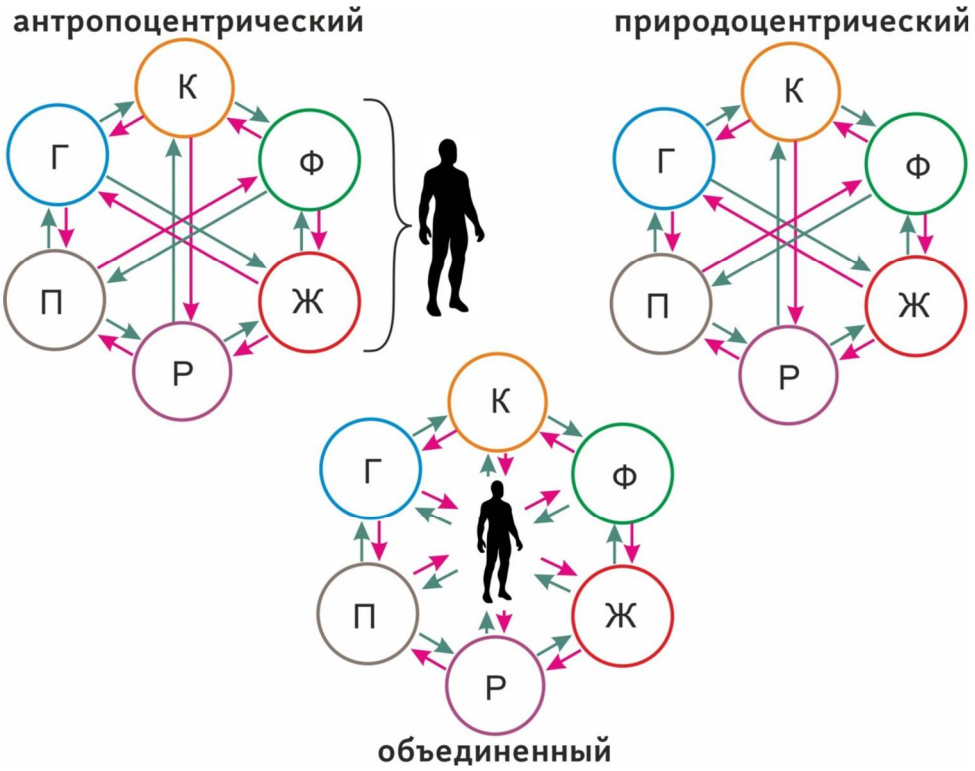


Рис. 1. Подходы к оценке экологического потенциала геосистем: *(Г – гидросфера; П – почвы; геологическая среда; Р – растительность; Ж – животный мир; Ф – физические факторы; К – климат)*

Fig. 1. Approaches to assessing the ecological potential of geosystems: *(G - hydrosphere; P - soils; geological environment; P - vegetation; W- wildlife; F - physical factors; K - climate)*

[1] Гавриленко О. П. Екогеографія України: навчальний посібник. Київ: Знання, 2008. 646 с.

висит от цели исследований. Задача природоцентрического подхода состоит в необходимости решения проблемы сохранения живой природы в целом и на определение качества самой природной среды. При этом основными критериями выступают показатели состояния компонентов геосистем и их функциональных связей. Если оценка проводится для определения влияния окружающей природной среды на благополучие человека или его хозяйственную деятельность, то используются критерии, которые описывают возможные последствия этого влияния (антропоцентрический подход).

Экологический потенциал в понимании И. Н. Владимирова (Владимиров, 2020) «совокупность естественных свойств природных систем, особенностей их структурно-функциональных внутренних и внешних связей, сформировавшихся в ходе эволюционного развития природной среды и определяющих их дальнейшее развитие, а также обеспечивающих жизненные потребности биоты и человека при сохранении максимально возможных структурно-функциональных параметров геосистем». В целом формулировка отражает суть объединенного подхода к оценке.

В этом случае представление об экологическом потенциале геосистем опирается на конструктивное объединение двух подходов к его оценке – природоцентрического и антропоцентрического, с основным акцентом на первый, что обеспечивает рациональное экологически ориентированное природопользование, экологическую безопасность и предупреждение экологических рисков.

Методы исследования

Максимальное число всех возможных факторов, определяющих экологический потенциал геосистем, практически невозможен. В связи с этим их необходимо дифференцировать на главные, т. е. учитывающие их основной вклад в значение потенциала. Для определения наиболее значимых коэффициентов при расчете экологического потенциала использовался метод анализа иерархий – МАИ (Analytic hierarchy process) – одного из математических инструментов системного подхода к сложным проблемам принятия решений (Saaty, 1980). Этот критериальный метод получил исключительно широкое распространение и позволяет понятно и рационально структурировать сложную проблему принятия решений в виде иерархии, сравнивать и выполнять количественную оценку. В основу метода положено построение иерархической структуры, включающей цель, критерии, альтернативы и другие рассматриваемые факторы, которые могут повлиять на выбор. Каждый элемент иерархии может демонстрировать различные аспекты решаемой задачи. На следующем этапе анализа с помощью процедуры парных сравнений определяются приоритеты, представляющие относительную важность или предпочтительность элементов построенной иерархической структуры. Отличительная особенность МАИ – возможность обоснованно сравнивать разнородные факторы благодаря безразмерным приоритетам. На конечном этапе анализа происходит синтез (линейная свертка) приоритетов на иерархии, в результате чего определяются приоритеты альтернативных решений относительно главной цели. Альтернатива с максимальным значением считается лучшей (Vladimirov, 2018).

Процедура оценки ЭП состоит из комплексного анализа тематических и топографических карт, данных дистанционного зондирования Земли, заверенных в ходе полевых ландшафтных исследований. В ходе изучения и последующей камеральной обработки полученных результатов разработана мелкомасштабная классификация геоистем с присвоением каждому выделу значений ЭП по пятибалльной шкале, где высший балл показывает наиболее благоприятные условия для природопользовательских задач.

Для организации исследований экологического потенциала, факторов и условий, оказывающих влияние на его формирование, использовались:

– ЦМР, созданная на основе данных радарной топографической съемки SRTM;

– набор глобальных климатических данных WorldClim (http://www.worldclim.org) с пространственным разрешением 30 угловых секунд, что примерно соответствует 1 км^2;

– данные о чистой первичной биологической продукции (Net primary production – NPP) – результат обработки данных дистанционного зондирования спектрорадиометра MODIS спутниковой системы Terra/Aqua (MOD 17);

– нормализованный разностный вегетационный индекс (Normalized Difference Vegetation Index – NDVI);

– усовершенствованный вегетационный индекс (Enhanced vegetation index – EVI).

Для оценки экологического потенциала произведен перевод всех показателей к безразмерным величинам – проранжированы на 5 категорий: минимальные, низкие, средние, высокие, очень высокие значения.

Формула данной иерархической структуры выглядит следующим образом:

$$EP = (0{,}119H + 0{,}065A + 0{,}065S) + (0{,}129W + 0{,}129T_1 + 0{,}129T_7) + (0{,}232NPP + 0{,}067NDVI + 0{,}067EVI),$$

где H – высота (ранг), A –экспозиция (ранг), S – крутизна (ранг), W – среднегодовые осадки (ранг), T_1 – средняя температура января (ранг), T_7 – средняя температура июля (ранг), NPP – первичная биологическая продуктивность (ранг), $NDVI$ – вегетационный индекс NDVI (ранг), EVI – вегетационный индекс EVI (ранг).

Для оценки экологического потенциала произведен перевод всех показателей к безразмерным величинам – проранжированы на 5 категорий: минимальные, низкие, средние, высокие, очень высокие значения.

Ландшафтно-геоморфологическая характеристика

Окинское плоскогорье расположено в юго-восточной части Восточного Саяна (рис. 2). С юга ограничено Большим Саяном, разделенным на горные массивы Мунку-Сардык, с запада – Сенца-Тиссинский и Тисса-Дибинский. С севера граница проходит по предгорьям хребта Кропоткина, с юго-востока по хребтам Тункинские и Китойские Гольцы. Г. Ф. Уфимцев (Уфимцев, Щетников, Филинов, 2007), говоря о восточной границе плоскогорья, проводил ее по Главному Саянскому разлому, выраженному в рельефе сбросовыми уступами. Несмотря на относительно небольшие размеры, для него характерна сложность геолого-геоморфологического строения, придающая данной территории уникальный облик.

Геологическая основа плоскогорья представлена кристаллическими сланцами, известняками и доломитами протерозоя, палеозойскими гранитами и базальтовыми излияниями неоген-четвертичного возраста. Древняя денудационная поверхность, существовавшая на месте изучаемой территории, в финале неогена испытала обширные дифференцированные тектонические движения. Вдоль разломов, в основном широтного направления, происходило поднятие хребтов с трещинными излияниями базальтов, ныне бронирующих древнюю холмистую равнину.

В целом плоскогорье представляет собой систему морфоструктурных ступеней, существование которых было отмечено еще С. В. Обручевым (Обручев, 1946) и более подробно охарактеризовано Г. Ф. Уфимцевым (Уфимцев, Немчинов, 2001; Уфимцев, 2008). Морфоструктурные ступени дифференцируются благодаря генетическим факторам. Наиболее высокая первая ступень, с высотами до 2200–2650 м, представляет собой пологокупольные и плосковершинные массивы, с гольцовыми ландшафтами, в геологическом отношении являющимися палеозойскими интрузиями (Бельские и Сорокские Гольцы). Интервал высот от 1900 до 2100 м представлен широкими плоскими водоразделами с расширенными днищами троговых долин. К этой ступени плоскогорья относятся участки долин и междуречий рек Улзыты, Гаргана, Урика, верховья Оки, Иркута и Китоя, западный участок плоскогорья с широкими и плоскими междуречьями рек Сенцы, Тиссы и Диби. Интенсивный флювиальный врез на севере плоскогорья привел к формированию третьей морфоструктурной ступени. Особенным обликом рельефа обладает Окинская котловина, характеризующаяся широким террасированным днищем, врезанным во вторую ступень плоскогорья.

На формирование рельефа плоскогорья значительное влияния оказала ледниковая деятельность, результатом которой стало формирование холмисто-моренного рельефа на юге плоскогорья, а также троговых долин рек (верховья Оки, Тустук, Улзыта и др.) и многочисленных озер ледникового происхождения. Роль, стадийность и характер оледенений до сих пор остаются дискуссионными и требуют специального изучения.

Плоскогорье входит в зону сплошного распространения многолетнемерзлых пород мощностью 100–500 м и температурами от -1 до -5° С. Глубина сезонного талого слоя в летний период составляет от 70–80 см до 1,5 м в зависимости от абсолютных высот и экспозиции склонов. Активное развитие процессов промерзания-протаивания грунтов способствует широкому развитию криогенных и криогенно-склоновых процессов, отличающихся интенсивностью проявления в разных частях плоскогорья (Выркин, Масютина, 2017).

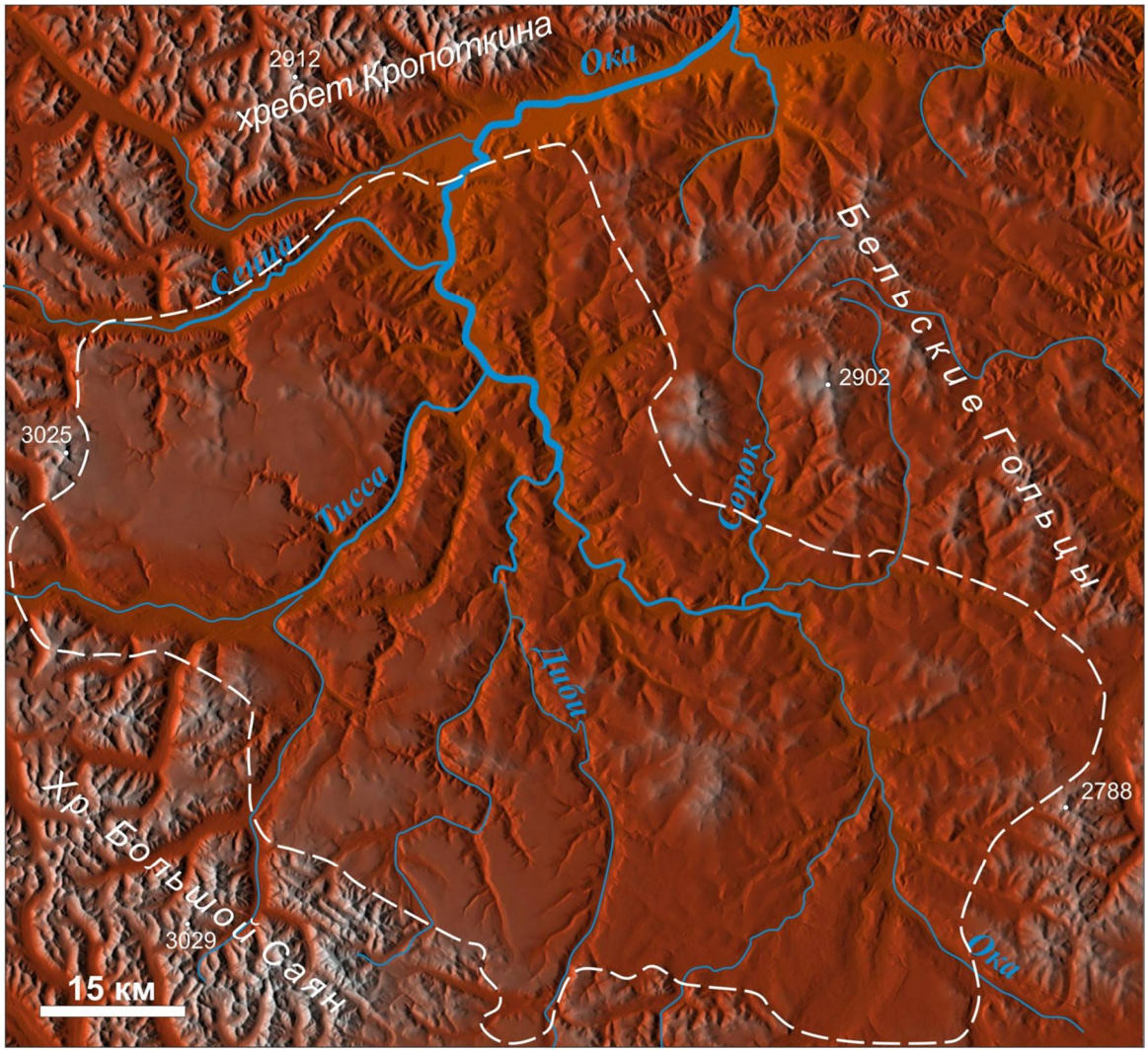


Рис. 2. Обзорная схема Окинского плоскогорья
Fig. 2. Overview scheme of the Okinsky Plateau

Рассмотренные особенности рельефа плоскогорья, связанные со сложным сочетанием морфоструктурных ступеней (ярусностью), обязанны своим происхождением деятельности древнего вулканизма, оледенения и тектоническим движениям. В этом отношении Окинское плоскогорье – уникальный природный объект, сочетающий в себе как участки древней денудационной поверхности, так и поверхности, возникшие в результате взаимодействия современных тектонических движений и процессов экзогенного рельефообразования.

Климат относится к резко континентальному с коротким, относительно теплым летом, и продолжительной холодной зимой. Характер атмосферной циркуляции определяет температурный режим. Погода с отрицательными средними месячными температурами воздуха продолжается с октября по апрель. Самый холодный месяц – январь, со средней температурой –24,4 °С и абсолютным минимумом –48 °С. Низкие температуры воздуха обусловлены сильным выхолаживанием его приземного слоя в условиях преобладания в зимний период антициклонической погоды. Наряду с низкими температурами воздуха иногда наблюдаются кратковременные оттепели с температурой 0–7 °С. Среднемесячная июльская температура воздуха составляет 13,1 °С, а абсолютный максимум 33 °С. Амплитуда годовых экстремальных значений температуры воздуха равна 81 °С (Справочник..., 1991).

Характер распределения осадков определяется особенностями общей циркуляции атмосферы и рельефом. В целом за год выпадает 325 мм осадков, из них 95 % в теплый период (май – сентябрь). Летом отмечаются грозы, нередко с градом. Снежный по-

кров возникает, как правило, в конце сентября (раннее его появление фиксируется в последнюю пятидневку августа, позднее – в конце октября). Средние даты образования устойчивого снежного покрова приходятся на начало ноября. В зависимости от погодных условий сроки его установления могут колебаться от первых чисел октября до последней пятидневки декабря. Характерной особенностью рассматриваемой территории является незначительное количество выпадающих зимой твердых осадков (в среднем 15 мм), в основном скапливающихся на наветренных склонах хребтов. Высота снежного покрова обычно не превышает 7 см, но в отдельные зимы может достигать 18 см. Снеготаяние проходит в период с третьей декады марта до середины мая.

Гидрографическая сеть плоскогорья представлена речной системой Оки, ее постоянными и временными водотоками различных порядков, множеством незначительных по площади озер (каровых, подпрудных, термокарстовых и тектонических), являющихся истоками многих водотоков. Ряд временных водотоков осуществляет сток в период снеготаяния и выпадения дождевых осадков (Многолетние данные..., 1987).

В формировании структуры ландшафтов исследуемой территории в соответствии с высотной поясностью основную роль играют лиственничные леса, характерные для горно-таежного пояса континентального и ультраконтинентального климатических секторов Алтае-Саянской горной области (Телятников, 2016). Различные варианты лиственничной тайги в зависимости от экспозиции склонов и абсолютной высоты создают сложную мозаику. Стыковое положение между степной и лесной природными зонами обусловило большое разнообразие видов растений. Степные элементы занимают в основном инсолируемые склоны южной экспозиции, которые вместе с лугами в долинах рек являются основными кормовыми угодьями. Степная растительность долины р. Оки представлена обедненными ассоциациями разнотравно-дерновиннозлаковых лугово-степных и мелкодерновиннозлаковых формаций с преобладанием петрофитных вариантов (Холбоева, 2013).

Субширотная ориентировка транзитной р. Оки в пределах этого района определяет асимметрию в ландшафтах в зависимости от экспозиции склонов. На склонах южной экспозиции выделяются два ландшафтных пояса – лесостепной и горно-таежный. Северный макросклон полностью занят горно-таежными ландшафтами с абсолютным доминированием лиственницы с редкими вкраплениями ели и кедра.

В целом доминирующее положение среди ландшафтов этой территории занимают различные варианты лиственничных лесов и редколесий. Зависимость от крутизны, высоты и экспозиции склонов отражается на бонитете и видовом разнообразии древостоя. Соответственно, наиболее высоким классом бонитета и видовым разнообразием обладают леса, произрастающие на склонах южной экспозиции и по долинам рек.

Русла рек района в холодное время года заняты большими по площади наледями, поэтому в их пределах сформировались своеобразные ландшафты наледных полян. На участках долин, лишенных наледей, на прирусловых валах, гривах, косах формируется пионерная растительность, представленная в основном молодыми побегами ивы, осоками. На более древних участках пойм в зависимости от их возраста главными компонентами являются заросли кустарников (ерники), травянистые ивово-осиновые, иногда тополево-лиственничные леса, местами с елью и кедром (Холбоева, 2011). На хорошо дренируемых участках надпойменных террас распространены суходольные разнотравные и разнотравно-злаковые луга, разнотравно-злаковые луговые степи.

Для решения поставленных задач по выявлению экологического потенциала геосистем целесообразно воспользоваться физико-географическим районированием, имеющим комплексный характер и отражающим пространственную дифференциацию территории. Одна из последних схем природного районирования изучаемого района, в том числе центральной части Окинского плоскогорья, предложена Э. Ц. Дамбиевым (Дамбиев, 2000). Схема отражает специфические черты изучаемой территории (рис. 3). Сочетание остепненных участков и лиственничной тайги характерно для плоскогорья, долин и котловин в бассейне р. Оки, темнохвойной тайги и высокогорных тундр в восточной и северной ее частях (Китойские гольцы, Окинский хребет), альпинотипного рельефа, лиственничной тайги, высокогорных тундр и фрагментов степей Восточного Саяна. Своеобразие геосистем провинции накладывает отпечаток на при-

родопользование. Это один из немногих районов России, где развито яководство.

Результаты исследования

Экологический потенциал геосистем. Экологический потенциал – совокупность естественных свойств природных систем, особенностей их структурно-функциональных внутренних и внешних связей, сформировавшихся в ходе эволюционного развития природной среды и определяющих их дальнейшее развитие, а также обеспечивающих жизненные потребности человека при сохранении максимально возможных структурно-функциональных параметров геосистемы.

Каждый компонент или элемент геосистемы в отдельности может служить объектом экологической оценки для выяснения степени его позитивного или негативного влияния на жизнь людей. Однако значение того или иного природного фактора зависит от его сочетания с другими свойствами геосистем. Следовательно, оценка природных экологических факторов должна быть комплексной – охватывать всю их совокупность и взаимные связи, воплощаемые в понятии экологического потенциала геосистем.

Для оценки экологического потенциала геосистем была построена GRID-модель. Все данные в ви-

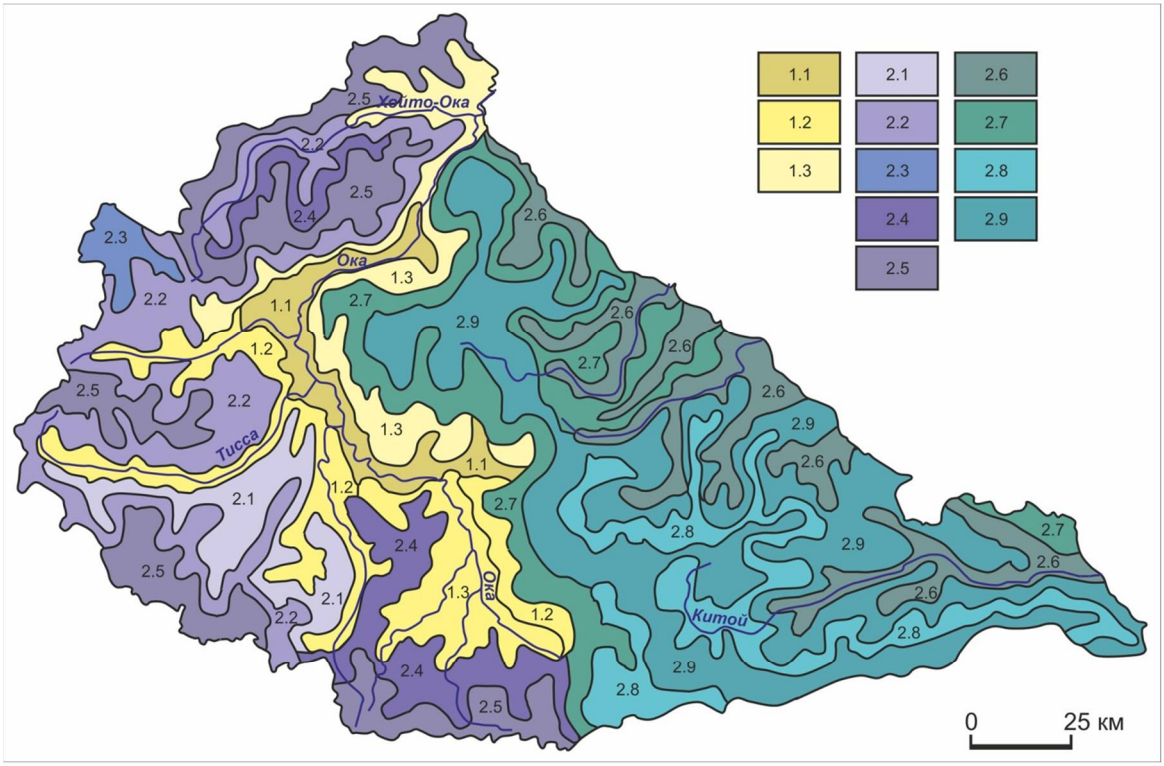


Рис. 3. Схема природного районирования юго-восточной части Восточного Саяна (по: Э. Ц. Дамбиеву, 2000). Легенда схемы: Восточно-Саянская высокогорно-гольцовая область. Окино-Саянская высокогорно-гольцовая и горно-долинная провинция: Окинский горно-долинный лесостепной округ. Ландшафтные пояса: *1.1. Окинский плоскогорный степной. 1.2. Тисса-Верхнеокинский горно-долинный лесостепной. 1.3. Внутригорный склоновый лиственничный. Саянский альпинотипный гольцово-таежный округ.* ***Подокруга Западный и Восточный. Ландшафтные пояса Западного подокруга:*** *2.1. Тиссинский склоновый лиственничный. 2.2. Дибинский склоновый ерниковый. 2.3. Хара-Нурский горный остепненный. 2.4. Хойто-Окинский склоновый тундровый. 2.5. Окинский высокогорный альпинотипно-гольцовый.* ***Ландшафтные пояса Восточного подокруга:*** *2.6. Бельско-Китойский горно-долинный лиственнично-темнохвойный. 2.7. Урикский склоновый темнохвойный. 2.8. Бельский склоновый ерниково-тундровый. 2.9. Китойский высокогорный альпинотипно-гольцовый*

Fig. 3. Natural zoning map of the southeastern part of the Eastern Sayan (according to E. Ts. Dambiev, 2000). Map legend: East Sayan high-mountain-goletz region. The Oka-Sayan high-mountain-goletz and mountain-valley province: the Oka mountain-valley forest-steppe district. Landscape belts: *1.1. The Oka plateau steppe. 1.2. The Tissa-Upper Oka mountain-valley forest-steppe. 1.3. Intramountain slope larch. Sayan alpine-type goletz-taiga district.* ***Subdistricts: Western and Eastern. Landscape belts of the Western subdistrict:*** *2.1. The Tissa slope larch. 2.2. The Dibi slope yernik. 2.3. Khara-Nur mountain steppe. 2.4. The Khoito-Oka slope tundra. 2.5. The Oka high-mountain alpine-goletz.* ***Landscape belts of the Eastern subdistrict:*** *2.6. Bel'sk-Kitoi mountain-valley larch-dark coniferous. 2.7. The Urik slope dark coniferous. 2.8. Bel'sk slope yernik-tundra. 2.9. The Kitoi high-mountain alpine-goletz*

де регулярных сетей: абсолютная высота (рис. 4, а), крутизна и экспозиция склонов (рис. 4, б), среднегодовые осадки (рис. 4, в), средняя температура января (рис. 4, г), средняя температура июля, значения вегетационных индексов NDVI и EVI (рис. 4, д), первичная биологическая продуктивность (NPP) (рис. 4, е), конвертированные в векторный вид, представляют собой массив регулярно распространенных точек (Vladimirov et al., 2019).

С учетом того, что природная среда продолжает эволюционно развиваться, в современных ландшафтах всегда присутствуют структурные черты ее будущего, они могут проявляться в коренных и устойчивопроизводных геосистемах. Наиболее вероятно они формируются в зонах контакта различных природных зон (например, на границе таежной и степной зон), в разных зональных и высотно-поясных комплексах, имеющих свои особенности развития ландшафтно-географических процессов, и определяющие современный природный экологический потенциал геосистем.

Под природным (базовым) экологическим потенциалом понимается совокупность вещественно-энергетических ресурсов и свойств коренной геосистемы, обеспечивающих ее максимально возможные структурно-функциональные параметры и полезные функции, которые могут быть использованы человеком.

Экологический потенциал геосистем зависит как от ее природных свойств, так и от направления и форм существующего хозяйственного использования. Он рассматривается с различных точек зрения (социально-экономической, хозяйственной, функциональной и т. д.). По отношению к каждой функции геосистема характеризуется определенным природным потенциалом – способностью выполнять эту функцию, сохраняя при этом свою структуру и природные особенности. В отличие от функции геосистемы, которая задается ей извне, можно сказать «навязывается» обществом, экологический потенциал – ее внутреннее, естественное свойство, которое геосистема имеет по отношению к любой функции, независимо от того – выполняет она ее в данный момент или нет.

При хозяйственном использовании необходимо оценивать не только характеристики коренных геосистем (природный экологический потенциал), но и потенциальные возможности производных и антропогенно-измененных геосистем. В основе этих возможностей лежит величина экологического потенциала коренной геосистемы, на месте которой в результате воздействия возникла производная геосистема с другой структурой и с другими вещественно-энергетическими свойствами. Для определения этих потенциальных возможностей предлагается использовать понятие «остаточный экологический потенциал» – совокупность вещественно-энергетических ресурсов и свойств геосистемы, сложившихся под влиянием хозяйственной деятельности, определивших современные структурно-функциональные параметры и полезные функции. Вещественно-энергетической базой остаточного экологического потенциала геосистемы является природный экологический потенциал.

Применение данного показателя для историко-археологических исследований связано с реконструкцией природно-климатических условий на том или ином хронологическом промежутке времени. Выявленное современное состояние геосистем и корреляция с историческими данными, разновременной космической съемкой, динамикой климатических трендов позволит в будущем разработать прогнозные и ретроспективные модели. В них может быть отражено изменение экологического потенциала для развития той или иной общественной модели, а также подход к решению проблемы экологической емкости ландшафта.

Заключение

На территории Окинского плоскогорья лесостепные геосистемы обладают наиболее высоким значением экологического потенциала, немного меньшим – горно-долинные лиственничные с включением ели и кедра, склоновые лиственничные геосистемы. Минимальное значение имеют высокогорные альпинотипно-гольцовые геосистемы, рассматриваемые как экологически экстремальные с высотными и экспозиционными контрастами тепло- и влагообеспеченности, а также с высокой интенсивностью стихийных деструктивных процессов.

Современные геосистемы в достаточной мере сохранили исходное (базовое или природное) состояние. Тем не менее в связи с развитием горнодобывающей промышленности все больше природных ландшафтов вовлекается в хозяйственный оборот.

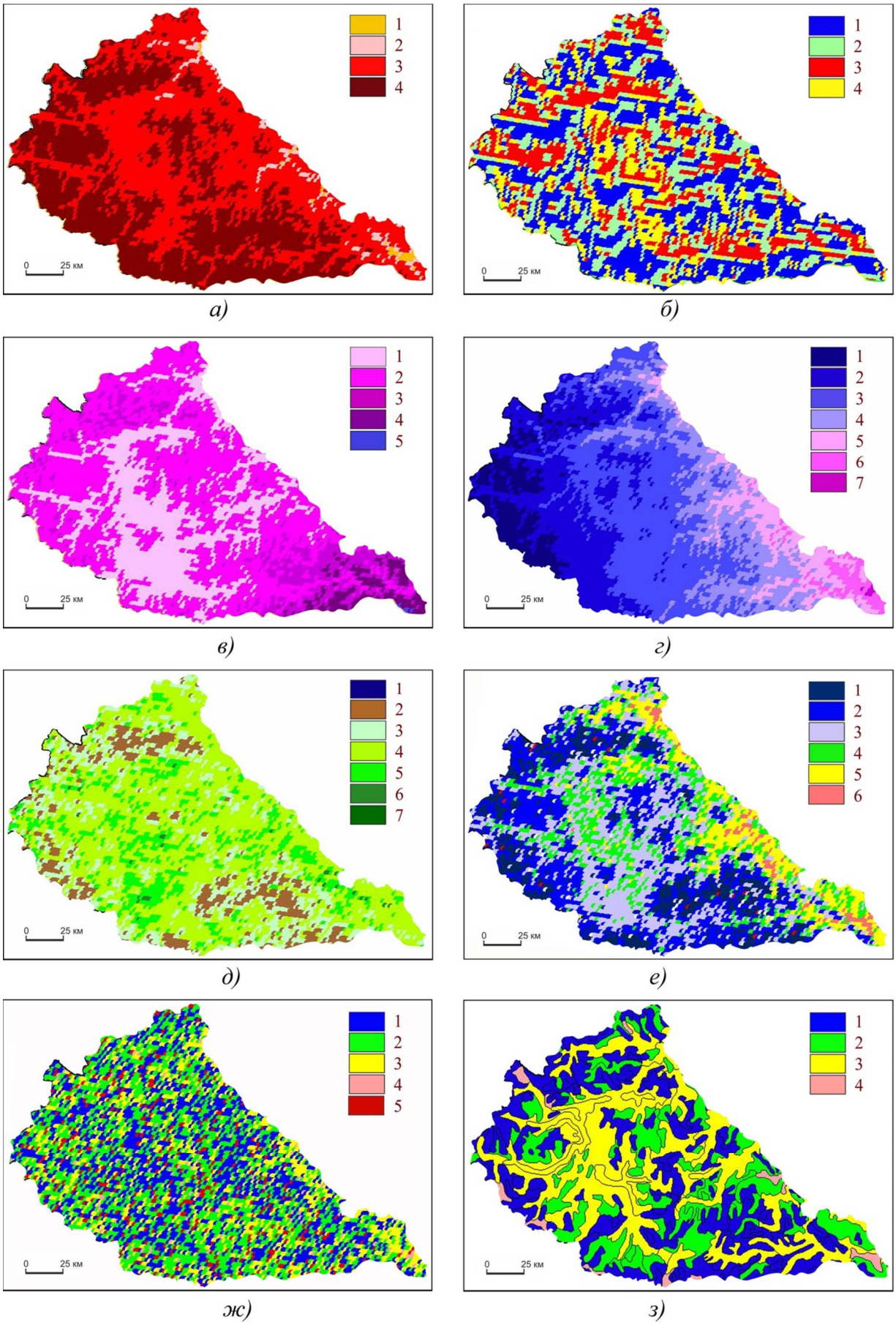


Рис. 4. (См. с. 86) / Fig. 4. (See p. 86)

Рис. 4 (с. 85). GRID-модель для расчета экологического потенциала геосистем Окинского района:
а – дифференциация по абсолютной высоте, м: 1 – менее 950, 2 – 950–1200, 3 – 1200–2000, 4 – выше 2000;
б – дифференциация по экспозиции склонов: 1 – северные, 2 – восточные, 3 – южные, 4 – западные;
в – среднегодовые осадки, мм/год: 1 – менее 400, 2 – 400–500, 3 – 500–600, 4 – 600–800, 5 – более 800; г – средняя температура января, °С: 1 – ниже -32, 2 – -32÷-30, 3 – -30- -28, 4 – -28- -26, 5 – -26÷24, 6 – -24- -22, 7 – выше -22;
д – усовершенствованный вегетационный индекс (EVI): 1 – менее 0; 2 – 0–0,2; 3 – 0,2–0,3; 4 – 0,3–0,4; 5 – 0,4–0,5; 6 – 0,5–0,8; 7 – 0,8–1;
е – первичная биологическая продуктивность NPP, кг С/(м^2/год): 1 – менее 1000, 2 – 1000–2000, 3 – 2000–3000, 4 – 3000–4000, 5 – 4000–5000, 6 – более 6000;
ж – экологический потенциал, регулярная сеть: 1 – минимальный, 2 – низкий, 3 – средний, 4 – высокий, 5 – очень высокий;
з – экологический потенциал, ландшафтная структура: 1 – минимальный, 2 – низкий, 3 – средний, 4 – высокий

Fig. 4 (p. 85). GRID model for calculating the ecological potential of geosystems in the Okinsky district:
a - differentiation with respect to absolute elevation, m: 1 - less than 950, 2 - 950-1200, 3 - 1200-2000, 4 - above 2000;
b - differentiation with respect to slope exposure: 1 - northern, 2 - eastern, 3 - southern, 4 – western;
c - mean annual precipitation, mm/year: 1 - less than 400, 2 - 400-500, 3 - 500-600, 4 - 600-800, 5 - more than 800;
d - mean January temperature, ºC: 1 - below -32, 2 - -32 to -30, 3 - -30 to -28, 4 - -28 to -26, 5 - -26 to -24, 6 - -24 to -22, 7 - above -22;
e - enhanced vegetation index (EVI): 1 - less than 0; 2 - 0-0.2; 3 - 0.2-0.3; 4 - 0.3-0.4; 5 - 0.4-0.5; 6 - 0.5-0.8; 7 - 0.8-1;
f - net primary production NPP, kg C/(m2 /year-1): 1 - less than 1000, 2 -1000-2000, 3 - 2000-3000, 4 - 3000-4000, 5 - 4000-5000, 6 - more than 6000;
g - ecological potential, regular network: 1 - minimum, 2 - low, 3 - medium, 4 - high, 5 - very high;
h - ecological potential, landscape structure: 1 - minimum, 2 -low, 3 - medium, 4 - high

Современное представление об экологическом потенциале геосистем, опирающееся на конструктивное объединение двух подходов к его оценке – природоцентрического и антропоцентрического, с основным акцентом на первый, должно обеспечивать рациональное экологически ориентированное природопользование, экологическую безопасность и предупреждение экологических рисков. Выявление и оценка экологического потенциала геосистем образуют единый многоступенчатый процесс географического исследования, объединенный концепцией учения о геосистемах и общей целью формирования научного обоснования экологически ориентированного природопользования в регионе с учетом его природно-географических особенностей. Это особенно актуально для изучения Окинского плоскогорья, представляющего собой сложную в природно-ландшафтном отношении территорию, которая к тому же обладает большими запасами различных природных ресурсов. Необходимость экологической рационализации природопользования обусловлена не только освоением природных ресурсов, но и уникальными физико-географическими условиями региона.

С использованием специальных оценочных карт природных условий и экологического потенциала геосистем появляется возможность дать общее представление об условиях существования в них людей, создать естественнонаучную основу для изучения современной среды обитания, которая в дальнейшем может стать отправной точкой для палеогеографических реконструкций.

Список источников

Антипов А. Н., Семенов Ю. М. Ландшафтное планирование в Прибайкалье // География и природные ресурсы. 2006. № 1. С. 11–18.

Владимиров И. Н. Экологический потенциал геосистем Байкальской Сибири как основа оптимизации природопользования в регионе // География и природные ресурсы. 2020. № 5. С. 6–13.

Выркин В. Б., Масютина Ю. А. Современное экзогенное рельефообразование Окинского плоскогорья (Восточный Саян) // Успехи современного естествознания. 2017. № 12. С. 123–128.

References

Antipov A. N., Semenov Yu. M. (2006) Landscape planning in the Baikal region. *Geografiya i prirodnye resursy = Geography and natural resources*. No. 1. P. 11-18. (In Russ.).

Vladimirov I. N. (2020) The ecological potential of geosystems of Baikalian Siberia as the basis for nature management optimization in the region. *Geografiya i prirodnye resursy = Geography and Natural Resources*. No. 5. P. 6–13. (In Russ.).

Vyrkin V. B., Masyutina Yu. A. (2017) The modern exogenous landforming of the Okinsky Highland (Eastern Sayan). *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya = Successes of modern natural science.* No. 12. P. 123-128. (In Russ.).

Дамбиев Э. Ц. Степные ландшафты Бурятии. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского государственного университета, 2000. 198 с.

Исаченко А. Г. Экологический потенциал ландшафта // Известия Всесоюзного географического общества (ВГО). 1991. Т. 123. Вып. 4. С. 305–316.

Исаченко А. Г. Ресурсный потенциал ландшафта и природно-ресурсное районирование // Известия Русского географического общества (РГО). 1992. Т. 124. Вып. 3. С. 219–231.

Многолетние данные о режиме и ресурсах поверхностных вод суши. Т. 1. РСФСР. Вып. 13: Бассейн р. Ангары. Л. : Гидрометеоиздат, 1987. 363 с.

Обручев С. В. Орография и геоморфология восточной половины Восточного Саяна // Известия Всесоюзного географического общества. 1946. Т. 78. Вып. 5–6. С. 479–498.

Солнцев Н. А. Природный ландшафт и некоторые его общие закономерности // Труды II Всесоюзного географического съезда. 1948. Москва : Географгиз, 1948. Т. 1. С. 258–269.

Справочник по климату СССР. Сер. 3. Многолетние данные. Ч. 1–6. Вып. 23. Иркутская область и западная часть Бурятской АССР. Л. Гидрометеоиздат, 1991. 604 с.

Телятников М. Ю. Растительность восточной части Восточного Саяна (высокогорный и горнолесной пояса). Новосибирск : Академиздат, 2016. 104 с.

Уфимцев Г. Ф. Горы Земли (климатические типы и феномены новейшего орогенеза). М .: Научный мир. 2008. 352 с.

Уфимцев Г. Ф., Немчинов В. Г. Окинское плоскогорье в новейшей структуре юга Восточной Сибири // Геология и геофизика. 2001. Т. 42. № 6. С. 979–987.

Уфимцев Г. Ф., Щетников А. А., Филинов И. А. Окинское плоскогорье как особенный элемент орографии Восточной Сибири // Геоморфология. 2007. № 4. С. 96–103.

Холбоева С. А. Структура растительного покрова Окинского плоскогорья (Восточный Саян) // Ученые записки Забайкальского госпедуниверситета им. Н. Г. Чернышевского. Сер. Биологические науки. 2011. № 1 (36). С. 214–217.

Холбоева С. А. Степная растительность долины р. Ока (Восточный Саян) // Растительность Байкальского региона и сопредельных территорий: Материалы Всероссийской школы-конференции с участием иностранных ученых (г. Улан-Удэ, 11–13 ноября 2013). Улан-Удэ : Изд-во Бурятского государственного университета, 2013. С. 81–84.

Dambiev E. Ts. (2000) Steppe landscapes of Buryatia. Ulan-Ude: Buryat University press, 198 p. (In Russ.).

Isachenko A. G . (1991) Ecological potential of the landscape*. Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva (VGO) = Proceedings of the All-Union Geographical Society (VGO).* Vol. 123. Iss. 4. P. 305-316. (In Russ.).

Isachenko A. G. (1992) The resource potential of the landscape and natural resource zoning. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva (RGO) = The Russian Geographical Society Herald (Russian Geographical Society).* Vol. 124. Iss. 3. P. 219-231. (In Russ.).

(1987) Long-term data on the regime and resources of land surface waters. Vol. 1. RSFSR. Vol. 13. Angara River basin. Leningrad: Hydrometeoizdat. 363 p. (In Russ.).

Obruchev S. V. (1946) Orography and geomorphology of the eastern half of the Eastern Sayan. *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva = Proceedings of the All-Union Geographical Society (VGO).* Vol. 78. Iss. 5-6. P. 479-498. (In Russ.).

Solntsev N. A. (1948) Natural landscape and some of its general patterns. *Trudy II Vsesoyuznogo geograficheskogo s"ezda = Proceedings of the II All - Union Geographical Congress.* Moscow: Geografgiz. Vol. 1. P. 258-269. (In Russ.).

(1991) Handbook of the climate of the USSR. Ser. 3. Long-term data. Pt. 1-6. Iss. 23. Irkutsk region and the western part of the Buryat ASSR. Leningrad: Hydrometeoizdat. 604 p. (In Russ.).

Telyatnikov M. Yu. (2016) Vegetation of the eastern part of the Eastern Sayan (highland and mountain forest belt). Novosibirsk: Akademizdat. 104 p. (In Russ.).

Ufimtsev G. F. (2008) Mountains of the Earth (climatic types and phenomena of the latest orogeny). Moscow: Scientific world. 352 p. (In Russ.).

Ufimtsev G. F., Nemchinov V. G. (2001) Okinsky Plateau in the newest structure of the South of Eastern Siberia*. Geologiya i geofizika = Geology and Geophysics.* Vol. 42. No. 6. P. 979-987. (In Russ.).

Ufimtsev G. F., Shchetnikov A. A., Filinov I. A. (2007) Okinsky Plateau as a special element of the orography of Eastern Siberia*. Geomorfologiya = Geomorphology*. No. 4. P. 96–103. (In Russ.).

Kholboeva S. A. (2011) The structure of the vegetation cover of the Okinsky Plateau (Eastern Sayan). *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gospeduniversiteta im. N. G. Chernyshevskogo. Ser. Biologicheskie nauki = Scientific notes of the N. G. Chernyshevsky Trans-Baikal State University. The ser. Biological Sciences.* No. 1 (36). P. 214–217. (In Russ.).

Kholboeva S. A. (2013) Steppe vegetation of the Oka River valley (Eastern Sayan). *Rastitel'nost' Baikal'skogo regiona i sopredel'nykh territorii: Materialy vserossiiskoi shkoly-konferentsii s uchastiem inostrannykh uchenykh (g. Ulan-Ude, 11–13 noyabrya 2013) = Vegetation of the Baikal region and adjacent territories. Materials of the All-Russian school-conference with the participation of foreign scientists (Ulan-*

Vladimirov I. N. The ecological potential of Baikal region's geosystems // IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science. 2018. Vol. 190. 012017.

Vladimirov I. N., Vyrkin V. B., Ilyicheva E. A., Kobylkin D. V., Pavlov M. V., Li Zehong. Natural Conditions and Ecological Potential of Geosystems in the Central Part of the Oka Plateau (Eastern Sayan) // Geography and Natural Resources. 2019. Vol. 40, Issue 3. P. 264-274.

Saaty T. L. The Analytic Hierarchy Process: Planning, Priority Setting, Resource Allocation. New York; London: McGraw-Hill International Book Co. 1980. 287 p.

Голубець М. А. Екосистемологія. Львів: Поллі, 2000. 316 с.

Информация об авторах

И. Н. Владимиров – доктор географических наук, директор,
Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН,
664033, Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, Россия.
В. Б. Выркин – доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории геоморфологии,
Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН,
664033, Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, Россия.

Д. В. Кобылкин – кандидат географических наук, заведующий лабораторией геоморфологии,
Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН,
664033, Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, Россия.

Вклад авторов

Владимиров И. Н. провел обобщение современных знаний об экологическом потенциале, на основе анализа данных дистанционного зондирования Земли выполнил расчеты значений экологического потенциала для геосистем Окинского плоскогорья.

Выркин В. Б. выполнил анализ литературных, экспедиционных данных о геоморфологическом строении Окинского плоскогорья.

Кобылкин Д. В. обобщил данные о ландшафтной структуре Окинского плоскогорья.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 25 января 2022 г.; одобрена после рецензирования 21 февраля 2022 г.; принята к публикации 9 марта 2022 г.

Ude, November 11-13, 2013). Ulan-Ude: Buryat State University. P. 81–84. (In Russ.).

Vladimirov I. N. The ecological potential of Baikal region's geosystems // IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science. 2018. Vol. 190. 012017.

Vladimirov I. N., Vyrkin V. B., Ilyicheva E. A., Kobylkin D. V., Pavlov M. V., Li Zehong. Natural Conditions and Ecological Potential of Geosystems in the Central Part of the Oka Plateau (Eastern Sayan) // Geography and Natural Resources. 2019. Vol. 40, Issue 3. P. 264-274.

Saaty T. L. The Analytic Hierarchy Process: Planning, Priority Setting, Resource Allocation. New York; London: McGraw-Hill International Book Co. 1980. - 287 p.

Golubets' M. A. (2000) Ecosystem science. L'viv: Polli. 316 p. (In Ukrainian).

Information about the authors

I. N. Vladimirov – Dr. Sci. (Geography), Director,
V. B. Sochava institute of geography Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
1, Ulan-Batorskaya St., Irkutsk 664033, Russia.
V. B. Vyrkin – Dr. Sci. (Geography), Professor, Chief Researcher of the Laboratory of Geomorphology,
V. B. Sochava institute of geography Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
1, Ulan-Batorskaya St., Irkutsk 664033, Russia.
D. V. Kobylkin – Cand. Sci. (Geography), Head of the Geomorphology Laboratory,
V. B. Sochava institute of geography Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
1, Ulan-Batorskaya St., Irkutsk 664033, Russia.

Contribution of the authors

Vladimirov I. N. carried out a generalization of modern knowledge about the ecological potential, based on the analysis of remote sensing data of the Earth, performed calculations of the values of the ecological potential for the geosystems of the Okinsky Plateau.

Vyrkin V. B. performed an analysis of literary, expedition data on the geomorphological structure of the Okinsky Plateau.

Kobylkin D. V. summarized the data on the landscape structure of the Okinsky Plateau.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted January 25, 2022; approved after reviewing February 21, 2022; accepted for publication March 9, 2022.

Научная статья
УДК 398.5
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-89-101

Эргунэ-Кун: путь Буртэ-Чино и Окинский край

Баир Сономович Дугаров

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия,
khairkhan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6885-7658

Аннотация. Уже не одно поколение монголоведов задается вопросом о существовании Эргунэ-Кун – прародины монголов и его географическом расположении. Сторонники восточной (аргунской) версии связывают местонахождение Эргунэ-Кун с названием реки Эргунэ (Аргунь). Есть и приверженцы западной версии, вектор исследований которых касается Прихубсугулья, Горной Бурятии и Тувы. Между тем начальные строки «Сокровенного сказания», в которых очерчено движение Буртэ-Чино и супруги Гоа-Марал от Внутреннего моря Тэнгис (Байкал) до истоков Онона, содержат имплицитный намек на начало их пути, связанное через Приангарье с гольцами Восточного Саяна, чей ярко выраженный горный рельеф соответствует Эргунэ-Кун, согласно описанию Рашид-ад-Дина. Сами Саянские горы в бурятском эпосе именовались Хухэй (Небесные горы), а в шаманских призываниях – Мундарга (гольцы, скалистые вершины). Важно отметить, что в отличие от восточной гипотезы Эргунэ-Аргунь, в восточносаянской версии прослеживается связь с местной топонимикой (долина Монголжон в Оке) и сакральным фольклором окинских бурят. Так, мотив легенды о братьях Кият и Нукуз, нашедших в труднодоступных горных теснинах спасение от врагов и обретших здесь родину, находит отзвук в местной легенде о братьях Бурэнхане и Тархае, первыми обжившими долины Оки. Имя предводителя «племени волка» Буртэ-Чино отзывается в ороними культовой горы восточносаянского нагорья – Бурэнхан, чье имя слагается из двух компонентов: Бурэн – от тюрк. *бури* волк плюс хан (владыка). Миф о расплавленной горе как метафорически знаковый элемент эргунэ-кунской эпопеи находит реальное подтверждение в вулканических извержениях вблизи обжитой монголами территории, что, по мнению иркутских вулканологов, занимавшихся этим вопросом, могло спровоцировать их уход из Эргунэ-Кун. Эти совпадения имеют, вероятно, определенный исторический контекст и являются сакральными знаками, свидетельствующими в пользу идентичности Эргунэ-Кун и Окинского края.

Ключевые слова: прародина монголов, окинские буряты, Восточный Саян, Окинский край, легенды, миф, сакральный фольклор, племя волка, культовая гора

Для цитирования: Дугаров Б. С. Эргунэ-Кун: путь Буртэ-Чино и Окинский край // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 1. С. 89–101. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-89-101

Original article

Ergune-Kun: path of Burte-Chino and Okinsky region

Bair S. Dugarov

Institute of Mongolian Studies, Buddhology and TibetologySB RAS, Ulan-Ude, Russia,
khairkhan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6885-7658

Abstract. More than one generation of Mongol scholars has been asking about the existence of Ergune-Kun - the ancestral home of the Mongols and its geographical location. Most active have been scholars who support the eastern (Argun) version connecting the location of Ergune-Kun with the name of the River Ergune (Argun). There are also adherents of the western version whose research vector concerns the Khubsugul region, Mountainous Buryatia and Tuva. For the medieval Mongols the location of Ergune-Kun was clear and therefore there was no need to indicate it. Howevere, the opening lines of the "Secret History", outlining the way of Burte-Chino and the wife Goa-Maral from the Inner Sea Tengis (Baikal) to the springheads of Onon, contain an implicit hint to the beginning of their path connected through the Angara region with the mountains of the Eastern Sayan whose pronounced mountainous relief corresponds to Ergune-Kun, according to the description of Rashid al-Din. The Sayan mountains themselves were called Huhei (Heavenly mountains) in the Buryat epic, and in shamanic invocations - Mundarga (rocky peaks). It is important to note that in contrast to the eastern hypothesis of Ergune-Argun, in the case of East Sayan version there is an interesting connection with local toponymy (the Mongolzhon valley in the Oka) and sacred folklore of the Oka Buryats. The motive of the leg-

© Дугаров Б. С., 2022

end about the brothers Kiyat and Nukuz, who escaped from enemies in the hard-to-reach mountain gorges and settled here, is echoed in the local legend about the brothers Burenkhan and Tarkhai, who were the first to inhabit the Oka valley. The name of the leader of the wolf tribe Burte-Chino resonates in the oronim of the cult mountain of the East Sayan highlands - Burenkhan, whose name is composed of two parts: Buren - from Turkic *buri* 'wolf' and *khan*'lord'. The myth about the molten mountain as a metaphorically symbolic element of the Ergune-Kun epic finds real confirmation in volcanic eruptions near the territory inhabited by the Mongols, which, according to Irkutsk volcanologists working on this issue, could have provoked their departure from Ergune-Kun. These coincidences probably have a certain historical context and are sacred signs testifying to the identity of Ergune-Kun and the Okinsky region.

Keywords: ancestral home of Mongols, Oka Buryats, Eastern Sayan, Oka region, legends, myth, sacred folklore, wolf tribe, cult mountain

For citation: Dugarov B. S. (2022) Ergune-Kun: path of Burte-Chino and Okinsky region. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 1. P. 89-101. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-89-101

Где находится Эргунэ-Кун?

Этим вопросом, который проливал бы свет на истоки этноса, создавшего мировую империю, задавалось не одно поколение монголоведов. Амплитуда определения географического расположения Эргунэ-Кун колебалась от Кукунора до Южной Монголии (Я. И. Шмидт и Д. Банзаров), от Алтайских гор (Г. Ф. Миллер и Н. Я. Бичурин) до р. Аргуни (И. Е. Фишер, О. М. Ковалевский и П. И. Кафаров). Последняя – восточная или аргунская – версия оказалась подхваченной современными исследователями – Х. Пэрлээ, Л. Билэгт (Монголия), Элдэндэй, Ардажаб, Алтаноргил (Внутренняя Монголия), А. А. Семенов, Л. Р. Кызласов, Е. И. Кычанов, Б. Р. Зориктуев.

Как бы в противовес появляются сторонники западной версии, географически связанной с саянским регионом, – хубсугульская (Х. Пэрлээ, Д. Гонгор, А. Амар), тувинская (Чиндамуни, Ч. Далай, Н. В. Абаев) и тункинско-джидинская (С. Ш. Чагдуров). Позиции, благосклонной к саяно-байкальской ориентации, придерживается П. Б. Коновалов, обозначивший пространственное движение Буртэ-Чино – главного персонажа эргунэ-кунского феномена двумя этапами. Первый – образование супружеского союза Бортэ-Чино и Гоа-Марал на территории Северной Монголии между Хангаем и Саянами. Второй – переход «народа Буртэ-Чино» с промежуточной земли, названной в «Алтан тобчи» Лубсан Данзана «Дзадын газар» и соответствующей Прибайкалью, в район истоков Онона у горы Бурхан-Халдун (Коновалов, 1999. С. 109).

Из всех перечисленных выше ученых особо выделяется своей многолетней приверженностью эргунэ-кунской теме Б. Р. Зориктуев, считающий «восточную ориентацию бесспорно предпочтительной», в отличие от последователей западной ориентации, «общей слабостью позиции которых является то, что на указываемых ими территориях нет названия Эргунэ» (Зориктуев, 2011. С. 11). Так утверждает автор в своей монографии «Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят» (Зориктуев, 2011), где первая глава «Эргунэ-Кун и начало монгольской истории» с подглавой или параграфом «Исход монголов из Эргунэ-Куна в Предбайкалье» полностью посвящена искомой теме.

Как ни парадоксально, при всей научной компетенции Б. Р. Зориктуева в этом вопросе, его аргументированное изложение материала с привлечением собственных полевых данных не достигает своей конечной цели. Дело в том, что автор пошел, как нам представляется, по ложному следу, увлекшись словом Эргунэ, созвучным Аргунь (в монгольском произношении Эргунэ) – названию реки в Маньчжурии. Примечательно, что Рашид-ад-Дин приводит название этой реки в связи с обозначением параметров кочевий Хасара, брата Чингис-хана, но не указывает, что эта территория могла быть связана с Эргунэ-Кун (Рашид-ад-Дин, 1952b. С. 52). Думается, информаторы персидского историка, знавшие святыни и предания старины глубокой, не преминули бы ему напомнить об этом.

Да, есть река в Маньчжурии с таким названием. Зориктуев полагает, что там должна быть и местность Эргунэ-Кун, куда он совершает экспедиционные поездки. Но ее описание, приводимое автором, не убеждает, что это есть то самое. Вряд ли в такой, достаточно населенной с древних времен и открытой

для кочевников местности, могли скрыться от врагов потерпевшие крах Кият с Нукузом, нет каких-либо локальных фольклорных отголосков, например, о «расплавленной горе», открывшей монголам Эргунэ-Куна путь из горных теснин в степные просторы. В «Сокровенном сказании» (1240) в ряде мест упоминается река Эргунэ или Аргунь, которая, по всей видимости, была давно и хорошо знакома монголам времен Чингис-хана. Например, сюда съезжались в связи с избранием Джамухи в гурханы его многочисленные сторонники (Козин, 1941. С. 116).

Следует также обратить особое внимание на то, что бассейн реки Эргунэ (Аргунь), прилегающий к Маньчжурии, не относился к тюркской ойкумене, которая исторически располагалась западней, в пределах Орхона – Саяно-Алтая. Стало быть, монголы, потерпевшие поражение от тюрков-тюгу, должны были находиться, примерно, в этом же географическом ареале. А спасительным убежищем в таком случае им могла послужить труднодоступная горная цитадель на территории тюрко-монгольского пограничья под названием Эргунэ-Кун, что более соответствует месторасположению Восточных Саян.

Но Б. Р. Зориктуев уверовал, что ориентир местонахождения прародины монголов обозначен названием реки Эргунэ. Самое удивительное происходит при описании автором исхода монголов из Эргунэ-Куна. Они во главе с родом чино уходят из Аргуни на западное побережье Байкала (Зориктуев, 2011. С. 52) и возвращаются, переплыв Внутреннее море Тэнгис, к верховьям Онона, как об этом сказано в «Сокровенном сказании» (Козин, 1941. С. 79). Этот непостижимый «марш-бросок» племени Буртэ-Чино на запад и обратно на восток остается темным местом в авторском изложении перипетий исторических событий той эпохи. И заставляет усомниться в правомерности аргунской версии.

Вместе с тем небезынтересно отметить, что пребывание эргунэ-кунских монголов из Аргуни увязывается с монгольским племенем усуту-мангун (водяной мангун) (Зориктуев, 2011. С. 54), живущим в долине Ангары, согласно данным Рашид-ад-Дина (Рашид-ад-Дин, 1952а. С. 102). Более того, автор констатирует, что в преданиях о Буртэ-Чино и Гоа-Марал зафиксировано, по существу, первое проникновение монголов в район Байкала. Поскольку в дальнейшем монгольский этнический массив там постоянно расширялся, выходило, что пришедшие из Эргунэ-Куна монгольские роды, предводительствуемые чиносцами, положили начало монголизации этого региона (Зориктуев, 2011. С. 60).

В пользу данного утверждения Б. Р. Зориктуева говорят и некоторые топонимические следы расселения ранних монголов (Буртэ-Чино) в Прибайкалье. Так, на р. Куде, притоке Ангары, вблизи пос. Усть-Ордынского есть старинный бурятский улус Бортураг (по современной административной номенклатуре пишется «Бартурки»). «Происхождение этого топонима совершенно прозрачно, – отмечает Коновалов, – Борто+уруг/ураг, что означает род Борто, точнее, родственный кому-то Борто-родня. Не является ли топоним Бортоураг знаменательной вехой, отмечающей путь движения потомков легендарных Кияна и Нукуса, вышедших из Эргунэ-Куна под предводительством Бортэ-Чино на просторы приангарских речных долин, но еще не переплывших Байкал» (Коновалов, 1999. С. 125). Данное предположение кажется вполне обоснованным в историческом контексте. Далеко не все монголы во главе с Бортэ-Чино, переплыв Тэнгис (Внутреннее море), ушли в сторону Онона. Многие из них остались в Прибайкалье, и они «составили впоследствии основной костяк бурятского племени эхирит в виде многих крупных родов шоно (чино) и бура (боро, бортэ)» (Михайлов В. А., 1993. С. 6). Отметим, что эхириты / икиресы относятся к тем родам, которые вышли из Эргунэ-Кун.

В связи с этим следует обратить внимание на культ так называемых монгол-бурханов, широко распространенный в прошлом среди кудинских, верхоленских, ольхонских и байкало-кударинских бурят, относящихся к эхиритам. Монгол-бурханов было много, они имели различные названия: хара-монголы, шара-монголы, ута-монголы и т. д. Образовалось целое сословие мелких территориальных духов. Каждый бурят перед постройкой новой юрты должен был испросить разрешения у духа-монгола и сделать жертвоприношение. В старину в каждой местности, в каждом улусе, чуть ли не в каждой усадьбе якобы находили места захоронения монголов, а потому молебствия этим духам носили массовый характер (Михайлов Т. М., 1980. С. 298–299). По сведениям Б. Э. Петри, «каждая долина, каждая гора или ложбина имеет своего духа. В большинстве случаев – это монголы. Все, умершие в Предбайкалье, монголы,

как первые насельники этого края, являются хозяевами тех мест, на которых стояли их юрты» (Петри, 1924. С. 103, 104).

Примечательно, что «культ монгола» сохраняется и в наше время среди качугских, кудинских и ольхонских бурят эхиритского происхождения, а также у их сородичей, переселившихся на восточный берег Байкала – кабанских бурят. С ним связан обряд, называемый монголоо эдеэлхэ ‘кормить монгола’. Традиция почитания духа монгола не прерывалась и в советское время, ибо обряд можно было исполнять индивидуально, без шамана. С практической точки зрения обряд носит охранительный характер, обеспечивающий благополучие рода и умножение богатства. Он проводится весной с появлением первой травы и молочной пищи (Дампилова, 2014. С. 51, 53–55).

Что касается траектории движения Буртэ-Чино с западного берега Байкала на восточный, она выглядит убедительной в трактовке Б. Р. Зориктуева. При этом он опирается на важное уточняющее сообщение в «Эрдэнийн тобчи» Саган Сэцэна (XVII в.): «…Буртэ-Чино…взяв свою жену по имени Гоа-Марал, … перешел море Тэнгис и пошел в восточном направлении. В районе Байкала Буртэ-Чино достиг горы Бурхан-Халдун и встретился с народом бэдэ, который сделал его своим нойоном» (Зориктуев, 1997. С. 14). В качестве аргументации Зориктуев со знанием дела приводит фольклорные данные о пребывании Буртэ-Чино в Баргузинской долине, поскольку народная память сохранила легенды и предания о предке Чингисхана. В «Баргузинских летописях» упоминается, что на склоне горы Бархан-улы – Тэбтээхи находилось стойбище Буртэ-Чино.

Именно баргузинский след Буртэ-Чино, сохранившийся в устной традиции бурят, а это уникальный случай воспоминаний о нем в фольклоре монгольских народов, дает возможность реконструировать путь Буртэ-Чино в восточном направлении. Поскольку в «Сокровенном сказании» указано, что Буртэ-Чино перешел Внутреннее море Тэнгис (Байкал) на пути к Онону, а бурятские легенды, заполняя лакуну, сообщают, что он жил в Баргузинской долине у подножья Бархан-уулы, то возникает вопрос, откуда все-таки начинался путь Буртэ-Чино. И где подлинный Эргунэ-Кун? В свете вышесказанного становится очевидным, что это не местность у реки Эргунэ (Аргунь), расположенная далеко на востоке, а горы, примыкающие непосредственно к Приангарью. То есть те самые горы, куда могли уйти Кият с Нукузом, спасаясь от тюрков-тукю и где они накопили силу и энергию, чтобы заявить в дальнейшем о себе на авансцене Великой Степи.

Экспедиция в Оку: дневниковые записи, сентябрь 2011 г.

5.09. Понедельник.

Утром звонит Прокопий Батюрович Коновалов, археолог. Предложил присоединиться к поездке с Петром Шаблиным в Оку по следам древних монголов под знаком Эргунэ-Кун. Конечно, согласился.

У Коновалова много наработок по этой тематике: Буртэ-Чино и Гоа-Марал как союз монголов и тюрков (сакский субстрат), Алан-Гоа: символ древнего хори и баргутского единства (предков восточных и западных бурят), восточная и западная версии Эргунэ-Кун. Надо читать миф и интерпретировать его, а не углубляться в конкретику, считает он.

П. Коновалов сообщает, что к поездке в Оку, которая намечена на 13 сентября, присоединяются Бат-Очир с сыном (Улан-Батор), они приезжают 12.09. По словам П. К., Бат-Очир, хэнтэйский бурят, много лет занимается Эргунэ-Кун. Попытка связать исход из Эргунэ-Кун с Буртэ-Чино и путь через Тэнгис к Онону. Аха (Ока) – связующее звено, Нухэн дабан – тоннель (урхэ нухэн).

13.09. Вторник.

В 9.30 выехали из города в Оку (Аха). Экспедиция по следам Эргунэ-Кун. Состав: Петр А. Шаблин, руководитель (сам за рулем) и спонсор поездки, Бат-Очир, его сын Аригун, демограф, несколько лет назад окончивший университет в Улан-Баторе, Прокопий Б. Коновалов и я. По пути в Култуке присоединился к нам Николай Г. Доржиев.

Всю дорогу беседовали с Лхасурэн Бат-Очиром и П. Коноваловым. Первый сидел рядом со мной, в салоне иномарки. Он познакомился с Шаблиным в 90-х годах, учился в Москве. Бат-Очир считает, что Эргунэ-Кун находится в Оке.

Основной источник, на который опирается он в своих предположениях, – Абул-Гази «Генеалогическое древо: турки и татары. Заинтересовался, когда я поведал о том, как моя мать после окончания пединститута, получив направление в Орлик, проезжала

через Нухэн-Дабан. Просил по возвращению уточнить, был ли путь сквозь отверстие в горе. Это он называет остатками тоннеля сквозь Нухэн-Дабан, которые сотворили монголы, чтобы выйти из Эргунэ-Кун. Сделали они это, по мнению Бат-Очира, чтобы прославить свое имя (алдаршахань түлөө).

Коновалов временами вмешивался в наш разговор и поправлял Бат-Очира с ссылкой на исследовательские работы монгольских ученых, в частности Сухбатора. Он писал о сяньбийцах. Бат-Очир с ним не согласен, даже при жизни ученого делал ему замечания, которые тот обещал учесть.

Аха нас встретила легким снегом, устилая путь белой ковровой дорожкой. Уже темнело. Устроились в орликской гостинице «Саяны».

14.09. Среда.

Утром – встреча в конференц-зале администрации, которую вел Б. Д. Шарастепанов, глава Окинского района. Ниже приводится краткая запись выступлений.

Шаблин: есть две версии об Эргунэ-Кун как прародине монголов: восточная и западная. Эргунэ-Кун необходим для самосознания бурят XXI века. Монгольский мир должен заявить о себе на новом интеллектуальном уровне.

Коновалов: Экспедиция организована не официальными структурами, не академическими. Инициаторы: Шаблин, руководитель бурятского ЭМ-ЦЕНТРа и его команда. В науке нередки случаи, когда не специалисты, а люди как бы со стороны предлагают идеи, которые могут оказаться плодотворными (имеется в виду Бат-Очир). Существуют две легенды: 1. Легенда об Эргунэ-Кун (450 лет монголы пребывали как бы в небытие); 2. Легенда о Буртэ-Чино и Гоа-Марал, пришедших через Тэнгис к Бурхан Халдуну, где Буртэ-Чино стал ханом. Две самостоятельные легенды об одном и том же.

Первая версия об Эргунэ-Кун связана с Приаргуньем, это в сторону Маньчжурии. Но там не глухие, вполне доступные места, и нет таких гор, чтобы скрыться от врагов. Ока, Восточные Саяны более подходят. Отсюда путь в Приангарье и Баргузинскую долину, где сохранилась легенда о Буртэ-Чино.

Имеющиеся окинские археологические древности учтены в книге, которая собирается быть изданной и где он – научный редактор. Но раскопки нужны, поскольку чисто научное решение проблемы должно опираться не на легенды, а на артефакты. Есть перспективы на туризм, для чего следует сорганизоваться с монголами.

Бат-Очир: По Грумм-Гржимайло, нигде в Восточной Азии нет такой земли, соответствующей описанию Эргунэ-Куна, есть только в Восточных Саянах, в верховьях Енисея и притоках Ангары.

В прежние времена окинских бурят связывала с большим миром тропа, ведущая через Нухэн-Дабан (Дыра-перевал). А Нухэн (дыра) есть тоннель, сотворенный древними монголами для выхода из Эргунэ-Кун. По нему проходили с лошадьми, верблюдами, Тоннель осел за многие столетия, но места здесь сакральные.

Буртэ-Чино, выйдя отсюда из Оки, ушел на Ангару, чтобы разбить своих прежних врагов (тюрков). Затем повернул в Баргузин, там есть следы ранней монгольской культуры (характерный признак в захоронениях – хониной сумгэн – овечья голенчатая кость, положенная ближе к изголовью). Считалось, что в этой кости обитает душа покойного.

В Эргунэ-Кун, по данным Абул-Гази, обитали семь монгольских аймаков, из которых старшими считались хонгирады (Бат-Очир считает, что их потомки – это хонгодоры). Также отсюда вышли предки эхиритов и олхонутов, а также харанутов и хори.

Доржиев: Мы (Бат-Очир, Шаблин и я) поднимались на Нухэн-Дабан во время нашего первого приезда в Оку в июле этого года. Отверстие в скале, как показалось нам, не естественного происхождения. По всей видимости, путь через Нухэн-Дабан – кратчайший, связывающий Оку с Мондами и Тункой. Телеграфные столбы ЛЭП проходят по-над Нухэн-Дабаном. При доказательстве, что Эргунэ-Кун здесь, Ока может стать ядром монгольского мира и привлекательным местом для туристов.

Дугаров: Могу сказать, что во мне издавна жило ощущение, что Аха (Ока) таит в себе необычную тайну. Об этом напоминает, прежде всего, окинская легенда о Бурэнхане и Тархае, первопоселенцах Оки, легенда, которая перекликается с историей двух братьев Кият и Нукуз, укрывшихся в Эргунэ-Куне. Это и остатки вулканической лавы Шэбээ, напоминающие о расплавленной горе (в легенде об Эргунэ-Кун), а народное воображение увязывает это с дворцом Гал Дулмэ-хана, расплавленным Гэсэром. И, наконец, Нухэн-Дабан, отверстие в скале, которое

пробил Гэсэр могучей хангайской стрелой, открыв путь для своего воинства. Все это легендарные отголоски давнего прошлого, возможно, какого-то реального исторического события, приобретшие легендарную форму.

Поездка на Сэнцын тала. Ээрийн гүбөө – место поклонения духам предков. Стела хонгодоров – напоминание об основном племени окинских бурят и праматери Лебеди. Керексуры. Захоронения средневекового периода – тюрко-монгольские. Круглой формы насыпи камней. Есть и курганы, относящиеся к временам до нашей эры, к скифам. Коновалов и вслед за ним мы (улан-удэнцы и несколько окинцев) обошли все захоронения. На таком небольшом пространстве большая концентрация могильников, – подытоживает Коновалов. Действительно, столько захоронений. Не исключено, что и древние монголы и их этнические предшественники соблюдали традицию упокоения праха своих вождей в недоступных местах.

Осмотрели стрелу Гэсэра: аккуратная, хорошо сохранившаяся каменная кладка с ориентацией восток – запад,

Съездили в сторону Шарзы, Тамгатай байса (утес с печатью). Поднялись к пещере, где хранились старинные книги. Часть, видимо, кто-то забрал. Я обнаружил на старомонгольском языке рукопись об Утайшане (по-бурятски Табан уула – Пять гор).

На обратном пути задержались в Монголжоне. Обнаружили еще две камнем выложенные стрелы, направленные на южный склон, который, вероятно, был площадкой во время проведения обрядов. Святилища как бы нету, но сам склон похож на алтарь святилища. Просматриваются места захоронений. Коновалов считает, что монголы хоронили ближе к лесу. На повороте долины Монголжон в сторону Монголжони hүүл (Хвост Монголжона) есть пещера на вершине горной гряды. Рядом изображение буддийской богини Зеленой Тары, подновленное Баярламой. Напротив, на другом берегу Ахи – Белая Тара, в местности Хараһан тала.

До Шэбээ съездить не удалось, хотел показать Коновалову расплавленный Гэсэром дворец Гал Дулмэ-хана.

15.09. Четверг.

С утра в кабинете у Б. Шарастепанова небольшая ознакомительная лекция о природных особенностях Окинского края. Б. Ш. водит указкой по карте, показывая, какие конские тропы с древних времен связывали Оку с Приангарьем, откуда уходили от преследования врага монголы. Б. Шарастепанов, сам вдоль и поперек исходивший с детства родные края и водивший не раз школьников в туристические походы, полагает, что одним из важных географических объектов является перевал Сайлак, через который осуществлялось сообщение с Приангарьем. Об этом свидетельствует внушительных размеров пирамида, сложенная из камней, у самого перевала. По всей видимости, пирамида старинная, берущая начало в глубине столетий.

По предположению Б. Д. Шарастепанова, монголы ушли из Балаганских степей в Саяны по Хойто-Оке и поселились по долине Оки, начиная с Бурэнгола и выше, Монголжин и Сэнсын тала. Размножившись и укрепившись, ушли через Нухэн-Дабан в Тункинскую долину, а оттуда в Приангарье, где взяли реванш у тюрков, потеснив их.

Вчера планировали добраться на лошадях до Сайлака, но в силу временного цейтнота и отсутствия достаточной экипировки, поездка не состоялась.

После обеда выехали из Орлика. Прибыли в Тэмээлиг к шести часам вечера. Расположились в бывшем посту ГАИ «Белый Иркут». Растопили печь мигом. В большом котле-тогоне разогревается вчерашняя баранина плюс лапша.

Опять разговоры о стоячих камнях, которым местные жители не придавали значения, а теперь задумались. Из окинцев – Зоригто Цырендоржиевич Цыбиков, инструктор по туризму в районной администрации, из рода волка – шонорог, по матери – уляаба. Он завтра поведет нашу группу к Нухэн-Дабану. Под крутым берегом гремит ночной Хара Иркут (Черный Иркут), словно подает голос сама бездна.

Думается об Эргунэ-Куне, Нухэн-Дабане и Монголжоне – они как тлеющие под пеплом истории угольки, могущие высечь искру будущего.

16.09. Пятница.

Утром все дружно пошли к Нухэн-Дабану. Подъем не составлял особого труда. Тяжелей было Бат-Очиру, но он с помощью «лыжных» палок и страхуемый сыном, медленно, но неуклонно шел вслед за нами. Чем выше поднималась извилистая тропа, тем сильнее красота, открывавшаяся в просвете золотя-

щихся лиственниц, захватывала дух. Это были серебряные вершины Хухэя, как в эпосе называются Саяны, увенчанные двурогой тиарой Мунку-Сардыка. Так вблизи я никогда не видел алтарь моей поднебесной Бурят-Монголии. В детстве не раз я пролетал на самолете из Монд или Кырена в Орлик, каждый раз прижимался к иллюминатору, чтобы увидеть и запечатлеть в своем еще чистом, как высокогорный снег, сознании доставшуюся мне по праву рождения и с благословения предков божественную красоту.

Начинается спуск, несколько поворотов тропы по лиственничному склону. И уже видны очертания Нухэн-Дабана. Поднимаемся. И отверстие в горе впивается в тебя небесным оком, осененным ресницами лиственниц, которые царствуют в тайге Хухэя. Поднявшись по каменной россыпи к подножию «небесного ока» в отвесной скале, пробитого, согласно эпической легенде, стрелой Гэсэра, а по версии Бат-Очира, это и есть знак тоннеля, оставленного древними монголами по исходу из Эргунэ-Кун. И то, и другое, на мой взгляд, по своей мифологической сути взаимосвязано под сакральным знаком.

Все, поднявшись к подножию отверстия, рассматривают широкую щель, уходящую в недра горы. Некоторые пролезают внутрь. Там есть полое пространство, – говорят они. Значит, – засверкали глаза сквозь очки у Бат-Очира, – это и есть тоннель, заваленный впоследствии в силу землетрясений и других стихийных факторов. Его сразу поддерживает Николай Доржиев. Остальные пока не выражают своего мнения. Выхода или начало тоннеля не обнаружили. Если даже это и было, то по истечению стольких веков оно слилось с ландшафтом, растворилось в нем.

Наполненные впечатлениями, вернулись на наш бивак. За чаепитием снова дискуссия, обмен мнениями. Снова оживают тени Буртэ-Чино и Гоа-Марал, братьев Кият и Нукуз, ушедших в Эргунэ-Кун, и братьев Бурэнхан и Тархай – первых насельников Окинского края.

Ехали всю ночь. Разговорами поддерживали тонус П. Шаблина, поскольку он был за рулем. П. Коновалов, сидевший с ним рядом, то и дело задавал вопросы, на которые П. Ш. с удовольствием отвечал. Действительно, человек хорошо узнается в дороге. Интересно было услышать откровения Петра Ш. Он хороший рассказчик. Поведал целую одиссею, связанную с защитой докторской диссертации.

Незаметно я заснул. Проснулся, когда уже подъезжали к городу. Обменялись адресами с Бат-Очиром. Он остановился у Шаблина. Тот настроен держать его под домашним «арестом», пока не изложит в письменном виде свою версию об Эргунэ-Кун.

17.09. Суббота.

В Интернете перечитал биографию Абул-Гази (1605–1664), хана хивинского, из рода Шейбанидовъ, происходящего от Чингисхана, автора сочинения «Книга родословного древа тюрков и монголов». Также в интернете обнаружил Н. Абаева – о тувинской версии Эргунэ-Кун. Статья натянутая и амбициозная. Отмахивается от Зориктуева, автора восточной версии, фразой о том, что по названию Эргунэ / Аргунь можно искать убежище древних монголов и на Кавказе, где есть река Аргун. Пытается, ссылаясь на ностратические выкладки Чагдурова, лингвистически привязать тувинские топонимы к Эргунэ-Кун.

Перечитал Банзарова – о названии Эргунэ-Кун, а также Кропоткина (ксерокс) – о поездке в Окинский караул, есть описание Нухэн-Дабана. Позвонил матери, чтобы уточнить ее рассказ о том, как она в 1946 году проходила через Нухэн-Дабан. Это было в августе. Мать после окончания пединститута получила направление в Орликскую школу. Их встретили около Монд на приготовленных лошадях. По ее словам, они прошли сквозь отверстие в скале Нухэн-Дабана, ведя за собой лошадей на поводу. Другого пути не было. У отверстия лежали гимнастерки и другие вещи, оставленные вернувшимися домой фронтовиками.

Сакральное эхо времен

Культ горы Бурэнхан

Поклонение горам – широко известное и распространенное явление у монгольских народов. Поэтому не случайно ореолом почитания окружена самая высокая вершина Восточного Саяна – Мунку-Сардык, эжином-хозяином которой является Бурэнхан (монг.-бур. *Бурэн хаан*). В представлении местных жителей прилегающие к вершине Мунку-Сардык территории отмечены особой благодатью, нисходящей от эжина-хозяина этой горы – Бурэнхана. Поэтому к собственному имени вершины придается эпитет *хайрхан* (в дословном переводе «милостивый»), в котором выражается уважительно-мистическое отношение к горе. Это почтительное обозначение при-

суще монгольским оронимам священных гор, почитаемых в том или ином регионе или местности.

Что касается культовой системы бурят горных районов Бурятии – Окинского и Тункинского, прилегающих непосредственно к этой знаковой горе Восточного Саяна, культ Бурэнхана здесь занимает ведущее место. Особенно рельефно культ Бурэнхана сохранился в Окинском районе, где наблюдается возрождение прежде (в советский период) забытых традиций и обычаев, в том числе шаманских, связанных с почитанием сакральных мест, родовых территорий. Особенностью Окинского района является наличие жрецов гор, именуемых *хадаши* (от слова *хада* – гора, скала). Они, как правило, знатоки и исполнители обрядов, имеющих отношение к культу гор, в частности призываний к хозяевам (эжинам) тринадцати священных горных вершин (с традиционными подношениями и просьбами). Мне не раз доводилось общаться в с. Хужир с известным хадаши А. Ц. Папаевым (1948 г. рожд., род бадархан-хонгодор), записал от него тексты обрядовых призываний, обращенных к хозяевам гор. Обряд, по словам хадаши, совершается обычно в утреннее время, используется арса (можжевельник), белая пища – молоко, чай и водка, которую приносят «заказчики» обряда.

При призывании к хозяевам тринадцати горных вершин Оки (Ахын арбан гурбан улаан хада) сначала обращаются к Бурэнхану как старшему и главному из них:

Буурал сагаан эсэгэмнэй,
Седой белый наш отец,
Бүрэн хаан үндэр хайрахамни,
Бурэнхан высокий милостивый мой,
Нүхэн дабаа барисаантнай бэлэй даа
Нухэн-дабан ваша *бариса*, так ведь,
Хүбсүгүл далай hүлдэтнэй бэлээ даа.
Море Хубсугул ваше *сулдэ*, так ведь.

(*Нухэн-дабан* – священный перевал на северной бурятской стороне Бурэнхана; *бариса* – место на горном перевале, где делаются подношения духам; *сулдэ* / *hүлдэ* – жизненная сила, дух).

Обращает на себя внимание нумерологическая характеристика хозяев священных вершин Горной Оки, которая сводится к числу 13. Это сакральное число характерно для религиозно-мифологической традиции бурят и в целом монгольских народов. Показательно, что в Окинском районе, сохранившем древнюю традицию *хадаши* – жрецов гор, в обряде почитания 13 восточносаянских вершин приоритет сохраняется за Бурэнханом как узловой фигурой в иерархии горных божеств. По словам А. Ц. Папаева, «Бурэнхан постоянно смотрит на Оку, покровительствует ей, держит нас, окинцев, как бы у себя за пазухой – Бүрэн хаан Ахаяа ходо хаража, сахижа байдаг, маниие үбэртөө шэнги баряад байдаг).

Само имя Бурэнхан, состоящее из двух слов, переводится с бурятского языка: *Бүрэн* – «полный, совершенный», *хаан* – владыка, правитель, хозяин. Это современная трактовка данного оронима, имеющего на самом деле иную, как нам удалось выяснить, – древнюю – основу, связанную с именем Буртэ-Чино. Полтора столетия назад Г. Н. Потанин, собирая фольклорный материал у саянских бурят, записал в Мондах у знатока местной старины Наван-ламы очень ценное сообщение о Мунку-Сардыке. По его словам, эжином-хозяином этой культовой горы является Шоно-нойон или Бурен-хан, «причем слово шоно лама сам перевел русским словом: волк». В другом месте Потанин отмечает: «говоря о Бурен-хане, бурятское сказание ставит этот белок (сибирское название горной вершины, покрытой снегом – Б. Д.) в связь с представлением о волке» ((Потанин, 1883. С. 128, 827, 866). Действительно, в названии Бурэнхан / *Шоно-нойон* явно слышится «волчий» отголосок тюрко-монгольского двуязычия времен Эргунэ-Куна – тюркоязычного слова *буре / бури,* соответствующего бурятскому и монгольскому *шоно и чоно / чино).*

В этом тотемическом *ороними Бурэнхан, освященном древностью, закодировано, возможно, имя самого Буртэ-Чино – вождя* племени / рода волка. Семантическая парадигма образа Буртэ-Чино и его историко-мифологический контекст дают достаточный повод для такого предположения. При этом следует иметь в виду, что, согласно устным рассказам, легендам и преданиям, бытующим у тюрко-монгольских народов, хозяевами гор становились именно духи первопредков, шаманов и других выдающихся лиц. Исследователями давно отмечена связь почитания гор с определенной территорией, на которой господствует вершина, имеющая своего «духа-хозяина» (Молчанов, 1910. С. 72).

Более того, прослеживается интересное совпадение: начиная с Саяно-Прихубсугулья вдоль границы

Монголии с Бурятией и на восток в сторону Онона отмечены горные вершины и населенные пункты, носящие название Бурэн / Бурин хан. Все это свидетельствует о широком распространении данного топонима, сохранившего, по всей видимости, отголоски общемонгольского культа Бурэн хана (Галданова, 1998. С. 19; Галданова, Герасимова, Дашиев, Митупов, 1983. С. 123–124). Культа, берущего начало с эргунэ-хунского периода средневековой истории чиносцев.

Миф о расплавленной горе

Есть одна уникальная природная достопримечательность на территории Окинского района, придающая горно-таежному ландшафту фантастический вид. Это причудливая гряда остывшей вулканической лавы, ощетинившейся глухим нелюдимым лесом, именуемая по-бурятски Шэбээ (изгородь, частокол; укрытие). Она тянется на расстоянии многих километров вдоль по течению р. Жомболок, а после впадения его в р. Оку – до местности Обоото. Сами местные жители этот отвердевший поток вулканической лавы связывают с «руинами дворца» Гал Дулмэ-хана, расплавленного Абай Гэсэром, героем бурятского героического эпоса. Примечательно, что подобное предание было распространено и у приангарских бурят. Об этом писал М. Н. Хангалов: «Абай-Гэсэр-богдо-хан с помощью девяти небесных кузнецов (тэнгэриин ёһон дархад) раскаливал сына Гал-Долмо-хана, отчего дворец Гал-Долмо-хана расплавился и образовалась груда камней и железных шлаков» (Хангалов, 1959. С. 324). Этот эпизод встречается во многих вариантах бурятской Гэсэриады, причем все вариации имени Гал Дулмэ-хана (Огненно-Пламенного хана) связаны с огнем, огненной стихией – *гал*, с пламенем –*Дулэн, Дулмэ, Дурмэ* (от слова *дурэхэ* – гореть, сгорать), и с горячим пеплом, золой – *Нурма*(*н*), указывающие на вулканическое происхождение этого природного феномена (Дугаров, 1995).

Действительно, вулканический фактор имел место в районе р. Жомболок, причем в сравнительно недавнее время. Как выяснили иркутские ученые (С. Г. Аржанников, А. В. Иванов, А. В. Аржанникова и др.), здесь зафиксировано самое молодое из известных вулканических извержений в Центральной Азии, которое приходится на временной отрезок с 682 по 792 годы. Более того, в результате долговременных полевых исследований, дендрохронологического анализа, радиоуглеродного датирования и сличения с данными монгольских исторических хроник вулканологи определили, что вулканическая активность в этот период могла спровоцировать миграцию монгольских племен из Эргунэ-Куна, то есть из Оки, в сторону Онона. Согласно уточняющим датам – годы рождения Борте-Чино (758 г. н. э.) и его сына Бат Цагаан-хана (786 г. н. э.) – завершающий исход монголов из Оки мог произойти предположительно в период 778–786 гг. при формировании лавы четвертой стадии (Arzhannikovet al., 2016. P. 87, 98).

Данные и выводы ученых, кажется, окончательно подводят черту относительно местонахождения Эргунэ-Кун и позволяют заново оценить и осмыслить сообщение Рашид-ад-Дина об исходе монголов из этой горной страны, ставшей их исторической колыбелью. Безусловно, в повествовании о пребывании монголов в теснинах Эргунэ-Куна знаковым представляется мотив о расплавленной горе. Когда размножившимся монголам стало тесно, они с помощью семидесяти мехов, сделанных из шкур 70 быков и лошадей, раздули общими усилиями огонь из собранных дров и угля у подножия богатого железной рудой горного склона. Раздували до тех пор, пока не расплавился крутой склон и не образовался проход в горе, по которому монголы вышли «на простор степи» (Рашид-ад-Дин, 1952а. С. 153–154).

Думается, это повествование носит иносказательный характер, что вообще свойственно восточной традиции. Тем более, что прошло достаточно много времени – более 500 лет, чтобы это историческое воспоминание об Эргунэ-Куне, с которого начинается точка отсчета образования монгольского этноса, приобрело фольклорно-мифологическую интерпретацию. На это, прежде всего, указывает число 70, которое применяется в монгольском фольклоре для обозначения большого количества, множества чего-либо.

Сам процесс задувания огня мехами обставлен как эпический ритуал мощного коллективного действия, а проход в горном хребте, открывший кочевникам путь к степным просторам, чтобы начать восхождение по ступеням истории, представляется сказительской гиперболой. По мнению Бат-Очира, участника окинской экспедиции 2011 года, монголы уходили из Оки через Нухэн-Дабан сквозь тоннель,

пробитый ими, чтобы прославить свое имя, согласно описанию Абул-Гази. Уходили они, маркируя свой путь топонимическими отзвуками обретенного в Эргунэ-Кун этнонима монгол: начиная с Оки – долина Монголжон, р. Монгошо (левый приток р. Оки), в Тунке, начиная с верховий р. Иркут: с. Монды – Мон (название селения), Мон уула (гора Мон), на южном склоне которой, по словам мондинских старожилов, совершался в старину обряд, обращенный к Бурэнхану – хозяину горы Мунку-Сардык, Мон хада (скала Мон), хребет Монго в сторону Ниловой пустыни и с. Хойтогол, речка Монгол – приток р. Зун-Мурино, впадающей в р. Иркут в его нижнем течении.

Мотив расплавленной горы как раз и связан с драматической для монголов геологической катастрофой в виде ожившего огненного потока лавы, сопровождаемого подземным гулом, в непосредственной близости от их стойбищ и пастбищ. Метафорически описанный исход кочевников из Эргунэ-Куна показывает, что они, обретая волю и силу духа, увидели свой путеводный знак в проявлениях природной стихии. Это было первым кочевьем монголов, происходившем в недрах восточносаянской Азии и походившем на предродовые схватки богини земли Этуген, рождавшей будущих владык Великой Степи и покорителей мира.

Легенда о братьях Бурэнхане и Тархае

В фольклоре окинских бурят особый интерес представляет старинная легенда о первопоселенцах Окинского края – братьях Бурэнхане и Тархае. Эту легенду хорошо знали старожилы Бурэнгольской долины, любил ее рассказывать мой отец С. Г. Дугаров: «Преодолев перевал Нухэн-дабан, братья оказались в нелюдимой горной стране. Спускаясь вниз по течению р. Оки (бур. Аха), они заселили Бурэнгольскую долину, откуда, говорят, и пошли окинские буряты. Жили первопоселенцы в достатке и довольствии. Во всех делах верховодил по праву старшинства Бурэнхан. Он был первым в охоте, отличался силой и мудростью, был главной опорой и примером для сородичей. В честь него – своего старшего брата и назвал Тархай реку Ока – Аха, т. е. «брат, старший», а озеро, откуда она вытекает, – Ахын нуур («озеро брата»). А название местности Бурэнгол – тоже от его имени, Бурэнхана. Сам же Тархай был не хуже брата – парень-удалец, отменный охотник. Неспроста его назвали һалхин Тархай (Ветер-Тархай) за его быстроту и неугомонный характер».

Устная же традиция окинских бурят, по утверждению А. Ж. Дыржинова, знатока этногенеза окинцев, относит Бурэнхана к хонгодорскому роду шуранхан, представители которого проживают в Оке, Алари, Тунке и Закамне, где отмечен, помимо того, этноним бурэнгуд, схожий по звучанию с антропонимом Бурэнхан (Буряадай түүхэ бэшэгүүд, 1998. С. 129). Вероятно, связь Бурэнхана как неординарного персонажа окинского фольклора с указанным родом не случайна.

О Шуранхане существует любопытная, позитивно его характеризующая поговорка: «Шүлүүһэнэй шүдэниинь хурса, Шуранханай хуулинь хурса (У рыси клыки острые, у Шуранхана закон строгий)» (Балдаев, 1960. С. 323). Само имя Шуран означает ‘бойкий, сообразительный’. Многозначительный мифологический аспект просматривается и в предании о происхождении рода шуранхан. Его первопредок был найден ребенком, зажавшим в руках по комочку спекшейся крови. Поэтому найденышу дали имя Шуранхан, точнее— Шуһатай ерэһэн Шуранхан ‘родившийся с кровью в руках Шуранхан’ (Михайлов В. А. Генеалогические легенды Тунки // Саяны. 1992. № 199. С. 3). Напомним, что подобный элемент партеногенеза, сопряженного со знаком избранничества, содержит рождение Тэмуджина со сгустком крови в руке, описанное в «Сокровенном сказании» (Козин, 1941. С. 85).

В свете вышеизложенного можно допустить, что Шуранхан и Бурэнхан – это скорее всего одно и тоже лицо. Бурэнхан в данном случае – персональное титул-имя. Оно содержит отзвук антропонима Буртэ-Чино и обнаруживает сходство с Бурэнханом – культовым названием хозяина-эжина горы Мунку-Сардык.

Сама же окинская легенда напоминает сюжет о братьях Кияне и Нукузе – родоначальниках монголов, скрывшихся со своими семьями от врага в недоступной горно-таежной местности под названием Эргунэ-Кун, окруженной со всех сторон горными хребтами (Рашид-ад-Дин, 1952а. С. 153–154). Подобный мотив о двух братьях, открывающих себе новую родину в горных теснинах, встречается в фольклорном наследии монгольских народов только в записи Рашид-ад-Дина (14 в.) и у окинских бурят. Не исключено, что

между этими двумя легендами существует какая-то преемственная перекличка, несмотря на большой временной разрыв и превратности исторических судеб потомков Буртэ-Чино. Дело в том, что далеко не все эргунэ-кунские дарлекин-монголы, покинув Саянские горы, ушли к истокам Онона. Часть их, как уже было сказано, осталась в Прибайкалье в лице крупных родов эхиритов, харанутов и многочисленных чиносцев – представителей рода шоно (волка).

Что касается окинских бурят, их этнический состав, несмотря на относительную малочисленность, тоже несет отголосок Эргунэ-Куна – и не только. В генеалогии окинцев и их этнонимах отразились, как в капле воды, многие исторические процессы, происходившие в монгольском мире и в Центральной Азии в целом. Это роды тэртэ и донгойд – осколки кераитского ханства, онходы – потомки онгудов, кочевавших у Великой Китайской стены, уляаба – ответвление хурхутов, чья родословная тянется к курыканам, hойho, чье название указывает на уйгурское происхождение, хорчиды – потомки лучников из гвардии Чингисхана (Дугаров, 1983).

Этническую связь же с монголами-дарлекинами из Эргунэ-Куна обнаруживают, прежде всего, хонгодоры / хонгирады, которые проживают в Аларском районе Иркутской области, а также в Тункинском и Закаменском районах Бурятии (Галданова, 1996). В Оке они представлены родами шуранхан, шуртэхэ, сагаантан, болдой, мотонго, бадархан и др., которые определяют этническое лицо окинских бурят. Память об эргунэ-кунских чиносцах прослеживается и в многочисленном в Оке «волчьем» роде шоно (шонорог / шоно ураг).

Давно погрузилась в Лету легенда об Эргунэ-Кун, забылись имена Кията и Нукуза, но сам сюжет о двух братьях как первопроходцах Саянских гор, обретших здесь родину, остался. И он ожил с течением времени у окинских бурят – наследников земли Эргунэ-Кун под именами их легендарных первопредков – Бурэнхана и Тархая. Словно в мифе о вечном возвращении.

В целом данная легенда в закодированной форме указывает на то, что Ока является с давних времен освоенной монголоязычными этносами территорией. Об этом говорят данные, приведенные В. И. Рассадиным (Рассадин, 1987. С. 46–47), согласно которым большинство гидронимов в Оке оказались бурятскими. Также в основном монголоязычного происхождения является и окинская топонимика в целом, в том числе сакральные оронимы – названия священных гор.

Заключение

В поисках местонахождения Эргунэ-Кун – прародины предков Чингисхана мы в своих исследованиях опирались на источники – «Сокровенное сказание» (1240) и «Собрание летописей» Рашид-ад-Дина, а также труды современных бурятских этнографов, археологов и фольклористов, имевших отношение к данной теме. Были привлечены данные культового и генеалогического фольклора саянских бурят, сохранившего сакральные отголоски минувших времен, особенно сюжет о братьях Бурэнхане и Тархае – первопоселенцах Окинского края, перекликающийся с легендой о братьях Кияте и Нукузе, обретших свою родину в горах Эргунэ-Куна. Также важным оказалось открытие иркутских ученых-вулканологов о поздней вулканической активности в Оке, спровоцировавшей уход монголов из горных теснин, что фигурально соответствует мифу о расплавленной горе, ставшему заключительным аккордом в эргунэ-кунской истории.

В итоге мы пришли к выводу, что Эргунэ-Кун находился в горах Восточного Саяна, на территории нынешнего Окинского района Бурятии и прилегающей к нему Тункинской долины. Именно отсюда, на наш взгляд, начинался путь основателя ханского рода монголов Буртэ-Чино, чье имя закодировано в названии господствующей в данном регионе горы Бурэнхан (Мунку-Сардык). Следы пребывания племени буре-чино (волка) в теснинах саянских гор маркируются топонимическими названиями с корневой основой *мон* и словом *монгол*, ставшим этнонимом в эргунэ-кунский период. Траектория пути Буртэ-Чино охватывала Приангарье и в целом Прибайкалье, что положило начало монголизации этого региона. Далее, как сказано в «Сокровенном сказании», Буртэ-Чино с супругой Гоа-Марал переплывают Внутреннее море Тэнгис (Байкал) и, прожив некоторое время в Баргузинской долине, прибывают к верховьям Онона у горы Бурхан-Халдун, где монголы, ведомые чиносцами, начинают восхождение по ступеням истории.

В заключение хотелось обратить внимание на то, что окинская версия о местонахождении Эргунэ-Кун обретает своих сторонников в Монголии. Об этом свидетельствует изданная в Улан-Баторе в 2015 году

книга известного монгольского писателя и общественного деятеля Хатагин Акима «Авралын орон Эргүнэ гун» (Земля спасения – Эргунэ гун). Она написана на материалах поездки автора в Окинский район Бурятии с привлечением научной литературы и переведена им же на английский язык.

Список источников

Балдаев С. П. Буряад арадай аман зохеолой түүбэри. Улан-Удэ : Буряадай номой хэблэл, 1960. 409 с.

Галданова Г. Р. Хонгодоры – хонгирады? // Монголо-бурятские этнонимы. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1996. С. 83–93.

Галданова Г. Р. Бурятский шаманизм: прошлое и настоящее // Традиционная культура бурят. Вып. 3. Сибирь: этносы и культуры. М. ; Улан-Удэ : Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 1998. С. 5–46.

Галданова Г. Р., Герасимова К. М., Дашиев Д. Б., Митупов Г. Ц. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX в. Структура и социальная роль культовой системы. Новосибирск : Наука, 1983. 236 с.

Дампилова Л. С. Образ мифологического персонажа «монгол» в современных обрядовых действах бурят // Аман зохиол судлал. Улаанбаатар : «Соёмбо принтинг» ХХК, 2014. Т. XXXV. С. 51–59.

Дугаров Б. С. О происхождении окинских бурят // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ : БФ СО АН СССР, 1983. С. 90–101.

Дугаров Б. С. Об эволюции образа Гал Дулмэ-хана (на материале окинских легенд о Гэсэре) // Гэсэриада – духовное наследие народов Центральной Азии : Международная научная конференция. Улан-Удэ, 1995. С. 138–139.

Зориктуев Б. Р. Прибайкалье в середине VI – начале XVII в. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. 104 с.

Зориктуев Б. Р. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. М. : Восточная литература, 2011. 279 с.

Козин С. А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. 619 с.

Коновалов П. Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье). Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 214 с.

Михайлов В. А. Войлочная и деревянная юрта у бурят. Улан-Удэ : Сибирь, 1993. 75 с.

Михайлов Т. М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск : Наука, 1980. 320 с.

Молчанов И. А. Летняя экскурсия в Монголию на голец Эхэдэ-Хухтэ или Улан-Хада в 1908 году // Труды Троицкосавско-Кяхтинского Отделения Приамурского Отдела Императорского Русского Географического Общества. Т. XI. СПб. : Сенатская типография, 1910. С. 65–74.

References

Baldaev S. P. (1960) Collection of works of oral folk art of the Buryats. Ulan-Ude: Buryat book publishing house. 409 p. (In Buryat).

Galdanova G. R. (1996) Are the Hongodors the Hongirads? *Mongolo-buryatskie etnonimy = Mongol-Buryat ethnonyms.* Ulan-Ude: BNTS SO RAN. P. 83-93. (In Russ.).

Galdanova G. R. (1998) Buryat shamanism: past and present. *Traditsionnaya kul'tura buryat. Vyp. 3. Sibir': etnosy i kul'tury = Traditional culture of Buryats. Iss. 3. Siberia: ethnoses and cultures.* Moscow-Ulan-Ude: Publishing and Printing Complex VSGAKI. P. 5-46. (In Russ.).

Galdanova G. R., Gerasimova K. M., Dashiev D. B., Mitupov G. T. (1983) Lamaism in Buryatia in the XVIII - beginning of the XX century. The structure and the social role of religious system. Novosibirsk: Nauka. 236 p. (In Russ.).

Dampilova L. S. (2014) The image of the mythological character «Mongol» in modern ritual activities of the Buryats. Aman zokhiol Sudlal. Ulaanbaatar: Soyombo Printing XXK. Vol. XXXV. P. 51-59. (In Russ.).

Dugarov B. S. (1983) On the origin of the Oka Buryats. *Etnicheskie i istoriko-kul'turnye svyazi mongol'skikh narodov = Ethnic and historical and cultural ties of the Mongolian peoples.* Ulan-Ude: BF SO AN SSSR. P. 90-101. (In Russ.)

Dugarov B. S. (1995) On the evolution of the image of Gal Dulme Khan (based on the Okin legends about Geser). *Geseriada - dukhovnoe nasledie narodov Tsentral'noi Azii. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya = Geseriada - the spiritual heritage of the peoples of Central Asia. International scientific conference.* Ulan-Ude. P. 138-139. (In Russ.).

Zoriktuev B. R. (1997) Cisbaikalia in the middle of the 6th - beginning of the 17th century. Ulan-Ude: Publishing house of BNTS SB RAS. 104 p. (In Russ.).

Zoriktuev B. R. (2011) Actual problems of the ethnic history of the Mongols and Buryats. Moscow: Eastern Literature. 279 p. (In Russ.).

Kozin S. A. (1941) Secret Legend: Mongolian Chronicle 1240. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. 619 p. (In Russ.).

Konovalov P. B. (1999) Ethnic aspects of the history of Central Asia (antiquity and the Middle Ages). Ulan-Ude: Publishing house of BNTS SB RAS. 214 p. (In Russ.).

Mikhailov V. A. (1993) Felt and wooden yurt among the Buryats. Ulan-Ude: Siberia. 75 p. (In Russ.).

Mikhailov T. M. (1980) From the history of Buryat shamanism (from ancient times to the 18th century). Novosibirsk: Nauka. 320 p. (In Russ.).

Molchanov I. A. (1910) Summer excursion to Mongolia to the Ehede-Khukhte or Ulan-Khada char in 1908. *Trudy Troitskosavsko-Kyakhtinskogo Otdeleniya Priamurskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva = Proceedings of the Troitskosavsko-Kyakhta*

Петри Б. Э. Элементы родовой связи у северных бурят // Сибирская живая старина. Этнографический сборник. Иркутск : Первая Гос. Тип., 1924. Вып. II. С. 98–126.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии: дневник путешествия. Материалы этнографические. Санкт-Петербург : Тип. В. Безобразова и К°, 1883. Вып. 4. 1029 с.

Рассадин В. И. Система гидронимов бассейна р. Оки // Исследования по ономастике Бурятии. Улан-Удэ : БФ СО АН СССР, 1987. С. 41–48.

Рашид-ад-Дин. Собрание летописей. Л.; М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952a. Т. 1. Кн. 1. 222 с.

Рашид-ад-Дин. Собрание летописей. Л.; М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952b. Т. 1. Кн. 2. 316 с.

Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Т. 2. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1959. 444 с.

Буряадай түүхэ бэшэгүүд. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. 142 с.

Arzhannikov S. G., Ivanov A. V., Arzhannikova A. V., Demonterova E. I., Jolivet M., Buyantuev V. A., Oskolkov V. A., Voronin V. I. The most recent (682–792 CE) volcanic eruption in the Jombolok lava field, East Sayan, Central Asia triggered exodus of Mongolian pre-Chinggis Khaan tribes (778–786 CE) // Journal of Asian Earth Sciences. 2016. P. 87-99.

Информация об авторе

Б. С. Дугаров – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела литературоведения и фольклористики,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
670047, Улан-Удэ, ул. Сахъяновой, 6, Россия.

Вклад автора

Дугаров Б. С. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 23 декабря 2021 г.; одобрена после рецензирования 26 января 2022 г.; принята к публикации 7 февраля 2022 г.

Branch of the Amur Department of the Imperial Russian Geographical Society. St. Petersburg: Senate Printing House. Vol. XI. P. 65-74. (In Russ.).

Petri B. E. (1924) Elements of the tribal connection among the northern Buryats. *Sibirskaya zhivaya starina. Etnograficheskii sbornik = Siberian living antiquity. Ethnographic collection.* Irkutsk: First State. Type. Iss. II. P. 98-126. (In Russ.).

Potanin G. N. (1883) Sketches of North-West Mongolia: a travel diary. Ethnographic materials. St. Petersburg: Publishing house V. Bezobrazova and K °. Iss. 4. 1029 p. (In Russ.).

Rassadin V. I. (1987) System of hydronyms of the basin of River Oka. *Issledovaniya po onomastike Buryatii = Research on onomastics of Buryatia.* Ulan-Ude: BF SB AS USSR. P. 41-48. (In Russ.).

Rashid ad-din. (1952a) Collection of Chronicles. Leningrad; Moscow: Academy of Sciences of the USSR Vol. 1. Book. 1. 222 p. (In Russ.).

Rashid ad-din.(1952b) Collection of Chronicles. Leningrad; Moscow: Academy of Sciences of the USSR. Vol. 1. Book. 2. 316 p. (In Russ.).

Khangalov M. N. (1959) Collected Works. Ulan-Ude: Buryat bookpublishing house. Vol. 2. 444 p. (In Russ.)

(1998) Buryat historical chronicles. Ulan-Ude: Publishing house of BNTs SB RAS. 142 p. (In Mong.)

Arzhannikov S. G., Ivanov A. V., Arzhannikova A. V., Demonterova E. I., Jolivet M., Buyantuev V. A., Oskolkov V. A., Voronin V. I. (2016) The most recent (682-792 CE) volcanic eruption in the Jombolok lava field, East Sayan, Central Asia triggered exodus of Mongolian pre-Chinggis Khaan tribes (778–786 CE) // Journal of Asian Earth Sciences. P. 87-99.

Information about the author

B. S. Dugarov – Dr. Sci (Philology), Leading Researcher of the Department of Literary and Folklore Studies,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences,
6, Sakh'yanova St., Ulan-Ude 670047, Russia.

Contribution of the author

Dugarov B. S. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted December 23, 2021; approved after reviewing January 26, 2022; accepted for publication February 7, 2022.

Научная статья
УДК 39
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-102-115

Окинские сойоты 1980-х годов: от ассимиляции к возрождению

Сергей Геннадьевич Ступин

Иркутский областной краеведческий музей им. Н. Н. Муравьева-Амурского, Иркутск, Россия, sgstupin@yandex.ru

Аннотация. Статья представляет собой описание социального и культурного развития окинских сойотов первой половины 1980-х годов в контексте их перехода к оседлым формам ведения хозяйства. С использованием материалов предыдущих исследователей, в том числе экспедиции 1926 года под руководством Б. Э. Петри, рассматриваются процессы эволюции образа жизни сойотов и их культурной ассимиляции. Формированию современного этнического состава населения Оки предшествовал длительный процесс, начавшийся с XVIII века, со времени вступления в контакт двух разных по языку, культуре и хозяйству этнических групп – сойотов, оленеводов и охотников, и бурят, занявшихся в условиях высокогорья скотоводством. Сойоты не являются автохтонными жителями Оки, они пришли сюда уже сложившейся этнической общностью со своим языком, материальной культурой и хозяйством. Этническая история Горной Оки представляет собой не просто сосуществование двух этносов, а процесс постепенной ассимиляции сойотов более многочисленными бурятами. Этот процесс прямо повлиял и на эволюцию оленеводческого хозяйства скотоводов. В 1984 году сойоты не значились по всесоюзным переписям под самостоятельным этнонимом. В то же время полевые наблюдения показывали, что в Оке ещё довольно много метисов первой крови, то есть потомков смешанных сойотско-бурятских браков. Основным результатом работы автора в 1980-х стало выявление сойотского этнического самосознания у некоторых жителей района. И если в переписи 1989 года сойоты также еще не значились, то во Всероссийской переписи 2010 года их было зафиксировано уже 3608 человек; в подавляющем большинстве именно на территории Окинского района Бурятии. Это подтверждает наличие процесса возрождения сойотов как самостоятельной малочисленной народности. В статье освещаются различные подходы к сойотской проблематике в историографии XX века, а также проблемы и методы этнографических исследований малых народов Сибири в позднем СССР.

Ключевые слова: окинские сойоты, окинские буряты, этнография, историография, оленеводство, горное скотоводство, культурная ассимиляция, этническое самосознание, Бернгард Петри, Комитет Севера, коренные народы Сибири, полевые исследования

Для цитирования: Ступин С. Г. Окинские сойоты 1980-х годов: от ассимиляции к возрождению // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 1. С. 102–115. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-102-115

Original article

1980s Oka-Soiots: from assimilation to rebirth

Sergei G. Stupin

N. N. Muravyov-Amursky Irkutsk Regional Museum of Local History, Irkutsk, Russia, sgstupin@yandex.ru

Abstract. The article is a description of the social and cultural growth of the Oka-Soiots in the first half of the 1980s in the context of their transition to sedentary forms of farming. Using materials from previous researchers, including the 1926 expedition led by B. E. Petri, the evolutionary processes of the Soiots' way of life and their cultural assimilation are considered. The formation of the modern ethnic composition of the Oka population was preceded by a long process that began in the 18th century, from the time when two ethnic groups, different in language, culture and economy, came into contact - the Soiots, reindeer herders and hunters, and the Buryats, who engaged in cattle breeding in the highlands. Soiots are not autochthonous inhabitants of the Oka, they came here with an already established ethnic community with their own language, material culture and economy. The ethnic history of Gornaya Oka is not just the coexistence of two ethnic groups, but the process of gradual assimilation of the Soiots by the more numerous Buryats. This process directly influenced the evolution of the reindeer husbandry of pastoralists. In 1984, the Soiots were not listed in the all-Union censuses under an independent ethnonym. At the same time, field observations showed that in the Oka there are still quite a few mestizos of the first blood, that is, the descendants of mixed Soiot-Buryat marriages. The main result of the author's work in the 1980s was the identification of Soiot ethnic identity among some residents of the area. And if in

© Ступин С. Г., 2022

the 1989 census the Soiots also were not listed yet, then in the All-Russian census of 2010 there were already 3,608 people; in the overwhelming majority it is on the territory of the Okinsky region of Buryatia. This confirms the existence of the process of the revival of the Soiots as an independent small nationality. The article elucidates various approaches to the Soiots' problematics in the historiography of the XX century, also problems and methods of ethnographic research of small peoples of Siberia in the late USSR.

Keywords: Oka-Soiots, Oka Buryats, ethnography, historiography, reindeer husbandry, mountain cattle breeding, cultural assimilation, ethnic identity, Bernhard Petri, North Committee, indigenous peoples of Siberia, field researches

For citation: Stupin S. G. (2022) 1980s Oka-Soiots: from assimilation to rebirth. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 1. P. 102-115. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-102-115

В начале 80-х годов прошлого века с легкой руки Германа Ивановича Медведева, часто генерировавшего неожиданные идеи, двум студентам, специализирующимся по этнографии, для дипломного исследования были предложены окинские сойоты. Заметим, что с 1926 года сойоты как этническая единица в переписях населения (1959 г., 1979 г.) не упоминались.

Автор данной статьи и Борис Дунаев со свойственным молодым исследователям рвением приступили к работе: изучили имеющиеся литературные и архивные источники, провели два полевых сезона в Тункинской долине и Окинском районе. В 1984 году дипломные проекты были успешно защищены и по традиции переданы в библиотеку лаборатории археологии и этнографии Иркутского госуниверситета. Основным результатом на тот период стало выявление сойотского этнического самосознания у некоторых жителей района. Признавались они в этом неохотно, порой с опаской, но было понятно, что сойоты на территории есть. С той поры к сойотской теме мы не возвращались.

Между тем, хлынувшие в конце 80-х в начале 90-х годов процессы стремительного возрождения этнического и национального самосознания у многих народов бывшего СССР в полной мере захватили и сойотов. Исчезнувший было народ вдруг снова заявил о себе. Официальные данные указывают на то, что если в переписи 1989 года сойоты еще не значились, то во Всероссийской переписи 2010 года их было зафиксировано уже 3608 человек (в подавляющем большинстве на территории Окинского района Бурятии) из общей численности жителей в районе 5442 человека. С 90-х годов события шли по нарастающей. Сойотский вопрос не раз рассматривался на научных конференциях. К теме подключились столичные ученые-этнографы, ученые БНЦ СО РАН провели социолого-статистические исследования на тему «Социальные проблемы Оки» (1998 г.). Те и другие подтвердили наличие национального самосознания и процесса возрождения сойотов как самостоятельной малочисленной народности. Сегодня по сойотскому вопросу существует довольно обширная литература (Монгуш, 2012; Павлинская, 2002; Сойоты Горной Оки, 2019; Шарастепанов, 2008. С. 317). В отечественных публикациях последнего десятилетия освещен широкий спектр сюжетов (Рассадин, 2012; Рассадин, 2016; Аюшеев, 2017; Аюшеев, Абаев, 2017; Oehler, 2018; Беляева-сачук, 2020; Кривоногов, 2020).

Указом Президиума Верховного Совета Республики Бурятия от 13 апреля 1993 года на территории Окинского района образован Сойотский национальный сельский Совет с центром в с. Сорок (ныне администрация сельского поселения «Сойотское»).

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 24 марта 2000 года № 255 сойоты, составляющие 60,2 % населения Окинского района, признаны коренной малочисленной народностью.

21 ноября 2000 года постановлением Народного Хурала Республики Бурятия одобрено предложение о переименовании Окинского района в Окинский сойотский национальный район в составе Республики Бурятия.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 апреля 2006 года № 536-р сойоты вошли в перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 мая 2009 года № 631-р муниципальное

образование «Окинский район» включено в перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации.

Параллельно в 2003 году был издан «Сойотско-бурятско-русский словарь», с 2005 года началось преподавание сойотского языка в начальных классах. Возрожден национальный сойотский праздник Жогтаар («Встреча»), в 2004 году переименован в Улуг-Даг («Великая гора»), с 2008 года стали проводиться Самаевские чтения. В 2018 году в Орлике организован Центр сойотской культуры и народного творчества.

Оставляя в стороне политическую составляющую этих событий (а она, безусловно, есть), отметим, что факт наличия национального самосознания очевиден (далее – текст 1984 года с незначительными правками).

Сойоты, урянхайцы, танну-тувинцы – устаревшие названия, употреблявшиеся по отношению к тувинцам, сложившимся в советское время в тувинскую нацию. Сойотами же называли северо-восточных тувинцев – тоджинцев, таежных оленеводов и охотников, заселяющих Тоджинскую котловину Тувинской АССР (Вайнштейн, 1961). Они привлекали внимание многих дореволюционных исследователей (А. В. Адрианова, А. М. Африканова, Ф. Я. Кона и других), в советское время им посвятили специальные работы С. И. Вайнштейн, Л. П. Потапов.

Именно в работах по сойотам-тувинцам встречаются упоминания о группах сойотов, проживавших в долине и верховьях Иркута и около озера Косогол, на территории Монголии. Самые ранние сведения о них содержат документы, обнаруженные Л. И. Потаповым. В одном из них тункинские ясачные буряты свидетельствуют, что «от верховьев реки Иркута до озера Косогола, где в 1717 году русские построили Косогольский острог, кочуют народы, называемые сойоты … и платят ясак в Красноярский уезд по все годы» (Потапов, 1969. С. 27–28). Еще один документ информирует, что «с 1675 года сойоты … стали платить ясак в Тункинский острог». А до этого с 1661 года по 1668 год они вносили его в Иркутский острог. О том, что представляли из себя сойоты этих мест, долгое время ничего не было известно. Одно из первых кратких сообщений о них относится лишь к 1867 году, когда вышла книга П. А. Кропоткина «Поездка в Окинский караул» (Кропоткин, 1867).

П. А. Кропоткин ездил проверить слухи о гигантском водопаде в Восточных Саянах. На графитном прииске Алибера он встретил сойота, охранявшего прииск. Расспросив его, П. А. Кропоткин так охарактеризовал тогдашнее положение сойотов: «Теперь сойотов становится все меньше и меньше, и они сливаются с бурятами. Охотничьи области бурят не отделены от сойотских …, буряты и сойоты охотятся вместе, женятся между собою, молятся одним богам». Сойоты «сами сказали» ему, что «теперь сойот свой язык потерял». В наряде сойотов П. А. Кропоткин тоже «не заметил различий: тот же халат, те же украшения, девушки так же заплетают волосы в множество кос, а замужние женщины – в две косы, утварь решительно та же, что и у бурят». Указывая на то, что раньше «сойоты были гораздо многочисленнее», «кочевали и возле Окинского караула», П. А. Кропоткин писал: «А теперь ничтожные их остатки удаляются со своими оленями в самые пустынные тундры» (Кропоткин, 1867. С. 51–52).

В 1890 году А. М. Африканов, завершив путешествие в Урянхайскую землю, указывал, что «Небольшая часть сойотов в количестве 150 душ обоего пола живет в долине Иркута в пределах Тункинского ведомства. Они состоят в ведении тайши тункинских бурят» (Африканов, 1890. С. 34–59). Он же отметил, что 10 тысяч урянхайцев, проживают на территории Монголии у озера Косогол.

Интересные данные о сойотах в верховьях Иркута имеются у знаменитого ботаника В. Л. Комарова, совершившего в 1902 году поездку в Тункинский край и на озеро Косогол. Посетив стойбище сойотов на Ильчире, он писал: «Северные олени – главное богатство этого маленького племени, отделенного от родственных ему урянхайцев как значительным расстоянием, так и русским подданством» (Комаров, 1905). Далее В. Л. Комаров отмечал, что «дикие северные олени здесь очень обыкновенны и служат предметом правильной охоты, ручные есть у каждого сойота, но количество их мне не определено. Обширные тундровые леса … вполне обеспечивают оленям корм в течение круглого года; рога оленей сбываются в Китай наравне с рогами изюбрей …» (Комаров, 1905. С. 101). Он же указывал, что сойоты к этому времени держали достаточное коли-

чество баранов, и «хозяйство сойотов совмещает такие две крайности, как полярное оленеводство и чисто степное разведение баранов. Лошади также есть у них, хотя и на оленях ездят верхом». Т. е. уже в начале XX века хозяйство сойотов основывалось не только на разведении оленей и охоте. Сообщение В. Л. Комарова позволяет примерно определить начало перехода сойотов к новым формам ведения хозяйства, в котором определяющим было содержание скота.

С установлением Советской власти в Сибири перед молодым социалистическим государством среди множества важнейших проблем выделилась проблема, так называемых, малых народностей. Для того, чтобы провести «мероприятия законодательного и административно-хозяйственного регулирования и защиты интересов туземного населения при Президиуме ВЦИК СССР был организован 20 июня 1924 года [центральный] Комитет Севера» (КС) (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 1468. Оп. 1. Д. 20. Л. 6). Там, где имелись малые народности, действовали окружные КС. Так, в свою очередь, был организован и Иркутский КС, в котором с первых дней его деятельности важную роль играл профессор этнографии Б. Э. Петри. Именно этот человек, с чьим именем связан интереснейший период в сибирской археологии и этнографии, стал первым настоящим исследователем сойотов в Тункинской долине и Окинском крае. В 1926 году Иркутским КС была организована сойотская экспедиция, которую возглавил Б. Э. Петри. Экспедиция проводила полное статистико-экономическое, бытовое и медицинское обследование сойотов (рис. 1). Оно имело двоякую цель: 1) выяснить возможность выделения сойотов в самостоятельную хозяйственно-административную единицу с созданием у них культбазы; 2) выяснить положительные и отрицательные стороны перехода сойотов, как оленеводческого народа, к новым формам хозяйства – скотоводству и земледелию (Петри, 1927).

В опубликованном в 1927 году предварительном отчете Б. Э. Петри так определял основные итоги работы: «Процесс ассимиляции зашел уже так далеко, что ни о каком возрождении окинских сойот думать не приходится. Нам остается предоставить им окончательно раствориться в бурятской массе» (Петри, 1927. С. 19). Это был неточный вывод, так как относился к окинским сойотам, а основывался

Рис. 1. Группа сойотов. Улус Улзет. Сойотская экспедиция Б. Э. Петри. 1926 год. *Фонды ИОКМ. Ф. 477-63*
Fig. 1. Soyot group. Ulus Ulzet. Soyot expedition B. E. Petri. 1926. *Irkutsk Regional Local Lore Museum funds. F. 477-63*

на данных по тункинским сойотам. После того, как отчет экспедиции со всеми материалами был послан в КС при Президиуме ВЦИК и сойотов причислили к малым народам, Б. Э. Петри уже объективно оценивал процесс ассимиляции в различных хозяйственных группах сойотов. В 1931 году в письме Председателю ЦИК Бурят-Монгольской АССР он писал: «Совершенно оторвавшись от окинских сойот живут среди сплошного бурятского населения Тункинской долины … обурятившиеся сойоты-земледельцы. Если мы можем считать группу сойот-земледельцев совершенно ассимилированными бурятами, то того же нельзя сказать о 334 сойотах, оленеводах-скотоводах-охотниках, живущих в верховьях реки Белой и озера Ильчир» (ГАИО. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 35. Л. 15). Именно на основании данных по этим сойотам, названным окинскими, «эта небольшая народность после отчета экспедиции 1926 года была причислена к малым народам Севера …». В результате на сойотов распространялись такие льготы малых народов как освобождение от налогов, сборов и воинской обязанности, им полагалось выделить отдельную территорию и провести охотустройство. После 1927 года сойоты отошли в ведение Бурятского КС, который по непонятным причинам затягивал предоставление этих льгот. В этом вопросе многое не ясно до наших дней. Надо только отметить, что Б. Э. Петри был постоянно в курсе сойотских дел, а в Иркутск к нему лично и в КС приезжали 8 сойотских делегаций (ГАИО. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 35. Л. 15–17).

С материалами сойотской экспедиции и выводами Б. Э. Петри во многом перекликается статья Е. Нефедьева «Окинские сойоты», опубликованная в 1930 году в центральном органе КС при Президиуме ВЦИК – журнале «Советский Север» (Нефедьев, 1930). Это работа краеведческого уровня, в которой Е. Нефедьев дает популярное описание прошлого и настоящего окинских сойотов.

После 30-х годов к вопросу об окинских сойотах исследователи долгое время не возвращались. Можно выделить лишь постановку проблемы их этногенеза и частичное ее решение. Она была поставлена в трудах Л. П. Потапова, С. И. Ванштейна и всегда решалась в связи с вопросами этнической истории тувинцев-тоджинцев. У этих же авторов можно встретить некоторые данные по хозяйству окинских сойотов.

Л. П. Потапов считает, что сойоты, обитавшие в долине Иркута и называемые тункинскими, «представляют собой потомков тувинцев-иркитов XVII–XVIII веков» (Потапов, 1969. С. 69–70). «Часть из них жила на территории Иркутского уезда. Другая «часть обитала по реке Иркут, наименование которой, возможно, и произошло от иркит», а главным занятием их было оленеводство и охота. С. И. Вайнштейн, исследуя оленеводство восточных тувинцев, отмечает, что «оленеводство таежного типа было зафиксировано у небольшой группы окинских сойотов» (Вайнштейн, 1972. С. 89). Он кратко характеризует его как «вьючно-верховое оленеводство с верховым седлом и стременами, доение, нет пастушеской собаки, не используется манщик» (Вайнштейн, 1972. С. 102).

В плане решения вопроса заселения сойотами верховьев и долины Иркута интересна работа Б. С. Дугарова «О происхождении окинских бурят» (Дугаров, 1983). В ней указывается время появления сойотских родов в районе озера Ильчир и в улусе Нурай Тункинской долины, выделяются сойотские роды в тюркско-сойотскую группу, которая вместе с монголо-бурятской группой участвовала «в формировании современного этнического состава коренного населения высокогорной Оки» (Дугаров, 1983. С. 100). Вышеприведенными данными и работами на сегодня практически исчерпывается историография окинских сойотов. Оценивая уровень их изученности вообще, а традиционного хозяйства в частности, можно констатировать следующее. Сведений дореволюционного периода, опубликованных материалов Сойотской экспедиции 1926 года, немногочисленных новейших исследований недостаточно, чтобы считать тему исчерпанной.

Дело в том, что далеко не все материалы единственной специальной экспедиции к окинским сойотам нашли отражение в опубликованном предварительном отчете. В основном в нем был обработан материал по вопросу возможности выделения сойотов среди бурят. В одной из записок Б. Э. Петри, хранящихся в фондах Иркутского КС в ГАИО, сказано, что «обработка обширного материала по второму заданию заключена и приготовлена к печати (печатанье будет осуществлено зимою 28(29)» (ГАИО. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 24. Л. 67). Под вторым заданием подразумевалось изучение опыта сойотов по переходу от оленеводства к скотоводству. К сожалению,

в печати так и не появились материалы «по второму заданию». Знакомство с фондами Иркутского КС в Государственном архиве Иркутской области (ГАИО) и рядом печатных работ Б. Э. Петри позволяют в более полной мере представить, как он оценивает результаты перехода сойотов от традиционного хозяйства к новым формам, в чем состояла ценность их опыта для строительства культбаз карагасам, тунгусам.

Основными архивными источниками для работы по данному вопросу до сих пор могут служить:

1) стенограмма доклада Б. Э. Петри на заседании Правления Сибохотсоюза «О переходе карагас, тунгусов и сойотов на культбазы и организации у них охотхозяйств» (ГАИО. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 7. Л. 16–25);

2) донесения Б. Э. Петри в Иркутский КС о ходе работ в экспедиции (ГАИО. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 7. Л. 172–175);

3) таблицы, составленные Б. Э. Петри и этнографом П. Г. Полторадневым по статистико-экономическому и бытовому обследованию сойотов (ГАИО. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 7. Л. 154–164);

4) переписка сойотов, Иркутского КС и Бурятского КС об организации сойотского самоуправления (ГАИО. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 24, 35).

Кроме того, важны материалы Нижнетункинской (1981) и Окинской (1983) этнографических экспедиций, участником которых был автор дипломной работы. Основную их часть составляют документы архива Окинского райисполкома (АОР) Бурятской АССР, в частности, хранящиеся там материалы комплексной экспедиции 1932 года по обследованию Окинского хошуна, в состав которой входили геодезист, экономист, ботаник, гидротехник и охотовед.

Вообще, анализируя переход окинских сойотов к оседлым формам ведения хозяйства, важно рассмотреть сам вопрос появления сойотов в Оке. Очевидно, что при всей суровости и малодоступности Окинского края, он представляет для человека много природных благ. Природные условия Оки с отличными оленными пастбищами, с множеством водотоков, с богатым животным миров, с малоснежной зимой как нельзя лучше подходили для поселившихся здесь оленеводческих родов сойотов, тем более, что труднодоступность края в какой-то мере предохраняла от вмешательства извне. Сойоты не являются автохтонными жителями Оки, они пришли сюда уже сложившейся этнической общностью со своим языком, материальной культурой и хозяйством. Вопрос появления сойотов в верховьях Иркута, а также в Тункинской долине рассматривается по-разному.

К. Нефедьев считал, что «окинские сойоты принадлежат к тюркскому племени и вышли из урянхайской группы из родов иртит и хасут», которые «разбросилась» в свое время по Тункинской долине, Оке, Монголии и Закаменскому району. «Первым из сойот в Окинскую долину поселился Войнак, из рода хасут», со времени поселения которого к 1930 году прошло 180 лет, «но до поселения Войнака в местности Ильчир уже жило одно колено сойот «в тайне Саянских гор в местах Оки и Ильчира» к 1729 году (Нефедьев, 1930. С. 114).

По сведениям, имеющимся у Б. С. Дугарова, хаасуты появились в районе озера Ильчир из Тувы примерно 350 лет назад, а иркиты, большей частью расселившиеся в Тункинской долине и частью в Оке, окрест озера Ильчир, прибыли из Прихубсулья примерно 400 лет назад. В то же время он отмечает, что в окрестностях озера Хубсугал проживали 4 рода: халюш, ирхыт (иркит), хаасут, артамык (Дугаров, 1983. С. 97–98).

Это позволяет предположить появление сойотов-хаасутов не только прямо из Тувы, но частью и из Прихубсугулья.

Б. Э. Петри относил окинских сойотов к двум родам иркит и хасут и считал их отделившимися «от основного ядра», то есть от сойотско-урянхайского (Петри, 1927. С. 13), но ничего не указывал о времени их появления в Оке.

Интересно, что в одном из писем сойотов «Уполномоченному Иркутского Комитета Севера» в 1928 году с просьбой разрешить покупку оленей в Урянхае они писали: «Уже 300 лет, может больше, как мы живем в вершине Оки и покупали всегда оленей в Урянхае, так как в наших местах оленей всегда не хватает» (ГАИО. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 24. Л. 66). Это свидетельство подтверждает данные Б. С. Дугарова о времени появления сойотов.

Вместе с тем еще до конца не ясна динамика процесса расселения и причины переселения. На этот счет имеется лишь мнение Е. Нефедьева, который, так же ссылаясь на имеющееся предание, пишет, что «железная необходимость заставила ны-

нешних окинских сойотов переселиться сюда, чтобы укрыться от свирепствовавших войн, так как сами сойоты не были воинственными и занимались исключительно мирным трудом, охотой и животноводством».

Еще больше вопросов возникает в связи с тем, что Б. С. Дугаров относит к сойотским родам род онход (Дугаров, 1983. С. 98). До 1983 года о роде онход не встречается ничего как о сойотском. В доказательство того, что онход – сойотский род, Б. С. Дугаров приводит тюркоязычность онхотов и тот факт, что их потомки встречаются в Оке и в Тунке, то есть в местах расселения сойотов.

Так на сегодня выглядит вопрос появления сойотов в Оке. По вопросу времени появления наиболее убедительной выглядит точка зрения Б. С. Дугарова. В то же время отнесение Б. С. Дугаровым рода онход к сойотским выглядит проблематичным, так как приведенных им доказательств недостаточно.

Сойоты, поселившиеся у озера Ильчир в начале XVII века, являются наиболее ранними обитателями Восточных Саян. Буряты стали осваивать эти края лишь с середины XVII века, когда «для несения пограничной службы на восточно-саянских границах от всех тункинских и аларских родовых групп направлялось по человеку от семьи, где было не менее трёх сыновей» (Дугаров, 1983. С. 90).

В результате на сравнительно изолированной территории при небольшой численности населения складывалась своеобразная этническая группа, называемая сейчас окинскими бурятами. Б. С. Дугаров насчитывает в ее составе свыше 15 родов и подродов и делит «на две основные группы: монголобурятскую и тюркско-сойотскую, из которой первая сыграла решающую роль в формировании современного этнического состава коренного населения высокогорной Оки» (Дугаров, 1983. С. 100).

Формированию современного этнического состава населения Оки предшествовал длительный процесс, начавшийся с XVIII века, со времени вступления в контакт двух разных по языку, культуре и хозяйству этнических групп – сойотов, оленеводов и охотников, и бурят, занявшихся в условиях высокогорья скотоводством (рис. 2). Это было не сосуществование двух этносов, а процесс постепенной ассимиляции сойотов более многочисленными буря-

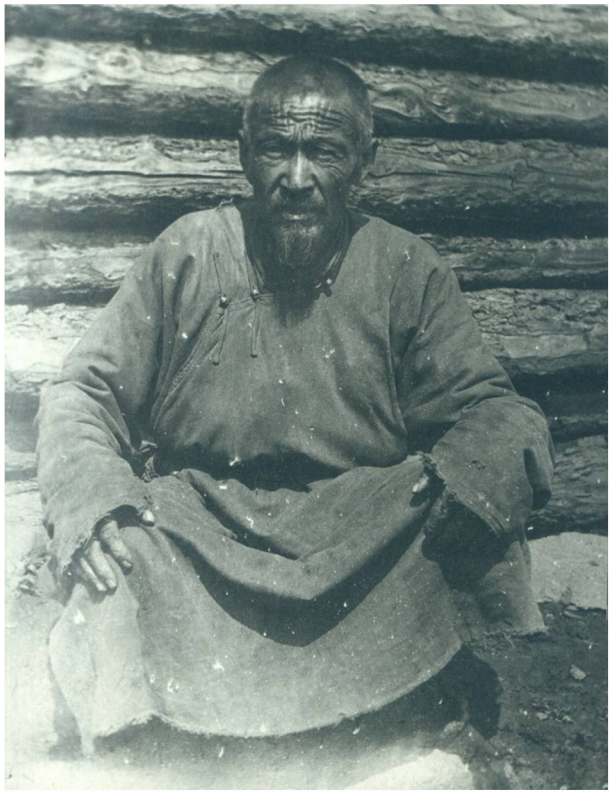


Рис. 2. Старик-сойот. Сойотская экспедиция Б. Э. Петри. 1926 год. *Фонды ИОКМ. Ф. 6954*
Fig. 2. Soyot old man. Soyot expedition B. E. Petri. 1926. *Irkutsk Regional Local Lore Museum funds. F. 6954*

тами. Он прямо влиял и на эволюцию оленеводческого хозяйства скотоводов, что особенно заметно по материалам Сойотской экспедиции 1926 года. Экспедиция обнаружила сойотов разбросанными в 12 местах. Проведя их обследование, Б. Э. Петри выделил тогда 5 хозяйственных групп сойотов.

Одну из них составляли тункинские сойоты-земледельцы в количестве 175 человек, «поселившиеся в улусе Нурай, среди приютных тункинских степей» (Петри, 1927. С. 14). Как говорилось выше, они к этому времени были ассимилированы окружившим их бурятским населением. Полностью отойдя от традиционного оленеводческого хозяйства и занявшись по преимуществу земледелием, тункинские сойоты, по свидетельству Б. Э. Петри, находились в тяжелом положении: «Их бюджет более чем скромен: он недостаточен; количество мяса и жиров доведено до минимума. Пашни обрабатываются примитивно. Скота недостаточно. … Ослабленное питание организма при усиленной мышечной работе земледельца приводит к заметному вырождению, детской смертности и развитию болез-

ней. Хлебный режим пагубно отражается на здоровье». В связи с этим Б. Э. Петри сделал вывод, что «переход от вольного промысла в горной тайге к упорному труду в долине не дается народу – он осужден на вымирание» (Петри, 1927. С. 14). Вывод слишком категоричный, скорее стоит говорить о полной ассимиляции, а не о вымирании. Тем не менее Южнотункинская этнографическая экспедиция 1981 года установила, что хозяйственной группы сойотов-земледельцев уже не существует. Нет даже улуса Нурай, который теперь практически объединился с разросшимся поселком Жемчуг. А память о курайских сойотах сохранилась лишь в воспоминаниях старожилов района.

У окинских сойотов выделялось 4 хозяйственных группы, краткие характеристики которых дал Б. Э. Петри.

«1. Оленная группа живет вокруг озера Ильчир (исток реки Иркута) на высокогорной тундре; занимается по преимуществу оленеводством и пушным промыслом, начинает обзаводиться скотом.

2. Переходная группа от оленеводства к скотоводству живет в двух пунктах с хончин и Ха-Модон, сравнительно недалеко от верхней границы леса, в самых верховьях речек, являющихся истоками реки Белой. Основой хозяйства является крупный рогатый скот. Держат еще достаточное количество оленей. Бюджет строится на пушном промысле.

3. Скотоводы живут по долине реки Оки на удобренных покосах-утугах. Летом поднимаются вверх по рекам на горные пастбища. Поселки следующие: Улзета, Сорока, Хореты, Буксон, Диби-Хозулхай-Хугра и Бурунгол.

4. Четвертую группу составляют беженцы, которые распадаются на две группы: 1) Беженцы экономические – это разорившиеся оленеводы, недавно спустившиеся с Ильчира к подножию горы Мунку-Сардыка, частично устроившиеся скотоводческим хозяйством, частично находящиеся в стадии созидания такового. В будущем они осядут, как скотоводы. 2) Беженцы политические. Эта группа живет в пределах Монголии, куда члены, составляющие ее, бежали со своими семьями, напуганные гражданской войной. Одни из них уже вернулись назад, остальные собираются возвращаться.

В ближайшем будущем вся эта подгруппа вольется в группу III».

Добавим, что скотоводы тоже имели оленей, которых на летнее время передавали для пастьбы на гольцах в хозяйство ильчирского сойота Бадмаева. Как видно из сводной таблицы предварительных данных о сойотах (Петри, 1927. С. 14) на 14 хозяйств (59 человек) сойотов переходной группы приходилось 32 оленя, а на 35 хозяйств (166 человек) сойотов-скотоводов 29 оленей.

Таким образом ни одна из выделенных Б. Э. Петри хозяйственных групп не была чисто оленеводческой или чисто скотоводческой.

Оленеводческая группа выделялась потому, что в ней по-прежнему хозяйственный режим определялся оленями, в то же время у скотоводов это вызвано необходимостью содержания скота. Переходная группа находилась в примерно одинаковой зависимости от этих, казалось бы, несовместимых в одном хозяйстве видов животных.

К 1926 году сойоты-оленеводы были представлены малочисленной группой из 28 человек (8 хозяйств). Имея 63 оленя, 23 лошади и 37 голов скота, они по-прежнему кочевали по обширным пастбищам вокруг оз. Ильчир. Кочевали от 4 до 10 раз в год, в зависимости от состояния кормов. Оленеводство и охота являлись основными занятиями (рис. 3).

Выше уже приводился отрывок из письма сойотов, в котором говорится, что оленей в Оке всегда не хватало и их покупали в Урянхае (ГАИО. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 24. Л. 66). Урянхайский олень был меньше карагасского. Средний вес туши оленя самца был 64 кг, самки – 48 кг. Необходимость постоянно закупать оленей была связана с периодическими эпизоотиями и неправильным соотношением маток и самцов в стаде. Например, в 1932 году, вместо нормального маточного состава в 70 % от общей численности, было лишь 13 % (АОР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 29 об.). Олень был приспособлен только к верховой езде. Матка в среднем давала 60 литров молока в год, суточный удой равнялся 1 литру при дойке 4 раза в течение дня. На мясо оленей забивали лишь из-за непригодности к дальнейшему использованию: ездовых оленей и быков в возрасте после 16 лет и самцов-производителей – с 13 лет.

В целом по архивным данным АОР, в различные годы количество оленей в Оке: в 1917 году – 308, 1924 – 112, 1926 – 150, 1929 – 216, 1930 – 329 (АОР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 29 об.), далее имеются

Рис. 3. Сойоты Окинского края. Сойотская экспедиция Б. Э. Петри. 1926 год. *Фонды ИОКМ. Ф. 477-24*
Fig. 3. Soyots of the Oka Territory. Soyot expedition B. E. Petri. 1926 Irkutsk Regional Local *Lore Museum funds funds. F. 477-24*

данные на 1 сентября 1952 года – 462 оленя (АОР. Ф. 11. Оп. 1. Д. 73. Л. 13). В настоящее время домашних оленей в районе нет. По воспоминаниям Д. Д. Ошорова, они были ликвидированы в 1962 году («В 1962 году я был директором школы. Наверное, последних оленей тогда забил. Крайность это была. Тогда сказали, что так надо»). Д. Д. Ошоров родился в 1918 году на Ильчире и жил там до 1930 года, его мать – бурятка, отец – сойот. Вспоминая детство, он говорит, что жили на Ильчире как отшельники («Отшельничество наше надоело, поэтому на объединение в колхоз откликнулись положительно»). В 1930 году Е. Нефедьев указывал, что кочевой образ жизни накладывал на сойотов «отпечаток чрезвычайной отсталости бытовой, культурной и хозяйственной» (Нефедьев, 1930, С. 115).

В местах стоянок сойоты имели юрты и кое-какие надворные постройки. Юрта представляла собой небольшой четырехстенный сруб из мелких, обычно плохо правленых бревен без всяких утеплений. В центре юрты на земляном полу ставилась яндон-печка, для выхода дыма вверху делалось отверстие. Вместе с тем были распространены урсы, так называемые шалаши, построенные из древесных веток, лиственичной коры и звериных шкур (Петри, 1927. С. 18).

В середине 20-х годов оленеводство, являвшееся несколько веков до этого основной формой ведения хозяйства, уже не было характерным для всех окинских сойотов. И у этой немногочисленной оленной группы оно не было традиционным, так как в хозяйственном режиме оленевода все большую роль играл крупный рогатый скот.

Основная часть окинских сойотов занималась скотоводством. Причем это было хозяйство, в котором своеобразно сочеталось традиционное бурятское скотоводческое хозяйство и сойотское оленеводческое.

Уже в предварительном отчете Б. Э. Петри отметил, что «экспедиция привезла большой ценности материал для правильного строительства культбаз у наших туземцев» (Петри, 1927. С. 20). А в докладе 1929 года «О переходе карагасов, тунгусов и сойотов на культбазы» он заявил: «Я останавливался на сойотах … как на своих учителях, которые показали, как надо строить культбазу и как безболезненно для туземцев с хозяйства оленеводческого и охотничего перейти к более высшим формам хозяйства – к оседлости с рациональным охотничьим хозяйством» (ГАИО. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 7. Л. 20 об.). Чтобы знать, какой опыт сойотов был положен в основу при переводе тунгусов и карагасов на оседлость, необходимо выяснить особенности хозяйства сойотов-скотоводов. Это важно знать и потому, что именно в 20-е годы при непосредственном участии Б. Э. Петри были заложены основы того положения, в котором сегодня находятся тунгусы и карагасы. А, как известно, современная жизнь этих народностей не лишена проблем.

Сойоты-скотоводы в середине 20-х годов нашего века составляли самую многочисленную хозяйственную группу окинских сойотов – 175 человек (35 хозяйств). Режим хозяйства у этой группы диктовался в основном необходимостью содержания большого количества крупного рогатого скота. Они имели 990 голов скота, 197 лошадей и 396 баранов и коз. Крупный рогатый скот был представлен в Оке, как и сейчас, двумя породами: сарлык и монгол и их отродьями хайнок и ортом.

В 1926 году самая бедная семья сойота-скотовода имела 10–15 коров, средняя – 20–40 коров, зажиточная – до 100 и выше. Столь многочисленные стада, как считал Б. Э. Петри, позволяли «вести экстенсивную систему скотоводства, даже более экстенсивную, чем монгольская система» (ГАИО. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 7. Л. 19). Между тем огромные цифры отнюдь не служили показателем мощности сойотских хозяйств. Вот как выглядит таблица продуктивности пород и отродий скота (табл. 1) (АОР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 32 об.).

Таким образом, в среднем в лучший месяц корова давала 2000 гр молока в сутки, в удой же доилась примерно 5 месяцев в год. Е. Нефедьев считал, что такая «обеспеченность сойотского хозяйства скотом недостаточно велика в окинских условиях» (Нефедьев, 1930. С. 115). Б. Э. Петри так характеризует эту «обеспеченность»: «Количество продуктов животноводства сравнительно ничтожно: мяса и молока хватает, чтобы только безбедно прожить; их скотоводство не товарное, к тому же большое количество скота требует уплаты больших налогов Бурятской республике, нужно купить чай и, наконец, одеться в шелковье и т. д. И вот единственной валютой у них является пушнина» (ГАИО. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 7. Л. 20).

Имея столько скота, сойоты, прежде всего, были связаны со скотоводческим хозяйством, но необходимость промышлять заставляла держать оленей, так как промысел в условиях Восточных Саян, по утверждению Б. Э. Петри, «без оленей немыслим». При ознакомлении с материалами экспедиции выявляются некоторые противоречия. Например, Б. Э. Петри говорил, что сойоту-скотоводу для охоты необходимо 3 оленя. Но, как видно из таблиц № 4 (АОР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 154) и № 9 (АОР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 159), у скотоводов на 40 охотников приходилось лишь 23 рабочих оленя, т. е. 0,57 на человека, в то время как лошадей – по 4 на охотника. К тому же трудно согласиться с мнением Б. Э. Петри, что олень, который весь день идёт под вьюком, на следующий день будет свежим под охотником.

В целом хозяйство сойотов-скотоводов 20-х годов можно охарактеризовать как комплексное – скотоводческо-оленеводческое, в котором преоб-

Таблица 1. **Продуктивность скота**
Table 1. **Livestock productivity**

Порода и отродья	Живой вес в кг		Суточная удойность в августе месяце	Период лактации в днях	Средний удой молока в центнерах
	бычки	коровы			
Монгол	250	226	2115 гр	190	3,3
Сарлык	245	222	1886	170	2,68
Хайнок	359	255	3487	175	5,14
Ортом	сведений нет		1358	130	1,35

ладало содержание крупного рогатого скота, но олени ещё использовались при пушном промысле.

К объективным условиям, способствовавшим «отживанию» оленеводческого хозяйства, можно отнести:

1) малочисленность сойотов, неблагоприятное соотношение полового состава, содействовавшие постепенной ассимиляции более многочисленными бурятами.

Вот как выглядит сводная таблица по численности населения Окинского района за разные годы, составленная по данным переписи 1917 года Иркутской губернии (Итоги…, 1919. С. 206)[1], Всесоюзной переписи 1926 года (Всесоюзная…, 1928; С. 344)[2], экспедиции 1932 года по обследованию Окинского хошуна (табл. 2) (АОР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 17–18 об.) и данных о населении района на 1 января 1980 года (АОР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 37. Л. 1).

Таблица 2. **Численность населения**
Table 2. **Population**

Годы	1917	1926	1932	1980
Всего населения	1891 чел.	1906 чел.	2082 чел.	3803 чел.
Из них сойотов	258 чел.	161 чел.	272 чел.	Нет

Как следует из таблицы, сойоты в 1917 году составляли 13,6 % населения района, в 1926 – 8,4 % в 1932 – 13 %.

Экспедиция 1932 отмечала «некоторую этническую неустойчивость у сойот, у которых на 100 мужчин приходится только 89 женщин» (АОР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 19). Дети до 13 летнего возраста составляли 28,3 % сойотского населения Оки, полных работников-мужчин и женщин 58,7 %. Средний состав семьи – 4 человека (АОР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 19 об.).

2) периодические эпизоотии, поражавшие оленьи стада.

Перед эпизоотиями сойоты были почты беспомощны. Приходилось периодически пополнять стада оленями из Урянхая.

3) соседство и постоянные контакты с бурятами, выработавшими с XVIII века своеобразную систему кочевого скотоводства в условиях высокогорья.

Скотоводство обеспечивало молочную и мясную пищу, тогда как жизнь оленевода зависела в основном от удачи на охоте.

4) экономическая и социальная политика Российской империи.

В условиях труднодоступности района она сказывалась в том, что сойоты были предоставлены китайским спекулянтам, скупавшим за бесценок пушнину и контрабандно поставлявших чай, мануфактуру и другие товары.

В таких условиях переход сойотов к новым хозяйственным формам был объективно необходим. У них не было другого выбора, кроме как приспосабливаться к изменившимся условиям. Сойоты приспосабливались. Уже в первом донесении о ходе работ в экспедиции Б. Э. Петри указывал, что сойоты «умеют устраиваться в новых условиях, ловко используя традиции, семейный уклад, права брака и наследства исконных жителей их новых месть поселения, т. е. бурят» (ГАИО. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 7. Л. 175). В этом же письме он отмечал, что «и личные качества сойота выгодно отличают его от окружающих бурят. Чисто турецкие: живость, добродушие и плутоватость у них гармонично перемешаны» (рис. 4).

В настоящее время сойоты не значатся по всесоюзным переписям под самостоятельным этнонимом. Наличие этнонима, как считает Ю. В. Бромлей, «свидетельствует об осознанности членами этноса их особого единства и отличия от членов других подобных общностей» (Бромлей, 1983. С. 180).

Полевые наблюдения показали, что в Оке ещё довольно много метисов первой крови, т. е. потомков смешанных сойотско-бурятских браков (чаще всего, отец – сойот, мать – бурятка). Но никто из них не считает себя сойотом, они не отличают себя от бурят. Быть может, в своё время в этом определённую роль сыграл тот факт, что со стороны части бурятского населения к сойотам существовало пренебрежительное отношение. Их считали грязными, некультурными людьми (бур. «хаёт» – грязный). Об

[1] Итоги предварительного подсчета материалов переписи 1917 года по Иркутской губернии. Иркутск, 1919. 446 с.
[2] Всесоюзная перепись населения 1926 года, Сибирский край, Бурято-Монгольская АССР. М.: ЦСУ СССР, 1928. 390 с.

Рис. 4. Сойот Мама Гармаев (19 лет). Улус Улзета. Сойотская экспедиция Б. Э. Петри. 1926 год. *Irkutsk Regional Local Lore Museum funds. F. 477-21*
Fig. 4. Soyot Mama Garmaev (19 years old). Ulus Ulzeta. Soyot expedition B. E. Petri. 1926. *Irkutsk Regional Local Lore Museum funds. F. 477-21*

этом свидетельствовали Л. Ж. Замбалова (мать – бурятка, отец – сойот), Б. Д. Шарастепанов (бурят).

Тот же Б. С. Дугаров насчитывает 15 родов и подродов в современном этническом составе окинских бурят и делит их «на две основные группы: монголо-бурятскую и тюркско-сойотскую, из которых первая сыграла решающую роль в формировании современного этнического состава коренного населения высокогорной Оки». Возможно, можно констатировать, что сойоты ассимилированы основной, бурятской, массой населения.

В советское время Окинский район Бурятской АССР специализируется на скотоводстве, с подсобным промыслом – охотой. Специализация определена с учётом исторически сложившихся форм ведения хозяйства – скотоводство с преобладанием крупного рогатого скота, направление мясомолочное. Между тем, на взгляд автора, совершенно неоправданно забыто оленеводство. Это тот случай, когда из богатого исторического опыта, выработавшего различные хозяйственные формы, взято не всё лучшее. В 1932 году экспедиция отмечала: «Заинтересованность у населения в развитии оленеводческого хозяйства имеется большая, и перспективы к этому при огромном наличии пастбищ есть» (АОР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 30). «Несомненно, Сойотский с/совет в будущем должен стать базой промышленного оленеводства» (АОР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 56 об.). По словам табунщика из Орлика Н. Д. Гамбоева (мать – сойота, отец – сойот), в районе ещё есть люди, которые хотят и могут вести традиционное оленеводческое хозяйство. К этому хочется добавить, что, очевидно, к разведению оленей в Оке рано или поздно вернутся. Лучше бы, чтобы это началось при жизни поколения, которое ещё знает, как это делается (конец текста 1984 года).

Летом 2021 года по приглашению организаторов экспедиции «Эргенэ-Кун» – легендарная и историческая прародина монголов» после долгого перерыва автору этих строк удалось вновь побывать в местах своего студенчества. Тогда же я выступил на полевом семинаре с докладом «Коллекция, собранная Б. Э. Петри во время экспедиции к сойотам, в фондах Иркутского областного краеведческого музея». Каково же было удивление, когда выяснилось, что моя дипломная работа со всеми приложениями (архивные документы, фотографии), в 80-е годы взятая «на время» в библиотеке лаборатории археологии и этнографии, до сих пор находится у директора Орликской школы Б. Д. Шарастепанова, в свое время активно занимавшегося продвижением сойотского вопроса на всех уровнях.

Сложно сказать, в какой мере студенческая дипломная работа могла посодействовать вышеобозначенным процессам. Тем не менее вся эта история показалась весьма интересной профессору А. В. Харинскому, который предложил опубликовать выдержки из той самой работы. Рассуждения молодого этнографа начала 80-х годов прошлого века, на которых неминуемо сказывался характер эпохи, могут представлять определенный интерес и сегодня.

Список источников

Африканов А. М. Урянхайская земля и ее обитатели // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, 1890. Т. XXI. № 5. С. 34–59.

Аюшеев Н. Сойоты Бурятии в духовной цивилизации саянидов Внутренней Азии // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2017. № 1. С. 86–92.

Аюшеев Н. Г., Абаев Н. В. Этнокультурные традиции сойотов в духовной цивилизации саянидов Внутренней Азии // Вестник Тувинского государственного университета. Сер. Социальные и гуманитарные науки. 2017. № 1 (32). С. 19–26.

Беляева-Сачук В. А. Животные в традиционной культуре окинских бурят и сойотов. Источник пищи, работник, друг или сакральное существо? // Кунсткамера. 2020. № 1 (7). С. 110–117.

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 411 с.

Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. 218 с.

Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. М.: Наука, 1972. 314 с.

Дугаров Б. С. О происхождении окинских бурят // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов : сборник статей. Улан-Удэ : БФ СО АН СССР, 1983. С. 90–101.

Комаров В. Л. Поездка в Тункинский край и на озеро Косогол в 1902 году // Известия Императорского Русского географического общества, 1905. Т. XII. С. 23–154.

Кривоногов В. П. К вопросу об этнической идентификации сойотов Бурятии // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020. № 4 (28). С. 43–50.

Кропоткин П. А. Поездка в Окинский караул // Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск : Типография Окружного штаба, 1867. Кн. IX и X. С. 1–94.

Монгуш М. В. Тофалары и сойоты. Историко-этнографический очерк // Новые исследования Тувы. 2012. № 2. С. 62–78.

Нефедьев Е. Окинские сойоты // Советский Север. 1930. № 3. С. 114–118.

Павлинская Л. Р. Кочевники голубых гор. Судьба традиционной культуры народов Восточных Саян в контексте взаимодействия с современностью. СПб. : Европейский дом, 2002. 259 с.

Петри Б. Д. Этнографические исследования среди малых народов в Восточных Саянах (Предварительные

References

Afrikanov A. M. (1890) Uriankhai land and its inhabitants. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva = Izvestiya Vostochno-Sibirskogo dept. of the Imperial Russian Geographical Society.* Vol. XXI. No. 5. P. 34-59. (In Russ.).

Ayusheev N. (2017) Soyots of Buryatia in the spiritual civilization of the Sayanids of Inner Asia. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya Vnutrennei Azii = Bulletin of the Buryat State University. Humanitarian studies of Inner Asia.* No. 1. P. 86-92. (In Russ.).

Ayusheev N. G., Abaev N. V. (2017) Ethnocultural traditions of Soyots in the spiritual civilization of the Sayanids of Inner Asia. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki = Bulletin of Tuva State University. Social and Humanitarian Sciences.* No. 1 (32). P. 19-26. (In Russ.).

Belyaeva-Sachuk V. A. (2020) Animals in the traditional culture of Oka Buryats and Soyots. A food source, a worker, a friend, or a sacred being? *Kunstkamera.* No. 1 (7). P. 110-117. (In Russ.).

Bromlei Yu. V. (1983) Essays on the theory of ethnos. Moscow: Nauka. 411 p. (In Russ.).

Wainshtein S. I. (1961) Tuvinians-Todzhintsy. Moscow: Publishing House of Oriental Literature. 218 p. (In Russ.).

Weinstein S. I. (1972) Historical ethnography of Tuvinians. Moscow: Nauka. 314 p. (In Russ.).

Dugarov B. S. (1983) On the origin of the Okinsky Buryats. Ethnic and historical and cultural ties of the Mongolian peoples. Collection articles. Ulan-Ude: BF SB of the USSR Academy of Sciences. P. 90-101. (In Russ.).

Komarov V. L. (1905) Trip to the Tunka region and Lake Kosogol in 1902. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva = Izvestiya Imperial Russian Geographical Society.* Vol. XII. P. 23-154. (In Russ.).

Krivonogov V. P. (2020) On the issue of ethnic identification of Soyots of Buryatia. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya = Scientific review of the Sayano-Altai.* No. 4 (28). P. 43-50. (In Russ.).

Kropotkin P. A. (1867) The journey to the Oka Warding station. *Zapiski Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva = The notes of the Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society.* Irkutsk: Tipografiya Okruzhnogo shtaba. Books IX, X. P. 1-94. (In Russ.).

Mongush M. V. (2012) Tofalars and Soyots. Historical and ethnographic essay. *Novye issledovaniya Tuvy = New studies of Tuva.* No. 2. P. 62–78. (In Russ.).

Nefediev E. (1930) Oka Soyots. *Sovetskii Sever = Soviet North.* No. 3. P. 114–118. (In Russ.).

Pavlinskaya L. R. (2002) Nomads of the Blue Mountains. The fate of the traditional culture of the Eastern Sayan peoples in the context of interaction with modernity. St. Petersburg: European House. 259 p. (In Russ.).

Petri B. D. (1927) Ethnographic studies among small peoples in the Eastern Sayans (Preliminary data). Irkutsk:

данные). Иркутск : Тип. изд-ва «Власть труда», 1927. 22 с.

Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука, 1969. 402 с.

Рассадин И. В. О характере оленеводства у окинских сойотов // Гуманитарный вектор. 2012. № 4 (32). С. 214–217.

Рассадин И. В. Родоплеменной состав и этническая история сойотов // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2016. № 2 (22). С. 99–104.

Сойоты Горной Оки. Улан-Удэ : Нова-Принт, 2019. 120 с.

Шарастепанов Д. Ока: годы и люди. Улан Удэ : Республиканская типография, 2008. 373 с.

Oehler A. C. Social memory and oka-soiot reindeer herders: on the challenges of reindeer in multi-species mountain households. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij* = Journal of Ancient Technology Laboratory, 2018, vol. 14, no. 3, pp. 112–123. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-3-112-123.

Информация об авторе

С. Г. Ступин – кандидат философских наук, директор,
Иркутский областной краеведческий музей
им. Н. Н. Муравьева-Амурского,
664003, Иркутск, ул. Карла Маркса, 13, Россия.

Вклад автора

Ступин С. Г. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 12 января 2022 г.; одобрена после рецензирования 10 февраля 2022 г.; принята к публикации 21 февраля 2022 г.

Printing house of the publishing house “The Power of Labor”. 22 p. (In Russ.).

Potapov L. P. (1969) Essays on the national life of Tuvinians. Moscow: Nauka. 402 p. (In Russ.).

Rassadin I. V. (2012) On the nature of reindeer husbandry among Oka Soyots. *Gumanitarnyi vektor = Humanitarian Vector.* No. 4 (32). P. 214-217. (In Russ.).

Rassadin I. V. (2016) Tribal composition and ethnic history of Soyots. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk = Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.* No. 2 (22). P. 99-104. (In Russ.).

(2019) Mountain Oka Soyots. Ulan-Ude: Nova-Print. 120 p. (In Russ.).

Sharastepanov D. (2008) Oka: years and people. Ulan Ude: Republican Printing House. 373 p. (In Russ.).

Oehler A. C. Social memory and Oka-Soiot reindeer herders: on the challenges of reindeer in multi-species mountain households. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij* = Journal of Ancient Technology Laboratory, 2018, vol. 14, no. 3, pp. 112–123. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-3-112-123.

Information about the author

S. G. Stupin - Cand. Sci. (Philosophy), Director,
N. N. Muravyov-Amursky Irkutsk Regional Museum of Local History,
13, Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russia.

Contribution of the author

Stupin S. G. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted January 12, 2022; approved after reviewing February 10, 2022; accepted for publication February 21, 2022.

Научная статья
УДК 39+355.01
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-116-127

Вооруженные конфликты и культура войны у якутов в позднем средневековье

Денис Михайлович Петров

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия,
dmpetrov-92@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5166-5166

Аннотация. Статья посвящена вооруженным конфликтам, происходившим на территории Якутии в эпоху позднего средневековья и влиянию военизированного быта на культурные коды народа саха. Основными источниками работы являются этнографические, археологические и документальные материалы, позволяющие реконструировать социально-политические и этнические процессы, протекавшие в Ленском крае. Исследование базируется на принципах комплексного подхода в контексте антропологии войны. На основе рассмотренных материалов предполагается, что первостепенная причина междоусобных войн могла заключаться в политической организации в форме вождества, хозяйственных и социальных отношениях якутов. Военное дело являлось одним из базовых столпов существования якутского вождества, инструментом установления власти и расширения влияния для кочевой элиты, представленной потомками степных номадов. Военизированный характер социальных отношений способствовал сохранению многих архаичных воинских обычаев и во многом определил этнокультурный облик якутского социума. Немаловажную роль в периодических обострениях конфликтов и сохранении военизированного быта играли глобальные климатические изменения, происходившие в указанную эпоху. Природные катаклизмы неизменно приводили к повышению мобильности скотоводческого населения и росту уровня его агрессии. В статье выдвигается предположение, что накануне появления русских первопроходцев в Ленском крае якуты переживали процесс распада единого сложного вождества на ряд простых, сопровождавшийся многочисленными вооруженными конфликтами. Из-за внутренних противоречий военизированная элита не смогла мобилизовать силы для отражения походов казачьих отрядов; включение Якутии в состав Русского государства не остановило междоусобицу и ускорило распад средневековой политической и социальной организации якутов.

Ключевые слова: Сибирь, Якутия, антропология войны, этническая история, социогенез, вождество, номады, элита, война

Для цитирования: Петров Д. М. Вооруженные конфликты и культура войны у якутов в позднем средневековье // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 1. С. 116–127. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-116-127

Original article

Armed conflicts and the culture of war of the Yakuts in the Late Middle Ages

Denis M. Petrov

The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Yakut Scientific Centre, SB RAS, Yakutsk, Russia,
dmpetrov-92@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5166-5166

Abstract. The article is dedicated to the armed conflicts that took place on the territory of Yakutia in the Late Middle Ages and the influence of militarized way of life on the cultural code of the Sakha people. The main sources of the work are ethnographic, archaeological and documentary materials. Based on the materials considered, it is assumed that the primary cause of internecine wars lay in the political organization (in the form of chiefdom), economic and social relations of the Yakuts. Warfare was one of the basic pillars of existence of the Yakut chiefdom, an instrument for establishing power and expanding influence for the nomadic elite represented by the descendants of steppe nomads. Global climate changes that occurred in this era played an important role in the periodic aggravation of the conflicts and the preservation of the militarized way of life. Natural disasters were invariably accompanied by an increase in mobility of the cattle breeding population and an increase in the level of its aggression. The article suggests that on the eve of the appearance of Russian pioneers in the Lena Region the Yakuts experienced collapse of a single com-

© Петров Д. М., 2022

plex chiefdom into a number of simple ones, which provoked numerous armed conflicts. Due to internal contradictions the militarized elite could not mobilise forces to repel Cossack invasion; the inclusion of Yakutia into the Russian state did not stop the civil strife and accelerated the collapse of the medieval political and social organization of the Yakuts.

Keywords: Siberia, Yakutia, anthropology of war, ethnic history, sociogenesis, chiefdom, nomads, elite, war

For citation: Petrov D. M. (2022) Armed conflicts and the culture of war of the Yakuts in the Late Middle Ages. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 1. P. 116-127. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-116-127

Введение. Якутия – суровый северный край – в древности и в средневековье была ареной яростной борьбы за право жить на ее просторах. Неудивительно, что лейтмотивом большинства циклов исторических преданий и легенд, охарактеризованных Г. В. Ксенофонтовым как «устная летопись» народа саха, являются именно конфликты между якутскими кланами, войны с иноплеменниками и столкновения с казаками. Они преподносят нам далекие отзвуки событий, наиболее глубоко отпечатавшихся в сознании народа. Материалы по археологии и этнографии, а также документальные свидетельства позволяют нам лучше понять сущность того «дымящегося свежей кровью» времени жестоких схваток, воспетого как *Кыргыс юйэтэ* – «Век сражений».

Результаты и обсуждение. Военизированный характер якутского средневековья хорошо отображается в археологических материалах, прежде всего, погребальных. Средневековых захоронений на территории Якутии обнаружено не так много – всего в пределах двух десятков. Эти памятники представляют собой одиночные захоронения, разбросанные друг от друга на расстоянии десятков и сотен километров. Облик захороненных можно обрисовать как классических для степной и таежно-степной Евразии конных воинов и охотников. Сопроводительный инвентарь представлен элементами конской сбруи, боевым и охотничьим вооружением (Бравина, Дьяконов, 2015).

Следы повреждений на костяках из раннеякутских погребений относительно часты. Наиболее показательны те, что были отмечены на костях мужчины 35–45 лет из захоронения Сергеляхское (XV в.) (Бравина, Дьяконов, Николаев и др., 2016). Правая сторона верхней челюсти отсутствовала в результате травмы, полученной, предположительно, в 20–25 лет. Были зафиксированы прижизненные переломы ребер и левой ключицы, которая зажила с укорочением на 1 см. Причиной смерти стал длинный разруб на своде черепа, с правой стороны. Похожие раны были на костяке из Атласовское I (XIV–XV вв.) (Дьяконов, Степанов, Багашев и др., 2014; Багашев, Ражев, Зубова и др., 2016). На черепе мужчины 20–25 лет, с левой стороны зафиксированы 3 сильных разруба, нанесенных прямым или слабо изогнутым клинком длиной более 17,5 см, каждый из которых мог быть смертельным: 2 – на черепной коробке и 1 на нижней челюсти. Повреждения, нанесенные холодным оружием, отмечены и на черепах, захороненных из Ат Быран III, Кудук I, Кюкяй I, Часовня Атта (Бравина, Прокопьева, Петров и др., 2019; Бравина, Дьяконов, Петров и др., 2017; Петров, 2019; Гоголев, 1990. С. 90). Пожилой мужчина из захоронения Тымпы (Нюрбинский район) погиб в результате попаданий стрел в грудь и спину (Мир древних якутов, 2012. С. 182–183).

Схожая картина характерна, к примеру, для сармат, в погребальных комплексах которых боевые травмы зафиксированы у 70 % мужчин; отмечено также, что у этих погребенных сильно изношены суставы, гипертрофированно развиты мышцы плеч и рук, наблюдались патологии позвоночника, связанные с постоянным пребыванием в седле (Яценко, 2015. С. 91). Определенные изменения в скелете, связанные с воинской деятельностью и всадничеством, обнаруживаются и на костяках из раннеякутских погребений.

В материалах поселенческих памятников отзвуки былых войн выражены меньше. Есть предположения, что два жилища в поселении Сырдык Сулус в Амгинском районе подверглись обстрелу, на что указывают наконечники стрел, найденные вдоль внешних сторон стен. В сосновом лесу в местности Оргумай в горном районе было открыто поселение из трех жилищ, датированное XVII в. (Гоголев, 1990. С. 54–56). В одном из них были за-

фиксированы два костяка – мужской и, возможно, женский. Над головой мужчины лежал железный клинок пальмы; у головы, правого бедра и левой берцовой кости – 3 железных ножа; возле костяка также были обнаружены железные элементы саадачного пояса, в его очертаниях – железный наконечник стрелы. Второй костяк сохранился значительно хуже; из предметного комплекса имелся мелкий пастовый бисер белого и синего цвета, а в районе пояса – бронзовые элементы костюма в виде колец с двумя рогообразными отростками, оканчивающимися изображениями стилизованных конских голов. По периметру жилища были зафиксированы наконечники стрел из железа и кости. По всей видимости, эти двое погибли во время вооруженного нападения, защищаясь от неприятелей в своем жилище.

Подобное часто случалось в позднем средневековье и фиксировалось в казачьих документах. В 1640 г. намский якут Чигинайка Тюбяков жаловался на одейца Олдека с товарищами: «И наехали те одейские мужики Олдек и Толко с товарищи и того Кузагалка те одейские мужики кольем скололи до смерти, а за братом моим погнались и неведомо того брата моего убили, неведомо жив. Да брата ж моего Буялная взяли его жену, да 4 коня, да 5 кобыл, 3 жеребенки и 5-я без жеребенка» (Иванов, 1974. С. 31). В 1654 г. князец Тимирейко Батырев утверждал, что к нему приходили намские якуты Мекчек Тойбокоев с товарищами и звали его «громить киргидайских мужиков» на Вилюе. Получив отказ, намцы попытались убить Тимирейко, а людей его «…до полусмерти убили и иных ясашных мужиков били и грабили», при этом отогнав у него 10 лошадей (Колониальная политика…, 1936. С. 208–209). «…Усуна с товарищи убил 4 человек, а 5 человек взяли в живых, да жен наших и детей мужска и женска полу взяли к себе в полон 26 человек, а иных маленьких детей прибили и в снег побросали…» – сообщает в своей челобитной от 1656 г. осекуйский якут о нападении на их поселение двух родов калтакульских тунгусов (Токарев, 2012. С. 245). В донесении борогонских якутов, датированном 1675 г., говорится, что батуруссцы Немняк, Девенюк Молтон и Екон Очеевы «с детьми и родниками» приезжали в количестве 60 человек «войною, в куяках и с копьи» и угнали у них «20 лошадей добрых, 20 лошадей езжовых, 40 кобыл больших… 10 жеребцов, 22 жеребенка», утащили котел, седло, 2 пешни, 2 топора, аркан, собаку и пр., убив при этом якута Ахаптая, а другого, Коржегаса избив до полусмерти (Там же. С. 143). В 1650 г. пятидесятник Коська Степанов ходил на «непослушных» якутов с р. Амга, которые «свою братию якутов учали побивать до смерти и животы их и скот грабить, а жен и детей в работу имать» (Ионова, 1945. С. 12).

Исходя из документальных свидетельств можно представить, каков был уровень агрессии в средневековом социуме. «Финал боевых действий был предельно жестоким, – пишет Ф. Ф. Васильев. – Потерпевшая сторона, не запросившая мира, не способная уплатить соответствующую контрибуцию или не прощенная, зачастую истреблялась поголовно» (Васильев, 1994. С. 45). В столкновениях мог пострадать любой; порой не щадили ни детей, ни женщин. Для человека с архаичным мировоззрением подобное деяние не было чем-то экстраординарным (Георгиевский, 2005); но случалось такое скорее всего довольно редко – ведь люди также были ресурсом, необходимым для выживания социума в малонаселенном северном крае; в якутских легендах весьма часты сюжеты захвата победителями женщин и детей в свою собственность.

«Каждый клан имел свою дружину, – отмечает Ф. Ф. Васильев, – нередко очень малочисленную. Дружинники назывались «*кыргыс дьоно*» или «*боотурат*». Крупные сражения, в которых участвовали сотни человек, случались редко, в большинстве случаев это были мелки стычки» (Васильев, 1995. С. 59). Количество профессиональных воинов в середине XVII в. автор оценивает в 2 тыс. человек, что составляет 1:13 в соотношении к общей численности якутов (Там же. С. 142).

В номадических обществах большинство рядовых скотоводов вели хозяйства самостоятельно и обладали личной независимостью; в свою очередь им приходилось компенсировать затраты вождей за отправление ими общественных функций (Крадин, 2015. С. 27), к каковым относились, помимо распределения ресурсов, политических и торговых связей с иноэтничными группами и т. п., защита в случае нападения врага. В якутском социуме профессиональная воинская деятельность являла со-

бой сословную привилегию, которую заслуживал лишь ограниченный процент мужчин, клановая элита (Васильев, 1995. С. 61), в то время как социальное большинство («улусные мужики») главным образом было задействовано только в процессе производства материальных благ и в войнах принимало участие редко, несмотря на милитаризованный в целом характер социальных отношений. Главной мишенью межклановых набегов в XVII в. были именно улусные люди. Агрессия в отношении рядового населения чужих кланов порой приводила к полноценным боевым действиям, в которых с обеих сторон участвовали тойонские дружины, состоящие из профессиональных воинов.

Известно, что для боевых операций привлекались люди из зависимых категорий населения – боканов и холопов. Они непосредственно участвовали в боях, служили в качестве посыльных, занимались угоном скота и выполняли иные поручения своих господ (Токарев, 2012. С. 119–121). Возможно, что вопросами снабжения войска провиантом также были заняты боканы и холопы. Во время военных походов якуты перегоняли табуны лошадей для пропитания войска; известно, что в восстании 1642 г. «кангаласы де с собою привели на корм кобыл» (Якутия в XVII веке, 1953. С. 292).

Люди были неравны – в средневековье это неравенство проявлялось в полной мере. Подвижный и военизированный быт способствовал тому, что у тунгусов, якутов и тундровых сообществ встречалась практика избавления от сородичей, которые могли стать тяжкой обузой социуму. У якутов это выражалось в том, что «неспособных к труду или больных убивали или оставляли на произвол судьбы в лесу, привязанными к лесине» (Косарев, 1984. С. 140). Ценность человеческой жизни разнилась в зависимости от многих конкретных и четко обозначенных факторов, в частности, социального статуса. Это хорошо видно на примере использования боканов и холопов в опасных и порой самоубийственных заданиях в ходе боевых действий с казаками. Так, в одной отписке раскрывается план убийства якутами воеводы Петра Головина во время восстания 1642 г.: «И говорил де Дадык шаман пойдем де под острог, а ясаку де зберем, да пошлем с нарочитым боканом, и велим де за рукав нож положить, и как де ясак станем давать, и в та де поры бокану велим заколоть тоена большего. А бокана де хотя и убьют, ино де иво не жаль, бокан де не дорогой человек» (Токарев, 2012. С. 121).

Некоторые челобитные и легендарные тексты изобилуют деталями, которые могут показаться шокирующими для современного обывателя. Например, борогонский якут Онюкей сообщает, что в 1651 г. приезжал баягантаец Барчигир (легенд. Бахсыгыр Огонньор) «…воиною братею и детми своими и со всем родом в куяках человек семдесят и сына моего Чинаду убили насмерть и очи у нево Чигады у живого ножем выкололи руки и ноги и срамные уды отрезав… на сторону кинули…» (Борисов, 1997. С. 89). А. А. Борисов отмечает, что этим донесением надежно верифицируется предание о противостоянии борогонцев с баягантайцами, где также имеется мотив расчленения тела поверженного витязя. «Мадьыгы Тёрёнёй (…) побежал и убил (Чынгааду – Д. П.), изрубив пальмою тело его на части, отрубив голову, выковырял глаза и положил их на два пня. Положив, пустился бежать в свою сторону. При этом зрачки Чынгаада следили за ним на расстоянии одного *кёс*» – рассказывается в легенде (Исторические предания…, 1960. С. 226).

Расчленение было зафиксировано в погребении Тымпы (XVII в.), исследованном в Кангаласском наслеге Нюрбинского района. На костях пожилого мужчины имелись следы отделения конечностей и удаления межреберных мышц; помимо этого, были изъяты спинной и головной мозг, а также органы брюшной полости, взамен которых были помещены сено и сосновая кора, что свидетельствует о бальзамировании тела, подобном скифским практикам Горного Алтая (Полосьмак, 2001. С. 238–255). Жарханский Быркынгаа Боотур в одной из легенд, расчленив и распотрошив тело витязя Кэтирэй Бёгё, развешивает его конечности и органы на деревья в окрестностях оз. Нюрба, от названий которых произошли местные микротопонимы (Исторические предания…, 1960. С. 238).

Известно, что после убийства О. Галкина в ходе восстания 1642 г. «…Осипа де уже мертвого колол, надругался Еюков племянник Отунда» (Ионова, 1945. С. 85). Подобные действия совершались и другими сибирскими народами. «С пленниками мужского пола, особенно знатнейшими удальством своим, поступали они с обыкновенным всем та-

мошним народам бесчеловечием, – пишет С. П. Крашенинников о воинских нравах ительменов. – Жгли, резали, кишки из живых мотали, вешали за ноги и всякие делали надругательства, торжествуя при том о победе над неприятелем» (Крашенинников, 2019. С. 300). Вполне вероятно, что в сибирских культурах бытовали такие же непривычные для европейцев ритуальные практики, как и у североамериканских индейцев, которые перед убийством пленника применяли к нему суровые пытки, чтобы оказать достойному противнику уважение (Табарев, 2003. С. 119–120).

Жестоким образом был убит жарханским якутом Балтугой Тимиреевым и его людьми казак Левка Лаврентьев; помимо множества ран, говорящих о применении пыток, известно, что ему «грудь спороли, и серце выняли» (Дополнения…, 1859. С. 15, 32)[1]. В казачьей челобитной от 1645 г. мы читаем угрозу ситтинских якутов в отношении служилых людей: «…Только де вперед приедете, и мы де серца ваша из вас выемем…» (Колониальная политика…, 1936. С. 21). Как можно убедиться, одними угрозами они не ограничивались. Мотив вырезания сердца и печени часто встречается в якутских легендах – так поступал, в частности, Быркынгаа Боотур (Эллэйада, 1977. С. 175); нанизав вражеские сердца и печени на копье возвращался из боевого похода жарханский Улуу Омолдоон (Там же. С. 200); вырезанные сердца и печени преподносили воины кангаласскому Тыгыну (Боло, 2006. С. 94). Корни данного обычая можно усмотреть в воинских традициях, бытовавших в степи еще со скифских времен и оставивших след в преданиях и эпосе самых разных народов (Тадевосян, 2018. С. 106).

Другими воинскими обычаями, упоминаемыми в текстах якутских легенд, являются приторачивание к сбруям боевых лошадей отрубленных человеческих голов и снимание скальпа (у оленекских якутов). Декапитация и скальпирование – близкие с семантической стороны действия; они также восходят к воинским практикам сибирских и скифских сообществ (Бравина, Петров, 2018. С. 121). Военизированный быт способствовал сохранению весьма древних воинских обрядов – такова фактура якутского средневековья.

Ф. Ф. Васильев считал, что одной из главных причин войн между отдельными кланами якутов было этническое противостояние (Васильев, 1995. С. 59). С ним согласен и А. А. Борисов: «Корни межулусного антагонизма лежат, безусловно, в сохранении в сознании якутов различных улусов представлений об особом происхождении каждого из них» (Борисов, 1997. С. 48). В то же время надо отметить, что генеалогические предания говорят об обратном. Исходя из них, большинство крупных конфликтов, раскрывающихся в основных сюжетах *Кыргыс юйэтэ*, происходит внутри небольшой группы кровнородственных лиц. Об этническом противостоянии между якутскими кланами говорить не приходится – потому как каждый клан должно быть возник смешением разнородных линиджей, но во главе них стояла кровнородственная социальная элита с единой номадической культурой. И как это часто бывало в истории, самыми яростными неприятелями были именно родственники, соперничавшие за власть и богатства. Тойоны, возглавлявшие крупные противоборствующие кланы, описываются в легендах как представители одной правящей династии – мифического Эллэя. Другими словами, это были классические междоусобные войны, между отдельными частями когда-то единой общности.

Экономические причины войн, безусловно, имели важнейшее значение. Конкурирующие тойоны боролись за расширение влияния, практиковали захват имущества, пастбищных и покосных угодий – в научной литературе этому уделено много внимания. Очевидно, что основной формой богатства в номадических обществах является скот, а богатство «…в такой форме особенно легко украсть. Поэтому в скотоводческих обществах, не имеющих сильной центральной власти для поддержания закона и порядка, кража и угон скота – обычное дело» (Айонс, 2002. С. 73).

Стоит только добавить, что на вторую половину XVI в. приходится вторая фаза малого ледникового периода, а с XVII в. начинается третья фаза – самый холодный этап, повлекший снижение хозяйственных показателей по всему северному полушарию. Для якутского скотовода потеря скота

[1] Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб. : Типогр. Эдуарда Праца. 1859. Т. VII. 374 с.

вследствие климатических катаклизмов однозначно приводила к скатыванию по социальной лестнице. Чтобы предотвратить это, надо полагать, многие и брались за оружие, так как отъем скота в набеге был самым быстрым способом возместить убыль скота; в степных сообществах даже для «…простых кочевников война была важным, а нередко и единственным способом поддерживать экономически независимое и достойное свободного скотовода существование, а для обедневших – достичь его» (Крадин, 2002. С. 86). Природные бедствия также стимулировали рост подвижности скотоводческих групп. Пытаясь найти корм для скота, они увеличивали амплитуду кочевания или вовсе меняли регион проживания. Борьба за резервные пастбища между различными группами редко обходилась без насилия.

Определенное социальное напряжение создавали обездоленные, но прошедшие воинскую выучку, сыновья богатых скотоводов, которые, не желая пополнять контингент *балыксытов* (бедных рыболовов), сбивались в воинствующие «разбойничьи» отряды для отгона скота и создания личных хозяйств. Этим обусловлены предания, повествующие о противостоянии старших братьев с младшими, отличавшихся от первых своей бедностью и крайним удальством (к примеру – легенды о братьях Тюмюк и Эчик, Таркаайы и Омолдоон и пр.). В преданиях сохранились также сведения о кочевой беззаботной жизни молодых воинов (*субан киси*), объезжавших группами в 12–18–40 человек осенне-весенние жилища *отор*, в которых окрестные семьи оставляли специально для них съестные припасы (Боло, 2006. С. 227).

Немаловажными являлись кровная месть и другие ситуации, порождаемые особенностями религиозного мышления средневекового человека. Так, Балтуга Тимиреев на допросе сознавался, что убил казака Л. Лаврентьева «…за братей своих, которых побили промышленные люди, и постелю де под них добыл» (Токарев, 2012. С. 49). Под выражением «добыть постель» подразумевается воинский обряд *тэллэх булунуу* (Васильев, 1995. С. 174–175), по которому воин, отправляясь на войну, обязан был убить хотя бы нескольких противников, чтобы, в случае гибели, его неотмщенная душа не превратилась в зловредного духа. Балтуга решил совершить обряд за братьев, осознавая и презрев последствия, которые они влекли за собой, и это стало причиной для одного из последних открытых вооруженных восстаний якутов в XVII в. Данный обряд бытовал также у камчадалов, чукчей и юкагиров.

Но все же главная причина войн могла заключаться в самой природе номадизма и была обусловлена политической организацией в форме вождества. Милитаризованная социальная элита якутского общества являлась частью Pax Nomadica – кочевого мира, что доказывается сличением самых различных источников. А по представлениям кочевников «…единственная достойная форма жизни для свободного человека – это жизнь воина и пастыря» (Степанов, 2015. С. 152); любые иные формы деятельности ими не почитались. Культура войны была неразрывно вшита в саму структуру якутского вождества и была одним из базовых столпов его существования. Следует помнить, что «осознание войны как рационального феномена является половинчатым без понимания ее иррациональных основ, заложенных в культуре, проявляющихся в положительной эмоциональной окраске восприятия войны и воинственности…» (Гулевский, 2014. С. 12).

До прибытия русских первопроходцев средневековое якутское общество (вернее потомство Эллэя), по всей видимости, вошло в фазу междоусобных войн, обусловленных кризисом в сильнейшем на тот момент кангаласском клане, и переживало распад сложного вождества. Остатки былого влияния этого клана успели заметить и казаки, которые писали, что «кангаласские князцы людны и всей землею владеют, и иные многие князцы их боятца» и что они «бьют на смерть и пальмами секут и к государской милости никому приезжать не велять», т. е. запрещают якутам из других кланов платить русским ясак под страхом смерти (Токарев, 2012. С. 43). Многие князцы, страшась гнева кангаласцев, ясак передавали в острог скрытно, через своих холопов.

По Я. И. Линденау, причиной междоусобиц называется династический кризис, вызванный решением правителя якутов Муннян Дархана передать власть, минуя старших сыновей, своему любимцу – Тыгыну, от чего «восстали все роды» (Лин-

денау, 1983. С. 19). «Междоусобная распря между наследниками Мунньана так глубоко всколыхнула якутский народ во второй половине XVI в., что отразилась даже и в позднейшем фольклоре…» – пишет А. П. Окладников (История Якутской АССР, 1955. С. 405). Новому вождю пришлось прожить всю жизнь в войнах, утверждая свое право на верховную власть. Тыгын Дархан – не «объединитель» якутского народа, как это принято считать; напротив, он последний верховный вождь, так и не успевший получить в свои руки всю полноту власти над якутскими кланами. Фигура его символизирует гибнущую социально-политическую организацию якутов дорусского времени, распад якутского вождества. Силой оружия Тыгын пытается противостоять центробежным тенденциям, но даже несмотря на свои многочисленные победы над непокорными кланами, не может побороть эти необратимые для вождеств процессы.

Следует учесть, что зафиксированная в русских документах ситуация – это реальность общества, оказавшегося в условиях иноземного вторжения, а документы, касающиеся первых (самых важных для нас) лет колонизации, крайне немногочисленны и малоинформативны. Кочевые политии, в том числе и крупнейшие степные империи, были конфедерацией автономных племен и вождеств, соответственно – весьма хрупкой конструкцией, если даже со стороны казались незыблемой иерархической пирамидой (Крадин, 2002. С. 87). С первым же появлением казачьих отрядов, надо полагать, социально-политическая организация якутов рухнула окончательно. Этим объясняется противоречивое поведение якутских тойонов в эпоху присоединения.

Неудачи якутских войск в боях с казаками обусловлены разными обстоятельствами. Часто указывается техническое превосходство служилых над якутами. Наличие у казаков огнестрельного оружия, способного убить наповал даже самого именитого воина в лучших доспехах, оказывало на сибирские народы неизгладимое впечатление и давало служилым огромное преимущество в сражениях. «Не приступали де к острогу блюлись пушек, станут же ис пушек стрелять и людей де побьют много, и людей де в городе много и для того что в Мымаков улус ходило служилых людей немного а якутов побили много а сами отошли здорово» – с горечью сообщали кангаласские тойоны после поражения восстания 1642 г. (Ионова, 1945. С. 88). При знакомстве с сибирским населением казакам наставлялось сперва угощать местных («напоити и накормити государевым жалованьем довольно»), затем продемонстрировать возможности пищалей («дважды или трожды выстрелить») для устрашения. Сами служилые сетовали на то, что «ласки иноземцы не знают, потому что люди дикие, где в зимовьях ласкою хто служилых или промышленных людей призовут и учнут их кормить без опасения, тех они людей до смерти побивают», и сразу переходили к запугиванию (Тураев, 2013. С. 41). Однако моральный эффект от незнакомого оружия быстро сошел на нет, вследствие чего сам факт наличия «вогненого боя» у служилых уже не удерживал якутов, тунгусов и др. от боевых действий.

Можно предположить, что поражения в первую очередь были предопределены особенностями социальной организации и культурной спецификой средневековых якутов. Клановая (или феодальная) анархия, царившая в войсках, отсутствие войсковой дисциплины, чрезмерный индивидуализм воинов на поле боя (как правило представителей элит, презиравших своих же рядовых бойцов), обремененность сложным церемониалом и глубоко религиозным мышлением, совершенно отличные воинские традиции и представления о чести, не позволявшие порой прибегать к военной хитрости, да и многие другие факторы не оставляли шансов традиционным сообществам, несмотря на храбрость и волю к победе, противостоять европейским солдатам Нового времени, как правило лишенным каких-либо моральных барьеров и действовавшим исходя из сугубо практических целей. Все это мы видим и в боевых действиях якутских тойонов против казаков, которые имели богатый опыт ведения войн против кочевников и сибирских народов, в то время как якуты сталкивались с европейцами впервые.

Как показывает история многочисленных колониальных войн, очень часто высокоорганизованные малые группы европейцев с легкостью разбивали в полевых сражениях неприятелей, многократно превосходивших их по численности. Во время покорения Сибири казаки всегда уступали по

численности своим противникам. От русских потерпело поражение Сибирское ханство, располагавшее куда большим войском, чем могли выставить якуты. Так было и в войнах с Империей Цин. Гораздо больше трудностей казачьи войска испытывали от боевых действий в форме герильи, заключающейся в избегании крупных сражений, маневренной самообороне, в перманентных нападениях на малые группы противника из засад и т. д. Многие десятки и сотни служилых и промышленных людей погибли в период присоединения Ленского края именно от подобных действий якутов, тунгусов, ламутов и юкагиров, в то время как полевые сражения и осады острогов и зимовий не наносили значительного вреда силам русских.

Репрезентативен следующий пример, демонстрирующий насколько иной была культура войны в эпоху средневековья. Так, в одном свидетельстве о встречном полевом сражении во время восстания 1642 г. утверждается, что после того, как служилые убили одного «…якута доброво мужика и от того убоявся» якуты отступили и стали расходиться по улусам (Ионова, 1945. С. 88). О. В. Ионова посчитала это сведение малодостоверным, отчасти оно действительно могло быть преувеличением, но и в текстах исторических преданий якутов мы находим многочисленные сюжеты, в которых неприятельское войско рассыпалось или отступало после ранения, либо убийства его военачальника/прославленного воина. Схожая ситуация обрисована в отписке, повествующей о бое казаков с охотскими тунгусами: «… (служилые) на приступе убили князькова, Ковырина большого брата, сына, и те де тунгусы учели над ним всеми людьми плакать. И они (казаки) де, справясь, человек с двацать, в куяках, вышед из острожку, напустили, и у них де побили многих людей, да живых взяли семь человек, один был князец. И те тунгусы с того побою побежали» (Тураев, 2013. С. 39).

Связано это с тем, что воинов средневековых обществ (тем более рядовых бойцов) на поле боя удерживали не идеологические установки и палочная дисциплина, а только харизма вождя-военачальника, его авторитет, воля и сила убеждения. Якутские тойоны лично возглавляли войска и участвовали в боях наравне со своими воинами. Моральный дух войска традиционного времени иссякал вместе со смертью военачальника, или в связи с его малодушным поведением на поле боя; рассматривая военную историю античности и средневековья мы сталкиваемся с этим явлением постоянно. В якутских преданиях моральный дух войска объясняется благосклонностью сверхъестественных сил. Для привлечения темного божества войны и кровопролития Илбис Кыыса («Дочь Илбис») проводился обряд *илбис тусэрии*: «В старину… перед выступлением в поход воины копьем или стрелами пронизывали какого-нибудь мальчика или старика и окрашивали оружие его кровью, вселяя в себя дух кровопролития» (Васильев, 1995. С. 167). Схожая традиция существовала и у тунгусов, которые при обряде посвящения в воины «…вызывали духа войны, затем по приказу военачальника убивали дряхлого старика или старуху, чтобы их кровью окропить оружие» (Гвоздев, 2011. С. 140).

В период присоединения Ленского края к Русскому государству якутская элита, ввиду своей системной рыхлости и внутренних противоречий, не смогла организовать мощное сплоченное сопротивление вторжению. Тойонат, быстро осознав бесперспективность дальнейшей вооруженной борьбы и не желая терять своих властных полномочий, нашел выход из сложившейся ситуации в сотрудничестве с русской администрацией и интеграции в колониальную систему. Якутские князья подчинились казачьим властям только потому, что не смогли им противостоять. Одни поняли это сразу, а другие – после реальной пробы сил. Рядовое же население пыталось по-своему ответить на объективное ухудшение условий существования в период трансфера власти и утверждения нового политического строя. Большинство якутов, конечно, приняли решение своего тойоната и начали исправно выплачивать ясак; но многие предпочли неорганизованные формы сопротивления – откочевывали «в дальние незнаемые места», совершали нападения на служилых и промышленных людей, грабили ясачное население. Уровень ожесточения виден на примере восстания 1639 г., когда улусная беднота, захватив зимовье на Алдане, перебила находившихся там промышленных людей, а вместе с ними и «четырех ребяток крещеных», родившихся от новокрещеных якуток; при этом были

сожжены найденные в зимовье иконы (Ионова, 1945. С. 60).

Выводы. Мы не можем точно узнать масштаб и характер средневековых войн, но можем предположить, что они происходили между более или менее равносильными организованными группами, что позволяло сохранять определенный баланс сил в регионе и избегать массовых жертв. Они могли быть жестокими и приводить порой к истреблению целых кланов, но, как и большинство междоусобных войн, протекали в основном локально и быстро, без привлечения широких слоев населения, оставаясь привилегией элит. Тем не менее милитаризованный быт накладывал отпечаток на культуру, социальные отношения и хозяйственную жизнь якутов. Появление казаков в качестве новой силы не остановило междоусобицу и не привело к объединению якутских кланов, а, напротив, еще больше дестабилизировало политическую обстановку, вызвав колоссальный системный кризис и ускорив распад прежней социальной организации и ее структур – для преодоления этих сложностей потребовались многие десятки лет.

Список источников

Айонс У. Культурный капитал, набеги за скотом и военное превосходство традиционных скотоводов // Кочевая альтернатива социальной эволюции / отв. ред. Н. Н. Крадин, Д. М. Бондаренко. М.: Институт Африки РАН, 2002. Т. 6. С. 72–78.

Багашев А. Н., Ражев Д. И., Зубова А. В., Бравина Р. И., Дьяконов В. М., Степанов А. Д., Кузьмин Я. В., Ходжинс Г. В. Л. Антропологическое исследование раннеякутского Атласовского погребения XIV–XV веков // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44. № 2. С. 137–147. DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.2.137-147

Боло С. И. Легендарные предки якутов и период междоусобиц: предания (на як. яз.) / Сост. Г. В. Попов. Кн. 1. Якутск : Бичик, 2006. 240 с.

Борисов А. А. Якутские улусы в эпоху Тыгына. Якутск : Бичик, 1997. 155 с.

Бравина Р. И., Дьяконов В. М. Раннеякутские средневековые погребения XIV–XVII вв.: совокупность отличительных признаков // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 3 (12). С. 27–32.

Бравина Р. И., Дьяконов В. М., Николаев Е. Н., Петров Д. М., Сыроватский В. В., Багашев А. Н., Пошехонова О. Е., Слепченко С. М., Ражев Д. И., Алексеева Е. А., Зубова А. В., Кузьмин Я. В. Комплексное исследование раннеякутского Сергеляхского погребения середины XV – начала XVI в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4 (35). С. 90–109.

Бравина Р. И., Дьяконов В. М., Петров Д. М., Соловьева Е. Н., Сыроватский В. В., Багашев А. Н., Пошехонова О. Е., Слепченко С. М., Ражев Д. И., Алексеева Е. А., Зубова А. В., Кузьмин Я. В. Женское погребение XVII в. Атласовское-2 из Центральной Якутии: результаты комплексного исследования // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 1 (36). С. 44–63. DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-044-063

References

Aions U. (2002) Cultural capital, cattle raids and the military superiority of traditional pastoralists. *Kochevaya al'ternativa sotsial'noi evolyutsii = Nomadic alternative of social evolution*. Moscow: Institut Afriki RAN. Vol. 6. P. 72-78. (In Russ.).

Bagashev A. N., Razhev D. I., Zubova A. V., Bravina R. I., D'yakonov V. M., Stepanov A. D., Kuz'min Ya. V., Khodzhins G. V. L. (2016) A medieval Yakut burial near lake Atlasovskoye of the 14th-15th centuries: an anthropological study. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. Vol. 44. No. 2. P. 137-147. (In Russ.). DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.2.137-147

Bolo S. I. (2006) Legendary ancestors of the Yakuts and the period of civil strife: tradition. Yakutsk: Bichik. Book 1. 240 p. (In Yakut).

Borisov A. A. (1997) Yakut uluses in the Tygyn era. Yakutsk: Bichik. 155 p. (In Russ.).

Bravina R. I., D'yakonov V. M. (2015) The Early Yakut medieval burials of the 14-17th centuries: a collection of distinguishing features. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik = Northeast humanitarian bulletin.* No. 3 (12). P. 27-32. (In Russ.).

Bravina R. I., D'yakonov V. M., Nikolaev E. N., Petrov D. M., Syrovatskii V. V., Bagashev A. N., Poshekhonova O. E., Slepchenko S. M., Razhev D. I., Alekseeva E. A., Zubova A. V., Kuz'min Ya. V. (2016) Complex research of the early Yakut burial in Sergelyakh of the middle 15 - the beginnings of the 16th century. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii = Bulletin of archeology, anthropology and ethnography.* No. 4 (35). P. 90-109. (In Russ.).

Bravina R. I., D'yakonov V. M., Petrov D. M., Solov'eva E. N., Syrovatskii V. V., Bagashev A. N., Poshekhonova O. E., Slepchenko S. M., Razhev D. I., Alekseeva E. A., Zubova A. V., Kuz'min Ya. V. (2017) Female burial of the XVII century Atlasovskoe-2 from Central Yakutia: the results of a comprehensive study. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii = Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*. No. 1 (36). P. 44-63. (In Russ.). DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-044-063

Бравина Р. И., Петров Д. М. Племена, «ставшие ветром»: к вопросу об автохтонном субстрате в этнокультурогенезе якутов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 2 (41). С. 119–127. DOI: 10.20874/2071-0437-2018-41-2-119-127

Бравина Р. И., Прокопьева А. Н., Петров Д. М., Сыроватский В. В. Погребения по обряду кремации Ат Быран III и Куудук III в долине Эркээни на Средней Лене (XIV–XVIII вв.) // Genesis: исторические исследования. 2019. № 10. С. 109–123.

Васильев Ф. Ф. Военное дело якутов. Якутск : Бичик, 1995. 224 с.

Васильев Ф. Ф. Раннеякутский улус: социальные и военные структуры // Этнос: традиции и современность : сборник научных трудов. Якутск : ЯНЦ СО РАН, 1994. С. 32–50.

Гвоздев Р. В. Развитие военной организации тунгусо-маньчжуров (по материалам середины XIX–XX вв.) // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2011. № 1. С. 138–143.

Георгиевский Э. В. Лишение жизни в архаических обществах: обрядовость и быт // Сибирский юридический вестник. 2005. № 4. С. 44–48.

Гоголев А. И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья XIV–XVIII вв. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного университета, 1990. 192 с.

Гулевский А. Н. Антропология войны: воля к битве // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2014. № 5 (132). С. 9–12.

Дьяконов В. М., Степанов А. Д., Багашев А. Н., Ражев Д. И., Кузьмин Я. В., Ходжинс Я. В. Л. Атласовское захоронение XIV–XV вв. кулун-атахской культуры в контексте проблем этногенеза якутов // Всадники Северной Азии и рождение этноса: этногенез и этническая история народа саха : материалы Всероссийской интередисциплинарной научной конференции с международным участием, посвященной 125-летию Г. В. Ксенофонтова и 100-летию Л. Н. Гумилева (г. Якутск, 24–26 октября 2012 г.). Новосибирск : Наука, 2014. С. 233–240.

Иванов В. Ф. Историко-этнографическое изучение Якутии XVII–XVIII вв. М. : Наука, 1974. 287 с.

Ионова О. В. Из истории якутского народа: (первая половина XVII в.). Якутск : Кн. изд-во, 1945. 112 с.

Bravina R. I., Petrov D. M (2018) Tribes «which became wind»: autochthonous substrate in ethnocultural genesis of the Yakuts revisited. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii = Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*. No. 2 (41). P. 119-127. (In Russ.). DOI: 10.20874/2071-0437-2018-41-2-119-127

Bravina R. I., Prokop'eva A. N., Petrov D. M., Syrovatskii V. V. (2019) Cremation rites at Batyran III and Kuuduk III sites in Erkeeni Valley of the middle Lena River. *Genesis: istoricheskie issledovaniya = Genesis: Historical Research.* No. 10. P. 109-123. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409-868X.2019.10.31033

Vasil'ev F. F. (1995) Art of war of the Yakuts. Yakutsk: Bichik. 224 p. (In Russ.).

Vasil'ev F. F. (1994) Early Yakut ulus: social and military structures. *Etnos: traditsii i sovremennost' (sbornik nauchnykh trudov) = Ethnos: traditions and modernity (collection of scientific works).* Yakutsk: YaNTs SO RAN. P. 32-50. (In Russ.).

Gvozdev R. V. (2011) The development of the military organization of the Tungus-Manchurs (based on materials of the mid-19th - 20th century). *Vestnik Dalnevostochnogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk = Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*. No. 1. P. 138-143. (In Russ.).

Georgievskii E. V. (2005) Deprivation of life in archaic societies, ritual and everyday life. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Legal Bulletin*. No. 4. P. 44-48. (In Russ.).

Gogolev A. I. (1990) Archaeological sites of Yakutia of the late Middle Ages of the 14-18 centuries. Irkutsk: Irkutsk State University. 192 p. (In Russ.).

Gulevskii A. N. (2014) War anthropology: will to fight. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Proceedings of the Volgograd State Technical University.* No. 5 (132). P. 9-12. (In Russ.).

D'yakonov V. M., Stepanov A. D., Bagashev A. N., Razhev D. I., Kuz'min Ya. V., Khodzhins Ya. V. L. (2014) Atlasovskoe burial of the 14-15th centuries of the Kulun-Atakh culture in the framework of the problems of the Yakuts ethnogenesis. *Vsadniki Severnoi Azii i rozhdenie etnosa: etnogenez i etnicheskaya istoriya naroda sakha. Materialy Vserossiiskoi interdistsiplinarnoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyaschyonnoi 125-letiyu G. V. Ksenofontova i 100-letiyu L. N. Gumileva (g. Yakutsk, 24-26 oktyabrya 2012 g.) = Riders of North Asia: ethnogenesis and ethnic history of the Sakha: Proceedings of All-Russian interdisciplinary scientific conference with International participation dedicated to the 125th anniversary of G. V. Ksenofontov and the centenary of L. N. Gumilyov (Yakutsk, October 24-26, 2012).* Novosibirsk: Nauka. P. 233-240. (In Russ.).

Ivanov V. F. (1974) Historical and ethnographic study of Yakutia in the 17-18 centuries. Moscow: Nauka. 287 p. (In Russ.).

Ionova O. V. (1945) From the history of the Yakut people: (the first half of the XVII century). Yakutsk: Kn. izd-vo. 112 p. (In Russ.).

Исторические предания и рассказы якутов / сост. Эргис Г. У. М.-Л. : Академия Наук СССР, 1960. Ч. 1. 322 с.

История Якутской АССР. Т. 1: Якутия до присоединения к русскому государству / А. П. Окладников; отв. ред. Л. П. Потапов. 2-е доп. и перераб. изд. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. 430 с.

Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в. : сб. документов / под. ред. Я. П. Алькора, Б. Д. Грекова. Л : Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича, 1936. 294 с.

Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. М. : Наука, 1984. 245 с.

Крадин Н. Н. Структура власти в кочевых империях // Кочевая альтернатива социальной эволюции / отв. ред. Н. Н. Крадин, Д. М. Бондаренко. М. : Институт Африки РАН, 2002. Т. 6. С. 79–90.

Крадин Н. Н. Элиты в обществах кочевников Внутренней Азии // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии : коллективная монография / отв. ред. П. К. Дашковский. Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета, 2015. С. 26–36.

Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М. : Эксмо, 2019. 448 с.

Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан : Кн. изд-во, 1983. 176 с.

Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам Саха-французской археологической экспедиции) / под редакцией Э. Крюбези и А. Н. Алексеева. Якутск : Изд. дом СВФУ, 2012. 226 с.

Петров Д. М. Захоронения воинов на озере Кюкяй в Западной Якутии: новые материалы по ранней этнической истории вилюйских якутов (XIV–XV вв.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 67–80. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-67-80

Полосьмак Н. В. Всадники Укока. Новосибирск : ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.

Степанов Ц. Кочевая империя Степной империи, VI–IX вв.: взгляд на Других // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии : коллективная монография / отв. ред. П. К. Дашковский. Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета, 2015. С. 144–166.

Табарев А. В. Пленники и смерть (обращение с пленниками в рамках комплекса боевых традиций североамериканских индейцев) // VICTORIA. GLORIA. FAMA : материалы Межд. конф. СПб. : Изд. ВИМАИВиВС, 2003. Ч. 3. С.117–120.

Тадевосян Т В. Человеческие жертвоприношения и каннибализм (на материале нартского эпоса и русских былин) // Эпосоведение. 2018. № 1 (9) С. 100–107. DOI: 10.25587/SVFU.2018.9.11687

Ergis G. U. (1960) Historical legends and stories of the Yakutsk. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. Pt. 1. 322 p. (In Russ.).

Okladnikov A. P., Potapov L. P. (1955) History of Yakutian ASSR. Vol. 1. Yakutia before joining to Russian State. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. 430 p. (In Russ.).

Al'kora Ya. P., Grekova B. D. (1936) The colonial policy of the Moscow State in Yakutia in the 17th century. Collection of documents. Leningrad: Izd-vo In-ta narodov Severa TsIK SSSR im. P. G. Smidovicha. 294 p. (In Russ.).

Kosarev M. F. (1984) Western Siberia in ancient times. Moscow: Nauka. 245 p. (In Russ.).

Kradin N. N. (2002) The structure of power in nomadic empires. *Kochevaya al'ternativa sotsial'noi evolyutsii = Nomadic alternative of social evolution*. Moscow: Institut Afriki RAN. Vol. 6. P. 79-90. (In Russ.).

Kradin N. N. (2015) Elites in Nomadic Societies of Inner Asia. *Elita v istorii drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii: kollektivnaya monografiya = The Elite in the History of Ancient and Medieval Peoples of Eurasia. Collective monograph.* Barnaul: Altai State Univrersity. P. 26-36. (In Russ.).

Krasheninnikov S. P. (2019) Description of the land of Kamchatka. Moscow: Eksmo. 448 p. (In Russ.).

Lindenau Ya. I. (1983) Description of the peoples of Siberia (first half of the 18th century). Historical and ethnographic materials about the peoples of Siberia and the North-East. Magadan: Kn. izd-vo. 176 p. (In Russ.).

Alekseev A. N., Kryubezi E. (2012) The world of the ancient Yakuts: the experience of interdisciplinary research (based on the materials of the Sakha-French archaeological expedition). Yakutsk: Izdatel'skii dom SVFU. 226 p. (In Russ.).

Petrov D. M. (2019) Burial site of warriors on Lake Kyukyai in West Yakutia: new data of the former ethnic history of the Vilyuy Yakuts (XIV-XV centuries). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 15. No. 2 (31). P. 67-80. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-67-80

Polos'mak N. V. (2001) The Riders of Ukok. Novosibirsk: INFOLIO-press. 336 p. (In Russ.).

Stepanov Ts. (2015) The nomadic Empire of the Steppe Empire, VI-IX centuries: a view at Others. *Elita v istorii drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii. Kollektivnaya monografiya = The Elite in the History of Ancient and Medieval Peoples of Eurasia. Collective monograph*. Barnaul: Altai State Univrersity. P. 144-166. (In Russ.).

Tabarev A. V. (2003) Captives and death (treatment of captives within the complex of martial traditions of North American Indians). *VICTORIA. GLORIA. FAMA. Materialy Mezhd. konf. =* VICTORIA. GLORIA. FAMA. Proceedings of the international conference. Pt. 3. St. Petersburg: Izd. VIMAIViVS. P. 117-120. (In Russ.).

Tadevosyan T. V. (2018) Human sacrifices and cannibalism (on the material of the Nart epic and Russian bylinas). *Eposovedenie = Epic studies*. No. 1 (9). P. 100-107. (In Russ.). DOI: 10.25587/SVFU.2018.9.11687

Токарев С. А. Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. Изд. 2-е. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 416 с.

Тураев В. А. Хождение «встречь солнцу» в контексте проблем присоединения Дальнего Востока к Российскому государству (XVII–XVIII вв.) // Вестник ДВО РАН. 2013. № 1. С. 37–47.

Эллэйада: материалы по мифологии и легендарной истории якутов / Г. В. Ксенофонтов (отв. ред. А. П. Окладников). М. : Наука, 1977. 246 с.

Якутия в XVII веке (очерки) / под ред. С. В. Бахрушина, С. А. Токарева. Якутск : Кн. изд-во, 1953. 438 с.

Яценко С. А. Группы элиты у сарматов // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии : коллективная монография / отв. ред. П. К. Дашковский. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2015. С. 86–98.

Tokarev S. A. (2012) Social system of the Yakuts of the 17th-18th centuries. Moscow: LIBROKOM. 416 p. (In Russ.).

Turaev V. A. (2013) The Journey to «Meet the Sun» in the Context of Problems of Accession of the Far East to the Russian State (XVII-XVIII centuries). *Vestnik DVO RAN* = *Bulletin of the Far East Branch of the RAS*. No. 1. P. 37-47. (In Russ.).

Ksenofontov G. V. (1977) Elleyada. Materials on mythology and the legendary history of the Yakuts. Moscow: Nauka. 246 p. (In Russ.).

Bakhrushin S. V., Tokarev S. A. (1953) Yakutia in the XVII century (essays). Yakutsk: Kn. izd-vo. 438 p. (In Russ.).

Yatsenko S. A. (2015) Elite groups of Sarmatians. *Elita v istorii drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii. Kollektivnaya monografiya = The Elite in the History of Ancient and Medieval Peoples of Eurasia. Collective monograph.* Barnaul: Altai State Univrersity. P. 86-98. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. М. Петров – младший научный сотрудник отдела археологии и этнографии,
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
677027, Якутск, ул. Петровского, 1, Россия.

Information about the author

D. M. Petrov – junior researcher of the Department of archaeology and ethnography,
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Yakut Scientific Centre, SB RAS,
1, Petrovskogo St., Yakutsk 677027, Russia.

Вклад автора

Петров Д. М. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

Petrov D. M. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 30 января 2022 г.; одобрена после рецензирования 22 февраля 2022 г.; принята к публикации 9 марта 2022 г.

Article info

The article was submitted January 30, 2022; approved after reviewing February 22, 2022; accepted for publication March 9, 2022.

Научная статья
УДК 908
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-128-141

Сибирская одиссея Жан-Пьера Алибера

Сергей Викторович Снопков [1, 2], Александр Викторович Хобта [3]

[1, 2] Иркутский государственный университет; Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия, snopkov_serg@mail.ru
[3] Подразделение по сохранению исторического наследия ВСЖД Восточно-Сибирского центра научно-технической информации и библиотек – структурного подразделения Восточно-Сибирской железной дороги – филиала ОАО «РЖД», Иркутск, Россия, irk.sasha2@yandex.ru

Аннотация. Ботогольский графитовый рудник, расположенный в Окинском районе Республики Бурятия, был одним из первых горнодобывающих предприятий Прибайкалья. История открытия и разработки Ботогольского графитового месторождения связана с деятельностью российского купца французского происхождения Жан-Пьера Алибера. Статья раскрывает историю пребывания Алибера в Восточной Сибири и историю разработки месторождения высококачественного графита. На основании различных источников информации восстановлена хронология событий, связанных с открытием и началом разработки Ботогольского графитового месторождения. Первоначально интересы Алибера касались сибирской золотодобычи, позднее внимание купца переключилось на добычу графита. Причиной интереса Жан-Пьера Алибера к добыче графита является катастрофическая нехватка качественной графитовой руды для нужд карандашной промышленности в Европе. В результате поисково-разведочных работ на Ботогольском гольце, проводимых в течение нескольких лет, Алибером было открыто уникальное месторождение графита. Также в статье рассмотрен характер взаимоотношений Ж.-П. Алибера с его компаньонами Ф. П. Занадворовым и Лотарем фон Фабером, которые не всегда были конструктивными и успешными. Алиберу не удалось построить свою карандашную фабрику в России, поэтому он был вынужден поставлять высококачественную руду на фабрику Фабера в Баварию. Поставка графита в Германию, несмотря на большие финансовые издержки, позволила Алиберу и компаньонам заработать приличное состояние. Деятельность графитового рудника в Восточных Саянах была прервана достаточно внезапно.

Ключевые слова: Жан-Пьер Алибер, французский предприниматель, Восточные Саяны, Окинский район Бурятии, Ботогол, Семен Черепанов, графит, Мариинский прииск, графитовая шахта, производство карандашей

Для цитирования: Снопков С. В., Хобта А. В. Сибирская одиссея Жан-Пьера Алибера // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 1. С. 128–141. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-128-141

Original article

The Siberian epopee of Jean-Pierre Alibert

Sergey V. Snopkov [1, 2], Alexander V. Khobta [3]

[1, 2] Irkutsk State University; Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia, snopkov_serg@mail.ru
[3] The Division for the Preservation of the Historical Heritage of the East Siberian Railway of the East Siberian Center for Scientific and Technical Information and Libraries - a structural division of the East Siberian Railway - a branch of JSC “Russian Railways”, Irkutsk, Russia, irk.sasha2@yandex.ru

Abstract. Botogol graphite mine, Okinsky District of the Republic of Buryatia, was one of the first mining enterprises of the Baikal region. The history of the discovery and development of the Botogol graphite deposit is connected with the activities of a Russian merchant of French origin, Jean-Pierre Alibert. The article reveals the history of Alibert's stay in Eastern Siberia and the history of the development of a deposit of high-quality graphite. Based on various sources of information the chronology of events related to the discovery and the starting of process of exploiting the Botogol graphite deposit has been restored. Initially, Alibert's interests concerned Siberian gold mining, later the merchant's attention switched to graphite mining. The reason for Jean-Pierre Alibert's interest in graphite mining is the catastrophic shortage of high-quality graphite ore for the needs of the pencil industry in Europe. As a result of prospecting and exploration work carried out for several years on the Botogolsky rocky outcrop Aliber discovered a unique graphite deposit. The article also examines the nature of the relationship between J. P. Alibert and his companions

© Снопков С. В., Хобта А. В., 2022

F. P. Zanadvorov and Lothar von Faber who were not always constructive and successful. Alibert failed to realize all his commercial plans. He failed to build his pencil factory in Russia, so he was forced to supply high-quality ore to Faber's factory in Bavaria. The supply of graphite to Germany, despite the large financial costs, allowed Alibert and the partners to earn a decent fortune. The activity of the graphite mine in the Eastern Sayans was interrupted quite suddenly.

Keywords: Jean-Pierre Alibert, French entrepreneur, Eastern Sayans, Okinsky district of Buryatia, Botogol, Semyon Cherepanov, graphite, Mariinsky mine, graphite mine, pencil production

For citation: Snopkov S. V., Khobta A. V. (2022) The Siberian epopee of Jean-Pierre Alibert. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 1. P. 128-141. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-128-141

Введение

Расположенный в Восточных Саянах Ботогольский графитовый рудник стал одним из первых горнодобывающих предприятий южного Прибайкалья. Уникальный ботогольский графит добывался почти полтора столетия (до начала 90-х годов XX века) и использовался в оборонной и аэрокосмической промышленности, в советском атомном проекте и при ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

История открытия и разработки месторождения связана с российским купцом французского происхождения Жан-Пьером Алибером (рис. 1), деятельность которого – это необычная история предпринимательства, в которой переплелись организаторский талант и коммерческое чутье с сибирскими общественно-политическими и хозяйственными перипетиями.

Рис. 1. Жан-Пьер Алибер
Fig. 1. Jean-Pierre Alibert

Изыскатель Сибирской железной дороги Л. Ячевский так охарактеризовал деятельность Алибера: «Это не был промышленник, который захватив месторождение ценного ископаемого, вдобавок ископаемого, находящегося в самых тяжелых естественных условиях, только и думает о том, как бы извлечь заключающиеся в нем богатства с наибольшей для себя выгодою, – это был художник, который все, что делал подчинял законам эстетики» (Ячевский, 1899. С. 21). Не менее эмоциональную оценку дал В. П. Солоненко: «Можно без преувеличения сказать, что Алибер был одним из передовых людей своего времени, которые, подчас в ущерб личным выгодам, стремились к подъему престижа русской промышленности, умевших сочетать практическую деятельность с научной и культурной» (Солоненко, Кобеляцкий, 1947).

Созданный на вершине гольца архитектурно-технический комплекс рудничных сооружений вызывал и продолжает вызывать удивление и восторг путешественников (рис. 2).

Первостатейный тавастгусский купец

Алибер родился в городе Монтобан во Франции 22 марта 1820 г. в католической семье торговца сукном. Отец торговал с северной Европой и Англией. Уже в возрасте 14 лет Жан-Пьер отравляется в Англию – к своему дяде – осваивать коммерческое дело. А ещё через несколько месяцев он оказывается в городе Тавастгус в Финляндии (ныне Хямеэлинна), где открывает фирму по торговле мехами и французскими продуктами. В очень раннем возрасте он становится первостатейным Тавастгусским купцом, и в 1837 г. (в возрасте 17 лет) переезжает в Санкт-Петербург (Туре, 2020. С. 44).

Путь в Петербург через Финляндию объясняется тем, что в этой части Российской империи существо-

Рис. 2. Современный вид Ботогольского гольца. Фото П. А. Новикова, 2021 г.
Fig. 2. A modern view of the Botogol char. Photo by P. A. Novikov, 2021

вали ощутимые экономические льготы. Если в других регионах России для открытия бизнеса обычно необходимо было представлять доказательства наличия профессиональных навыков и благосостояния, то в Финляндии состоятельные люди получали права на занятие торговлей без подтверждения их квалификации. Этим обстоятельством пользовались многие иностранные предприниматели. Принимая российское гражданство в Финляндии, они обходили ограничения, существовавшие на других территориях страны. Иногда это происходило одновременно с началом своей предпринимательской деятельности (Хьерппе, 2010. С. 12).

В купеческое звание (по Российским законам) мог вступить любой свободный человек, заявивший о наличии у него капитала и записавшийся в одну из трех купеческих гильдий. Для вступления в гильдию необходимо было заплатить денежный взнос. Купцам, выдавалось свидетельство, дающее право на торговлю в определенной местности. Первая гильдия давала право вести заграничную торговлю, а также владеть морскими судами, фабриками и заводами. Также первостатейные купцы имели право свободного передвижения по стране. В 1807 году для зачисления в купцы первой гильдии человек должен был обладать капиталом 50 тыс. рублей, второй – 20 тыс. руб., третьей – 8 тыс. руб. В начале 1850-х первостатейные купцы составляли всего лишь 2 % всего купечества (Гуляев, 1912. С. 24). Таким образом, бизнес Алибера в Финляндии был более чем успешным. За два года юноша сумел вступить в первую гильдию.

По сообщению академика А. Е. Ферсмана, в Санкт-Петербурге Алибер работал парикмахером и учителем французского языка у графа Л. А. Перовского, который в 1841—1852 гг. был министром внутренних дел (Гранина, 1958. С. 44). Лидия и Жак Туре утверждают, что Алибер был «главным поставщиком меха при дворе, установил дружеские отношения с царствующей семьей, особенно с сыном Николая I, будущим Александром II … и был его цирюльником» (Туре, 2020. С. 45). Насколько эти утверждения соответствуют действительности сказать сложно.

За сибирскими богатствами

Интерес Алибера к Сибири был вполне очевиден. До второй половине XIX века благодаря Сибири и Америке Россия была крупнейшим в мире поставщиком меха. В 1840 г. Жан-Пьер получает разрешение на поездку в Сибирь, и в 1841 году впервые приезжает в Иркутск (Туре, 2020. С. 45). В период с 1841 по 1843 года в Красноярске и Иркутске он открывает магазины с мелочными галантерейными товарами; знакомится с местными чиновниками и предпринимателями; дает уроки французского языка и совершает многочисленные поездки по всей Сибири. Цель и географию этих путешествий позволяет понять альбом сибирских акварелей Алибера, хранящийся в Парижском музее искусств и ремесел.

За три года (кроме Иркутска и Красноярска) Алибер побывал в Тобольске, Омске, Томске, Барнауле, Ачинске, Кузнецке, Киринске, Якутске, Верхнеудинске, Кяхте. Сплавлялся по Енисею и Лене. Основной целью этих путешествий было знакомство с золотодобычей. Алибер осмотрел целый ряд золотых приисков в Омской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях: Успенский и Великониколаевский прииски на реке Бирюса; Воскресенский, Аполлоновский и Петропавловский прииск на Алтае. Но особое внимание было привлечено к золотым приискам по реке Удерей, правому притоку Енисея (500 км севернее Красноярка). В 1830-х годах в Удерейской тайге были отрыты богатые золотоносные россыпи, на которых «как грибы после дождя» появлялись новые прииски: Спасский, Никольский, Магдалинский, Иннокентьевский, Удерейский.

В ходе путешествий Алибер знакомится с технологией получения золота: промывка золотоносных отложений, работа плавильных заводов, транспортировка золота и др. В 1839 г. на реке Большая Пескина была открыта богатая золотоносная россыпь, на которой Никитой Мясниковым был основан прииск Иннокентьевский. Прииск разрабатывался совместно с компаньонами Клишиным, Блиновым и Алибером.

Таким образом, характер коммерческой деятельности Алибера в Сибири претерпел явные изменения. Наряду с торговлей мелочными и галантерейными товарами, он активно пытается включиться в горнодобывающее дело. И в этом стремлении он не оригинален. В 1830—1840 годы в Сибири – массовые поиски и добыча золота. Многие купцы, состояние которых возникло на торговле хлебом, скотом, пушниной, алкоголем, вкладывали свои капиталы в добычу золота. Но глубоко погрузится в золотодобычу Алиберу было не суждено – возник новый, высоко прибыльный и столь же рисковый проект – добыча графита.

Графитовый проект

Открытие графитового месторождения в Восточном Саяне Ж.-П. Алибер описывал так: «В 1846 г., быв, по торговым делам, в Восточной Сибири, сделал я несколько поездок на линии водораздела рек Иркута, Китоя, Белой и Оки, с целью осуществить давно питаемое мною желание отыскать хороший графит. Во многих местах этих горных стран я встречал разные валуны графита и, наконец, после долгих постоянных трудов и усилий мне представился счастливый случай открыть коренное месторождение этого минерала в одном из отрогов Саянского хребта, в недрах Ботугольского гольца…» (Алибер, 1854. С. 14).

В действительности же, первые находки графита в районе реки Ботогол были сделаны местными охотниками, а известно об этом стало благодаря начальнику Тункинского пограничного отделения Семену Ивановичу Черепанову. Черепанов так описывает это событие: «В год моего приезда в Тунку (1838 г. – *авт*.), звероловную по преимуществу местность, был крайний недостаток свинцу … Я собрал у себя весь свинец, какой был, и, между прочим, при звероловах снял со старинных часов гири, свинцовые, обтянутые листовой медью, и шутя сказал: «Попробую из меди добыть свинец». Растопленные гири дали его, к удивлению зрителей. – Через некоторое время является ко мне бурят и таинственно говорит, что-де ты нойон (господин) из меди добыл свинец, а мы тыныки (дураки) не можем его растопить, хотя у нас целая гора свинцу. – Как, где? – Вот посмотри. И он вынул несколько кусков графита» (Черепанов, 1879. С. 51).

В 1839 году Черепанов побывал на Ботоголе, отобрал образцы графита и отправил их в Иркутск и Санкт-Петербург (О минералах…, 1853). В 1842 г. по заданию Черепанова тункинский крестьянин Кобелев добыл на Ботогольском гольце 30 пудов графита. Графит он доставил на Иркутский солеваренный завод для его испытания на предмет возможности изго-

товления из него тиглей для золотоплавильни, эксперимент окончился неудачно – графит оказался невысокого качества и для производства огнеупорных «горшков» был не пригоден.

По-видимому, именно в этот период о находках графита становится известно Алиберу. Многие исследователи биографии Алибера сходятся во мнении, что это произошло благодаря чиновнику особых поручений Петергофской гранильной фабрики Григорию Маркиановичу Пермикину, который с 1841 по 1862 год занимался поисками и добычей поделочных камней (лазурита и нефрита) в Прибайкалье. Возможно, именно от Пермикина Жан-Пьер получил образцы саянского графита, которые тот увез в Европу для оценки качества (Ферсман, Писарев, 1921).

Информация о графите взбудоражила Алибера, по его словам, он давно интересовался графитовой рудой. В XIX веке графит в основном использовался для изготовления плавильных тиглей и карандашей.

Еще в середине XVI века в Англии (графство Камберленд) в долине Борроудейл было открыто месторождение графита. Качество руды оказалось лучшим в мире. Благодаря этому месторождению Англия стала мировым монопольным поставщиком высококачественного графита, а карандашная фирма Брокмана приобрела всемирную известность. Начиная с XVII века графит добывали в Богемии, Моравии, Штирии и Испании, но его качество сильно уступало Борроудейльскому.

К началу 40-х годов XIX века Борроудейльское месторождение истощилось. Началась переработка отвалов: бросовый графит толкли, химически очищали и прессовали большим давлением посредством паровой машины. Изделия из такого материала были гораздо хуже, чем сделанные из сплошной графитовой массы. Правительство Британии пыталось найти новые месторождения во всех странах и даже назначило премию за ввоз в страну богатой руды. С 1840-х годов цены на графит на мировом рынке значительно поднялись. Даже стоимость второсортного графита поднялась до 400 франков за пуд.

Если Черепанов планировал поставлять графит для изготовления плавильных тиглей, то Алибера больше интересовала перспектива изготовления карандашей. Для изучения технологии добычи графита и карандашного производства он совершает две поездки в Европу (в 1844 и 1846 гг.), имея с собой образцы ботогольского графита (!). Во время этих вояжей он посетил Англию (в том числе Борроудельские рудники), Францию, Швейцарию, Германию (Алибер, 1854). Во Франции Алибер консультировался у французского минералога, директора Парижской горной школы А. Дюфренуа, который назвал образцы кладом для науки и промышленности (Андреева, Бессуднова, 2017. С. 74).

Сам Алибер результаты своих поездок оценил так: «С 1840 года, количество выделываемых Брокманом карандашей, по случаю истощения графита, значительно уменьшилось и, между прочим, замечено, что и самое достоинство их далеко было ниже противу прежнего. … Известные карандаши Брокмана производились только в Англии и были хороши, собственно, потому что приготовлялись из чистого самородного графита, в натуральном его виде. Засим все прочие карандаши делаются хотя и из графита, но весьма дурного качества …» И далее он резюмирует: «Вполне понимая, какую может составить важность открытие новых средств к замене утраченного достоинства прежних английских карандашей, я принял твердую решимость употребить все возможные меры к достижению этой цели» (Алибер, 1854).

В то время пока Алибер изучал карандашное производство в Европе, ушедший в отставку Черепанов, находясь в Санкт-Петербурге, представил несколько образцов ботогольского графита в Министерство финансов и предложил зачислить месторождение в казну. Департамент Горных и Соляных дел выполнил анализы графита и, обсудив дело в экономическом отношении, не посчитал необходимым принять предложение Черепанова и предоставил последнему право самому «извлечь из своего открытия такую пользу, какая ему заблагорассудится» (Николаев, 1879. С. 344). Дальнейшие события Черепанов описывал так: «Но вдруг явился ко мне еврей Алибер, знакомый по Сибири, предложил мне за право на разработку графита 300 руб., – я взял их, потому что сидел на мели … После меня поддразнивали, что продал за 300 р. 7 миллионов» (Черепанов, 1879. С. 51).

Один из первых исследователей истории открытия Ботогольского графитового месторождения А. Ушаков сообщает, что: «… г. Алибер, приобретая за бесценок мариинский (ботогольский – *авт.*) рудник,

не слишком тоже рассчитывал на графит, а более совершил покупку в надежде отыскать здесь месторождение алмазов и изумрудов» (!) (Николаев, 1879. С. 344). Едва ли это утверждение соответствует действительности, так как минимум три предшествующих сделке года Алибер был занят изучением графитовой промышленности.

«Изобретатель сибирского графита»

В более поздние годы в своих проспектах Алибер именует себя, как «inventeur du graphite de Siberi» – изобретатель сибирского графита, подчеркивая свою приоритетную роль в открытии месторождения. И несмотря на то, что о ботогольском графите стало известно на 4 года ранее появления Алибера в Сибири, его действительно можно признать первооткрывателем. Дело в том, что обнаружение признаков рудопроявления в виде образцов горных пород и минералов – это еще далеко не открытие месторождения. Нередко проходят годы и десятилетия пока удается найти залежи руд, пригодные для разработки. На Ботогольском гольце именно Алиберу удалось сделать это.

Вернувшись в Иркутск, Алибер начинает готовить поисковую экспедицию. На одной из акварелей Алибера, изображающей Тунку, есть надпись: «Приготовление моей отправки на розыски графита 25 августа 1847 года». Надпись на другом рисунке гласит: «Ночлег мой с розыскной партией под Нухудабанским гольцом 4 сентября 1847 года», т. е. поисковый отряд добрался до Ботогола только в начале сентября.

Сначала поиски графита шли у подножья гольца, затем на его вершине. Первые же шурфы показали присутствие графитовой руды, но, по словам Алибера, «… качество первого добытого мной минерала далеко не соответствовало моим ожиданиям» (Алибер, 1854). Извлекаемая из шурфов порода использовалась на строительство хижин-укрытий, очагов и кузнечных горнов. 16 сентября были обнаружены «знаки графита хорошего качества» и в честь этого события даже был устроен праздник для рабочих. В середине ноября по глубокому снегу поисковая партия возвратилась в Тунку.

Убедившись, что на Ботоголе есть все признаки присутствия графита хорошего качества, Алибер начинает заниматься отведением земли под графитовый прииск. Согласно официальному разрешению, полученному в октябре 1848 года, он был обязан добывать ежегодно не менее 100 пудов графита, при этом ему давалась десятилетняя льгота по уплате налогов. Прииск был назван Мариинским (Кудрявцев, 1936. С. 28).

Согласно плану прииска ему был отведен участок на вершине гольца, площадью 250000 кв. саж. (чуть более 1 км^2, 0,5 х 2 км). Участок был вытянут в северо-западном направлении, это объясняется представлением самого Алибера о геологии участка: «Месторождение графита расположено значительно ниже вершины горы … судя по выходу графита на дневную поверхность … графит простирается по прямой линии с севера на юг, через самый центр хребта и, следовательно, можно предположить, что залежи графита находятся в этой части горы» (Николаев, 1879. С. 348–349).

В марте 1849 года на Ботогол отправляется разведочная экспедиция и завозятся материалы для будущего прииска. На одном из рисунков Алибера можно насчитать до 15 санных упряжек. Последующие 4 года на гольце идут горные работы, обустраивается прииск и поселок для рабочих. В том месте, где осенью 1847 года была встречена хорошая руда, начала пробиваться шахта. На прииске трудятся «до 100 человек, которые по сие время, занимаясь беспрерывно круглый год днем и ночью, сделали выработки графита и гранита в капитальной шахте … в трех местах и в трех разведках всего пространства 254 куб. саж. (почти 2500 м^3 – *авт.*)» (Николаев, 1879. С. 346). Таким образом, из ствола шахты, глубиной 18 м и поперечного размера – 9,5 м, было вынуто около 1500 м^3 горной породы и ещё около 1000 м^3 из боковых горных выработок. К началу 1853 г. уже было добыто около 200 пудов графита, который также не удовлетворял запросам Алибера. Большая часть графита шла в отвалы. «Между худым карандашным камнем попадались прожилки рассеянного и сжатого в мелкие зерна хорошего графита; но прожилки эти вообще были ничтожны и негодны к употреблению. … Таким образом без особенного успеха шли дела мои в разведке рудника до 1853 года», – подводил итог своих работ Алибер.

Товарищество по разработке месторождения

Работы на прииске истощили финансы Алибера: «В 4 года я истратил уже весь свой денежный капитал, но не получил никаких результатов. По общему

мнению, за исключением немногих, предприятие мое считалось несбыточным, а я сам если не безумным, то по крайней мере увлеченным» (Кудрявцев, 1936. С. 28). Для продолжения работ необходимо было найти дополнительные капиталы. Алиберу удается заинтересовать своим прииском известного золотопромышленника, купца и мецената Ефима Андреевича Кузнецова, который в начале 1850 г. выдал кредит на сумму 35 тыс. руб. По-видимому, Алибер надеялся на дальнейшие инвестиции, но 26 сентября 1850 г. Кузнецов умирает и управление его финансами переходит в руки отставного горного чиновника Фавста Петровича Занадворова, женатого на племяннице Кузнецова.

Новый распорядитель состояния отказывает Алиберу в выдаче следующего кредита, но соглашается составить с ним товарищество по разработке графита. Созданное в 1851 году коллективное предпринимательское предприятие, относящееся к «товариществам на вере», включало две категории членов: полные товарищи и вкладчики. Предпринимательскую деятельность от имени товарищества мог вести только «полный товарищ», которым являлся Алибер. По всем обязательствам товарищества он отвечал своим имуществом. Занадворов, будучи вкладчиком товарищества, нес риск убытков в пределах суммы внесенного им вклада и не принимал участия в осуществлении товариществом предпринимательской деятельности.

Вкладчик в товариществе на вере, имел право получать часть прибыли товарищества, причитающуюся на его долю в складочном капитале, передавать свою долю в складочном капитале или её часть другому вкладчику или третьему лицу. Полный товарищ имел право управлять делами товарищества, участвовать в распределении прибыли, в любое время ликвидировать товарищество, рассчитавшись с кредиторами, но совершать от своего имени и в своих интересах или в интересах третьих лиц сделок, однородных с теми, которые составляют предмет деятельности товарищества, он не мог. Кроме того, создание товарищества позволяло получить на определенный срок монополию в предпринимательской деятельности, освобождало от налогов и позволяла получать беспроцентные кредиты. По закону в своем наименовании товарищества на вере сразу после перечня фамилий учредителей должны были добавлять «… и К^{о}» (Гуляев, 1912. С. 27). Вероятно, графитовое товарищество называлось «Алибер, Занадворов и К^{о}».

При создании товарищества Ф. П. Занадворов внес 55 тыс. руб. (Кудрявцев, 1936. С. 29). А. Ушаков утверждает, что сумма составляла 38 тыс. руб. (Николаев, 1879. С. 344). По сообщению А. Н. Граниной, сумма, которую Занадворов должен был внести в товарищество, составляла 90 тысяч рублей (Гранина, 1958. С. 62). Полученные средства позволили продолжить поиски высококачественного графита.

Перспективы обнаружения богатой руды на прииске появились в 1853 г., когда канавами было вскрыто гнездо качественного графита. Но радость оказалась преждевременной. «… Я был поражен чрезвычайным оборотом моего дела, поставившим меня в самое затруднительное положение: гнездо графита, которое залегало довольно большой массой, вдруг совершенно выработалось и далее представились одни только разломы пластов гранита, в трещинах которого едва только заметны были признаки графита.», – писал Алибер. Но эта неудача не охладила решительность Алибера найти хорошую руду (Алибер, 1854).

3 февраля 1854 г. в «боковой выработке» шахты и был обнаружен графит «действительно превосходнейшего качества». К концу года из нового штрека было добыто около 400 кг руды: «Открытый мной сибирский ботогольский графит, по свойственной ему крепкости, отлично распиливается во всю длину куска, по желанию, даже на самые тонкие части и имеет притом чрезвычайную плотность …, а потому будет употребляться, как и прежний знаменитый Кумберландский, в натуральном виде, и из него можно будет делать все виды карандашей …» (Алибер, 1854).

Восемь лет труда и лишений оказались не напрасны – качественная руда была найдена, но снова не было средств чтобы наладить её переработку. А значит, и нет прибыли!

Впоследствии отказ от своих планов по строительству фабрики Алибер объяснял невыполнением финансовых обязательств его компаньоном Ф. П. Занадворовым. В след за Алибером этот тезис повторяли большинство его биографов. Однако следует обратить внимание, что без помощи Занадворова могло вообще не быть открытия месторождения. По сообщению самого Алибера, он затратил на обо-

рудование рудника и проведение горных работ свыше 80 тысяч рублей серебром (Алибер, 1854), при этом от Е. А. Кузнецова и Ф. П. Занадворова он получил 85 тыс. рублей. Кроме того, претензии Алибера к своему компаньону далеко не всегда были обоснованы, так как тот часто не мог выполнить свои обязательства по независящим от него причинам.

Первый кредитор Алибера Е. А. Кузнецов, ранее финансировал Амурские экспедиции генерал-губернатора Н. Н. Муравьева, пожертвовал более 3 млн. рублей. Новый распорядитель большей части состояния Кузнецова – Занадворов отказался субсидировать новые сплавы по Амуру. На этой почве у него произошел конфликт с Муравьевым. Воспользовавшись жалобой других наследников Кузнецова, генерал-губернатор в августе 1851 г. поручил своему чиновнику Д. В. Молчанову произвести следствие в отношении Ф. П. Занадворова. Последнего обвиняли в сокрытии от наследников части состояния Кузнецова и поджоге тайги, но во время следствия Занадворов заявил о даче взятки Молчанову. После чего, 21 октября 1851 г. по распоряжению генерал-губернатора, Фавст Петрович был посажен в тюремный замок. (То есть, практически сразу после создания товарищества с Алибером.) С арестом Занадворова главным наследником Кузнецова стало иркутское общество, которое пожертвовало значительную сумму на новую Амурскую экспедицию генерал-губернатора.

Сенат, рассмотрев дело, признал Занадворова невиновным, но, несмотря на это, последний не только не был освобожден, но и по распоряжению Муравьева, был предан военному суду. Положение усугублялось тем, что Занадворов обвинил в корысти уже самого Муравьева. 27 июня 1853 года Занадворов был увезён в Омск, а в 1854 г. отправлен по этапу в Москву. В 1855 г. военный суд оправдал Занадворова. Он уехал жить в Рязань и в Иркутск больше никогда не возвращался. Но даже после освобождения распоряжаться капиталами Кузнецова Занадворов снова не мог, так как его жена, несколько лет боровшаяся за его освобождение, неожиданно покинула его – забрала детей и уехала в Петербург. Кроме того, она объявила недействительной его доверенность на управление имуществом и потребовала отчета за все годы. Тяжба растянулась еще на несколько лет. Умер компаньон Алибера в 1888 г. в Рязани (Никитин А. О. «Антагонист» // Рязанские ведомости. 2000. 7 мая (№ 104). С. 3). Таким образом, с 1851 по 1855 года Занадворов находился в тюрьме, а затем еще несколько лет был ограничен в своих финансовых возможностях и не мог выполнять свои обязательства в рамках товарищества.

«Сибирский графит Алибера»

Алибер начинает активно пропагандировать свое открытие, показывая перспективы его разработки для производства карандашей и в качестве поделочного и даже ювелирного материала. Об открытии уникального месторождения быстро становится известно (Отыскание графита…, 1855; Хотинский, 1856; О сибирском графите, 1859; О графите Алибера, 1864). В 1854 года он выступает с докладом на заседании Сибирского отделения Императорского Русского географического общества. В конце 1855 года он выезжает в Санкт-Петербург, где 21 января 1856 г. выступает с показом ботогольских материалов (образцов, карт, рисунков) на заседании Вольного экономического общества. Затем Алибер едет в Москву и передает образцы ботогольского графита в Императорское Московское общество испытателей природы (Андреева, Бессуднова, 2017. С. 76).

В начале 1856 года Алибер проводит переговоры с только что освободившимся из тюрьмы Занадворовым и заключает новый договор, по которому Занадворов должен был устроить в Москве карандашную фабрику, на которой могут делаться и другие произведения из графита (Кудрявцев, 1936. С. 30). Этот момент является самым непонятным во взаимоотношениях компаньонов, так как по ряду причин создать карандашное производство за несколько месяцев невозможно. Видимо, сам Алибер понимает это лучше других, и поэтому, не ожидая выполнения обязательств компаньоном, уже через несколько месяцев принимает решение поставлять графит на карандашную фабрику Фабера в Германию.

Об открытии графитового месторождения стало известно в Европе, благодаря поездке Алибера для заказа рудничных машин и переговоров о сбыте графита, в середине 1856 г. (Кудрявцев, 1936. С. 31). Получается, что несмотря на соглашение с компаньоном о строительстве фабрики в России, Алибер практически сразу начинает искать рынок сбыта графита в Европе. Предложением Алибера заинтересовался ба-

рон Лотарь фон Фабер, владелец одной из самых старых и известных карандашных фабрик в мире (г. Штайн, близ г. Нюрнберга, Земля Бавария). В декабре 1856 г. между Алибером и Фабером был заключен контракт.

Сведения о содержании договора сохранились в документах Иркутского горного управления. Согласно контракту, компаньоны графитового товарищества обязывались поставлять графит с Ботогольского прииска исключительно Фаберу и его наследникам. Согласно договору, Фабер становился монополистом на получение графитовой руды с Ботогола, а значит, на планах строительства фабрики в России «ставился крест». С 1856 по 1861 гг. Алибер должен был доставить на фабрику 2500 пудов графита первого и второго сорта. При этом можно было прислать ещё до 7500 пудов. Фабер обязался платить за каждый фунт графита, употребляемого на изготовление карандашей, – 10 франков (Кудрявцев, 1936. С. 32).

Со своей стороны, Фабер обязывался начать изготовление карандашей с того времени, как он сможет производить карандаши того же качества, что и фирма Брокмана и Вольфа. Для изготовления карандашей из натурального графита Фабер обязывался употреблять только алиберовский графит. Для композиционного графита (с глиной или каким-либо другим веществом) Фабер мог употреблять любой графит, который по качеству ниже ботогольского.

Все расходы по оборудованию фабрики и продаже изделий из графита, достигающие 150 тыс. франков (37500 руб. сереб. – *авт.*), Фабер принимал исключительно на свой счет. Он также брал на себя обязательства продавать по тысяче гроссов карандашей в год (1 гросс – 144 шт. – *авт.*). Для изготовления этого объема карандашей требовалось около пятисот фунтов (226,5 кг – *авт.*) руды. После того, как фабрика сможет изготавливать карандаши по качеству лучше английских, объем продаж планировалось поднять до 5 или 10 тысяч гроссов в год и более (Кудрявцев, 1936. С. 32). Свою часть прибыли Алибер и Занадворов должны были получить только после реализации карандашей, т. е. через несколько лет после поставки сырья.

По сообщению Г. С. Доржиевой, договор был подписан в Париже. При подписании присутствовал генерал-губернатор Восточной Сибири, граф Н. Н. Муравьев-Амурский. Увидев сумму сделки, Николай Николаевич воскликнул: «Неужели господин Алибер открыл золотой рудник?» На что получил ответ Фабера: «Да, господин граф, это действительно золотой рудник, т. к. за этот графит нам будут платить золотом» (Доржиева, 2014. С. 8).

Один из пунктов контракта предусматривал, что будут изготовлены рекламные образцы в количестве 3000 экземпляров, которые бесплатно будут розданы потребителям продукции, «главнейшим академиям наук и первым живущим художникам» (Кудрявцев, 1936. С. 32).

Первая партия карандашей из ботогольского графита была выпущена в 1861 году. На одной из граней карандаша была надпись «Graphite de Siberie de la mine Alibert». На карандашах, поставляемых в Россию, на одной грани была надпись «СИБИРСКИЙ ГРАФИТ АЛИБЕРА», на другой – «МАНУФАКТУРЫ А. В. ФАБЕРА». Долгие годы алиберовский или сибирский графит были синонимами карандашей лучшего качества.

Расцвет Мариинского прииска

Обязательства по поставке графита Фаберу были выполнены досрочно. С декабря 1856 по май 1859 года в Германию было отправлено 2530 пуд. 26 фунтов графита (41453,2 кг – *авт.*). Добытый на руднике графит сортировался, распиливался и укладывался в кедровые ящики по 5–6,5 пудов в каждом. Ящики с графитом вывозились на санях по льду рек Ботогол, Хончен, Урик и Белая до села Голуметь (50 верст от Московского тракта). Эта дорога действовала четыре месяца в году – с конца ноября и до конца марта. Затем графит везли по Московскому тракту до Петербурга и оттуда в Нюрнберг. Стоимость провоза составляла 6 руб. 80 коп с пуда, а время доставки – полгода. Стоимость транспортировки графита превысила 17000 руб. (Кудрявцев, 1936. С. 33). Для оплаты транспортных затрат Алибер вынужден был брать ссуду в банке в Иркутске, так как Фабер отказал в предоставлении аванса, и компаньон не спешил вкладывать в дело дополнительные средства.

1857–1858 года являются периодом расцвета прииска. Обустройство рудника и поселка было сделано настолько превосходно и необычно для Сибири, что на прииск стремились попасть все путешественники, оказавшиеся в этом районе (рис. 3). Наряду с детальной продуманностью, в обустройстве прииска чувство-

вался эстетический и художественный вкус Алибера. Его страсть к художественному творчеству на прииске раскрылась в полной мере. (Куплетский, 1925; Путешествие…, 1864. С. 81–86) Обустройство и деятельность графитового прииска, и его дальнейшая судьба – это тема отдельного исследования, частично раскрытая в одной из статей авторов (Хобта, Снопков, 2007).

Кроме транспортных затрат, нужно было платить кредиторам, поставщикам припасов и рабочим, и Алибер обращается в Главное управление Восточной Сибири с просьбой взыскать деньги по обязательствам с Занадворова и оказать финансовую помощь: «в виду крайней необходимости, дабы не остановить прииска и не возбудить между нанятыми рабочими ропота, даже бунта …» Для нужд прииска было выделено 5000 руб. (Кудрявцев, 1936. С. 39).

Видимо, отношения между Алибером и Занадворовым в это время окончательно испортились. Занадворов не хотел вновь тратить средства на прииск, упрекая Алибера в лишних тратах. Последний делает попытку сменить компаньона. В конце 1858 г. он проводит переговоры с Занадворовым, и от лица известного петербургского предпринимателя Дмитрия Егоровича Бенардаки (владелец золотых приисков, горнозаводчик и судостроитель) предлагает компаньону за 50 тыс. руб. отказаться от участия в товариществе. В ответ на предложение Занадворов запросил сумму в два раза большую, но когда и она была предложена, то вовсе отказался от сделки. Отказ Занадворова можно понять – за предыдущие годы он уже вложил в товарищество как минимум 80 тыс. руб., не получив от этого никакой прибыли, и когда появилась реальная перспектива получения дивидендов – ему предлагают забрать затраченные (или только часть затраченных) им деньги и отказаться от прибыли.

В конце 1859 г. Алибер возвращается в Иркутск. 24 декабря Иркутский гражданский губернатор К. К. Венцель вручает французу удостоверение, в котором указывается, что «… господин Иван Петрович Алибер, купец первой гильдии из Тавастгуса, проживающий в Восточной Сибири 18 лет, признается автором открытия и разработки месторождения графита в горах Байкала» (Андреева, Бессуднова, 2017. С. 77).

В августе 1860 г. образцы ботогольского графита экспонируются на Иркутской художественной выстав-

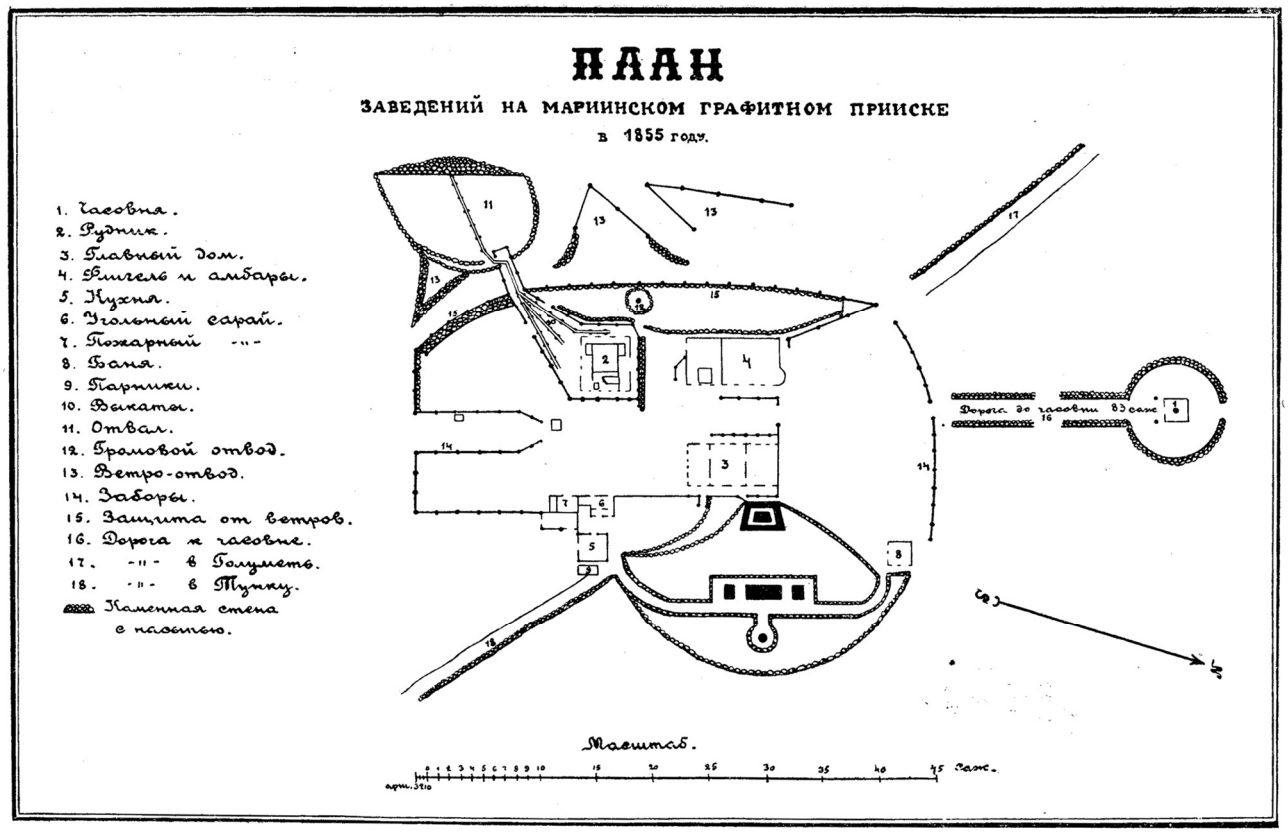


Рис. 3. План заведений на Мариинском графитовом прииске в 1855 году (взято из: Куплетский, 1925. С. 68)
Fig. 3. The plan of establishments at the Mariinsky graphite mine in 1855 (taken from: Kupletsky, 1925. P. 68)

ке, проходившей в музее СОИРГО. На выставке были представлены штуфы руды, весом до двух пудов, а также изделия из графита, в том числе бюсты Ермака и Александра II. После посещения выставки генерал-губернатор Н. Н. Муравьев-Амурский высказал свое восхищение произведениям и деятельностью Алибера в письме (Гранина, 1958. С. 74). В сентябре 1860 г. на первой выставке Императорского Вольного экономического общества, проходившей в залах Михайловского манежа в Санкт-Петербурге, выставлялся блок графитовой руды с ботогольского прииска. В сопроводительном описании образца указывалось: «Весьма замечательный кусок графита, добытый… в Мариинском руднике господина Алибера… Пуд такого графита стоит 100 рублей серебром. Он законтрактован исключительно фабрикантом Фабером, г-н Алибер долго искал возможность составить в России компанию для добывания этого графита, но все старания его остались безуспешны» (Андреева, Бессуднова, 2017. С. 77). Участвовал ли сам Алибер в выставках в Иркутске и Санкт-Петербурге – неизвестно.

В этом же году Жан-Пьер Алибер сначала едет в Санкт-Петербург, где по протекции генерал-губернатора был принят императором, наградившим его серебряной медалью Святого Станислава на ленте, а затем уезжает во Францию. В Сибирь он больше не вернулся.

Знал ли Алибер, что уезжает навсегда, неизвестно. С одной стороны, он отдал все распоряжения своим поверенным по поводу рудника; раздарил весь скот и выплатил полное жалование рабочим; Иркутскому католическому храму подарил икону Святой Девы Надежды из часовни на Ботоголе (Доржиева, 2014). С другой – в 1860 г. он выкупает у Пермикина графитовый прииск, разведанный вблизи Мариинского. Добыча графита на прииске продолжалась до 1861 года (Кудрявцев, 1936. С. 34), и ещё в течение нескольких лет на руднике поддерживался порядок (Кропоткин, 1867. С. 40).

Возможно, первоначальной причиной отъезда во Францию стал ревматизм, который Алибер лечил на термальных источниках Шатонёф-ле-Бэн (Доржиева, 2014).

Наконец-то прибыль!

В 1861 году была выпущена первая партия карандашей из ботогольского графита. По-видимому, Алибер получил свою часть прибыли от Фабера, так как в это время он рассчитывается со всеми своими кредиторами. Ранее Алибер получил разрешение ежегодно в течение пяти лет ввозить в Россию через Петербургскую таможню до 200 пудов карандашей с пошлиной 40 коп. с пуда. При этом фаберовские карандаши из алиберовского графита продавались по очень высокой цене (20–25 коп. за штуку). Если за год фабрика производила 5 тысяч гроссов карандашей, то от их продажи (по российским ценам) владельцы получали 144 тыс. руб. «… Эксплуатация графитового рудника на Ботогольском гольце дала его владельцу доход, покрывший издержки Алибера и его компаньона, и принесший после продажи отборного графита Фаберу, по-видимому, довольно хорошую прибыль», – делает вывод Ф. Кудрявцев. И далее, сообщает, что во Франции Алибер считался человеком с крупными средствами (Кудрявцев, 1936. С. 36–37).

Заработал ли Алибер на графите 7 миллионов рублей, как утверждал Черепанов, неизвестно. За тот графит, который поступил до лета 1859 года на фабрику Фабера, компаньоны должны были получить 225 995 руб. сереб. Этого графита хватало на изготовление более 180 тыс. гроссов (почти 26 млн. штук) карандашей, продажа которых принесла не менее 5 млн. руб. (по российским ценам). Какую долю из этой суммы получили компаньоны, а также сколько ещё поступило графита на фабрику после мая 1859 года, неизвестно. В любом случае, даже после погашения всех кредитов и затрат, добыча ботогольского графита дала Алиберу и Занадворову доход не менее нескольких сотен тысяч рублей, а может быть, и больше.

В 1875 году Алибер подает в суд на Фабера, обвиняя последнего в нанесении невосполнимого морального и материального ущерба, и в марте 1876 года выигрывает дело в Парижском коммерческом суде. В 1878 году Алибер получает от Фабера «компенсацию в сумме 832 000 франков (208 тыс. руб. сереб. – *авт.*) за вычетом 75 000 франков в счет оплаты его долгов в Сибири и пожизненную ренту в 10 000 франков (2.5 тыс. руб. сереб. – *авт.*)» (Доржиева, 2014). Возможно, претензии Алибера были связаны с тем, что надпись «Сибирский графит Алибера» со временем стала выполнять лишь маркетинговую функцию, при этом графит уже использовался не из Сибири. На европейском рынке упоминание о Сибир-

ском графите давала конкурентные преимущества перед другими фабриками.

Остаток своей долгой жизни (скончается в 1905 г.) Алибер проведет во Франции в качестве богатого рантье, занимаясь экспонированием минеральных богатств Сибири на различных выставках. Он представлял экспозиции в Лондоне, Париже, Вене, Гавре и некоторых других городах Западной Европы. Наряду с образцами графитов и изделий из него, Алибер представляет образцы саянского нефрита и золота (Доржиева, 2014), дарит коллекции минералов музеям, издает книгу и альбом о Ботоголе (Кудрявцев, 1936. С. 37). В книге он размещает все доклады, сделанные им в различных обществах по поводу открытого им графитового месторождения, выдержки из английских и русских журналов с отзывами о графитовых изделиях и письма различных лиц и учреждений.

Однако в многочисленных публикациях об истории освоения Ботогольского графитового месторождения, он ни словом не упоминает (или упоминает только в негативном качестве) ни С. И. Черепанова, который первым сообщил о находках графита на Ботоголе; ни о Г. М. Пермикине, от которого Алибер узнал о саянском графите и нефрите; ни о Ф. П. Занадворове, благодаря деньгам которого стало возможно открытие месторождения; ни о Лотаре фон Фабере, благодаря которому графитовая эпопея Алибера закончилась в финансовом смысле благополучно.

В 1869 году он отправляет письмо Иркутскому губернатору, в котором передает права на графитовое месторождение казне и указывает, что причиной прекращения работы прииска является невыполнение финансовых обязательств Занадворовым. Академик Е. А. Ферсман, считал, что основной причиной отъезда (вернее невозвращения) Алибера явилось то, что карандашная промышленность к тому времени освоила способ изготовления графитового стержня из прессованного графита, сделав нерентабельным доставку высокосортного сырья издалека. Алибер своевременно сумел сориентироваться, поняв тенденции изменения рынка графита, и закончил работы (Ферсман, Писарев, 1921). Возможно, это так, но фабрика Фабера до начала XX века продолжала выпускать карандаши из натурального графита, привезенного с других мест, а Алибер по договору мог бы еще не одно десятилетие поставлять графит на фабрику, но почему-то отказался от этого.

Заключение

История поисков, открытия и разработки знаменитого Ботогольского графитового месторождения является яркой страницей в истории Восточной Сибири. Месторождение было открыто благодаря французскому предпринимателю Жан-Пьеру Алиберу – человеку целеустремленному и талантливому, который не только смог понять коммерческую выгоду от разработки месторождения, но и прославил саянский графит на весь мир, как сырье для лучших в мире карандашей и материал для художественного творчества.

Несмотря на то, что сибирские условия подорвали здоровье Алибера, не удалось наладить плодотворные отношения с компаньонами и выполнить все планы, главная цель все же была достигнута: было найдено месторождение уникального по чистоте графита. Упорная работа превратила первоначально авантюрную идею в рентабельный горнодобывающий проект, который позволил Алиберу заработать приличное состояние.

Еще одна особенность характера Жан-Пьера, которая ярко проявилась в Сибири, это сочетание стремления к получению прибыли с желанием сделать мир вокруг себя красивее и счастливее. С одной стороны, продуманность до мелочей при постоянной нехватке средств на развитие бизнеса, с другой – красота и изящество в сооружении прииска, безвозмездная помощь местным жителям.

Список источников

Алибер И. Об отыскании графита в Восточной Сибири Тавастгусским первостатейным купцом Алибером // Вестник Императорского Русского географического общества, 1854. Ч. 11. Раздел V. С. 9–14.

Андреева И. П., Бессуднова З. А. Сибирский графит Алибера // Природа. 2017. № 11. С. 73–81.

References

Aliber I. (1854) On the search for graphite in Eastern Siberia by the Tavastgus merchant Alibert. *Vestnik Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva = Bulletin of the Imperial Russian Geographical Society*. Pt. 11. Sect. V. P. 9–14. (In Russ.).

Andreeva I. P., Bessudnova Z. A. (2017) Alibert's Siberian graphite. *Priroda = Nature.* No. 11. P. 73-81. (In Russ.).

Гранина А. Н. Иван Петрович Алибер // Разведчики сибирских недр: очерки о Г. М. Пермикине, И. П. Алибере и А. Л. Чекановском. Иркутск : Иркутское книжное издательство, 1958. 115 с.

Гуляев А. И. Справочная книга по торгово-промышленному законодательству и торговой политике. СПб. : 1912. 227 с.

Доржиева Г. С. Места памяти и культурная непрерывность (на примере топонимии Бурятии) // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 11. С. 7–10.

Кропоткин П. Поездка в Окинский караул // Записки Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества. Иркутск, 1867. Кн. 9/10. С. 1–95.

Кудрявцев Ф. А. Из истории алиберовских графитовых приисков (1838–1931 гг.): По архивным и печатным материалам // Известия Общества изучения Восточно-Сибирского края. Иркутск, 1936. № 1. С. 26–45.

Куплетский Б. М. Петрографический очерк Алиберовского месторождения графита // Материалы к изучению русского графита. Сер. Материалы Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС). Л. : Изд-во АН СССР, 1925. № 55. С. 41–93.

Николаев П. Графит (продолжение) // Горный журнал. 1879. Т. 1. С. 341–377.

О графите Алибера // Горный Журнал. 1864. Т. 3. С. 333.

О минералах из Тункинского хребта, доставленных Императорскому Санкт-Петербургскому Минералогическому обществу Иркутским военным губернатором К. К. Венцелем // Горный журнал. 1853. Ч. 2. Кн. 4. С. 466–472.

О сибирском графите // Экономические записки, издаваемые Вольным Экономическим Обществом, 1859. № 40. С. 313.

Отыскание графита в Восточной Сибири Тавастгусским первостатейным купцом Алибером // Горный журнал. 1855. Кн. 2. С. 162–166.

Путешествие прапорщика Крыжина в 1858 году // Труды Сибирской экспедиции ИРГО. Математический отдел. СПб., 1864. С. 77–97.

Солоненко В. П., Кобеляцкий И. А. Восточные Саяны (научно-популярный очерк). Иркутск : Иркутское областное издательство, 1947. 99 с.

Туре Л. и Ж. Ж.-П. Алибер и история сибирского графита // В мире минералов. Минералогический Альманах. 2020. Т. 25. Вып. 1. С. 44–54.

Granina A. N. (1958) Ivan Petrovich Aliber. *Razvedchiki sibirskikh nedr: ocherki o G. M. Permikine, I. P. Alibere i A. L. Chekanovskom = Explorers of the Siberian subsoil. Sketches on M. Permikin, I. P. Alibert i A. L. Chekanovsky*. Irkutsk: Irkutskoe knizhnoe izdatel'stvo. 115 p. (In Russ.).

Gulyaev A. I. (1912) Reference book on commercial and industrial legislation and trade policy. St. Petersburg. 227 p. (In Russ.).

Dorzhieva G. S. (2014) Places of memory and cultural continuity (on the example of the understanding of Buryatia). *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Buryat State University.* No. 11. P. 7-10. (In Russ.).

Kropotkin P. (1867) Trip to the Okinsky guard. *Zapiski Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva = Notes of the Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society*. Irkutsk. Books 9 and 10. P. 1-95. (In Russ.).

Kudryavtsev F. A. (1936) From the history of Alibert graphite mines (1838-1931): According to archival and printed materials. *Izvestiya Obshchestva izucheniya Vostochno-Sibirskogo kraya = Bulletin of the Society for the Study of the East Siberian Region.* Irkutsk. P. 26-45. (In Russ.).

Kupletskii B. M. (1925) Petrographic sketch of the Alibert's graphite deposit. *Materialy k izucheniyu russkogo grafita. Ser. Materialy Komissii po izucheniyu estestvennykh proizvoditel'nykh sil (KEPS) = Materials for the study of Russian graphite. Ser. Proceedings of the Commission for Research of Natural Producing Forces.* Leningrad: Academy of Science of USSR. No. 55. P. 41-93. (In Russ.).

Nikolaev P. (1879) Graphite (continued). *Gornyi zhurnal = Mining Journal.* Vol. 1. P. 341-377. (In Russ.).

(1864) On Alibert graphite. *Gornyi zhurnal = Mining Journal*. Vol. 3. P. 333. (In Russ.).

(1853) On minerals from the Tunka Ridge, delivered to the Imperial St. Petersburg Mineralogical Society by the Irkutsk military governor K. K. Wenzel. *Gornyi zhurnal = Mining Journal*. Pt. 2. Book 4. P. 466-472. (In Russ.).

(1859) On Siberian graphite. *Ekonomicheskie zapiski, izdavaemye Vol'nym Ekonomicheskim Obshchestvom = Economic notes published by the Free Economic Society.* No. 40. P. 313. (In Russ.).

(1855) The search for graphite in Eastern Siberia by the Tavastgus first-class merchant Alibert. *Gornyi zhurnal = Mining Journal*. Book 2. P. 162-166. (In Russ.).

(1864) The journey of Ensign Kryzhin in 1858. *Trudy Sibirskoi ekspeditsii IRGO. Matematicheskii otdel = Proceedings of the Siberian IRGO Expedition. Mathematical Department.* St. Petersburg. P. 77-97. (In Russ.).

Solonenko V. P., Kobelyatskii I. A. (1947) Eastern Sayans (popular science essay). Irkutsk: Irkutsk Regional Publishing House. 99 p. (In Russ.).

Ture L. i Zh. Zh.-P.(2020) Alibert and the history of Siberian graphite. *V mire mineralov. Mineralogicheskii Al'manakh* = In the world of minerals. Mineralogical Almanac. Vol. 25. Iss. 1. P. 44-54. (In Russ.).

Ферсман А., Писарев С. Пионеры Сибири: Пермикин, Алибер, Сидоров // Природа. 1921. № 10–12. С. 30–49.

Хобта А. В., Снопков С. В. В гостях у Алибера // Земля Иркутская. 2007. № 1 (32). С. 48–59.

Хотинский М. О недавно открытом месторождении графита в Восточной Сибири // Труды Вольного Экономического Общества, 1856. Т. 1. С. 15.

Хьерппе Р. Индустриализация Финляндии и Российские предприниматели // Экономическая история. 2010. № 3 (10). С. 11–24.

Черепанов С. И. Отрывки из воспоминаний Сибирского казака. Казань, 1879. 83 с.

Ячевский Л. А. Алиберовское месторождение графита на Ботогольском гольце // Геологические исследования и разведочные работы по линии Сибирской железной дороги. СПб.: 1899. Вып. 11. 56 с.

Fersman A., Pisarev S. (1921) Pioneers of Siberia: Permikin, Alibert, Sidorov. *Priroda = Nature.* No. 10-12. P. 30-49. (In Russ.).

Khobta A. V., Snopkov S. V. (2007) Visiting Alibert. *Zemlya Irkutskaya = Irkutsk Land.* No. 1 (32). P. 48-59. (In Russ.).

Khotinskii M. (1856) On the recently discovered graphite deposit in Eastern Siberia. *Trudy Vol'nogo Ekonomicheskogo Obshchestva = Proceedings of the Free Economic Society.* Vol. 1. P. 15. (In Russ.).

Kh'erppe R. (2010) Industrialization of Finland and Russian entrepreneurs. *Ekonomicheskaya istoriya = Economic History.* No. 3 (10). P. 11-24. (In Russ.).

Cherepanov S. I. (1879) Excerpts from the memoirs of a Siberian Cossack. Kazan'. 83 p. (In Russ.).

Yachevskii L. A. (1899) Alibert's graphite deposit on Botogolsky rocky outcrop. *Geologicheskie issledovaniya i razvedochnye raboty po linii Sibirskoi zheleznoi dorogi = Geological research and exploration work on the line of the Siberian Railway.* St. Petersburg. Iss. 11. 56 p. (In Russ.).

Информация об авторах

С. В. Снопков – кандидат геолого-минералогических наук, доцент,
Иркутский государственный университет,
664003, Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, Россия;
ведущий научный сотрудник Сибирской школы геонаук,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 89, Россия.
А. В. Хобта – кандидат исторических наук,
Подразделение по сохранению исторического наследия ВСЖД Восточно-Сибирского центра научно-технической информации и библиотек – структурного подразделения Восточно-Сибирской железной дороги – филиала ОАО «РЖД»,
664003, Иркутск, ул. Карла Маркса, 7, Россия.

Information about the authors

S. V. Snopkov – Cand. Sci. (Geological and mineralogical), associate professor,
Irkutsk state University,
1, Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russia;
Leading Researcher of the Siberian School of Geosciences,
Irkutsk National Research Technical University,
89, Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russia.

A. V. Khobta – Cand. Sci. (History),
Division for the Preservation of the Historical Heritage of the East Siberian Railway of the East Siberian Center for Scientific and Technical Information and Libraries - structural division of the East Siberian Railway - branch of JSC "Russian Railways",
7, Karl Marx St., Irkutsk, 664003, Russia.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 25 декабря 2021 г.; одобрена после рецензирования 21 января 2022 г.; принята к публикации 7 февраля 2022 г.

Article info

The article was submitted December 25, 2021; approved after reviewing January 21, 2022; accepted for publication February 7, 2022.

Научная статья
УДК 94(575.1+575.2+575.3+575.4)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-142-150

Книжная культура русских переселенцев в Туркестанском крае во второй половине XIX – начале XX в.

Денис Викторович Кирильчик

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, kirilchik.denis@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется процесс зарождения и развития в Туркестанском крае такого явления как книжная культура. В рамках темы рассматривается весь спектр направлений книжной культуры, в частности, библиотечное дело, книгопечатание, книготорговля, просветительская работа книжных клубов и организаций. Автор приходит к выводу, что в европейском смысле книжная культура зародилась в Туркестане лишь с появлением русской общины, притом именно городских жителей «русских частей» городов. Автор подчёркивает, что наибольшую роль в развитии книжной культуры на раннем этапе сыграл «устроитель края» генерал-губернатор К. П. фон Кауфман, создавший Ташкентскую библиотеку, поощрявший всякую книжную деятельность. При этом не вызывает сомнений географическая ограниченность развития книжной жизни: эпицентром стал Ташкент, где была наиболее серьёзная финансовая поддержка библиотекам и наибольшее сосредоточение образованных русскоязычных читателей, а также типография; в других городах края отмечается гораздо более низкая активность в этом направлении. Уделяется внимание и частной инициативе снизу, в частности, в рамках поощрения интереса к чтению и книгам у малограмотных жителей края, просветительские организации продвигали идеи «народных чтений» и наибольшую известность и размах приобрела работа Пушкинского общества, чья деятельность рассмотрена отдельно. Автор приходит к выводу, что инициатива снизу оказала ключевое влияние на развитие книжной культуры в регионе и способствовала общему просвещению населения. Исследование проводилось на базе материалов периодической печати Туркестанского края, а также публицистических работ рассматриваемого периода.

Ключевые слова: Туркестан, книжная культура, библиотечное дело, книгопечатание, Туркестанский край, Ташкент, русские переселенцы, просвещение, библиотека, культура

Для цитирования: Кирильчик Д. В. Книжная культура русских переселенцев в Туркестанском крае во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 1. С. 142–150. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-142-150

Original article

Book culture of Russian settlers in the Turkestan region in the second half of the 19th - early 20th century

Denis V. Kirilchik

St. Petersburg University, Saint-Petersburg, Russia, kirilchik.denis@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the process of origin and development in the Turkestan region of such a phenomenon as book culture. Within the framework of the topic the whole range of areas of book culture is considered, in particular, librarianship, book printing, book trade, educational work of book clubs and organizations. The author comes to the conclusion that in the European sense, book culture originated in Turkestan only with the advent of the Russian community, moreover, precisely the urban residents of the "Russian parts" of cities. The author emphasizes that the greatest role in the development of book culture at an early stage was played by the "organizer of the region" Governor-General K. P. von Kaufman, who created the Tashkent Library, he encouraged all book activities. At the same time, there is no doubt about the geographical limitations of the development of book life: Tashkent became the epicenter, where there was the most serious financial support for libraries and the largest concentration of educated Russian-speaking readers, as well as a printing house; in other cities of the region there is much lower activity in this direction. Attention is also paid to private initiative from below, in particular, within the framework of encouraging interest in reading and books among illiterate residents of the region, educational organizations promoted the ideas of "people's readings" and the work of the Pushkin Society, whose activities are considered separately. The author comes to the conclusion that the initiative from

© Кирильчик Д. В., 2022

below had a key impact on the development of book culture in the region and contributed to the general education of the population. The study was conducted on the basis of materials from the periodical press of the Turkestan region, as well as journalistic works of the period under review.

Keywords: Turkestan, book culture, librarianship, book printing, Turkestan region, Tashkent, Russian settlers, education, library, culture

For citation: Kirilchik D. V. (2022) Book culture of Russian settlers in the Turkestan region in the second half of the 19th - early 20th century. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 1. P. 142-150. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-142-150

С момента включения в состав Российской империи Туркестан пережил множество изменений и самое большое изменение касалось культурных и технических новшеств, привнесённых из метрополии на новые окраины. Главным образом эти изменения коснулись особенностей городской жизни, точнее – жизни в русских частях туркестанских городов. Одним из таких изменений стало появление в Туркестане книжной культуры, которая прежде в Средней Азии не имела распространения в силу ряда причин: крайне низкая грамотность туземного населения; глубокая консервативность их мышления, пронизанная высокой религиозностью, подчас отвергавшей стремление к получению новых знаний; физическая нехватка литературы и невысокий уровень жизни, не позволявший даже грамотным из коренного населения приобретать книги.

В европейском смысле книжная культура в Туркестане появилась с приходом русских – сначала военных, а затем и гражданского населения, стремившегося перестроить местную жизнь под привычные для европейца условия. Стремление это было во многом связано с установившейся в западном мире модой на «бремя белых», и пропаганда просвещения была одним из инструментов культурного цивилизаторства. Но как бы там ни было, благами книжной культуры, прежде всего, пользовались сами «цивилизаторы», притом представители городского населения. Под книжной культурой подразумевается весь спектр направлений культурной жизни, связанный с публикацией, хранением, распространением и чтением книг.

Тема русской книжной культуры в Туркестане всегда находилась на периферии интереса исследователей. Однако можно отметить ряд специалистов, прямо или косвенно касавшихся этого вопроса. Прежде всего, это советские историки. Основу здесь заложили историки старой школы В. В. Бартольд (Бартольд, 1927) с классической работой «История культурной жизни Туркестана» и Е. К. Бетгер (Бетгер, 1951; Бетгер, 1953) со своими трудами по истории книжного дела в Туркестане и работе над «Туркестанским сборником». Большое внимание истории книгопечатания, а также истории книги в Средней Азии уделяли Э. А. Ахунджанов (Ахунджанов, 1978; Ахунджанов, 1993), А. Б. Язбердиев (Язбердиев, 1993а), М. И. Рустамов (Рустамов, 1972), Г. Н. Чабров (Чабров, 1964). Профессиональную деятельность первых русских библиографов и библиотекарей в Туркестане рассматривали в своих работах О. В. Маслова, З. Д. Фрадкина (Маслова, Фрадкина, 1970; Фрадкина, 1960). Историю библиотек Туркестана подробно исследовали А. Г. Касымова (Касымова, 1966; Касымова, 1985). В целом внимание исследователей касалось отдельных проблем появления и развития книгопечатания, библиотечного дела, библиографического дела, а также развития традиционной рукописной книги и книгоиздательства на местных языках. Из современных исследователей, кто затрагивал тему книжной культуры и культуры Русского Туркестана в целом, следует выделить Т. В. Котюкову (Котюкова, 2016), Е. А. Смесова (Смесова, 2012).

Отметить можно лишь несколько работ на тему культурной жизни и просвещения в Туркестане вообще.

Книжная культура в Туркестане начинает складываться в период управления краем первого генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана, выдающегося государственного деятеля, прозванного «устроителем» Туркестана. Обсуждение идеи создания первой в Туркестане публичной библиотеки привело к решению о её появлении в 1870 году. Основными материалами фонда должны были стать печатные издания, посвященные локальной теме – культуре, истории, бытовой жизни Туркестана. Основную

нагрузку в деле формирования фонда взял на себя известный библиограф В. И. Межов. Книги безвозмездно высылались из фондов Министерства народного просвещения, Академии наук, публичной библиотеки столицы и других учреждений. К концу апреля 1870 года, незадолго до открытия, в фондах библиотеки уже было 2200 томов порядка 1200 наименований книг (Туркестанские ведомости. 1870. 26 апреля. № 1. С. 5). Вклад внесли и частные лица, жертвовавшие публичной библиотеке свои собственные книги. Первым директором библиотеки стал Н. В. Дмитровский, внёсший большой вклад в развитие библиотечного и библиографического дела в Туркестане.

Межовым также была проведена кропотливая работа по подбору литературы и периодики, напрямую или косвенно связанной со среднеазиатской тематикой, и из подобранных статей и книг был составлен конволют из 416 томов под названием «Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанскому краю в особенности», а к нему трёхтомный алфавитный и систематический указатель. Во многом эта работа была связана с желанием не уступать английской библиографии, зорко следившей за публикацией материалов о Туркестане и Центральной Азии вообще, а так же стремлением самого Межова внести вклад в культурное укрепление России в Средней Азии. Фон Кауфман высоко ценил работу библиографа, первые десять томов хранились в его личной библиотеке и позже были переданы в Ташкентскую библиотеку (Касымова, 1985. С. 5). Работа по составлению сборника продолжилась руководителем библиотеки Дмитровским и его учениками (Асанова, 2019. С. 39) и окончательно завершилась в 1939 году, составлено в общей сложности 594 тома.

Городские публичные библиотеки постепенно открывались и в других городах Туркестана, прежде всего, в областных центрах – в Асхабаде в 1895 году, в Скобелеве в 1899 году, в Верном в 1910 году, в Самарканде в 1911 году. Создавались библиотеки по-разному. Асхабадская библиотека была открыта силами администрации города по предложению военных, на год содержания библиотеки ассигновалось 3000 рублей (Закаспийское обозрение. 1895. 20 августа. № 90. С. 1). Но чаще инициатива исходила от частных лиц, они же вносили туда свои книги. К примеру, в 1899 году в связи со столетним юбилеем Пушкина предлагалось открыть в Ташкенте ещё одну бесплатную библиотеку (Русский Туркестан. 1899. 7 февраля. № 16. С. 3). Библиотеки выдавали книги на дом и предоставляли возможность заниматься с книгами в читальных залах; читальные залы совершенствовались: появлялись новые системы вентиляции, менялась высота потолков, улучшалось освещение (Русский Туркестан. 1901. 19 декабря. № 249. С. 2–3). В редких случаях открывались и специализированные детские библиотеки, к примеру Детская библиотека Туркестанского педагогического кружка, бывшая на начало XX в. единственной в Ташкенте (Русский Туркестан. 1905. 16 октября. № 211. С. 3). Общественные библиотеки были бесплатны для читателей; за право брать книги на дом вводилась незначительная плата, к примеру, в Ташкентской библиотеке в момент открытия в 1870 году устанавливалась стоимость абонемента в 6 рублей в год (Туркестанские ведомости. 1870. 26 апреля. № 1. С. 5) либо 75 копеек в месяц (Туркестанские ведомости. 1870. 21 мая. № 2. С. 12).

Непростая судьба была у Ташкентской библиотеки. Открытая и оберегаемая фон Кауфманом, библиотека была закрыта в 1883 году приказом нового генерал-губернатора М. Г. Черняева, когда-то присоединившего Ташкент к Российской империи. Возможно, причиной этому послужили плохие отношения с предшественником Черняева фон Кауфманом. Так описывает закрытие библиотеки много лет прослуживший в администрации Туркестана, а позднее начальник канцелярии Туркестанского генерал-губернатора в 1901–1906 гг. Г. П. Фёдоров: «Я говорил уже выше, что Кауфман учредил в Ташкенте публичную библиотеку, которая ко времени приезда Черняева насчитывала более пяти тысяч томов, не считая туркестанского сборника Межова, стоившего огромных денег. Черняев, относившийся недоброжелательно ко всему, что было сделано Кауфманом, не мог равнодушно смотреть на библиотеку, огромное значение которой мог отрицать разве какой-нибудь зулус или готтентот. Библиотека мозолила глаза Черняеву, и вот однажды он приказывает Крестовскому обревизовать библиотеку. Автор «Петербургских Трущоб» исполнил поручение и представил Черняеву доклад, в том смысле, что ташкентская публика, кро-

ме «Черной собаки» и «Желтой Пантеры» Майн-Рида, ничего не читает.

Этого было довольно Черняеву, и вот на глазах у всех совершился беспримерный в летописях цивилизованных народов факт. Генерал-губернатор приказал раздать всю библиотеку по казармам и госпиталям!!! Приказание было, конечно, исполнено, и вскоре из дверей богатевшего книгохранилища стали вывозить огромные ворохи книга. Через неделю библиотека опустела! Величайший акт вандализма был совершен, и едва ли его могут искупить военные заслуги Черняева» (Фёдоров, 1913. С. 440).

Попытки некоторых гласных городской думы передать библиотеку на попечение городского общества не увенчались успехом, хотя 22 декабря 1882 года дума и согласилась принять библиотеку на собственное иждивение (Кауфманский сборник…, 1910. С. 137), однако Черняев был непреклонен: 13040 томов, принадлежащих библиотеке, были переданы частью в библиотеку штаба туркестанского военного округа, в военный госпиталь и главному инспектору училищ края, но большая часть (9184 экземпляра) передана на хранение в канцелярию генерал-губернатора (Кауфманский сборник…, 1910. С. 137–138). Во многом благодаря этому, а так же активной деятельности следующего генерал-губернатора Н. О. Розенбаха библиотека была быстро восстановлена, потери фонда при этом были достаточно незначительны – несколько сотен томов (Фёдоров, 1913. С. 440).

Несмотря на старания фон Кауфмана, научная и научно-популярная литература о Средней Азии у читателей пользовалась весьма малым спросом на протяжении всего существования края. Если в 1882 году Крестовский сообщал, что туркестанский читатель интересуется всё больше беллетристикой вроде «Всадника без головы» и сатирическими произведениями М. Е. Салтыкова-Щедрина, а представители «серьёзной литературы», такие как Ф. М. Достоевский, Н. В. Гоголь и Л. Н. Толстой находятся на периферии читательских вкусов (Кауфманский сборник…, 1910. С. 133), то в последние годы существования Туркестанского края ситуация несколько поменялась: в июле 1916 года кокандская бесплатная библиотека (открытая в 1915 году) отчиталась о наиболее популярных авторах, ведущие места в списке заняли И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, А. Дюма, М. П. Арцыбашев, А. П. Чехов, А. И. Куприн, высокие места удерживали и авторы более «лёгкой» литературы, к примеру Ж. Верн и М. Рид (Туркестанский голос. 1916. 28 июля. № 24. С. 3). Рос интерес и к научной и научно-популярной литературе, чему способствовала поддержка библиотек общественными организациями (Туркестанский голос. 1916. 10 августа. № 32. С. 3). Посещаемость тоже была на достаточно высоком уровне, к примеру, в 1901 году в асхабадской библиотеке имелось 160 постоянных подписчиков (Куропаткин, 1902. С. 136) при чуть более, чем 3-тысячном русском населении (Первая Всеобщая…, 1904. С. 153)[1].

Следует заметить, что по-настоящему основательным фондом научно-популярной литературы обладала лишь Ташкентская библиотека, другие же библиотеки края попросту не имели достаточного финансирования для пополнения своего состава современной художественной и научно-популярной литературой, существуя на пожертвования читателей и меценатов (Туркестанский голос. 1916. 30 июля. № 26. С. 3). Средств недоставало и для строительства специальных помещений под библиотеку, к примеру, асхабадская библиотека длительное время занимала одно помещение с областным музеем, хотя в фонде уже было порядка 20 000 томов и места для двух учреждений явно не хватало (Куропаткин, 1902. С. 136). Аулиеатинская общественная библиотека, открытая 1 июля 1898 по частной инициативе, служит примером слабого финансирования библиотек вне Ташкента (притом что Аулиеатинский уезд был частью Сыр-Дарьинской области и тесно связан с Ташкентом). Городской годовой субсидии в 400 рублей хватало на аренду помещения и зарплату сотрудникам, но лишь 90 рублей тратилось на приобретение книг и журналов, чего явно не хватало. Библиотека была вынуждена договариваться с издателями некоторых периодических изданий, таких как «Нива», о бесплатной высылке своих изданий для народной читальни (Русский Туркестан. 1899. 26 мая. № 58. С. 3). Некоторую финансовую поддержку оказывала благотворительность: в Ко-

[1] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. [Санкт-Петербург] : издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899–1905. 82: Закаспийская область. 1904. 170 С.

канде местный театральный кружок раз в год ставил спектакли в пользу общественной библиотеки (Русский Туркестан. 1899. 26 мая. № 58. С. 3; Туркестанский голос. 1916. 10 августа. № 32. С. 3). В Казалинске большую помощь местной библиотеке оказал уездный начальник Э. Ф. Билинский, передав в её фонд собрания из библиотеки уездного правления (Русский Туркестан. 1900. 25 декабря. № 37. С. 4) Трудности библиотек были связаны и со слабой организацией работы в библиотеках и невысокой читательской культурой, в том числе в областных центрах: читатели скобелевской библиотеки жаловались на грязь и неаккуратность, плохую работу сотрудников библиотеки с читателями, а так же бездействие специально созданного библиотечного комитета, в чьи обязанности входило оказание поддержки в организации библиотечной деятельности (Туркестанский голос. 1916. 13 августа. № 35. С. 3). Общественное мнение вместе с тем не всегда было на стороне открытия и поддержания библиотек, считая разумным употребить бюджетные средства на учреждения здравоохранения, поскольку «библиотекой могут пользоваться даже не все русские» – имелись в виду низкая грамотность и трудовая загруженность (Русский Туркестан. 1899. 16 июня. № 66. С. 3–4).

Помимо публичных библиотек существовали и специализированные библиотеки при уездных и областных правлениях, а также библиотека Туркестанского отдела Русского географического общества (создан в 1896 г.). Фонд библиотеки также пополнялся за счёт пожертвований и книгообмена, в меньшей степени – за счёт покупки изданий. На 1 марта 1915 г. фонд состоял примерно из 4400 томов, выдача производилась как членам отдела, так и посторонним читателям с разрешения (Базылева, 2017. С. 47).

Ещё одним аспектом развития книжной культуры в Русском Туркестане стало издательство книг. Первая типография в Ташкенте была создана в 1868 году при военно-окружном штабе Туркестанского военного округа. Типография, однако, была ведомственной, заказов на печать извне она не принимала и печатала исключительно материалы, требовавшиеся военному округу: приказы, бланки, блокноты, книги-формы, циркуляры и др. (Рустамов, 1972. С. 117). Вторая типография в Туркестане появилась в 1870 году в Ташкенте для нужд газеты «Туркестанские ведомости», которые были официальным периодическим изданием, выпускавшимся канцелярией Туркестанского генерал-губернатора в 1870–1917 годы. Типография использовала как кириллицу, так и арабский шрифт, который был необходим для печати приложения к газете на «сартском» языке.

В феврале 1871 года типография готовилась выпустить первую книгу в Ташкенте. Ею должен был стать «Сборник материалов и исследований о Русском Туркестане и сопредельных странах Средней Азии», составленный из научных статей. Инициатором выпуска этого сборника стал фон Кауфман (Туркестанские ведомости. 1871. 7 февраля. № 3. С. 16). В марте того же года вышла и первая печатная книга на «сартском» языке – календарь на 1871 год, составленный Шагимарданом Ибрагимовым, сотрудником «Туркестанских ведомостей», в совершенстве владевшим «сартским» и киргизским языками (сам Ибрагимов был татарином). Тираж календаря – 500 экземпляров, по заверению корреспондента «Туркестанских ведомостей», был раскуплен в два дня (Туркестанские ведомости. 1871. 12 апреля. № 11. С. 45). «Календарь на 1871 год» опередил «Сборник…» и стал вообще первой книгой, напечатанной в Ташкенте и, соответственно, во всём Русском Туркестане. Ташкент обладал наибольшими возможностями для книгоиздательства, другие города Туркестана значительно отставали от него, к примеру, имевший собственную типографию Асхабад выпустил первую книгу на русском языке лишь в 1886 году в частной типолитографии Н. В. Полторанова, более крупная типография штаба Закаспийской области появилась в 1887, ставшая одной из крупнейших во всём Русском Туркестане (Язбердиев, 1993b. С. 48)[2]. Вместе с тем Асхабад стал вторым городом в крае по объёму выпускаемой литературы.

Тем не менее в основном книги выпускались на русском языке. Отпечатанные книги затем в некоторых случаях переводили на местные языки (прежде всего, т. н. «сартский язык», служивший лингва франка для коренных народов Туркестана). В основном это были книги практического назначения,

[2] Язбердиев А. Б. Книжное дело в Средней Азии и Туркменистане (с V в. до н э. по 1917 год) : автореф. дис. … д-ра истор. наук: 07.00.02. Ашгабат, 1993b. 60 с.

к примеру, пособия, объясняющие основы некоторых физических явлений и брошюры по сельскому хозяйству; переводы осуществляли сотрудники периодических изданий, как правило, выходцы из коренных народов Туркестана либо татары (Русский Туркестан. 1899. 17 февраля. № 20. С. 2; Среди газет и журналов // Русский Туркестан. 1900. 12 ноября. № 19. С. 2). Корреспондент русскоязычной газеты утверждает, что «грамотных туземцев много, только читать им, кроме Корана нечего, поскольку местной литературы практически нет, в основном она «стамбульского происхождения», а владеющих русским языком туземцев, тем более умеющих читать – незначительное число, поэтому русскоязычные книги спросом среди них не пользуются» (Русский Туркестан. 1900. 12 ноября. № 19. С. 2). Грамотных по-русски туземцев в Ташкенте было около 1 % по переписи 1897 года. Однако всё же русскоязычная литература была необходима, и не только для рядовых читателей, но и для нужд образования, в частности. Русско-туземным школам, обучение в которых шло на русском языке, соответственно, требовалась и русскоязычная учебная литература, в частности, сочинения на русском об особенностях истории и географии Туркестана.

На момент конца 1901 года в Ташкенте в общей сложности было пять типографий, две казённые и три частные О. А. Порцева и В. М. Ильина (Русский Туркестан. 1901. 19 декабря. № 249. С. 2).

Одновременно с развитием библиотек и книгопечатанием в Туркестане появляется и книжная торговля в специализированных магазинах.

Первый книжный магазин в Ташкенте появился в ноябре 1870 года в центре русской части города, он имел не только лавку, но и общественную читальню. Одним из учредителей стал фон Кауфман, оказавший материальное содействие проекту. В основном ассортимент книг касался среднеазиатской тематики, в основном очерки путешественников и учёных (видимо, это было одним из основных пожеланий генерал-губернатора), но также беллетристика, периодические издания, учебная литература. Для чтения в общественной читальне можно было оформить подписку на месяц (1 рубль) или сразу на год. За вход вводилась плата в 10 копеек (Туркестанские ведомости. 1870. 9 октября. № 12. С. 74). Книжный магазин был открыт в торговом доме Первушиных, крупной ташкентской династии предпринимателей.

Открывались постепенно и другие книжные лавки. Среди таких был сетевой центральный книжный магазин фирмы «Букинист», имевший отделения в нескольких городах, прежде всего, в Ташкенте и Самарканде. «Букинист» предлагал читателям игры, детские и развивающие книги, развлекательную литературу (Русский Туркестан. 1899. 3 января. № 2. С. 4). Книжные магазины также имели в продаже и канцелярскую продукцию, имевшую более высокую ликвидность. На 1908 год в Ташкенте было не менее 5 крупных книжных магазинов: «Знание» (он же «Букинист»), «Просвещение», «Культура», М. И. Свишульского и М. Ф. Собберея (Гейер, 1908. С. XXIII (приложение)).

Крупный магазин М. Ф. Собберея концентрировал внимание на востоковедческой литературе, в основном связанной с историей, культурой, религией и географией Средней Азии, но кроме того в нём имелись специальные отделы военно-учебной литературы и учебников для низших и средних учебных заведений. Книжные магазины появлялись и в других городах, например, книжный магазин Сорокина в Асхабаде, но всё же за пределами Ташкента в Туркестанском крае книжная торговля развивалась слабо.

Во многом недостаток общественных библиотек и книжных магазинов, а также невысокая грамотность среди жителей городов (к примеру, в самом населённом городе края – Ташкенте, по результатам переписи, было выявлено грамотных по-русски в количестве 11 416 человек из общего числа населения в 155 673 человек) (Первая всеобщая…, 1905. С. 95)[3] повлиял на развития такого явления как народные чтения, проводившиеся в разных городах и нередко имевших статус благотворительных.

Народные чтения стали формой внешкольного образования. Достаточно распространённые в России с 1860-х годов народные чтения служили простым способом приобщения людей из нижних слоёв сословной системы к книгам и просвещению вооб-

[3] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г./ под ред. [и с предисл.] Н. А. Тройницкого. [Санкт-Петербург] : издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899–1905. 86: Сыр-Дарьинская область. 1905. 208 с.

ще. В организации таких мероприятий принимали участие городская интеллигенция, церковь. Для крестьян народные чтения касались, прежде всего, прикладных материалов по агротехнике и прочим вопросам ведения сельского хозяйства. Часто такие народные чтения сопровождались «волшебным фонарём» (т. е. диапроектором) для лучшей визуализации и восприятия. Литературные художественные произведения перед народными чтениями проходили жёсткую цензуру и обычно озвучивались для слушателей в сжатой форме.

Народные чтения появились и в Русском Туркестане, так же как и прочие формы книжной культуры. Центральную роль тут сыграл административный центр края Ташкент, в меньшей степени областные центры. Проходили народные чтения в общественном собрании (в Ташкенте), в небольших «народных аудиториях» (Асхабад и др.), но в особых случаях и на других площадках: в летнем театре, в залах общественных организаций (в Ташкенте часто таким местом была аудитория Туркестанского общества сельского хозяйства в городском саду), школах, тюрьмах, вокзалах и т. д. К примеру, в Верном народные чтения пользовались особенным успехом в тюрьмах, правда, без использования «волшебного фонаря» (Русский Туркестан. 1900. 22 ноября. № 23. С. 3). На народные чтения продавались билеты, стоимость их была невелика: в Ташкенте за билет нужно было заплатить 3 копейки (Русский Туркестан. 1899. 3 февраля. № 14. С. 3–4). Проводились они по воскресеньям, а в случае праздников могли устраиваться дополнительные чтения исключительно для детей (Русский Туркестан. 1900. 22 ноября. № 23. С. 3). Всплеск внимания к народным чтениям произошёл в связи с празднованием столетнего юбилея А. С. Пушкина, пышно отмеченного в Ташкенте и др. городах. В административном центре было создано «Общество по устройству народных чтений в Туркестанском крае», названное Пушкинским (Смесова, 2012). На народных чтениях читались в основном небольшие художественные произведения классиков, включая А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя. Некоторое время «Пушкинское общество» имело и собственный книжный магазин (существовал в 1902–1905 гг.). Общество прекратило своё существование в 1911 из-за внутренних разногласий руководства. Несмотря на это, работа было довольно продуктивной, к примеру, с 1902 по 1905 годы оно провело 143 народных чтения (Смесова, 2012).

Книжная культура в Русском Туркестане пережила множество трудностей в процессе своего становления: низкая грамотность жителей, из которой вытекала и низкая потребность в книгах, слабое финансирование. Чуть меньшим, но важным препятствием была и цензура. Несмотря на это, с самого начала существования Русского Туркестана в русских частях городов появлялась общественная и административная инициатива, развивающая сеть библиотек, книжных магазинов и народных чтений. Именно с приходом русских переселенцев в крае возникло и само понятие книжной культуры; именно тогда были заложены основы для дальнейшего развития просвещения, книгопечатания и библиотечного дела, послужившие для формирования книжной культуры местных коренных народов Средней Азии.

Список источников

Асанова Ф. Исторические аспекты возникновения библиографии в Узбекистане // Infolib: информационно-библиотечный вестник. Ташкент : E-LINE PRESS, 2019. № 3. С. 38–41.

Ахунджанов Э. А. Книга и книжное дело в Узбекистане: Обзор и указание источников и литературы по книжному делу в Узбекистане (1875–1977 гг.). Ташкент : Узбекистан, 1978. 67 с.

Ахунджанов Э. А. Очерки по истории книги и книжного дела в Средней Азии. Ташкент, 1993. 160 с.

Базылева Е. А. Библиотека Туркестанского отдела Императорского Русского географического общества // Известия Алтайского государственного университет. 2017. № 2 (94). С. 45–48.

References

Asanova F. (2019) Historical aspects of the emergence of bibliography in Uzbekistan. *Infolib: informatsionno-bibliotechnyi vestnik = Infolib: information and library bulletin.* Tashkent: E-LINE PRESS. No. 3. P. 38-41. (In Russ.).

Akhundzhanov E. A. (1978) Book and book business in Uzbekistan: Review and index of sources and literature according to the book case in Uzbekistan (1875-1977). Tashkent: Uzbekistan. 67 p. (In Russ.).

Akhundzhanov E. A. (1993) Essays on the history of books and book business in Central Asia. Tashkent. 160 p. (In Russ.).

Bazyleva E. A. (2017) Library of the Turkestan Department of the Imperial Russian Geographical Society. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Altai State University.* No. 2. P. 45-48. (In Russ.).

Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л. : изд-во Академии наук СССР, 1927. 256 с.

Бетгер Е. К. Из истории книжного дела в Узбекистане // Известия Академии Наук Узбекской ССР. 1951. № 2. С. 75–78.

Бетгер Е. К. Туркестанский сборник и участие в нем А. А. Семенова // Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова. Сталинабад, 1953. С. 45–46.

Гейер И. И. Весь Русский Туркестан. Ташкент : С. Р. Конопка, 1908. 438 с.

Касымова А. Г. Библиотеки в Туркестане. Краткий исторический очерк развития библиотечного дела в дореволюционном Туркестане и Туркестанской АССР. Ташкент : Фан, 1966. 32 с.

Касымова А. Г. Туркестанский сборник. Ташкент : Фан, 1985. 49 с.

Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К. П. фон-Кауфмана. М. : Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1910. LXXXIV, 72, С. 85–247 с.

Котюкова Т. В. Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. М. : Научно-политическая книга, 2016. 391 с.

Куропаткин А. Н. Отчет о служебной поездке военного министра в Туркестанский военный округ в 1901 году. С.-Петербург : Воен. тип., 1902. 147 с.

Маслова О. В., Фрадкина З. Д. Библиографическая деятельность И. В. Дмитровского // Советская библиография. 1970. № 2. С. 38–46.

Рустамов М. И. Книга в Средней Азии // Книга. Исследования и материалы. Сборник. М.: Наука, 1972. Вып. XXV. С. 108–126.

Смесова Е. А. Из истории деятельности «Пушкинского общества» в Туркестанском крае // Вопросы исторической науки : материалы I Междунар. науч. конф. (г. Москва, январь 2012 г.). Москва: Ваш полиграфический партнер, 2012. С. 34–36. URL: https://moluch.ru/conf/hist/archive/53/1570/ (дата обращения: 21.03.2021).

Фёдоров Г. П. Моя служба в Туркестанском крае. (1870–1910 года) // Исторический вестник, 1913. Т. CXXXIV. С. 437–467.

Фрадкина З. Л. Судьба библиографа в Царской России : (Архивные документы о деятельности В. И. Межова). Москва : Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1960. Сборник 3, С. 437–461.

Bartol'd V. V. (1927) History of the cultural life of Turkestan. Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 256 p. (In Russ.).

Betger E. K. (1951) From the history of book business in Uzbekistan. *Izvestiya Akademii nauk Uzbekskoi SSR = Proceedings of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR*. No. 2. P. 75-78. (In Russ.).

Betger E. K. (1953) Turkestan collection and participation in it by A. A. Semenova. *Sbornik statei po istorii i filologii narodov Srednei Azii, posvyashchennyi 80-letiyu so dnya rozhdeniya A. A. Semenova = Collection of articles on the history and philology of the peoples of Central Asia, dedicated to the 80th anniversary of the birth of A. A. Semenov*. Stalinabad. P. 45-46. (In Russ.).

Geier I. I. (1908) All Russian Turkestan. Tashkent: S. R. Konopka. 438 p. (In Russ.).

Kasymova A. G. (1966) Libraries in Turkestan. Brief historical outline of the development of librarianship in prerevolutionary Turkestan and the Turkestan ASSR. Tashkent: Fan. 32 p. (In Russ.).

Kasymova A. G. (1985) Turkestan collection. Tashkent: Fan. 49 p. (In Russ.).

(1910) Kaufman collection, published in memory of 25 years that have elapsed since the death of the conqueror and organizer of the Turkestan region, Adjutant General K. P. von Kaufman. Moscow: Tipo-lit. t-va I. N. Kushnerev i K°. LXXXIV, 72, P. 85-247. (In Russ.).

Kotyukova T. V. (2016) Outskirts in a special position ... Turkestan on the eve of the drama. Moscow: Scientific and political book. 391 p. (In Russ.).

Kuropatkin A. N. (1902) Report on the official trip of the Minister of War to the Turkestan Military District in 1901. St. Petersburg: Military. Typ. 147 p. (In Russ.).

Maslova O. V., Fradkina Z. D. (1970) Bibliographic activity of I. V. Dmitrovsky. *Sovetskaya bibliografiya = Soviet bibliography*. No. 2. P. 38–46. (In Russ.).

Rustamov M. I. (1972) Book in Central Asia. *Kniga. Issledovaniya i materialy. Sbornik = Book. Research and materials. Collection.* Moscow: Nauka. Iss. XXV. P. 108-126. (In Russ.).

Smesova E. A. (2012) From the history of the "Pushkin Society" in the Turkestan region. *Voprosy istoricheskoi nauki: materialy I Mezhdunar. nauch. konf. (g. Moskva, yanvar' 2012 g.) = Questions of historical science: materials of the I Intern. scientific conf. (Moscow, January 2012).* Moscow: Your printing partner. P. 34–36. (In Russ.). Available from: https://moluch.ru/conf/hist/archive/53/1570/ (Accessed: 03.21.2021).

Fedorov G. P. (1913) My service in the Turkestan region. (1870-1910). *Istoricheskii vestnik = Historical Bulletin*. Vol. CXXXIV. P. 437-467. (In Russ.).

Fradkina Z. L. (1960) The fate of a bibliographer in Tsarist Russia: (Archival documents on the activities of V. I. Mezhov). Moscow: Vsesoyuz Publishing House. book. chambers. Collection 3. P. 437-461. (In Russ.).

Чабров Г. Н. Книгопечатание в Средней Азии второй половины XIX в. // 400 лет русского книгопечатания, 1564–1964. М. : Наука, 1964. С. 463–466.

Язбердиев А. Издательское дело в дореволюционном Туркестане. Ашгабат: Ылым, 1993а. 157 с.

Информация об авторе

Д. В. Кирильчик – аспирант Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, Россия.

Вклад автора

Кирильчик Д. В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 17 января 2022 г.; одобрена после рецензирования 12 февраля 2022 г.; принята к публикации 21 февраля 2022 г.

Chabrov G. N. (1964) Typography in Central Asia in the second half of the 19th century. *400 let russkogo knigopechataniya, 1564–1964 = 400 years of Russian book printing, 1564-1964.* Moscow: Nauka. P. 463-466. (In Russ.).

Yazberdiev A. (1993a) Publishing in pre-revolutionary Turkestan. Ashgabat: Ylym. 157 p. (In Russ.).

Information about the author

D. V. Kirilchik – Postgraduate student of the History Institute, St. Petersburg University,
5, Mendeleevskaya line, Saint-Petersburg 199034, Russia.

Contribution of the author

Kirilchik D. V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted January 17, 2022; approved after reviewing February 12, 2022; accepted for publication February 21, 2022.

Научная статья
УДК 94(5)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-151-160

Умышленные убийства на территории Восточной Сибири досоветского времени

Алексей Александрович Сысоев

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, daosss1972@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-0473-4365

Аннотация. В условиях современной трансформации российской государственности закономерно усилилось внимание к проблемам противодействия тяжкой уголовной преступности. Ключевое значение приобретает исторический опыт. Не случайно на протяжении последнего десятилетия заметно активизировалось изучение проявлений различных видов противоправных деяний и способов противодействия им. Объектом исследования являются особенности развития тяжкой уголовной преступности на территории Восточной Сибири в досоветское время, предметом – проявление этого процесса в виде умышленных лишений жизни. Цель исследования заключается в определении причин, содержания, тенденций и закономерностей распространения тяжкой уголовной преступности на территории Восточных окраин Российской Империи. Научная новизна проведенного исследования заключается в анализе динамики и направленности развития тяжкой уголовной преступности в условиях «штрафной колонизации» Восточной Сибири. Уголовная ссылка, как одна из форм наказания, практиковавшаяся пенитенциарной системой самодержавия, послужила своеобразным катализатором, ускорившим распространение этого вида противоправных деяний на сибирских территориях. В результате, уже в XIX столетии умышленные убийства стали превалировать над иными видами противоправных деяний, совершаемых в регионе. Стремительно распространившись на малозаселенных сибирских просторах за сравнительно небольшой период времени, умышленные убийства претерпели целый ряд качественных трансформаций. Параллельно происходила трансформация идеологии умышленного лишения жизни. В результате умышленные убийства стали использоваться злоумышленниками как способ сокрытия следов преступлений и инструмент противодействия правоохранителям. Совершаемые изначально как отягчающее обстоятельство, сопутствующее открытым хищениям имущества, убийства со временем стали использоваться в качестве основного инструмента обретения прибыли.

Ключевые слова: полиция, население, заказное убийство, промысел, умышленное убийство, тяжкая преступность, Восточная Сибирь, уголовная ссылка, беглый, противоправное деяние

Для цитирования: Сысоев А. А. Умышленные убийства на территории Восточной Сибири досоветского времени // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 1. С. 151–160. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-151-160

Original article

Premeditated murders on the territory of Eastern Siberia in pre-Soviet times

Alexey A. Sysoev

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia,
daosss1972@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-0473-4365

Abstract. In the conditions of the modern transformation of the Russian statehood such subject as attention to the problems of counteracting serious criminal offenses has naturally increased. Historical experience is of key importance. It is no coincidence that over the past decade the study of the manifestations of various types of illegal acts and ways to counter them had noticeably intensified. The object of the study is the features of the development of serious crime in the territory of Eastern Siberia in the pre-Soviet period, the subject is the manifestation of this process in the form of intentional deprivation of life. The purpose of the study is to determine the causes, content, trends and patterns of the spread of serious crime in the Eastern outskirts of the Russian Empire. The scientific novelty of the study is the analysis of the dynamics and direction of the development of serious criminal offense in the conditions of "penal colonization" of Eastern Siberia. Criminal exile, as one of the forms of punishment practiced by the penitentiary system of the autocracy, served as a kind of catalyst that accelerated the spread of this type of illegal acts in the Siberian territories. As a result, already in the 19th century deliberate killings began to prevail over other types of illegal acts committed in the region. Rapidly spreading in the sparsely populated Siberian expanses in a relatively short period of time, premeditated murders have undergone a number of qualitative transformations. In parallel, there was a transformation of the ideology of deliberate

© Сысоев А. А., 2022

deprivation of life. As a result, deliberate killings began to be used by malefactors as a way to hide the traces of crimes and a tool to counteract law enforcement officers. Initially committed as an aggravating circumstance associated with open theft of property, murders eventually began to be used as a main tool for gaining profit.

Keywords: police, population, contract killing, crime hunting, premeditated murder, serious crime, Eastern Siberia, criminal exile, fugitive, illegal act

For citation: Sysoev A. A. (2022) Premeditated murders on the territory of Eastern Siberia in pre-Soviet times. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 1. P. 151-160. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-151-160

Особое внимание отечественных правоведов к умышленному убийству, как преступлению «против жизни, здравия, свободы и чести и собственности частных лиц», обуславливалось повышенной общественной опасностью этого противоправного деяния. Обстоятельства, направленность и умышленный характер убийства формировали его социальную значимость для всех, без исключения, сословий Империи. Не случайно по классификации, введённой положениями Уголовного уложения 1903 г., умышленное убийство относили к категории тяжких преступлений, и наказывалось лишением всех прав состояния и ссылкой на длительные сроки в каторгу (Остроумов, 1960. С. 126).

Законодатель выделял в особую группу преступления, совершенные способом, мучительным для убитого, против родителей, родственников, начальника, священнослужителя, беременной женщины (Уложение о наказаниях…, 1845. Ст. 1449, 1451, 1452, 1453)[1]. В этих случаях каторга могла назначаться бессрочно.

Именно каторга как одна из «высших форм наказания», практиковавшихся пенитенциарной системой самодержавия, послужила своеобразным катализатором, ускорившим распространение тяжкой уголовной преступности на сибирских территориях. В результате того, что на вечную каторгу в Сибирь приговаривались осужденные за совершение наиболее тяжких уголовных преступлений, уже в XIX столетии умышленные убийства стали превалировать над иными видами противоправных деяний, совершаемых в регионе. К этому времени современники называли Восточную Сибирь – «складочным местом всех убийц и злодеев» (Максимов, 1871. С. 191).

По сведениям одного из лидеров сибирского областничества Николая Михайловича Ядринцева, за 1873 г. в Енисейской губернии из 1545 зарегистрированных преступлений убийства составили 1158, т. е. около 72 % от общего количества выявленных противоправных деяний.

Похожая ситуация складывалась в Иркутской губернии и в Забайкальской области, где, по оценке старожилов, из всех совершенных преступлений «главную роль играли убийства» (Ядринцев, 2012. С. 199).

В то же время официально опубликованные данные по 33 губерниям Европейской России за 1874 г. показывали, что из 81963 зарегистрированных преступлений на убийства приходилось только 3173 случая, т. е. около 3,8 % (Итоги русской уголовной статистики…, 1899. С. 286–287)[2].

При таком положении дел значительную часть убийств, совершаемых на сибирских территориях, представители официальных властей предпочитали не регистрировать (Елинский, 2002. С 180). В крупных населенных пунктах чиновники полиции стремились «улучшить» отчетность намеренно, вне мест компактного проживания сибиряков правоохранители физически не имели возможности фиксировать все криминальные события.

Отсутствие необходимого количества полицейских сил на огромных малонаселенных территориях Восточной Сибири практически исключало саму возможность учета совершаемых преступлений. В особенности это касалось противоправных деяний в отношении ссыльных вне мест их постоянной приписки (Соломон, 1900. С. 133). В результате, только по приблизительным оценкам отечественных исследовате-

[1] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб. : Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845. 898 с.

[2] Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874–1894 гг.) / сост. в Стат. отд-нии М-ва юст. при ближайшем участии Е. Н. Тарновского. СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1899. 407 с.

лей из 200 тыс. чел. высланных в Сибирь в первой половине XIX столетия к 1851 г. «на лицо было не более половины» (Шелгунов, 1871. С. 268; Сипягин, 1898. С. 3).

Очевидцы тех событий свидетельствовали, что «каждую весну, когда сойдет снег, близ селений и заимок, в реках, озерах и прудах, на полях и лугах находили значительное число, не редко очень изуродованных и неизвестно кому принадлежащих трупов, с огнестрельными ранами или с веревкою на шее» (Дриль, 1899. С. 166).

«Масса беглых убивалась сибирскими крестьянами и инородцами по лесам, их просто стреляли как зверя», – писал по этому поводу Н. М. Ядринцев. По мнению Николая Михайловича, таким образом во второй половине XIX в. погибало до 2/3 осужденных в Европейской России преступников (Ядринцев, 1882. С. 189).

С теми криминальными телами, которые все-таки удавалось обнаружить, как правило, не церемонились. О подобной пагубной практике в 1899 г. информировал высших чиновников края начальник Енисейского губернского жандармского управления из доклада которого следовало, что «подлежащие судебно-медицинскому вскрытию труппы по нескольку недель оставались под влиянием воздуха… и в разложении их земские заседатели видели лучший исход к скорейшему прекращению возникающих дел» (Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 827. Оп. 1. Д. 270. Л. 21; Канск // Енисей. 1900. № 126. С. 3).

Намеренная фальсификация улик в целях скрытия следов насильственной смерти практиковалась в сибирских городах повсеместно. Это наглядно демонстрируют обстоятельства многочисленных отказов от возбуждения уголовных дел чиновниками городской полиции.

Так, у найденного 15 февраля 1872 г. в пригороде Иркутска крестьянина Егора Стрекаловского, по заключению полицейского пристава, «по случаю сильной окоченелости и невозможности снять одежду, знаков насильственной смерти определить было не возможно». Однако в акте осмотра тела указывалось, что «шея крестьянина распухла и на ней находится крепко стянутый сыромятный ремень» (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 91. Оп. 2. Д. 309. Л. 30).

20 марта 1876 г. полицейские, осматривавшие труп иркутской мещанки Домны Леонтьевой, констатировали, что «девица качала люльку с ребёнком, уснула и нечаянно задушилась на верёвке». Повторное исследование тела выявило признаки изнасилования и следы пальцев на шее потерпевшей (Криминальные хроники Иркутска, 2013. С. 33)[3].

Из проведенного в 1886 г. полицейскими чинами Читы дознания по поводу смерти мещанки Булатовой следовало, что потерпевшая «умерла от угара, а под мост ее сволокли из человеколюбия». Однако позже прокурорскими чинами была проведена проверка с эксгумацией тела в результате которой удалось выявить «более полусотни знаков насилия, на шее следы от давления рукой, на органах признаки смерти от удушения» (Корреспонденции // Сибирь. 1886. № 12. С. 8).

Отсутствие требуемых сил и явная недееспособность имеющихся правоохранителей в условиях постоянно увеличивающегося притока осужденных за убийство вели к развитию рецидивов тяжкой преступности. Положение усугублялось недостатками пенитенциарной системы самодержавия, благодаря которым, значительная часть осужденных, отбывающих наказание в Восточной Сибири, выпадала из под контроля властей (Серошевский, 1908. С. 215). В результате на территории региона появлялись преступники, совершившие по несколько десятков умышленных убийств.

«Если сосланный был убийца, он снова убьет при первом удобном случае; убьет в остроге или своего товарища, или сторожа, или в бегах первого встречного, если убийство это выгодно», – замечал по этому поводу в своих очерках о Сибири Н. В. Шелгунов (Шелгунов, 1871. С. 294).

Наблюдения публициста подтверждал своими статистическими данными Н. М. Ядринцев, по сведениям которого, из 507 поселенцев и ссыльно-каторжных, осужденных за преступления на территории Енисейской губернии в 1873 г., в убийствах обвинялось 135 чел. (Ядринцев, 1882. С. 199). Таким образом, более четверти (26,62 %) от общего количества осужденных правонарушителей, вновь совершивших

[3] Криминальные хроники Иркутска: хронологический перечень / авт-сост. А. А. Сысоев. Иркутск : Оттиск, 2013. 351 с.

противоправное деяние, подозревались в совершении умышленного лишения жизни.

После своего путешествия по Восточной Сибири, Н. В. Шелгунов описал случай, когда в Красноярске правоохранителям удалось изобличить беглого каторжника, подозреваемого в совершении 42 убийств (Шелгунов, 1871. С. 297). Н. М. Ядринцев приводит сведения о бежавших с Нерчинской каторги преступниках Калине и Капустине, виновных в убийстве 19 и 18 человек. «Говорят, писал Николай Михайлович, – у таких каторжных и убийц нет веры в Бога, у них нет и никаких нравственных убеждений» (Семилужинский, 1868. С. 103).

Со временем в среде преступников-рецидивистов выработались своеобразные суеверия. «Арестанты думают, – рассказывали сведущие люди, – что когда убежишь из острога, то первого кого ограбил, следует убить, а то будет не благополучно» (Шелгунов, 1871. С. 323).

Благодаря распространению подобных криминальных стереотипов на фоне убийств, сопряженных с грабежами и разбоями, стали прогрессировать случаи умышленного лишение жизни без определенного мотива или по незначительным причинам.

В этом контексте интересны воспоминания начальника Иркутского адмиралтейства Э. И. Стогова. Описывая события только одного дня, Эразм Иванович рассказывал: «На моих глазах, в течение четырех часов в городе Иркутске днем убили: крестьянина, двух женщин и девушку, последнюю – в пяти шагах от меня, на главной улице» (Стогов, 2003. С. 80).

Крестьянина убили каторжные, просившие подаяния около кабака. «Я видел, пишет автор, – как крестьянин вынул из-за пазухи мешочек с деньгами и подал каторжному монету (оказался пятак); как только подавший повернулся, каторжный ударил его ножом в спину, крестьянин упал, и убийца сказал: «Подлец, скряга, не мог подать более».

Девушку, проходившую по Большой улице убил унтер-офицер. Вот, как описывает происшествие Э. И. Стогов: «Рослый молодчина, шел щегольской походкой – с вывертом. Встретясь с девушкой, он быстро обнял ее и поцеловал. Слышал какой-то вскрик, и за этим унтер положил девушку на тротуар, повернул назад и пошел так же бодро. Оказалось, девушка убита большим ножом в сердце. Ей было 17–18 лет, хорошенькая, небедных родителей; шла в гости к родным». Впоследствии, на допросе о причинах убийства унтер-офицер пояснил: «Так, лукавый попутал. А что убил девушку, то потому что она встретилась; встреться другой кто, то другого бы убил» (Стогов, 2003. С. 152).

О не менее драматичном случае, произошедшем в Красноярске, «когда татарин, выпущенный после долгого заключения в остроге на цепи, пошел и зарезал девочку, потому что давно не видел крови», рассказывал в своих записках Н. В. Шелгунов (Шелгунов, 1871. С. 297).

Подобными происшествиями изобиловала и криминальная хроника сибирских газет. В одном эпизоде корреспонденты, сообщая об убийстве поселенцем Ачинского округа Алексеем Лисицыным поселенца Кондратия Катышкина, рассказывали своим читателям, что «произведенным по этому поводу расследованием обнаружено, что Лисицын совершил преступление не имея ни какой злобы к убитому… по его словам без всякого повода схватил топор и ударил им по голове бывшего с ним в одной казарме Катышкина» (Часть неофициальная // Иркутские губернские ведомости. 1862. № 22. С. 2). В другом, причиной трагедии оказалось меню. И типографский наборщик Фёдор Латышев убил ударом ножа свою жену Харитону Латышеву за то, что она подала на ужин суп, а не пельмени, которые тот требовал (В судах // Восточная заря. 1910. № 1. С. 4).

Не редкостью для столицы Восточной Сибири являлись происшествия, когда убийства совершались днем при большом скоплении обывателей. Один из таких случаев произошел 27 июня 1882 г. на Н. Амурской ул. 20 пьяных мастеровых зашли в кузницу и стали наносить побои рабочим. Проходивший мимо иркутский мещанин Зырянов попытался уговорить хулиганов прекратить избиение. Однако злоумышленники вытащили его на улицу и стали забивать камнями. На крик Зырянова, его жены и десятилетнего сына собралось около 100 горожан. При этом никто из собравшихся не рискнул вмещаться. От полученных ран Зырянов скончался на месте (Сибирская хроника // Сибирь. 1882. № 27. С. 1).

Вседозволенность преступных деяний на фоне снижения морально-этических норм поведения в сибирском обществе привели к появлению своеобразной идеологии убийства, когда в качестве непреложного правила при совершении преступления полагалось устранить всех свидетелей. «Ограбил кого, следы

хорони… не оставляй своего хвоста на дороге, заметай следы: ограбленного убивай… не убьешь, язык за собой оставишь по нему дойдут и до тебя… такой уж закон», – учил своих товарищей по Нерчинской каторге известный всей Сибири убийца-рецидивист Коренев (Максимов, 1871. С. 179).

Пагубная практика устранения всех свидетелей преступления привела к появлению феномена групповых убийств. Жертвами злоумышленников становились целые семьи. Преступники не жалели даже детей.

Разбойные нападения, сопряженные с убийством нескольких человек, являвшиеся происшествиями экстраординарного характера, стали происходить на сибирских территориях с пугающей регулярностью. Даже жители столицы Восточной Сибири, располагавшей самым большим штатом полиции, не были застрахованы от подобных преступлений.

Из дошедших до нашего времени источников известен целый ряд иркутских трагедий, сопряженных с совокупностью нескольких убийств, охватывающихся единым преступным намерением.

В начале 1864 г. крестьянином Гаврилой Кузьминым и ссыльным Николаем Соколовым при совершении разбойного нападения на дом инородца Бахана Ванькина были убиты все 5 членов его семьи (Первая смертная казнь в Иркутске, 1912. С. 360).

25 декабря 1867 г. на Большой ул. в доме купца Маркевича при совершении разбойного нападения топором было убито все семейство Липщиц, состоявшее из отставного солдата Файнши Липшица его жены Шейнарины, 25 лет и дочери Эстер, 6 лет» (Романов, 1914. С. 220).

13 апреля 1873 г. на Набережной ул. совершено убийство семьи Чуриных. Веревкой и ремнём были задушены Александра Чурина, Наталья Чурина, кухарка Авдотья Ракина, кучер бурят 18 лет и дворник Матвей (Романов, 1914. С. 290).

18 ноября 1878 г. в 10 ч. вечера на Петрушинской горе в доме Якимова солдатами местного батальона Назаром Гребенщиковым, Иваном Комелевым, Егором Скударновым и Афиногеном Савицким совершено убийство отставного солдата Максима Якимова 70 лет, его дочери Прасковьи 40 лет и внучки Ануфрии 18 лет (Иркутская хроника // Сибирь. 1878. № 37. С. 2).

Тех, кто преступал грань, не останавливали даже самые жестокие меры со стороны властей. Не прекратил чреду групповых убийств и Императорский указ 1865 г., дававший право генерал-губернатору Восточной Сибири предавать военно-полевому суду преступников «в случаях измены, бунта, убийства, разбоя и поджогов» (Власть в Сибири…, 2005. С. 185)[4].

Изобличенных в групповых убийствах судили, используя особые правовые нормы, и приговаривали к казни через повешение. Тех, кого удавалось поймать – казнили, те же, кто успевал скрыться от правосудия, продолжал убивать и грабить с еще большим ожесточением.

Именно так поступал Семен Алексеевич Тарасов (он же Алексеев, Фёдоров и Козлов). Преступник-рецидивист, виновный в многочисленных убийствах и грабежах.

В 1889 г. А. С. Тарасов, осужденный под фамилией ссыльнопоселенца Фёдорова 1889 г. совершил побег с каторжных работ и обосновался в Иркутске, где примкнул к банде беглого каторжника Эдуарда Черевинского. Будучи одним из самых активных членов банды Тарасов, совершил в Иркутске несколько убийств и разбойных нападений. Наиболее громким делом оказалось убийство семьи Людмилы Сухановой. Этот трагический случай получил среди иркутского общества большой резонанс. В результате практически всю банду задержали в кратчайшие сроки по горячим следам. Решением военно-окружного суда к смертной казни через повешение были осуждены сам Эдуард Черевинский и его ближайшие подручные. Только члену банды – С. А. Тарасову удалось скрыться от правоохранителей.

Легализовавшись в Томске под именем мещанина Козлова, Тарасов вновь организовал банду. Возглавив преступную группу, злоумышленник вновь совершил несколько тяжких преступлений. Последней жертвой бандитов оказалась семья Щербаковых. Во время разбойного нападения Тарасов лично убил троих человек (Сысоев, 2019. С. 37).

Подобные преступники-рецидивисты, служили одним из главных источников распространения идео-

[4] Власть в Сибири: XVI – начало XX в. : [межарх. справ. изд. / М. О. Акишин и др. ; сост. М. О. Акишин, А. В. Ремнев ; отв. ред. В. В. Моисеев] ; Межрегион. ассоц. экон. взаимодействия «Сиб. соглашение», Науч.-метод. совет арх. учреждений Сиб. федер. округа, Упр. гос. арх. службы Новосиб. обл. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск : Сова, 2005. 694, [1] с.

логии убийства, как основного способа сокрытия следов преступления. Благодаря их криминальному опыту в преступной среде стали использоваться такие изощрённые способы уничтожения улик, как расчленение жертв.

С одним из первых случаев расчленения жертвы столкнулся в 1889 г. пристав 3-й полицейской части Иркутска Н. Д. Добронравов. 28 февраля полицейский чиновник обнаружил в селе Александровском изрубленный на части и закопанный в старом брошенном погребе труп женщины. В последствие сыщику удалось установить, что убийство было совершено с целью грабежа в 1888 г. ссыльнопоселенкой Екатериной Степановой (Криминальные хроники Иркутска, 2013. С. 80)[3].

Спустя пять лет, 17 июля 1894 г. иркутские обыватели обнаружили на Кайской горе около циклодрома общества велосипедистов два обнаженных обезглавленных женских трупа. Через непродолжительное время помощнику пристава 3-й полицейской части Яковлеву удалось задержать подозреваемых в убийстве ссыльнопоселенцев Михаила Осиповича Марехова и Тиграна Агонесовича Касьянца. Задержанные рассказали, что «убили Светлану Заноско и Марию Безпалову за 25 руб». Преступники пригласили женщин в лес, напоили, заставили раздеться и, когда последние уснули, отрезали им головы перочинным ножом. Как выяснилось при дознании, расчленение жертв было произведено не только для препятствия следствию, но и для предоставления доказательств заказчику преступления.

В некоторых случаях физические манипуляции над телами убитых перерастали в акты глумления. Об одном из подобных происшествий, произошедшем с горничной женской гимназии Красноярска, упоминает Н. М. Ядринцев. По сведениям Николая Михайловича, «городскими обывателями на берегу реки была найдена обезображенная голова, косы продеты в уши… далее собака таскала по городу человеческую руку». Полицейские установили, что жертва насилия оказалась варварски умерщвлена. У горничной вырезали груди и половые органы (Ядринцев, 2012. С. 602). Примечательно, что это преступление совершили беглокаторжные, проживавшие в городе по подложным документам.

В последующем практика расчленения жертв имела достаточно широкое распространение по всей Восточной Сибири. Более того, от способа сокрытия следов преступления данное отягчающее обстоятельство убийства переросло в инструмент устрашения населения и правоохранителей (Сысоев, 2018. С. 28).

Именно таким образом активные участники «грабительской организации кавказцев» Симоношвилли, Кауторадзе, Николадзе и Лашбжадзе в ноябре 1909 г. пытались оказать психологическое давление на полицейских Благовещенска. Преступники убили агента полиции Богораева, разрубили жертву на части и вложили в два мешка. С телом была оставлена записка: «Убит за то, что сыщик» (Оправданы // Сибирский край. 1912. № 12. С. 2).

Такое циничное поведение преступников показывало, не только их полное пренебрежение законом и нормами морали, но и дальнейшую эволюцию тяжких противоправных деяний, направленных против жизни сибиряков. Именно на территории Восточной Сибири убийство как преступление против жизни приобрело черты преступного промысла. А те, кто их совершали, стали заниматься этим профессионально.

Промысел, основанный на умышленном лишении жизни в целях получения от этого выгоды, находил свое самое широкое распространение в среде сибиряков благодаря особенностям пенитенциарной политики самодержавия, породившей институт сибирского бродяжничества.

Впервые о существовании промысла на «горбачей» (бродяга с котомкой за плечами – авт.) заявил Н. М. Ядринцев. По сведениям Николая Михайловича, «этот род охоты за бродягами и обирание убитых создали в Сибири радикальное истребление бродяг и породили бесчеловечный промысел этими убийствами» (Семилужинский, 1868. С. 112).

«Пронзительный этот сибиряк… убить ему ничего за всякую малость, только бы обобрать у кого деньги, а то и одеженкой бродяжеской не брезгают», – говорили по этому поводу сами бродяги.

Сравнивая стоимость человеческой жизни с добычей местных звероловов, сибиряки поясняли: «Белка ведь стоит 5 копеек, а с горбача 50 копеек возьмешь».

В работах С. Максимова упоминается ачинский крестьянин, судимый за 14 убийств беглокаторжных. Причем по признательным показаниям самого убийцы, «он из всех 14, только у одного нашел 25 рублей, с остальных поживился только носильным платьем» (Максимов, 1871. С. 74).

Из дошедших до нашего времени источников известны имена наиболее удачливых охотников за «горбачами», убивших за свою жизнь 60, 90 и более человек. Так, в Енисейской губернии профессионально убийствами беглых занимался крестьянин Заворота, а на Ангаре промышлял охотник Битков (Семилужинский, 1868. С. 113).

Оказывшись перед выбором, поймать беглого живым и получить в награду 3 рубля серебром, либо убить и ограбить, охотники на «горбачей» предпочитали последнее, как наиболее выгодное. Об одном из таких охотников, предпочитавших розыску убийство, рассказывал С. Максимов. По сведениям этнографа, «он считал на своей совести до ста человек» (Максимов, 1871. С. 75).

Наибольший размах промысел «горбачей» приобрел в среде забайкальских бурят, или как их еще тогда называли – братских. «Между бурятами, говорили современники тех событий, – водятся такие молодцы, которые целью своей жизни поставляют охоту за горбачами». До нашего времени дошла поговорка, ходившая в инородческой среде: «Худенький беглый лучше доброй козы…. с козули снимешь одну шкуру, а с беглого две или три (т. е. полушубок, азям и рубаху)» (Литовицын, 1909. С. 29).

Примечательно, что попытки властей пресечь преступный промысел не имели особого успеха. Несмотря на организацию целого ряда громких судебных процессов над чрезмерно активными «охотниками», истребление бродяг со стороны сибирского населения продолжалось вплоть до отмены уголовной ссылки.

Последующая спецификация умышленных преступлений против жизни произошла в связи с появлением на территории Восточной Сибири высокоразвитой уголовной среды, способной к воплощению криминальных схем, направленных на устранение людей по предварительному заказу. С начала XX столетия такие убийства стали практиковаться «грабительской организацией кавказцев».

Культивируемая самодержавием с 1828 г. ссылка особо опасных преступников из Грузии и Армении послужила своеобразной основой для возникновения в Сибири этнической уголовной среды – криминального сообщества качественно и количественно превалировавшего над иными преступными образованиями региона.

Созданная на основе кавказского землячества «грабительская организация» в начале XX столетия насчитывала в своих рядах до 470 активных участников и отличалась от иных преступных сообществ строжайшей конспирацией, обширными связями с представителями властных структур и четкой криминальной специализацией ее членов (Сысоев, 2020. С. 32). Эти важные для уголовного мира качества позволили кавказцам не только осуществлять преступную деятельность на более высоком организационном уровне, но и активно развивать новые виды противоправных деяний.

Опередившие всех конкурентов по степени организованности кавказцы, по свидетельству современников, «еще в 30-х годах XIX века очень часто производили убийства: то резали, то душили». Именно патологическая жестокость ко всем, включая членов собственной диаспоры, служила отличительным признаком высылаемых с Кавказа преступников. «А наклонность к убийствам, – писал С. Масимов, – составляла самую видную и крупную черту их нравов» (Максимов, 2002. С. 187).

Таким образом, появление сплоченных, хорошо законспирированных и организованных групп, способных осуществлять убийства по предварительному заказу, явилось логическим продолжением криминальной эволюции преступного сообщества, состоявшего из представителей Кутаисской и Тифлисской губерний. При этом специализация их противоправной деятельности вполне соответствовала образу жизни, жестоким наклонностям и привычкам.

Обращает на себя внимание отлаженная структура «грабительской организации», состоявшей из нескольких уровней. Курировали криминальную деятельность по отдельным направлениям «даватели дел». Непосредственное руководство осуществляли «организаторы». Воплощением преступных замыслов занимались «активные работники» (Сысоев, 2016. С. 102).

В Иркутске «организатором» заказных убийств являлся будущий революционный деятель и руководитель партизанского движения Нестор Александрович Каландаришвили. Уроженец деревни Шемокмеди Озургетского уезда Кутаисской губернии был известен чиновникам Иркутского губернского жандармского управления, как «один из организаторов преступных выступлений… пользующийся

широкой популярностью среди Сибирских кавказцев» (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 757. Л. 77, 78).

Изначально в ведении Каландаришвили находилось изготовление фальшивой монеты. Однако дефицит материальных ресурсов, требуемых на организацию производства, скорректировал его криминальную специализацию до организации заказных убийств. С этой целью Нестор Александрович создал специальную группу исполнителей, состоявшую из «активных работников» Самсона Михайловича Горделадзе (он же Отелло), Георгия Чехидзе и Константина Ивановича Тетрадзе (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1252. Л. 94).

Группа успешно функционировала вплоть до конца 1913 г., когда Нестором Александровичем был получен заказ на ликвидацию иркутского купца Якова Ефремовича Метелева. Информаторы охранного отделения сообщали, что за операцию по устранению купца, «его жена предложила Каландаришвили 5000 руб.» (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 757. Л. 79).

Операция по устранению купца была назначена на 12 декабря 1913 г. Около семи часов вечера Георгий Чехидзе и Константин Тетрадзе на извозчике иркутской биржи № 903 Николае Александровиче Осикове подъехали к магазину «Щелкунова и Метелева». По свидетельству филера Ильина, осуществлявшего скрытое наблюдение за кавказцами, «убийцы долгое время кого-то высматривали, затем спешились, осмотрели окна и вошли в магазин». Однако, благодаря случайности, Я. Е. Метелеву удалось выжить. Во время покушения его лишь тяжело ранили в шею (Сысоев, 2005. С. 80).

Попытка задержать нападавших также не увенчалась успехом. После скоротечного огневого контакта с сотрудниками охранного отделения кавказцы скрылись на извозчике. Примечательно, что реализовать оперативную информацию и изобличить Н. А. Каландаришвили в организации заказных убийств жандармы так и не смогли. После нескольких месяцев заключения Нестор Александрович был освобожден из Иркутского тюремного замка из-за отсутствия свидетельских показаний. Не дал ощутимых результатов и арест руководителя «грабительской организации» уроженца Сигнакского уезда Тифлисской губернии Николая Соломоновича Онанашвили. Уже находясь в тюремном замке, «крестный отец» кавказцев сумел оплатить «заказ» на убийство досаждавшего ему начальника Иркутского жандармского управления полковника А. В. Васильева.

Мощный и хорошо отлаженный аппарат политической полиции оказался малоэффективным в противостоянии с высокоразвитой преступной средой. В отличие от европейской части страны, где правоохранители могли осуществлять относительный контроль над уголовной преступностью, здесь на восточных окраинах Империи, они потерпели крах.

Полиции самодержавия так и не удалось замедлить рост тяжкой уголовной преступности на территории региона. Более того, местные власти почти полностью утратили контроль над распространением одного из самых страшных ее проявлений – умышленным лишением жизни. В результате к концу XIX столетия в процентном соотношении к иным видам преступных деяний на территории Восточной Сибири убийства составляли более 70 процентов, что превышало общероссийские показатели в 18 раз (Тарновский, 1909. С. 65). Существенные масштабы приобретал рецидив, достигая в отдельных случаях нескольких десятков преступлений, совершенных одним злоумышленником.

Стремительно распространившись на малозаселенных сибирских просторах благодаря пенитенциарной политике самодержавия, умышленные убийства за сравнительно небольшой период времени претерпели целый ряд качественных изменений. Совершаемые изначально как отягчающее обстоятельство, сопутствующее открытым хищениям имущества, убийства со временем стали использоваться в качестве основного инструмента обретения прибыли. Получили широкое распространение немотивированные убийства, совершаемые по незначительным предлогам или из хулиганских побуждений.

Параллельно происходила трансформация идеологии умышленного лишения жизни. В результате убийство стало использоваться злоумышленниками как способ сокрытия следов преступления и противодействия правоохранителям. И если ранее обычными считались «одинарные» убийства, теперь для устранения свидетелей практиковались групповые. С целью сокрытия улик распространилась практика расчленения жертв.

Уже в середине XIX столетия деяния, направленные на получение прибыли путем умышленного лишения жизни, можно было охарактеризовать как

промысел. Косвенно возникновению этого феномена в Восточной Сибири способствовали особенности отечественной пенитенциарии. Благодаря стечению ряда факторов в среде коренного населения выработалась традиция «охоты на горбачей», дающая возможность получать систематическую прибыль за убийство бродяг и беглых. Через полвека в крае была реализована криминальная схема, позволявшая за деньги заказать убийство любого человека.

Все это свидетельствовало об особой криминальной среде, возникшей на территории Восточно-Сибирского региона в XIX – начале XX столетия. Ее отличие от общероссийских реалий выражалось в высокой динамике распространения тяжких преступлений, их превалировании над иными видами противоправных деяний, качественном изменении способов и трансформации идеологии совершения, бесконтрольности со стороны властей и, как следствие, в глобальном воздействии на снижение уровня личной безопасности сибирского населения.

Список источников

Дриль Д. А. Ссылка во Франции и России. Из личных наблюдений во время поездки в новую Каледонию, на о. Сахалин, в Приамурский край и Сибирь. СПб. : Типография П. Ф. Вощинской, 1899. 224 с.

Елинский В. И. Формирование сыскной полиции (XIX – начало XX в.). // История органов внутренних дел России : сборник научных трудов. М.: ВНИИ МВД России, 2002. С. 175–191.

Литовицын А. Сибирские нравы и преступления // Сибирские вопросы. 1909. № 42. С. 28–30.

Максимов С. В. Каторга империи. М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. 478 с.

Максимов С. В. Сибирь и каторга. В 3-х ч. СПб. : А. Траншеля, 1871. Ч. I. 367 с.

Остроумов С. С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М.: Изд-во Московского университета, 1960. 338 с.

Первая смертная казнь в Иркутске // Сибирский архив. 1912. № 5. С. 360–363.

Романов Н. С. Иркутская летопись 1857–1880 гг. Иркутск : Паровая типография И. П. Казанцева, 1914. 432 с.

Семилужинский. Бродячее население Сибири // Дело. 1868. № 11. С. 71–114.

Серошевский В. Ссылка и каторга в Сибири // Сибирь ее современное состояние и нужды : сборник статей под общей редакцией С. Мельника. СПб. : Изд-во А. Ф. Деврие-на, 1908. С. 201–235.

Сипягин А. П. Несколько слов о настоящем и будущем уголовной ссылки и тюрьмы. СПб. : Государственная тип., 1898. 31 с.

Соломон А. П. Ссылка в Сибири. Очерк ее истории и современного положения для Высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки. СПб., 1900. 392 с.

Стогов Э. И. Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. М.: Индрик, 2003. 239 с.

Сысоев А. А. Иркутское губернское жандармское по-

References

Dril' D. A. (1899) Exile in France and Russia. From personal observations during a trip to New Caledonia, Sakhalin Island, the Amur Region and Siberia. St. Petersburg: Tipografiya P. F. Voshchinskoi. 224 p. (In Russ.).

Elinskii V. I. (2002) Formation of the detective police (XIX - early XX century). *Istoriya organov vnutrennikh del Rossii: Sbornik nauchnykh trudov = History of the internal affairs bodies of Russia. Collection of scientific papers.* Moscow: Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. P. 175-191. (In Russ.).

Litovitsyn A. (1909) Siberian morals and crimes. *Sibirskie voprosy = Siberian questions.* No. 42. P. 28-30. (In Russ.).

Maksimov S. V. (2002) Penal servitude of the Empire. Moscow: EKSMO-Press. 478 p. (In Russ.).

Maksimov S. V. (1871) Siberia and penal servitude. In 3 parts. St. Petersburg: A. Tranchel. Pt. I. 367 p. (In Russ.).

Ostroumov S. S. (1960) Crime and its causes in prerevolutionary Russia. Moscow: Moscow State University. 338 p. (In Russ.).

(1912) The first death penalty in Irkutsk. *Sibirskii arkhiv = Siberian archive.* No. 5. P. 360-363. (In Russ.).

Romanov N. S. (1914) Irkutsk Chronicle of 1857-1880. Irkutsk: Parovaya tipografiya I. P. Kazantseva. 432 p. (In Russ.).

Semiluzhinskii (1868) The vagrant population of Siberia. *Delo = A business*. No. 11. P. 71-114. (In Russ.).

Seroshevskii V. (1908) Exile and penal servitude in Siberia. *Sibir' ee sovremennoe sostoyanie i nuzhdy: sbornik statei pod obshchei redaktsiei S. Mel'nika = Siberia and its current state and needs: a collection of articles under the general editorship of S. Melnik*. St. Petersburg: Publishing house of A. F. Devrien. P. 201-235. (In Russ.).

Sipyagin A. P. (1898) A few words about the present and future of criminal exile and prison. St. Petersburg: State Printing House. 31 p. (In Russ.).

Solomon A. P. (1900) Exile in Siberia. An essay on its history and current situation for the Most Highly Established Commission on Measures to Abolish Exile. St. Petersburg. 392 p. (In Russ.).

Stogov E. I. (2003) Notes of a gendarme staff officer of the era of Nicholas I. Moscow: Indrik. 239 p. (In Russ.).

Sysoev A. A. (2005) Irkutsk provincial gendarmerie po-

лицейское управление и «ликвидация» грабительских организаций в Восточной Сибири // Земля Иркутская. 2005. № 22. С. 78–83.

Сысоев А. А. Начальник Иркутского сыскного отделения Николай Александрович Романов // Вестник ВСИ МВД России. 2018. № 3 (86). С. 26–31.

Сысоев А. А. Пенитенциарная политика самодержавия и ее влияние на личную и имущественную безопасность сибирского населения // Вестник ВСИ МВД России. 2016. № 2 (77). С. 92–105.

Сысоев А. А. Пенитенциарный рецидив, как проявление множественной уголовной преступности в Восточной Сибири на рубеже XIX и XX столетий // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2019. № 2 (36). С. 36–39.

Сысоев А. А. Преступные объединения, как вид соучастия в противоправной деятельности на территории Восточной Сибири в начале XX столетия // Вестник ВСИ МВД России. 2020. № 1 (92). С. 29–38.

Тарновский Е. Н. Движение преступности в Российской империи за 1899–1908 гг. // Журнал Министерства Юстиции. 1909. № 9. С. 52–99.

Шелгунов Н. В. Сочинения / изд. «Рус. Кн. торговли». СПб. : Тип. В. Демакова, 1871. Т. 1. 376 с.

Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири, ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб., 1882. 471 с.

Ядринцев Н. М. Сибирь, как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. М.: Книга по требованию, 2012. 720 с.

Информация об авторе

А. А. Сысоев – кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры,
Восточно-Сибирский институт МВД России,
664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 110, Россия.

Вклад автора

Сысоев А. А. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 13 января 2022 г.; одобрена после рецензирования 9 февраля 2022 г.; принята к публикации 21 февраля 2022 г.

lice department and the "liquidation" of predatory organizations in Eastern Siberia. *Zemlya Irkutskaya = Irkutsk Land.* No. 22. P. 78-83. (In Russ.).

Sysoev A. A. (2018) Head of the Irkutsk Detective Department Nikolai Alexandrovich Romanov. *Vestnik VSI MVD Rossii = Bulletin of the VSI of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* No. 3 (86). P. 26-31. (In Russ.).

Sysoev A. A. (2016) Penitentiary policy of the autocracy and its impact on the personal and property security of the Siberian population. *Vestnik VSI MVD Rossii = Bulletin of the VSI of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* No. 2 (77). P. 92-105. (In Russ.).

Sysoev A. A. (2019) Penitentiary recidivism as a manifestation of multiple criminality in Eastern Siberia at the turn of the XIX and XX centuries. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri = Problems of socio-economic development of Siberia*. No. 2 (36). P. 36-39. (In Russ.).

Sysoev A. A. (2020) Criminal associations as a type of complicity in illegal activities on the territory of Eastern Siberia at the beginning of the XX century. *Vestnik VSI MVD Rossii = Bulletin of the VSI of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* No. 1 (92). P. 29-38. (In Russ.).

Tarnovskii E. N. (1909) Crime movement in the Russian Empire for 1899-1908. *Zhurnal Ministerstva Yustitsii = Journal of the Ministry of Justice.* No. 9. P. 52-99. (In Russ.).

Shelgunov N. V. (1871) Essays. St. Petersburg.: V. Demakov type. Vol. 1. 376 p. (In Russ.).

Yadrintsev N. M. (1882) Siberia as a colony. To the anniversary of the tercentenary. The current situation of Siberia, its needs and requirements. Its past and future. St. Petersburg. 471 p. (In Russ.).

Yadrintsev N. M. (2012) Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms. Moscow: Book on demand. 720 p. (In Russ.).

Information about the author

A. A. Sysoev – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Deputy Head of the Department,
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
110, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia.

Contribution of the author

Sysoev A. A. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted January 13, 2022; approved after reviewing February 9, 2022; accepted for publication February 21, 2022.

Научная статья
УДК 930:355/359.07
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-161-172

«Иркутскую же роту следует комплектовать исключительно из войск Приамурского военного округа…» Иркутская дисциплинарная рота в 1899 г. (по материалам поездки А. Н. Куропаткина)

Роман Сергеевич Авилов [1, 2]

[1] Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия,
[2] Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия
[1, 2] avilov-1987@mail.ru

Аннотация. В статье, на впервые вводимых в научный оборот материалах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), рассматривается состояние Иркутской дисциплинарной роты в 1899 г. В этом году состоялась поездка военного министра Российской империи А. Н. Куропаткина в Сибирский военный округ. Визит представляет большой научный интерес, так как имел место, примерно, за четыре года до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг. и менее чем за 7 месяцев до начала мобилизации Сибирского военного округа 8 июля 1900 г. в связи с Боксерским восстанием в Китае. Поездка осуществлялась в целях личного ознакомления военного министра с состоянием созданного незадолго до этого Сибирского военного округа, оценки состояния и боеспособности дислоцировавшихся в нем войск, сбора материалов для разработки планов дальнейших военных преобразований в Сибири, а также разработки планов обороны азиатской части Российской империи. Передвигаясь по Великой Сибирской железной дороге, военный министр осмотрел войска крупнейших сибирских гарнизонов: Омска, Томска, Красноярска, Иркутска, в числе которых была и Иркутская дисциплинарная рота в г. Иркутск. В статье публикуется наиболее подробное из известных к настоящему времени описаний этой воинской части в конце XIX в. Анализируются качество кадрового состава роты, ее строевое обучение, хозяйственное и экономическое состояние, казарменное обеспечение. Рассматривается проблема постоянной перегруженности Иркутской дисциплинарной роты в связи с отправкой в нее нижних чинов из Приамурского военного округа, где вообще не было дисциплинарных частей. Делается вывод о том, что некоторое улучшение ситуации наметилось лишь после создания на российском Дальнем Востоке в 1908 г. Анучинской дисциплинарной роты.

Ключевые слова: Сибирский военный округ, Иркутский военный округ, Приамурский военный округ, Иркутская дисциплинарная рота, Анучинская дисциплинарная рота, Верхнеудинский дисциплинарный батальон, А. Н. Куропаткин, Восточная Сибирь, Забайкалье, Иркутск, русская армия

Для цитирования: Авилов Р. С. «Иркутскую же роту следует комплектовать исключительно из войск Приамурского военного округа…» Иркутская дисциплинарная рота в 1899 г. (по материалам поездки А. Н. Куропаткина) // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 1. С. 161–172. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-161-172

Original article

“But the Irkutsk Company must be recruited only from the troops of Priamour Military District…” The Irkutsk Disciplinary Company in 1899 (based on material of visit of Aleksey N. Kuropatkin)

Roman S. Avilov [1, 2]

[1] Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok, Russia,
[2] Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
[1, 2] avilov-1987@mail.ru

Abstract. This article based on a large body of unpublished documents from the Russian State Military Historical Archive (RSMHA). The author analyzes the current situation in Irkutsk Disciplinary Company in 1899. In that year, there was a visit of the War Minister of Russian Empire Aleksey N. Kuropatkin to Siberian Military District. That visit was of historic importance as it took place about 4 years prior the Russo-Japanese War of 1904–1905, and less than 7 months before the Siberian Military District mobi-

© Авилов Р. С., 2022

lization in response to the Boxer Rebellion in China. Its purpose was personal acquaintance of the War Minister with the recently created Siberian Military District; specifically, evaluation of the actual state and combat readiness of the dislocated troops, data gathering to further develop defense plans and regional military reforms in Siberia. Traveling by Trans-Siberian Railway, Kuropatkin inspected troops of the largest Siberian garrisons in cities of Omsk, Tomsk, Krasnoyarsk, Irkutsk, including Irkutsk Disciplinary Company in Irkutsk. In this article is first published the most detailed descriptions of the Company in the end of XIX century. It has been analyzed the quality of regular personnel, the drilling, property and economic status, barracks accommodation. It is described the problem of permanent overwork of Irkutsk Disciplinary Company as a result of sending all soldier-prisoners from Priamour Military District to this Company, because there was no any disciplinary troops in a Russian Far East. It has concluded that the minute improvement took place only after creation of Anutchinskaya Disciplinary Company in Russian Far East in 1908.

Keywords: Siberian Military District, Irkutskiy Military District, Priamur Military District, Irkutsk Disciplinary Company, Anuchinskaya Disciplinary Company, Verkhneudinsk Disciplinary Battalion, Aleksey N. Kuropatkin, East Siberia, Transbaikal, Irkutsk, Russian Army

For citation: Avilov R. S. (2022) "But the Irkutsk Company must be recruited only from the troops of Priamour Military District…" The Irkutsk Disciplinary Company in 1899 (based on material of visit of Aleksey N. Kuropatkin). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 1. P. 161-172. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-161-172

Настоящая статья продолжает цикл публикаций по истории поездки военного министра Российской империи генерал-адъютанта А. Н. Куропаткина в Сибирский военный округ в 1899 г., в рамках которой он впервые посетил Забайкалье, лично осмотрел различные военные учреждения и познакомился с дислоцировавшимися там войсками. В предыдущих статьях уже были рассмотрены общий ход поездки (Авилов, 2019), знакомство министра с военно-учебными (Авилов, 2021a; Авилов, 2021b) и военно-медицинскими (Авилов, 2021d) учреждениями в Иркутске, а также состоянием Иркутской и Красноярской казачьих сотен (Авилов, 2021c). В данной работе остановимся на осмотре А. Н. Куропаткиным и его свитой Иркутской дисциплинарной роты – единственной дисциплинарной части на огромном пространстве от Иркутска до побережья Тихого океана.

В советской историографии эта поездка не исследовалась (Бескровный, 1977; Бескровный, 1986; Зайончковский, 1973), в обобщающих работах по истории Сибирского и Иркутского военных округов (Авилов, 2014; Копылов, Милюхин, Фабрика, 1995; Ращупкин, 2003), истории Иркутского и Енисейского казачьих воск (Романов, 1995; Романов, Новиков, 2009), современных исследованиях по истории военно-окружной системы (Безугольный, Ковалевский, Ковалев, 2012), русской армии (Ульянов, Леонов, 1998) и даже биографии А. Н. Куропаткина (Генерал Куропаткин…, 2018; Субботин, 2019) данные о ней фигурируют в минимальной степени.

Что касается самой Иркутской дисциплинарной роты, то по ней вообще опубликована лишь одна специализированная работа – доклад М. Ю. Кузнецова, рассматривающий более ранний период ее истории – 1879–1884 гг. (Кузнецов, 2019), хотя она периодически и упоминается в обзорных статьях по организации местных войск Восточного Сибирского военного округа (Кузнецов, 2018). Между тем история этой части, как обслуживавшей на протяжении длительного периода времени сразу два военных округа: в 1884–1899 гг. – Иркутский и Приамурский, в 1899–1906 гг. – Сибирский и Приамурский, а в 1906–1908 гг. – снова Иркутский и Приамурский, заслуживает самого тщательного исследования на всех этапах ее истории. Выявление в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) полного комплекса материалов по истории поездки военного министра А. Н. Куропаткина в Сибирский военный округ в 1899 г. позволяет во всех подробностях взглянуть на организацию быта и службы Иркутской дисциплинарной роты, а также впервые ввести в научный оборот подробные данные о ее состоянии к началу XX в. В этом и состоит цель настоящей статьи.

Впервые дисциплинарная часть в Иркутске появилась в 1873 г., когда была создана рассчитанная на 200 арестантов Иркутская военно-исправительная рота. Предполагалось, что в нее будут направляться штрафованные нижние чины со всего Восточного Сибирского военного округа[1]. В дальнейшем, на осно-

[1] Высочайше утвержденное 6 января 1873 г. положение Военного Совета, объявленное в приказе по военному ведомству 20-го того же января Об учреждении Иркутской военно-исправительной роты // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (ПСЗ РИ II). СПб., 1873. Т. 48. № 51736; Приказ по военному ведомству

вании высочайше утвержденного 6 мая 1878 г. «Положения о дисциплинарных батальонах и ротах»[2], Иркутская военно-исправительная рота была переформирована в 1879 г. в Иркутскую дисциплинарную роту, рассчитанную на 150 заключенных[3].

По закону цель деятельности подобных частей заключалась в «приучении к требованиям дисциплины и обязанностям строевой службы», однако *de facto* они имели в первую очередь карательное назначение, поскольку отличались от обычных частей, прежде всего, «отягченным внутренним режимом». Нижние чины отдавались в дисциплинарные роты по приговорам военных судов главным образом за военные преступления, на срок от 1 до 3 лет. В этом случае они переводились в разряд штрафованных и получали ряд ограничений прав по службе. Попадали туда и за общие преступления, караемые заключением в крепости или тюрьме гражданского ведомства с ограничением некоторых особых прав и преимуществ. В последнем случае отдача в дисциплинарные роты заменяла гражданское наказание и сопровождалась вышеуказанным поражением в правах и переводом в разряд штрафованных. Попавшие в дисциплинарную роту нижние чины продолжали числиться в списках своих частей и отмечались находящимися в роте (Тавастшерна, 1912).

Наиболее подробное из опубликованных к настоящему времени описаний Иркутской дисциплинарной роты относится к 18 сентября 1882 г., и сохранилось в документах инспекторского смотра роты Иркутским губернским воинским начальником, которым в то время был генерал-майор А. П. Рева (Кузнецов, 2019. С. 61–62). Куда более детальные документы удалось выявить в материалах поездки по Сибири в 1899 г. военного министра А. Н. Куропаткина и сопровождавших его лиц.

Особенность ознакомления столичных гостей с состоянием Иркутской дисциплинарной роты заключалась в том, что ее специальный осмотр проводили не один, а два человека, причем независимо друг от друга. Первым был начальник отделения Главного штаба, Генерального Штаба полковник Е. Г. Гарф, осмотревший роту 20 и 21 октября одновременно с военным министром. Вторым ревизором стал помощник главного военного прокурора генерал-майор П. Ф. Лузанов, специально взятый А. Н. Куропаткиным с собой для осмотра и ревизии Омского и Иркутского окружных судов. Точная дата проведенного им осмотра не известна, но подготовленный по его результатам рапорт военному министру датирован 16 ноября 1899 г. (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 19, 63–65; 84 об.–86 об.). Оба ревизора отметили, что состояние роты очень далеко от идеала, но их выводы и рекомендации не дублировали, а взаимно дополняли друг друга.

Штатный состав роты предполагал наличие 150 заключенных при 3 офицерах и 34 кадровых нижних чинах. По списку же в день смотра оказалось 3 офицера, 33 кадровых нижних чина и 149 заключенных (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 33 об.). Списочный состав Иркутской дисциплинарной роты на момент осмотра был следующий (Табл.).

В числе отсутствовавших было всего 27 чел. Причем из 12 больных четверо лечились от сифилиса (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 33 об., 63).

Проверка полковником Е. Г. Гарфом строевого обучения роты показала нетвердое знание строя личным составом части. На месте рота была выровнена хорошо, но винтовки на плечо и на караул держали разнообразно. Прием «на руку» делался неправильно – не верно выставлялась левая нога, почему и ружье, и плечи принимали неправильное положение. Шаг был не достаточно твердым и слишком частым (136 шагов в минуту), вследствие чего личный состав с трудом держал ногу, что особенно замечалось при перестроениях. Беглый шаг был хороший.

При движениях колонн не было достаточного равнения по шеренгам и особенно в затылок. При построении колонн и развертывании из них роты, взводные унтер-офицеры командовали не сноровисто: останавливали слишком рано свои взводы, не дав людям выстроиться по рядам. Дистанция в колоннах не соблюдалась, во фронте не было достаточной тишины – после ружейных приемов, поворотов и остановок люди долго шевелились. Вздваивание и выстраивание рядов делалось в роте правильно, и люди показали достаточное внимание, но к рассыпному строю взводные унтер-офицеры оказались под-

№ 22 от 20 января 1873 г. // Приказы по военному ведомству за 1873 г. СПб.: Военная типография, 1873.

[2] Высочайше утвержденное 6 мая 1878 г. Положение о дисциплинарных батальонах и ротах // ПСЗ РИ II. Т. 53. № 58477; Приказ по военному ведомству № 139 от 17 мая 1878 г. // Приказы по военному ведомству за 1878 г. СПб.: Военная типография, 1878.

[3] Приказ по военному ведомству № 26 от 31 января 1879 г. // Приказы по военному ведомству за 1879 г. СПб.: Военная типография, 1879.

Таблица. **Состав Иркутской дисциплинарной роты к 20 октября 1899 г.**
Table. **The state of Irkutsk Disciplinary Campaign to October 20, 1899**

	Офицеров	Унтер-офицеров	Музыкантов	Рядовых	Итого
Списочный состав роты					
а) Постоянный состав	3	19	5	9	33
б) Заключенных	″	″	″	149	149
Итого	3	19	5	158	182
Присутствовало на смотре					
а) Постоянный состав	3	15	4	2	21
б) Заключенных	″	″	″	134	134
Итого	3	15	4	136	155
Отсутствовало					
а) Постоянный состав	″	4	1	7	12
б) Заключенных	″	″	″	15	15
Итого	″	4	1	22	27

готовлены недостаточно. Ни один из них не умел правильно рассыпать свой взвод или отвести его в резерв. «Вообще, по заявлению командира роты[4], – докладывал полковник Е. Г. Гарф, – кадровые нижние чины не удовлетворяют своему назначению, что объясняется тем, что начальники частей командируют в дисциплинарную роту плохих унтер-офицеров и ефрейторов» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 63–63 об.). Последнее было вполне закономерно, так как делиться лучшим унтер-офицерским составом с дисциплинарной ротой, участие которой в боевых действиях даже в случае начала крупномасштабной войны было исключено, командирам строевых частей не хотелось.

На удивление хорошо в роте оказалась поставлена гимнастика, т. е. физическая подготовка, по современной терминологии. Лазанье по наклонной лестнице в присутствии ревизора произвели весьма удовлетворительно. Совершенно слабых не было, причем слабее оказались кадровые нижние чины. Лазанье по шестам и канатам было произведено очень хорошо как кадровыми, так и заключенными. Перелезание через стенку – хорошо, и только 2 заключенных не смогли перелезть без посторонней помощи. Даже упражнение на параллельных брусьях производились хорошо как кадровыми чинами, так и заключенными.

Сведения, обязательные для каждого рядового, нижние чины знали удовлетворительно, причем лучше других оказался подготовлен взвод исправляющихся (1 взвод) – «видно больше старания». Слабее других были усвоены сведения по ручному стрелковому оружию (сборка и разборка, чистка и сбережение винтовки). Лучше других – по караульной службе.

Размещение роты было хотя и тесным, но сравнительно неплохим. Жилое помещение находилось в отдельном флигеле и было недостаточно просторным (255 куб. сажен), особенно когда в роте содержалось заключенных больше, чем положено по штату. Последнее бывало очень часто, ввиду того, что все, приговоренные к заключению в дисциплинарную роту из войск Приамурского военного округа, направлялись в Иркутскую дисциплинарную роту, поскольку на российском Дальнем Востоке в то время дисциплинарных частей еще не было.

«Все помещение заставлено кроватями и места для занятий нет. В общем помещение содержится в порядке и чистоте, хотя щегольства в этом отношении не видно.

В одном же здании с жилым помещением находится умывальная комната и отхожее место с 10 выносными стульчаками; запаху в отхожем месте никакого не было и на это обращено должное внимание. *Кухня* (она же – хлебопекарня) просторная и содержится чисто; она помещается в одном флигеле со столовою. Столовая во 2-м этаже – очень тесная; пол старый и доски почти на половину стерлись, вследствие чего она производит не особенно благоприятное впечатление в отношении чистоты» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 63 об.).

[4] Ротой в то время командовал подполковник Георгий Федорович Козьмин.

В роте имелись чистые и содержавшиеся в полном порядке погреба для капусты и картофеля. Провиантский цейхгауз тоже найденный чистым вместе с ларями для крупы. Вещевой цейхгауз – в порядке, а десять одиночных карцеров размещались в очень старом здании и потому производили «впечатление не совсем благоприятное в смысле чистоты. *Церковь* небогатая, но хорошо устроена; на вид она несколько мала для роты, но командир роты заявил, что в ней может разместиться 150 человек», – констатировал Е. Г. Гарф (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 63 об.).

Внутренний порядок в роте вызвал у ревизующего полковника куда больше нареканий: «На внутренний порядок следовало бы обратить больше внимания; у очень многих нижних чинов было надето грязное белье; меняют его только один раз в неделю.

Взводные унтер-офицеры (кадровые) плохо знают нижних чинов вверенных им взводов. Так взводный 2-го взвода не знал семейных и мастеровых своего взвода; о наложенных взысканиях знал; взводный 3-го взвода не знал на кого наложено наибольшее число взысканий; взводный 4-го взвода не знал семейных и на кого наложено наибольшее число взысканий. Исключение составляет лишь взводный унтер-офицер исправляющегося (1-го) взвода, который отлично знал своих нижних чинов во всех отношениях.

При поверке взводных унтер-офицеров выяснилось, что далеко не все наложенные дисциплинарные взыскания вписываются в журнал взысканий; это обнаружилось во 2-м, 3-м и 4-м взводах.

В 1-м взводе (исправляющихся) нижние чины ведут себя прекрасно и за все время только на 1 нижнего чина наложено дисциплинарное взыскание и то за маловажный проступок» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 63 об.–64).

Распорядок дня в роте был установлен следующий. Люди вставали в 5 час. утра. 1 час. давался им на уборку и осмотр. В 6 час. – чай, с 7 до 8 час. – гимнастика, с 8 до 9½ – стрелковое дело, с 9½ до 11 час. – строевые занятия, с 11 до 2 час. – обед и отдых, с 2 до 3½ час. занятия по уставам, с 3½ до 4½ час. – чай, с 4½ до 5½ час. – строевые занятия, с 5½ до 7 час. – занятия грамотностью и в то же время священник ведет духовные беседы и обучает нижних чинов Закону Божию, с 7 до 9 час. – ужин, в 9 час. поверка, после которой нижние чины ложатся спать (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 64).

На удивление хорошо была поставлена в роте хозяйственная часть. Полковник Е. Г. Гарф докладывал, что «продовольственная часть в роте устроена очень хорошо и в этом отношении командиром роты проявлена большая заботливость». На питании нижних чинов явно не экономили. Они получали два раза в день горячую пищу: на обед суп или щи с ½ фунтом мяса и кашу (ячневую, гречневую или просяную), на ужин производилась отдельная варка – гречневая или ячневая крупа с картофелем и салом. Два раза в день нижние чины получали чай с черным хлебом, но без сахара; в праздничные дни – сахар и булку, причем чай получали по желанию без ограничений.

Пища готовилась по раскладке, утвержденной начальником Иркутской местной бригады. По этой раскладке к обеду готовились: по понедельникам, средам и субботам щи из свежей или соленой капусты; по вторникам и пятницам – картофельный суп, по четвергам и воскресеньям – лапша. Постная пища готовилась только в 1, 4 и 7 неделю великого поста и по средам и пятницам во все посты. Капусту заготавливали из своего огорода, причем ее хватало на весь год. «Капуста прекрасная и я видел несколько кочней в 30 фунтов весом; капусты заготовлено 600 ведер», – отмечал ревизор. Картофеля было собрано с огорода 245 пудов. Мясо поставлялось подрядчиком по 3 руб. за пуд, причем «только задняя часть». Гречневую, ячневую и просяную крупу получали из интендантства, а прочие продукты приобретались артельщиком.

В день смотра в роте были приготовлены щи из свежей капусты и гречневая каша. «Щи были вкусные, но в каше было растоплено несколько горькое масло. Порции весили около 24 золотников (на 3 фунта приходилось 13 порций), но режутся они не равномерно: 4 порции состояли исключительно из жиру без кусочка мяса; приказал их выдать дежурному по роте, артельщику и кашевару. При отчете оказалась одна лишняя порция», – отметил Е. Г. Гарф (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 64).

Хлеб выпекался прямо в роте, каждый день по 10–11 пудов из отпускаемой из Иркутского продовольственного магазина муки. Мука была хорошая, но хлеб, выпеченный 21 октября, в день посещения роты военным министром А. Н. Куропаткиным, сильно подгорел. Во взводы хлеб отпускался на 3-й день после выпечки по расчету 3 фунта на каждого нижнего чина. Взводные раздатчики резали хлеб и нижние чины ели с лотка сколько хотели за обедом, ужином и чаем. Причем хлеб съедался почти весь и остава-

лись только небольшие кусочки. Раз в месяц нижним чинам выдавали вместо хлеба по 2 фунта сухарей, отпускаемых из продовольственного магазина (т. е. склада) для освежения сухарного запаса. Рота же обязана была изготовить такое же количество свежих сухарей и сдать обратно в продовольственный магазин взамен полученных. Естественно хлеб нижние чины ели куда охотнее.

Достаточно хорошо обстояло дело и с вещевым довольствием роты. Ко дню смотра мундирная одежда 2-го срока службы была у нижних чинов отобрана, и им выдали обмундирование 1-го срока, осмотр которого показал, что оно сохранилось хорошо, хотя пригнано не особенно тщательно. Очень много мундиров 1-го срока оказалось с чересчур короткими рукавами. Затем в роте оказалось довольно много мундиров без клейм. Полковнику Е. Г. Гарфу особенно понравились шаровары и фуражки 1-го срока. Шинели тоже сохранились хорошо, но в их числе было несколько маломерных.

Отобранная перед смотром и сложенная в цейхгаузе мундирная одежда 2-го срока, тоже была тщательно осмотрена ревизором. Сохранилась она в целом удовлетворительно: было много очень хороших мундиров, но встречались и сильно поношенные.

Мундирной одежды 3-го срока в роте не оказалось вовсе, но зато была «большая экономия сукна, а именно: темнозеленого сукна имеется 400 аршин, а серого 490 аршин; это сукно составляет экономию от прикроя, ибо рота получает не готовые мундиры, а материалы и шьет уже сама мундирную одежду». Отсутствие мундиров 3-го срока объяснялось тем, что в дисциплинарных частях было установлено иное вещевое довольствие, нежели в остальных войсках. В дисциплинарных частях сроков выслуги мундирной одежды просто не было, и она заменялась новой, на основании инспекторских свидетельств, просто по мере того, как приходила в негодность (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 64 об.).

Собственных вещей у нижних чинов не было и все годовые вещи отпускались казной в том же размере, как нижним чинам войсковых частей с тем лишь отличием, что эти годовые вещи не выдавались заключенным на руки. Рота получала от интендантства материалы, из которых, по мере необходимости и изготавливали сапоги, белье и портянки. Все белье и сапоги делали сами заключенные, которых обучали сапожному и портняжному мастерству.

На момент осмотра в роте на каждого нижнего чина имелось по 1 паре сапог и по 2 штуки рубах, подштанников, портянок, наволочек и полотенец. Сверх того, в запасе имелось 200 комплектов всего белья, 6730 аршин рубашечного холста, 1290 аршин подкладочного холста, 975 пар подошв, 1090 пар передов, 680 пар голенищ и 150 пар подметок (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 64 об.).

При поверке финансовой отчетности выяснилось, что таковая ведется не на основании нового «Положения об управлении хозяйством в отдельных частях» 1897 г.[5], а по формам, утвержденным еще штабом бывшего Иркутского военного округа в 1895 г. «Это недоразумение объясняется тем, что командир роты не считал для себя обязательным новое положение о хозяйстве, а инспектировавшие роту Начальствующие лица не обратили внимание на это отступление. Благодаря этому рота до сих пор обременена весьма сложною отчетностью» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 64 об.–65), в то время как новое положение эту отчетность значительно упрощало.

По денежному журналу к 20 октября 1899 г. в роте находилось: хозяйственных сумм – 542 руб. 67 коп., экономического капитала – 5039 руб. 43 коп., продовольственной суммы – 812 руб. 32 коп., церковной суммы – 970 руб. 26 коп., переходящей суммы – 1171 руб. 69 коп., собственных солдатских денег – 1785 руб. 55 коп., всего – 10 321 руб. 92 коп. Все деньги хранились в денежном ящике в казначействе, а у заведующего хозяйством на руках имелись, в виде аванса, только 200 руб.

Из собственных солдатских денег расход разрешается только на постановку свечей в церкви, и в большие праздники (Рождество, Св. Пасха) им покупались, по их желанию, колбаса, ветчина, яйца и булки. Одно время в роте были заключенные, имевшие до 600 руб. собственных денег, но на момент поверки наиболее богатый имел 100 руб. и несколько человек – по 70–75 руб.

Деньги для себя и для роты, из заключенных, зарабатывали портные, сапожники, столяры и слесари, выполняя частные заказы, которые принимала рота. Половина заработанной суммы шла в пользу

[5] Объявлено к обязательному руководству приказом по военному ведомству № 135 от 4 мая 1897 г. Приказ по военному ведомству № 135 от 4 мая 1897 г. // Приказы по военному ведомству за 1897 г. СПб.: Военная типография, 1897.

роты, вторая – в пользу работавших. Больше всего зарабатывали портные и сапожники, так как особенно многочисленными были посторонние заказы на одежду и обувь.

Журнал взысканий велся в роте правильно. Наибольшее число взысканий было наложено за куренье табака, однако многие взыскания «неизвестно по какой причине» в журнал записаны не были.

«В общем, – делал вывод Е. Г. Гарф, – рота представилась только удовлетворительно. Нельзя отнять у командира роты, что он заботится о заключенных и обращается с ними гуманно» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 65).

Последнее, с точки зрения помощника главного военного прокурора генерал-майора П. Ф. Лузанова, второго ревизора роты, было скорее недостатком, чем достоинством ее командира: «Начальник Иркутской дисциплинарной роты, Подполковник Козьмин относится к службе с полным усердием и любовью, но обращает более внимания на хозяйственную часть, находящуюся в прекрасном состоянии, а не на дело исправления арестантов, вследствие чего многие существенные постановления Положения о дисциплинарных частях или не применяются вовсе, или же применяются не надлежащим образом. Так, например, увольнение со двора одних исправляющихся заключенных, без конвоя, как для исполнения поручений начальства, так и по собственной надобности, разрешаемое § 45 Положения, в Иркутской роте вовсе не применяется; сокращение срока пребывания в дисциплинарной части, допускаемое § 44-м для заключенных, отличающихся особенно хорошим поведением, обратилось в милость ко всем заключенным, ибо в Иркутской роте с сокращением срока выпускаются поголовно все заключенные» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 85 об.).

В Сибири П. Ф. Лузанов осмотрел обе дисциплинарные части: и Омскую, и Иркутскую роты, причем сравнение оказалось явно не в пользу последней. Про Омскую роту он доложил, что она найдена в прекрасном во всех отношениях состоянии. Иркутская же рота найдена – не в таком хорошем состоянии, как Омская. Проводя ту же мысль об отрицательном влиянии на роту крайнего недостатка помещений, что и Е. Г. Гарф, П. Ф. Лузанов доложил А. Н. Куропаткину последствия такого положения дел куда более подробно: «При роте не имеется ни манежа, ни учебного зала и все занятия, не исключая строевых и гимнастики, производятся в том самом помещении, в котором нижние чины спят. Помещение же это крайне тесно, на что обратил внимание Главный Военно-Медицинский Инспектор, при посещении роты летом прошлого года, когда в роте было на лицо лишь 149 человек. По штату в роте положено иметь 150 человек, но в действительности число заключенных почти постоянно превышает штатное число». При первом посещении П. Ф. Лузановым роты, в ней было 188 заключенных. Перед прибытием в Иркутск военного министра лишних сверх штата 38 человек срочно перевели в Омскую роту, что дало более благовидную внешнюю картинку, но не изменило сути сложившейся ситуации. При таком переполнении роты приходилось ежедневно для каждого учебного занятия сдвигать кровати и даже ставить часть из них одну на другую. Если к этому добавить неудовлетворительное состояние полов, требующих капитального ремонта, то нельзя было ожидать той чистоты, которая найдена была в Омской роте и которой должно отличаться каждое исправительное заведение. «Омская рота находится в этом отношении в исключительно благоприятных условиях, ибо в ней число заключенных всегда было менее штатного числа. Сопоставляя цифры заключенных в обеих этих ротах за последние годы, я прихожу к заключению, что всех приговариваемых в дисциплинарные роты из частей нынешнего Сибирского округа следует направлять исключительно в Омскую роту, так как и при этом число поступающих в эту роту не превысит штатного; Иркутскую же роту следует комплектовать исключительно из войск Приамурского военного округа (14 Октября из войск Приамурского военного округа было 108), число коих будет менее штатного, что даст возможность разместить их не так тесно и часть помещения отделить под учебный зал, а в будущем, с окончанием постройки здания для дисциплинарного батальона в Приамурском округе, упразднить Иркутскую дисциплинарную роту» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 84 об.–85 об.).

Любопытно, что никаких упомянутых в рапорте П. Ф. Лузанова зданий для дисциплинарного батальона в Приамурском военном округе строить даже не начинали, а вопрос о создании дисциплинарной части находился в стадии бесконечных дискуссий. О создании дисциплинарной части начальство округа ходатайствовало давно, так как численность войск в регионе постоянно росла, а штрафованных нижних чинов, которых надлежало переводить в подобного рода части, просто некуда было направлять. В результате они постоянно находились или в своих частях,

или на гауптвахтах, что, во-первых, было нарушением закона, а, во-вторых, чрезвычайно перегружало последние. В результате, из-за отсутствия свободных мест на гауптвахтах, за мелкие дисциплинарные нарушения, требовавшие краткосрочного заключения на гауптвахту, либо вовсе не наказывали, либо вынуждены были направлять провинившегося в другой гарнизон, где в тот момент имелось свободное место в гарнизонной гауптвахте, что было затратно и непрактично, поскольку наказуемого требовалось еще и конвоировать до места заключения.

С учетом наблюдавшегося в Приамурском военном округе после Японо-китайской войны 1894–1895 гг. роста численности войск, проблема отсутствия на его территории дисциплинарной части становилась все острее. Поэтому штрафованных нижних чинов с Дальнего Востока отправляли в Иркутск, в ближайшую к округу дисциплинарную часть, с каждым годом все больше. При этом сам процесс был до крайности неудобен и приводил к тому, что штрафованные часто проводили больше времени в тюрьме и на этапе, чем в Иркутской дисциплинарной роте. Наиболее вопиющая ситуация, по мнению П. Ф. Лузанова, была с нижними чинами, приговоренными к годичному заключению. В пути из Приамурского военного округа к месту отбывания наказания они проводили несколько месяцев, иногда зимовали в Верхнеудинской тюрьме, затем находились в роте всего от 2 до 4 месяцев. Более того, при сокращении сроков наказания по манифесту, были случаи пребывания нижних чинов в Иркутской дисциплинарной роте в течение лишь 18 дней. «Для избежания этого представляется желательным возбудить в законодательном порядке вопрос об установлении временно, впредь до устройства в Приамурском округе дисциплинарного батальона, замены для нижних чинов этого округа отдачи в дисциплинарные части на год другим наказанием», – резонно докладывал А. Н. Куропаткину помощник главного военного прокурора (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 85 об.). Осмотр двух сибирских дисциплинарных рот позволил П. Ф. Лузанову сформулировать в заключительной части рапорта военному министру и ряд неотложный мер по давно назревшему преобразованию военно-пенитенциарной системы в целом. Всего их насчитывалось 7.

1) *Отмена увеличения по суду срока пребывания в дисциплинарных частях.* По существовавшей системе, при совершении заключенными преступлений, влекущих отдачу в военную тюрьму или заключение в дисциплинарные батальоны, они приговаривались судом к увеличению срока пребывания в дисциплинарной части на срок до 3 лет и потому могли оставаться в дисциплинарном батальоне или роте 6 и более лет. Такие нижние чины имелись во всех дисциплинарных частях и хотя их было сравнительно немного, но командиры дисциплинарных частей в один голос заявляли, что влияние их на остальных заключенных чрезвычайно пагубно. Такой порядок имел смысл при существовавших в предыдущее время продолжительных сроках службы, но не в конце XIX в. «Думать…, что солдат, пробывший 3 года в дисциплинарном батальоне, не исправившись, исправится, если его оставить там еще 3 года, было бы ошибочно». Поэтому предлагалось установить в законодательном порядке, что заключенные, которым за совершенные ими во время заключения проступки увеличен срок пребывания в дисциплинарном батальоне или роте, остаются в них до выслуги срока на перечисление в запас, а затем передаются для дальнейшего отбытия наказания в тюрьмы гражданского ведомства по установленной соразмерности этих наказаний (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 85 об.).

2) *Изменение § 54 Положения о дисциплинарных батальонах и ротах, воспрещающего заключенным всякого рода игры, пение и громкий разговор.* Против воспрещения игр П. Ф. Лузанов не возражал, но воспрещение громкого разговора, перенесенное в дисциплинарные батальоны из прежних военно-исправительных рот, где первоначально введенная система молчания была заменена воспрещением громкого разговора, казалось ему явным анахронизмом, и подлежала отмене, как действующая на нижних чинов угнетающе, а не перевоспитывающе. Он отмечал, что в целях исправительных полезно было бы допустить не только громкий разговор, но и пение в часы отдыха с разрешения начальства военных песен, что благоприятно отразится на духе заключенных, поскольку нравственно влиять гораздо легче на человека бодрого, веселого, здорового, нормального, нежели на молчаливого и угнетенного (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 85 об.–86).

3) *Воспрещение возложения на служащих в дисциплинарных батальонах и ротах каких бы то ни было поручений, не относящихся до круга их деятельности.* При хронической нехватке офицеров в сибирских и дальневосточных военных округах, в них бывали случаи назначения не только офи-

церов, но и начальника дисциплинарной роты временными членами военно-окружного суда, членами поверочных комиссий и т. п. «В виду крайне ограниченного персонала служащих казалось бы нельзя отвлекать их от прямых служебных обязанностей без вреда для дела».

4) *Установление подчинения священников дисциплинарных частей Протопресвитеру военного духовенства.* Официально, в соответствии с § 20 «Положения о дисциплинарных частях», священник дисциплинарного батальона или отдельной роты должен был назначаться по согласованию Командующего войсками военного округа с протопресвитером военного и морского духовенства. Однако при поверке оказалось, что священники Омской и Иркутской рот, хотя и занимают штатные должности в дисциплинарных частях, но, несмотря на это, состоят в ведении не протопресвитера, а епархиального начальства. Именно последнее назначало на должности и увольняло с них священников, и было совершенно не заинтересовано в назначении в эти части лучших священнослужителей. Страдали от подчинения по линии гражданского духовенства и сами священники, которые в результате служа исключительно в военном ведомстве, не имели права на признание участниками эмеритальной кассы лишь в силу того, что состояли в ведении епархиального, т. е. гражданского начальства, а это «является несправедливым в отношении их и побуждает их не дорожить службой в военном ведомстве».

5) *Установление порядка увольнения кадровых нижних чинов всех дисциплинарных частей одновременно с их сверстниками, служащими в строевых частях.* «В настоящее время, – докладывал А. Н. Куропаткину П. Ф. Лузанов, – согласно утвержденному Вашим Превосходительством представлению начальства бывшего Иркутского военного округа, из Иркутской роты будут уволены кадровые нижние чины, выслуживающие к 1 Января 1900 г. четыре года, а из Омской дисциплинарной роты, согласно приказу по войскам Сибирского военного округа от 5 Июля 1899 г. за № 4, лишь те кадровые нижние чины, которые выслуживают к 1 Января 1900 г. пять лет, что было как минимум несправедливо».

6) *Принятие мер к удержанию определенного числа кадровых нижних чинов на сверхсрочной службе.* «Меры эти должны заключаться в устройстве квартир для семейных, что, по мнению начальства дисциплинарных частей, будет стоить весьма недорого и в установлении добавочного содержания, хотя для нескольких человек в каждой роте».

7) *Установление кандидатских списков для назначения на должности начальников дисциплинарных батальонов и рот*. Кандидатами на занятие должностей начальников дисциплинарных батальонов должны, по справедливости, считаться начальники дисциплинарных рот, аттестуемые заслуживающими служебного повышения, тогда как в настоящее время они никогда не могут получить батальон, поскольку замещение открывающихся вакансий делается штаб-офицерами по представлению того окружного начальства, в ведении которого открылась вакансия, и которому начальники дисциплинарных рот и их деятельность неизвестны. В кандидаты же на должности начальников дисциплинарных рот должны заноситься командиры рот дисциплинарных батальонов и строевые штаб-офицеры, если они до чина капитана служили в дисциплинарных частях и удостоены надлежащей аттестации (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 86–86 об.).

Выводы помощника главного военного прокурора были во многом справедливы, и частично даже попали в основной текст «Всеподданнейшего отчета Военного Министра об осмотре войск, управлений, учреждений и заведений Сибирского военного округа в 1899 году». Акцент в нем был сделан на недостаток в роте помещений и проблемы с полами в уже имеющихся. Причем отмечалось, что А. Н. Куропаткин разрешил командиру роты израсходовать из ротных экономических сумм не более 1000 руб. на окраску полов и приведение всех помещений в полную исправность, с тем, чтобы произведенный расход был возмещен впоследствии из сумм инженерного ведомства. Отмечалось также, что церковь ротная несколько тесна и бедно обставлена и ее необходимо расширить. Духовных книг для чтения в роте мало, почему А. Н. Куропаткин приказал купить книги (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 33 об.).

Порадовало министра удовлетворительное поведение заключенных – за 2 года телесному наказанию было подвергнуто только 2 нижних чина, а арестованных в день смотра не оказалось. Бросилось ему в глаза и то, что заключенные в роте во многом оказались подготовлены лучше, чем ее кадровый состав. Если заключенные делали гимнастику на машинах удовлетворительно, то кадровые – слабее. «Ротное ученье было произведено не вполне удовлетворительно; ружейные приемы делались не дружно

и ружья держали разнообразно; шаг не достаточно выработан – слишком част; беглый шаг хорош; внимание в строю было достаточное, но тишины полной не было. Кадровые унтер-офицеры плохо подготовлены к рассыпному строю», – констатировал А. Н. Куропаткин. Не вполне удовлетворительный кадровый состав роты был закономерным результатом неудачной системы его укомплектования. Однако меры для его изменения уже принимались. Предполагалось привлечь на службу в дисциплинарные части большее число сверхсрочно-служащих унтер-офицеров, которые будут пользоваться всеми преимуществами, установленными для сверхсрочных унтер-офицеров строевых частей войск. Это должно было заметно улучшить кадровый состав Омской и Иркутской дисциплинарных рот (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 33 об., 38 об.).

В общие выводы всеподданнейшего отчета вошли также рекомендации П. Ф. Лузанова прекратить держать в дисциплинарных частях заключенных нижних чинов более трех лет, просто отменив увеличение по суду срока пребывания в дисциплинарных частях, и отменить существующий для заключенных запрет громкого разговора и пения, так как «запрещение это действует угнетающим образом на заключенных» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 38 об.–39).

Однако о необходимости решения главной проблемы Иркутской дисциплинарной роты – прекращении отправки в нее штрафованных нижних чинов из всего Приамурского военного округа посредством создания там своей дисциплинарной части, в отчете не было сказано ни слова. В условиях нарастания напряженности на Дальнем Востоке руководство Военного министерства в первую очередь занимал вопрос о войсках Приамурского военного округа, необходимых для ведения, в случае необходимости, активных боевых действий в регионе, а также подкреплениях, которые можно было перебросить на Дальневосточный ТВД с сибирского тыла. А поскольку денег на усиление как первых, так и вторых, не хватало, то дискуссия о преобразовании дисциплинарных частей (использование которых в военных действиях вообще не предполагалось) до Русско-японской войны 1904–1905 гг. развивалась в русле реализации преобразований наиболее необходимых и наименее затратных.

Достаточно сказать, что дисциплинарную роту на 300 чел., названную по месту дислокации, в урочище Анучино, Анучинской в Приамурском военном округе, после многочисленных ходатайств, сформировали только в 1908 г.[6] (РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 881. Л. 2)! К этому времени резкий рост гарнизона Владивостокской крепости в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг., прибытие в округ в 1905–1906 гг. значительно большего количества войск, чем ушло на войну и события Первой русской революции 1905–1907 гг. сделали ситуацию с штрафованными нижними чинами катастрофической. Причем настолько, что создание одной дисциплинарной роты проблемы уже не решило, и Командующий войсками округа продолжил настойчиво ходатайствовать о необходимости создания теперь уже дисциплинарного батальона. Характерно, что первое ходатайство такого рода было подано инженер-генералом П. Ф. Унтербергером еще 5 февраля 1907 г., т. е. до формирования Анучинской дисциплинарной роты. На это представление Главный штаб уведомил его, что по этому вопросу Военный Совет, журналом от 18 октября 1907 г. положил: «ввести в план мероприятий на пятилетие 1909–1913 гг. а) Главному Штабу формирование в Приамурском округе дисциплинарного батальона и б) Главному Инженерному Управлению – постройку казармы». Причем эта мера могла быть осуществлена лишь «по испрошении кредитов на постройку помещений» (РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 881. Л. 4; РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 883. Л. 4).

До начала Первой мировой войны дисциплинарный батальон в Приамурском военном округе так и не был сформирован (Росписание…, 1914. С. 546)[7]. Однако в 1910 г. во входившем в состав восстановленного Иркутского военного округа Забайкалье был сформирован Верхнеудинский дисциплинарный батальон[8]. В 1912 г. его перевели в г. Стретенск и переименовали в Стретенский[9]. Именно в эту часть, после 1910 г., и был перенаправлен из перегруженной Ир-

[6] Высочайше утвержденное положение Военного Совета о сформировании в урочище Анучино Приморской области временной дисциплинарной роты. 20 января 1908 г. // ПСЗ РИ III. Т. 28. № 29982.

[7] Расписание сухопутных войск. Исправленное по 1 сентября 1914 г. СПб.: Военная типография, 1914. 578 с.

[8] Приказ по военному ведомству № 312 от 4 июля 1910 г. // Приказы по военному ведомству за 1910 г. СПб.: Военная типография, 1910; Циркуляр Главного Штаба № 35 от 14 февраля 1911 г. // Циркуляры Главного Штаба за 1911 г. СПб.: Военная типография, 1911.

[9] Циркуляр Главного Штаба № 259 от 19 декабря 1912 г. // Циркуляры Главного Штаба за 1912 г. СПб.: Военная типография, 1912.

кутской дисциплинарной роты излишек штрафованных нижних чинов, по-прежнему отправляемых в Сибирь с Дальнего Востока, где списочный состав офицеров и нижних чинов достиг к 1 января 1913 г. 3074 и 120536 чел. соответственно (РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 893. Л. 1а.).

Список источников

Авилов Р. С. Военно-учебные заведения Забайкалья в 1899 г. Ч. 1. Иркутская приготовительная школа Сибирского кадетского корпуса (по материалам поездки А. Н. Куропаткина) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021a. № 1. С. 182–194.

Авилов Р. С. Военно-учебные заведения Забайкалья в 1899 г. Ч. 2. Иркутское юнкерское училище (по материалам поездки А. Н. Куропаткина) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021b. № 2. С. 112–126.

Авилов Р. С. Братья по несчастью: Иркутская и Красноярская казачьи сотни в 1899 г. (по материалам поездки А. Н. Куропаткина) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021c. № 3. С. 146–159.

Авилов Р. С. Военно-врачебные заведения Забайкалья в 1899 г. (по материалам поездки А. Н. Куропаткина) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021d. № 4. С. 168–178.

Авилов Р. С. Поездка военного министра А. Н. Куропаткина в Сибирский военный округ в 1899 г. и ее результаты // Мир политики и социологи. 2019. № 4. С. 157–176.

Авилов Р. С. Сибирский военный округ (1899–1906 гг.): страницы истории // Военно-исторический журнал. 2014. № 7. С. 15–21.

Безугольный А. Ю., Ковалевский Н. Ф., Ковалев В. Е. История военно-окружной системы в России. 1862–1918. М. : Центрполиграф, 2012. 463 с.

Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. М.: Наука, 1977. 615 с.

Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в начале XX века. М.: Наука, 1986. 238 с.

Генерал Куропаткин – государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения: коллективная монография. СПб. : Фонд «Университет», 2018. 370 с.

Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий: 1881–1903. М. : Мысль, 1973. 351 с.

Копылов В. А., Милюхин В. П., Фабрика Ю. А. Сибирский военный округ: Первые страницы истории (1865–1917). Новосибирск, 1995. 246 с.

Кузнецов М. Ю. Иркутская дисциплинарная рота в 1879–1884 гг. // Двенадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения. В 2. т. Т. 1. Материалы. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. С. 58–63.

References

Avilov R. S. (2021a) The military-educational institution of Transbaikal in 1899. Pt. 1. Irkutsk Preparatory School of Siberian Cadet Corps (based on material of visit of Aleksey N. Kuropatkin). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. No. 1. P. 182-194. (In Russ.).

Avilov R. S. (2021b) The military-educational institution of Transbaikal in 1899. Pt. 2. Irkutsk Junker School (based on material of visit of Aleksey N. Kuropatkin). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. No. 2. P. 112-126. (In Russ.).

Avilov R. S. (2021c) Companions in misfortune: Irkutsk and Krasnoyarsk Cossack hundreds in 1899(based on material of visit of Aleksey N. Kuropatkin). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. No. 3. P. 146-159. (In Russ.).

Avilov R. S. (2021d) The military-medical institution of Transbaikal in 1899 (based on material of visit of Aleksey N. Kuropatkin). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. No. 4. P. 168-178. (In Russ.).

Avilov R. S. (2019) The 1899 visit of the War Minister gen. Kuropatkin to the Siberian Military District and its results. *Mir politiki i sotsiologii = World of Politics and Sociology.* No. 4. P. 157-176. (In Russ.).

Avilov R. S. (2014) Siberian Military District (1899-1906): pages of history. *Voenno-istoricheskii zhurnal = Military-History Magazine.* No. 7. P. 15-21. (In Russ.).

Bezugol'nyi A. Yu., Kovalevskii N. F., Kovalev V. E. (2012) The history of military-district system in Russia. 1862-1918. Moscow: Sentrpolugraph Publishing Company. 463 p. (In Russ.).

Beskrovnyi L. G. (1977) Russian Army and Fleet in XIX century. Moscow: Nauka. 615 p. (In Russ.).

Beskrovnyi L. G. (1986) Russian Army and Fleet in early XX century. Moscow: Nauka. 238 p. (In Russ.).

(2018) General Kuropatkin - State and Military Leader of the Russian Empire. 170th Anniversary of his Birth. Collective monograph. St. Petersburg: Foundation “University”. 370 p. (In Russ.).

Zaionchkovskii P. A. (1973) Autocracy and the Russian Army in the late XIX - early XX century. 1881-1903. Moscow: Mysl'. 351 p. (In Russ.).

Kopylov V. A., Milyukhin V. P., Fabrika Yu. A. (1995) Siberian Military District: first pages of history (1865-1917). Novosibirsk. 246 p. (In Russ.).

Kuznetsov M. Yu. (2019) Irkutsk Disciplinary Company in 1879-1884. *Dvenedtsatiye Baikalskie socialno-gumanitarnye chtenia = 12th Baikal social-humanity readings.* In 2 Vol. Vol. 1. Materials. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 58-63. (In Russ.).

Кузнецов М. Ю. Особенности организации управления местными войсками Восточно-Сибирского военного округа в 1865–1884 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 3. С. 136–149.

Ращупкин Ю. М. Иркутский военный округ во второй половине XIX – начале XX веков: формирование, специфика и деятельность. Иркутск : Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2003. 207 с.

Романов Г. И. Казачье население Иркутской губернии конца XIX – начала XX в. // Земля Иркутская. 1995. № 3. С. 30–33.

Романов Г. И., Новиков П. А. Иркутское казачество (2-я половина XVII – начало XX в.). Иркутск: Земля Иркутская, 2009. 352 с.

Субботин Ю. Ф. «Дела на Дальнем Востоке могут привести нас к конфликту с Японией» // Армия и флот в геополитических интересах России / отв. ред. И. С. Рыбаченок. М. : Институт Российской истории РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2019. С. 145–182.

Тавастшерна А. В. Дисциплинарные батальоны и роты // Военная энциклопедия. СПб. : Т-во И. Д. Сытина, 1912. Т. 9. С. 118–119.

Ульянов Э. И., Леонов О. Регулярная пехота 1855–1918. М. : Изд-во АСТ-ЛТД, 1998. 288 с.

Kuznetsov M. Yu. (2018) Features of the organization of management of local troops of the East-Siberian Military District in 1865-1884. *Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 14. No. 3. P. 136-149. (In Russ.).

Raschchupkin Yu. M. (2003) Irkutsk Military District in 2nd part of XIX - early XX centuries: creating, particularity and practice. Irkutsk: East-Siberian Institute of Russian Ministry of Internal Affairs. 207 p. (In Russ.).

Romanov G. I. (1995) Cossack population of Irkutsk governorate in late XIX - early XX century. *Zemla Irkutskaya = Land of Irkutsk.* No. 3. P. 30-33. (In Russ.).

Romanov G. I., Novikov P. A. (2009) Kossaks of Irkutsk (2nd part of XVII - early XX century). Irkutsk: Terra Irkutska. 352 p. (In Russ.).

Subbotin Yu. F. (2019) «The matters in the Far East may lead us to a conflict with Japan». *Armiya I flot v geopoliticheskikh interesakh Rossii = Army and Navy in geopolitical interests of Russia*. Moscow: Institute of Russian History RAS, Center of Human Initiative. P. 145-182. (In Russ.).

Tavastsherna A. V. (1912) Disciplinary battalions and companies. *Voennaya encyclopedia = Military Encyclopedia*. Vol. 9. St. Petersburg: I. D. Sytin Publishing Company. P. 118-119. (In Russ.).

Ul'yanov E. I., Leonov O. (1998) Regular infantry in 1855-1918. Moscow: AST-LTD. 288 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Р. С. Авилов – кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
690001, Владивосток, ул. Пушкинская, 89, Россия;
главный библиотекарь Научной библиотеки,
Дальневосточный федеральный университет,
690095, Владивосток, ул. Алеутская, 65-б, Россия.

Вклад автора

Авилов Р. С. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 19 ноября 2021 г.; одобрена после рецензирования 17 декабря 2021 г.; принята к публикации 10 января 2022 г.

Information about the author

R. S. Avilov – Cand. Sci. (History),
Senior Researcher,
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS,
89, Pushkinskaya St., Vladivostok 690001, Russia;
Chief Librarian of the Scientific Library,
Far Eastern Federal University,
65b, Aleutskaya St., Vladivostok 690095, Russia.

Contribution of the author

Avilov R. S carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted November 19, 2021; approved after reviewing December 17, 2021; accepted for publication January 10, 2022.

Научная статья
УДК 93
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-173-180

Государственное довольствие и льготы мировых судей в Иркутской губернии в 1896–1917 гг.

Дмитрий Владимирович Михаэлис

Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия, mdv97@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-9029-9733

Аннотация. В настоящей работе рассматриваются размеры денежного довольствия и перечень льгот, предоставляемых мировым судьям на территории Иркутской губернии в пореформенный период. Основное внимание уделено не только размерам окладов и правилам их увеличения, но и нематериальным льготам для мировых судей и их семьям. Производится сравнение сумм окладов судей в дореформенный и пореформенный период, а также их сопоставление с заработной платой различных категорий населения в аналогичные периоды. Изучение и анализ архивных данных Государственного архива Иркутской области и законодательных актов Российской империи, регулировавших размеры окладов и льгот мировых судей в отдаленном регионе России, позволяют более точно определить материальное положение судей во второй половине XIX – начале XX в., а также оценить размеры затрат государства, направляемых на обеспечение судейского корпуса в Российской империи. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что при назначении в Иркутскую губернию мировой судья получал увеличенный оклад и широкий спектр льгот не только для себя, но и для членов своей семьи. С учётом территориальной отдаленности региона от центральной части страны, суровые природно-климатические условия, отсутствие учебных заведений для подготовки юридических кадров, психологические факторы переезда создавали проблему с обеспечением судейского корпуса в Иркутской губернии. Размеры окладов, гарантии их повышения и различные льготы должны были стать стимулом для привлечения квалифицированных специалистов в отдаленную провинцию Российской империи.

Ключевые слова: мировой суд, общий суд, судебная реформа, Российская империя, Иркутская губерния, оклады судей, судейский корпус, льготы, дореволюционное законодательство

Для цитирования: Михаэлис Д. В. Государственное довольствие и льготы мировых судей в Иркутской губернии в 1896–1917 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 1. С. 173–180. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-173-180

Original article

State allowances and privileges of magistrates in Irkutsk Province in 1896-1917

Dmitry V. Mikhaelis

Baikal State University, Irkutsk, Russia, mdv97@yandex.ru, https://0000-0002-9029-9733

Abstract. This paper examines the amount of monetary allowances and the list of benefits provided to magistrates in the Irkutsk Province in the post-reform period. The main attention is paid not only to the size of salaries and the rules for their increase, but also to non-material benefits for magistrates and their families. The amounts of salaries of judges in the pre-reform and post-reform periods are compared, as well as their comparison with the salaries of various categories of the population in similar periods. The study and analysis of archival data from the State Archive of the Irkutsk Region and legislative acts of the Russian Empire regulating the salaries and benefits of magistrates in a remote region of Russia allow us to more accurately determine the financial situation of judges in the second half of the XIX - early XX centuries, as well as to estimate the amount of state expenditures directed to the provision of the judicial corps in the Russian Empire. The conducted research allows us to conclude that when appointed to the Irkutsk Province, a justice of the peace received an increased salary and a wide range of benefits not only for himself, but also for his family members. Taking into account the territorial remoteness of the region from the central part of the country, harsh climatic conditions, the lack of educational institutions for the training of legal personnel, psychological factors of relocation created a problem with the provision of the judicial corps in the Irkutsk Province. The size of salaries, guarantees of their increase and various benefits were supposed to be an incentive to attract qualified specialists to a remote province of the Russian Empire.

© Михаэлис Д. В., 2022

Keywords: magistrate court, general court, judicial reform, Russian Empire, Irkutsk Province, salaries of judges, judicial corps, benefits, pre-revolutionary legislation

For citation: Mikhaelis D. V. (2022) State allowances and privileges of magistrates in Irkutsk Province in 1896-1917. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 1. P. 173-180. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-173-180

Введение

Великие реформы, начатые крестьянской реформой 1861 г., предполагали неизбежное, глобальное изменение всей общественно-политической и правовой жизни Российской империи. Одним из элементов государственного управления, требовавшего фундаментальных преобразований, была судебная власть. Без обновления судов невозможно было обеспечить проведения модернизации остальных структур государства. Одной из задач судебной реформы 1864 г. было законодательное закрепление статуса судей, в том числе регламентация денежного довольствия судейского корпуса и различных льгот. Особое значение это имело для мировых судей, поскольку мировая юстиция являлась новой судебной инстанцией, не похожей на дореформенные судебные органы. Законодатель должен был установить такие оклады и льготы для судей, которые позволили бы поднять значимость обновленной судебной системы, а также привлечь более квалифицированные кадры для службы в этой сфере. Ввиду отдаленности Иркутской губернии от европейской части Российской империи правящие круги были вынуждены устанавливать содержание для судей с учетом особенностей суровой сибирской местности, к числу которых относились большие расстояния и неблагоприятный климат. Модернизированная, независимая судебная система в Сибири должна была заменить старые суды со сложной процедурой, зависевшие от администрации. Финансирование суда в дореформенной России было низким. Исследователи признают, что «суммы, ассигновавшиеся на содержание судебных мест, а в особенности уголовных и гражданских палат, были совершенно недостаточны, и настоятельно требовалось их увеличение» (Крестьянников, 2018. С. 23). Новые суды должны были отличаться достойным материальным обеспечением. Без существенного увеличения жалованья судейского корпуса реформа оказалась бы несостоятельной и могла провалиться. Однако из-за больших финансовых затрат обновление судебной власти неизбежно должно было растянуться на десятилетия. Это привело к тому, что судебная реформа, стартовавшая в 1864 г. по приказу Александра II, началась в Сибири лишь в 1897 г. Расходы на новые учреждения, постепенно вводившиеся по всей России, как выразился уже в 1890-е гг. министр юстиции Н. В. Муравьёв, «естественно должны были отодвинуть несколько на второй план заботы об улучшении управления и суда в Сибири» (Крестьянников, 2018. С. 23).

Историография исследования

Исследование и анализ отдельных нововведений судебной реформы 1864 г. начались сразу же после её реализации. На страницах дореволюционной периодической печати отечественными учеными-юристами обсуждалось как функционирование и статус отдельных институтов судебной системы Российской империи (Тулуб, 1897; Леонтьева, 1897), так и материальное обеспечение обновленного судейского корпуса, в том числе довольствие и льготы судей общей и мировой юстиции (Джаншиев, 1907). Материальное положение дореволюционного судейского корпуса, в том числе мировых судей, в современной историографии нашли своё отражение в работах историков (Соклаков, 2019; Крестьянников, 2018) и в работах ученых-юристов (Хутько, 2017. С. 181; Ванькина, 2020. С. 35). Особый интерес представляют работы, посвященные различным особенностям реализации судебной реформы на территории Иркутской губернии, поскольку изменения судоустройства начались на этой территории значительно позже остальных частей Российской империи с учетом особенностей этой провинции (Цыкунов, 2014; Казарин, 2014; Деревскова, 2007; Курас, 2002, Михаэлис С. И., Михаэлис В. В., Михаэлис Д. В., 2021).

Материальное положение судей в дореформенный период

В дореформенный период денежное довольствие судей не регулировалось единым нормативным актом. Денежные суммы, выплачиваемые судьям, устанавливались отдельными законами. Например, на 1835 г. выплаты уездным судьям в год со-

ставляли 1500 руб., заседателям в палатах – 1000 руб., в уездных судах – 800 руб.[1]. При этом на затраты Министерства юстиции выделялось 1 250 000 руб. в год[2]. С 1831 г. дополнительные материальные компенсации в пользу судей было предложено осуществлять дворянским собраниям из сумм земского сбора и сословных касс (Воропанов, 2014). Еще одной из выплат была «мотивирующая выплата», выдаваемая только при особенных заслугах.

Отдельными актами регулировалась оплата судей в отдаленных провинциях страны, например, в Восточной Сибири. В начале XIX в. заседатели имели оклад в 375, судьи – в 450 руб. (Воропанов, 2014). Члены судебных палат получали от 600 до 900 руб., председатели – 1350 руб. в год. Изменение окладов производилось в 1822 и 1837 годах. По штату 1837 г. председателю губернского суда в Сибири начислялось 4000 руб., товарищу 2500 руб., советнику 2000 руб., окружному судье 1500 руб. и заседателю 1000 руб. в год[3]. Для судей, отработавших в Сибири, предусматривались повышенные пенсии[4]. Однако все указанные повышения окладов съедались инфляцией и удорожанием продуктов, особенно в Сибири. В 1857 г. императором Александром II было увеличено довольствие судей в Сибири из-за «…отдаленности и существующей там дороговизны…»[4]. Председатель Иркутского губернского суда получал 1400 руб. серебром в год, товарищ председателя губернского суда – 700 руб. серебром в год, судья Иркутского окружного суда – 500 руб. серебром в год[4]. Уточнялось, что источником финансирования этих окладов являлись сибирские крестьяне, которые должны были платить особый сбор[4].

Отдаленность Сибири от центральной России вела к тому, что судебная система в этой провинции работала с большими нарушениями. Так, М. М. Сперанским в ходе его ревизионной деятельности в Сибири было выявлено, что сибирские суды могли не принимать дела к своему производству под различными предлогами, дела могли теряться, а также обнаруживались исправления и подчистки в процессуальных документах. По результатам работы М. М. Сперанского сибирский генерал-губернатор И. Б. Пестель (отец главы южного общества декабристов П. И. Пестеля) был отправлен в отставку.

Денежное довольствие и льготы мировых судей в пореформенный период

Нормативным актом, регулировавшим правовой статус судей, в том числе мировых, в Российской империи в пореформенный период являлось Учреждение судебных установлений от 1864 г. При его составлении законодатель представлял, что «к числу условий хорошего судебного устройства надлежит отнести и назначение судебным чинам содержания, могущего обеспечить им средства к жизни», судьям необходимо такое содержание, «которое доставляло бы им положение, соответствующее важности их назначения», а «доставление чинам судебного ведомства средств приличного существования принадлежит к важнейшим условиям правильного судоустройства» (Волосатых, 2016. С. 145)[5]. В соответствии с этим законодательным актом оклад мирового судьи в столице устанавливался в размере 2200 руб. в год, а в «прочих местах» – 1500 руб. в год. Эта сумма включала в себя непосредственно жалование, «столовые» и «квартирные» деньги. При этом, местные власти могли ходатайствовать об увеличении этой суммы «…если найдут, что оклад в 1500 рублей, назначенный мировым судьям, по уважению дороговизны или по каким-либо другим местным причинам недостаточен…только не свыше оклада в 2200 рублей, определенного для члена окружного суда[6]». Отметим, что

[1] О пенсиях судей окружных судов в Сибирской губернии и областях: высочайшее утвержденное положение Комитета Министров // Полный Свод Законов Российской Империи. 1833. Собр. II. Т. VIII. № 6212.

[2] Об отпуске добавочной суммы на улучшение губернских штатов по ведомствам Святейшего Синода и Министерства финансов, юстиции и внутренних дел: именной указ от 26 января 1835 г. // Полный Свод Законов Российской Империи. Собр. II. Т. X. Отделение 1. № 7744.

[3] Об отпуске суммы для улучшения губернских штатов ведомства Министерства юстиции и внутренних дел, а также по военному и сухопутному ведомству: именной указ от 30 августа 1834 г. // Полный Свод Законов Российской Империи. Собр. II. Т. IX. Отделение 1. № 7369.

[4] О некоторых изменениях по управлению в Восточной и Западной Сибири: именной указ от 10 января 1857 г. // Полный Свод Законов Российской Империи. Собр. II. Т. XXXI. Отделение 1. № 31222.

[5] Волосатых Е. А. Хронодискретное историко-теоретическое исследование правового статуса мирового судьи в Российской империи и Российской Федерации : дис. … канд. юр. наук. Нижний Новгород, 2016. 216 с.

[6] Учреждение судебных установлений от 1864 г. // СПС «Консультант Плюс».

еще до назначения на должность судьи, кандидат мог получать небольшие выплаты. В соответствии с законом «О вознаграждении кандидатов на должности по судебному ведомству за труды их» от 8 апреля 1875 г. старшие председатели судебных палат и председатели окружных судов имели право назначать по своему усмотрению единовременные выплаты наиболее усердным и достойным кандидатам в сумме не более 600 руб. в год[7]. Например, один из кандидатов на судебную должность в Иркутской губернии Н. К. Александров получал 900 руб. в год (Административно-судебная…, 2004). Аналогичную сумму получал кандидат на судебную должность П. Д. Гагарин (Административно-судебная…, 2004. С. 77). Всего государство выделяло на выплаты кандидатам на судебные должности 68 400 руб. в год.

Судебная реформа, последовательно вводившая изменения на всей территории Российской империи, к 1896 г. начала проводиться на территории Восточной Сибири, в том числе в Иркутской губернии. В этой отдаленной провинции России дольше всех судопроизводство осуществлялось по нормам, введенным еще Екатериной II «Учреждением для управлений губерниями». Восточная Сибирь требовала особого подхода к проведению изменений с учетом специфики местного населения и отдаленности от европейской части Российской империи. В связи с этим законодатель предусмотрел особые условия для служащих здесь чиновников, в том числе и для мировых судей. В первую очередь это касалось окладов, установленных для мировых судей. В соответствии с «Временными правилами…» мировой судья в Иркутской губернии получал 1700 руб. в год из расчета: жалование 1200 руб., «столовых» 500 руб. В дополнение к этому судьям выдавалось 900 руб. в год на канцелярские расходы, а также они получали квартирные деньги по 500 р. каждый из местных бюджетов. При этом мировые судьи на Олекминской и Витимской золотопромышленной системе, территориально находящиеся в Якутской губернии, но относившиеся к ведению Иркутского окружного суда, получали по 3000 руб. в год и им отводились квартиры с отоплением и освещением, а также предоставлялись лошади для разъездов. Отметим, что в современном российском законодательстве не предусмотрена ежемесячная выплата для компенсации расходов на жилье, однако в соответствии со ст. 19.1. Федерального Закона «О статусе судей в Российской Федерации» судьям на основании их заявления один раз могут быть выданы денежные средства для приобретения или строительства жилья, а судьям, не имеющим жилых помещений по месту нахождения суда, предоставляется служебное жильё[8].

Для сравнения приведем годовое жалование некоторых чиновников судебного ведомства в Иркутской губернии без учёта столовых и квартирных денег: старший председатель Иркутской судебной палаты и председатель департамента Иркутской судебной палаты получали 3000 руб., председатель окружного суда – 2500 руб., товарищ председателя окружного суда – 2000 руб. Отметим, что денежные оклады мировых судей в различных частях Российской империи также отличались. Например, мировой судья в Степном и Туркестанском крае получал 4000 руб. в год, а судьи в Черноморской губернии получали больше средств «на разъезды» (Крестьянников, 2018. С. 29). По мнению исследователей, эта ситуация была не только несправедливой, поскольку лица в одной и той же должности оказывались в разном материальном положении, но и ошибочной – при назначении окладов не учитывалась, например, стоимость продуктов питания, цена которых в Сибири была выше, чем в Туркестане (Крестьянников, 2018. С. 30). В то же время профессора российских вузов получали от 3000 до 5000 руб., не считая почасовые совмещения, столько же получал депутат Государственной Думы Российской Империи (Михаэлис, 2021. С. 134). Чиновники почтового ведомства получали от 390 руб. до 1300 руб. в год в зависимости от их класса (Сидорова, 2018. С. 36). Средняя же зарплата рабочих в Сибири в 1902 г. равнялась 189,3 руб. в год, а в 1916 г. уже 478 руб. в год (Фаронов, 2012. С. 94). Сравнивая оклады российских судей с судьями в зарубежных странах, исследователи приходят к выводу, что оплата труда судей в Российской империи была в несколько раз выше (Волосатых, 2016. С. 148)[5].

Одним из главных вопросов при реализации судебной реформы на территории Иркутской губернии

[7] О вознаграждении кандидатов на должности по судебному ведомству за труды их от 1875 г. // URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 10.12.2021).

[8] О статусе судей в Российской Федерации: Федеральный закон от 26 июля 1992 г. № 3132-1. // URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 12.12.2021).

оставался кадровый вопрос. Министр юстиции Н. В. Муравьев указывал, что судебные кадры должны состоять из местных жителей, хорошо знающих местность. С другой стороны, министр признавал, что в Сибири невозможно будет обойтись без судей, направленных из Европейской части России (Михаэлис, 2020. С. 154). Осознавая это, государство ввело ряд льгот для государственных служащих, в том числе для судей, направляемых в отдаленные провинции Российской империи в целях их стимулирования. В соответствии с «Временными правилами…» служащие в Приамурском, Иркутском, Степном, Туркестанском генерал-губернаторствах, Тобольской, Томской губерниях обладали рядом преимуществ перед другими провинциями Российской империи. Уточнялось, что «наибольшие преимущества» предоставлялись на Сахалине, Якутской области, Туруханском крае и некоторых округах Приамурской области и Тобольской губернии. Законодатель указал, что в этих провинциях преимущества не предоставлялись служащим, если они родились в указанной местности, при этом все льготы начинали предоставляться, если они имели высшее образование или отсутствовали в течение 10 лет на этой территории.

Считаем необходимым разделить льготы для мировых судей на прямые и косвенные. Прямыми являются льготы, получать которые должен был непосредственно мировой судья или семья судьи в случае его смерти. Косвенные льготы получали члены семьи судьи или сам судья за того или иного члена семьи. К числу прямых льгот, положенных мировым судьям в Иркутской губернии, относились различные дополнительные выплаты и пособия: денежные средства для компенсации проезда, выдаваемые в повышенном размере по сравнению с другими территориями России, подъемные средства для обустройства жизни на новом месте, прибавки к жалованью; пособия по выслуге лет, пособия семействам лиц, умерших на службе.

Общие правила выдачи денежных средств для компенсации проезда («прогонные деньги») содержались в Своде уставов о службе гражданской. Сумма, которая подлежала компенсации, зависела не от расстояния, которое предстояло преодолеть до места службы, а от класса чиновника. Например, чиновнику III класса выдавались деньги на двенадцать лошадей, чиновнику VIII класса – на три лошади. Эти же правила сохранялись и для судей, направляемых в Иркутскую губернию, но они получали суммы в полуторном размере. Нормативные акты не содержали конкретных сумм, положенных к выплате, однако сохранилась статистика сумм, выплаченных в качестве «прогонных». В 1875 г. на обеспечение поездок 96 гражданским служащим было затрачено 42 111 руб. 35 коп. на выплату прогонных (Зубов, 2008). Отмечается, что эта система признавалась устаревшей и предпринимались попытки для её изменения. В первую очередь предполагалось выдавать «прогонные деньги» с привязкой к стоимости проезда в поезде, поскольку к концу XIX – началу XX в. в России была развита система железнодорожного сообщения. Например, чиновник V класса и выше мог получать 7,5 коп. за проезд, провоз прислуги и багажа на расстояние в одну версту (Зубов, 2008. С. 69). Говоря о расходах государства, отметим, что в 1897 г. оно планировало потратить 1 472 520 руб. на создание и устройство новой судебной системы в Сибири, а с 1898 г. выделять 1 023 700 руб. для содержания новых органов (Зубов, 2008. С. 67).

Сумма подъемных средств для обустройства на месте службы мировым судьям Иркутской губернии зависела от наличия семьи. При наличии семьи судья получал сумму, равную своему годовому жалованию, в то время как «одинокий» получал 2/3 своего годового жалования. Таким образом, неженатый мировой судья, направляемый на службу в Иркутск при жаловании в 1200 руб. в год мог получить 800 руб. подъемных. Половина этой суммы выдавалась до поездки, вторая половина выдавалась уже на месте. Если мировой судья умирал по дороге к месту службы, то оставшуюся сумму получала его семья. Во избежание злоупотреблений со стороны чиновников устанавливалось, что при получении указанных компенсаций мировой судья был обязан прослужить в Иркутской области не менее трёх лет либо вернуть полученные суммы. Кроме того, факт возврата фиксировался в личном деле мирового судьи, что могло негативно отразиться на его деловой репутации. По нашему мнению, эта мера служила не только как защита от злоупотребления, но и являлась дополнительной гарантией закрепления квалифицированных юридических кадров в отдаленной провинции Российской империи. Особой формой поощрения была 25 % прибавка к жалованию по выслуге 10 лет. С учетом скромных сумм жалования мирового судьи такое увеличение жалования являлась хорошим стимули-

рующим средством для привлечения кадров в Иркутскую губернию.

Данные фондов Государственного архива Иркутской области содержат сведения о жаловании конкретных мировых судей Иркутской губернии. Например, мировой судья одного из участков Иркутской губернии Н. Ф. Акимов получал довольствие в размере 8400 руб. в год, такую же сумму получал мировой судья М. И. Воевудский (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 243. Оп. 2. Д. 10. Л. 18; ГАИО. Ф. 243. Оп. 4. Д. 4. Л. 14). Аналогичную сумму получал судья В. Г. Галицкий. (Административно-судебная…, 2004. С. 78). Мировой судья М. С. Лаврентьев получал 3000 руб. в год (ГАИО. Ф. 243. Оп. 4. Д. 11. Л. 16). Такое различие в суммах объясняется не только повышением окладов за выслугу лет, но и наличием сумм, выплачиваемых кавалерам орденов Российской империи. Для сравнения, старший председатель Иркутской судебной палаты Н. П. Ераков получал 9030 руб. в год, а председатель Департамента Иркутской судебной палаты С. С. Дроздовский получал 7334 руб. в год (Курас, 2001. С. 107). После падения монархии в России местные власти планировали повышение окладов мировых судей. Согласно постановлению Временного Сибирского Правительства, к ноябрю 1917 г. мировой судья должен был получать оклад в размере 3600 руб. в год, а к 1 июня 1918 г. уже 7825 руб. в год (ГАИО. Ф. 243. Оп. 7. Д. 51. Л. 18). Кроме того, предполагалось выделение 10 000 руб. в год на канцелярские расходы, а также 75 руб. в месяц, которые выдавались в безотчетное распоряжение (ГАИО. Ф. 243. Оп. 7. Д. 51. Л. 18).

К числу косвенных льгот относилось введение стипендий для детей мирового судьи в учебных заведениях. Оговаривалось, что при принятии детей чиновников на бюджетные места преимущество отдавалось детям «…способнейших и усерднейших чиновников, которые служат там долее прочих», но за генерал-губернатором оставалось право «…помещать на казённое содержание детей таких чиновников, кои, хотя недавно служат в Сибири, но по приносимой ими пользе заслуживают особенного внимания»[9]. Особые условия предоставлялись дочерям мирового судьи, поскольку для «детей женского пола» в Иркутске учреждался Девичий институт Восточной Сибири. Эта мера являлась не только преимуществом на службе мирового судьи в Иркутской губернии, но и способствовала получению образования в отдаленном регионе страны. Для членов семьи мирового судьи также, как и для самого мирового судьи в Иркутской губернии, предусматривался особый порядок расчета выслуги лет для выхода на пенсию – три дня службы засчитывались за четыре.

Заключение

Таким образом, при определении государственного довольствия и льгот мировым судьям в Иркутской губернии учитывалась специфика сибирской территории и проживающего там населения. Солидные денежные выплаты и нематериальные льготы, получаемые мировыми судьями, способствовали формированию судейского корпуса в отдаленной губернии Российской империи. Вместе с тем финансирование новых судебных учреждений в Сибири проходило в условиях жесткой экономии, поскольку Министерство юстиции Российской империи не желало тратить значительные средства на столь отдаленную территорию, в связи с чем материальное положение судей в Иркутской губернии отличалось от материального положения судей в других регионах. Недостаток финансирования, большие расстояния, а также сочетание судебных, следственных и нотариальных функций в лице мирового судьи явились причинами многочисленных ошибок в деятельности мировой юстиции Иркутской губернии, что негативно сказывалось на работе всей пореформенной судебной системе в этой провинции. По моему мнению, указанная ситуация, продиктованная желанием сэкономить на некоторых должностях (в том числе по этой же причине в Иркутской губернии не вводился съезд мировых судей, как апелляционная инстанция для участковых мировых судов), также была несправедливой по отношению к сибирским мировым судьям, поскольку, обладая равным статусом и примерно одинаковым денежным довольствием, мировой судья в Иркутской губернии обязан был выполнять более широкий круг полномочий, чем в других местностях Российской империи, что приводило к большой нагрузке и затруднениям в выполнении их основной обязанности – осуществлении правосудия.

[9] Временные правила о применении судебных уставов в губерниях и областях Сибири от 13 мая 1896 г. // URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 01.12.2021).

Список источников

Административно-судебная система Восточной Сибири конца XIX – начала XX века в лицах и документах: материалы к энциклопедии / сост. В. Г. Вишневский. Иркутск : Н. Г. Кулик , 2004. 398 с.

Ванькина Е. А. К вопросу о финансировании мирового суда в исторической ретроспективе // Кронос. 2020. № 8 (46). С. 35–37.

Воропанов В. А. Эволюция статуса судей в законодательстве Российской империи первой половины XIX в. // История государства и права. 2014. № 9. С. 15–19.

Деревскова В. М. Создание мировой юстиции в ходе проведения судебной реформы в Восточной Сибири в 1896 г. // История государства и права. 2007. С. 18–20.

Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ. СПб., 1907. Т. 3. 500 с.

Зубов В. Е. Особенности организации материального обеспечения служебной деятельности чиновников в пореформенной России (вторая половина XIX – начало XX в.). // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 313. С. 66–71.

Казарин В. Н. Судебная реформа 1864 г.: эволюция подходов и оценок на страницах научных журналов (пятьдесят, двадцать пять лет назад и сегодня) // Сибирский юридический вестник. 2014. № 4(67). С. 29–38.

Крестьянников Е. А. Финансовые аспекты судебной реформы в Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Российская история. 2018. № 2. С. 22–34.

Курас Т. Л. Материальное обеспечение судей Иркутской Судебной палаты: 1897 – февраль 1917 гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2001. С. 105–108.

Курас Т. Л. Материальное положение и правовая регламентация кандидатов на судебные должности, на примере округа Иркутской судебной палаты (1897 – февраль 1917 г.) // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2002. С. 74–77.

Леонтьева А. А. Мировая юстиция во Франции // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 6. С. 135–161.

Михаэлис Д. В. Квалификационные требования к кандидатам на должность судей после судебной реформы Александра II // Российская цивилизация: история, проблемы, перспективы : материалы XXIV Всероссийской молодёжной научно-практической конференции с международным участием. 2020. С. 151–154.

Михаэлис Д. В. Освещение судебной реформы 1864 г. и деятельности судебной системы в печатных изданиях России // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2021. № 2 (44). С. 133–136.

References

Vishnevskii V. G. (2004) The administrative and judicial system of Eastern Siberia of the late XIX - early XX century in persons and documents: materials for the encyclopedia. Irkutsk: N. G. Kulik. 398 p. (In Russ.).

Van'kina E. A. (2020) On the issue of financing the magistrate court in historical retrospect. *Kronos*. No. 8 (46). P. 35-37. (In Russ.).

Voropanov V. A. (2014) Evolution of the status of judges in the legislation of the Russian Empire in the first half of the XIX century. *Istoriya gosudarstva i prava = History of the state and law*. No. 9. P. 15-19. (In Russ.).

Derevskova V. M. (2007) The creation of magistrate justice in the course of judicial reform in Eastern Siberia in 1896. *Istoriya gosudarstva i prava = History of the State and law*. P. 18-20. (In Russ.).

Dzhanshiev G. A. (1907) The Epoch of great reforms. St. Petersburg. Vol. 3. 500 p. (In Russ.).

Zubov V. E. (2008) Features of the organization of material support for the official activities of officials in post-reform Russia (the second half of the XIX - beginning of the XX century.). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. No. 313. P. 66-71. (In Russ.).

Kazarin V. N. (2014) Judicial reform of 1864: the evolution of approaches and assessments on the pages of scientific journals (fifty, twenty-five years ago and today). *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Legal Bulletin*. No. 4(67). P. 29-38. (In Russ.).

Krest'yannikov E. A. (2018) Financial aspects of judicial reform in Siberia (late XIX - early XX century). *Rossiiskaya istoriya = Russian History*. No. 2. P. 22-34. (In Russ.).

Kuras T. L. (2001) Material support of judges of the Irkutsk Judicial Chamber: 1897 - February 1917. *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik = Irkutsk Historical and Economic Yearbook.* P. 105-108. (In Russ.).

Kuras T. L. (2002) Financial situation and legal regulation of candidates for judicial positions, on the example of the Irkutsk Judicial Chamber district (1897 - February 1917). *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik = Irkutsk Historical and Economic Yearbook*. P.74-77. (In Russ.).

Leont'eva A. A. (1897) World justice in France. *Zhurnal Ministerstva yustitsii = Journal of the Ministry of Justice.* No. 6. P. 135-161. (In Russ.).

Mikhaelis D. V. (2020) Qualification requirements for candidates for the position of judges after the judicial reform of Alexander II. *Rossiiskaya tsivilizatsiya: istoriya, problemy, perspektivy: Materialy XXIV Vserossiiskoi molodezhnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem = Russian civilization: History, problems, prospects: Proceedings of the XXIV All-Russian Youth Scientific and Practical Conference with international participation.* P. 151-154. (In Russ.).

Mikhaelis D. V. (2021) Coverage of the judicial reform of 1864 and the activities of the judicial system in printed publications of Russia. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri = Problems of Socio-Economic Development of Siberia.* No. 2 (44). P. 133-136. (In Russ.).

Михаэлис С. И., Михаэлис В. В., Михаэлис Д. В. Способы визуализации данных материалов исторических исследований на примере судов Российской Империи после судебной реформы 1864 г. // Историческая информатика. 2021. № 3 (37). С. 1–18.

Сидорова С. О. Материальное положение почтово-телеграфных служащих на территории Беларуси на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Сер. 1. История и археология. Философия. Политология. 2018. Т. 10. № 3. С. 35–42.

Соклаков В. Н. Вопросы повышения окладов судьям в законотворческой деятельности Российской империи (к истории принятия закона 3 июля 1908 г.) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 1 (49). С. 38–44. URL: http://scientific-notes.ru/#new-number?id=137 (дата обращения 16.12.2021).

Тулуб П. А. Из заметок и наблюдений мирового судьи // Журнал Министерства Юстиции. 1897. № 3. С. 197–222.

Фаронов В. Н. Рабочая семья Сибири в конце XIX – начале XX в. (по материалам Томской губернии). Барнаул : Азбука, 2012. 200 с.

Хутько Т. В. Финансовое и материально-техническое обеспечение деятельности мировых судебных учреждений в Таврической губернии (60–80-е гг. XIX в.) // lex russica (русский закон). 2017. № 4 (125). С. 179–187.

Цыкунов Г. А. Предпосылки и проведение судебной реформы 1864 г. // Глаголъ правосудия. 2014. № 2(8). С. 86–89.

Информация об авторе

Д. В. Михаэлис – аспирант кафедры международных отношений и таможенного дела,
Байкальский государственный университет,
664003, Иркутск, ул. Ленина, 11, Россия.

Вклад автора

Михаэлис Д. В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 18 декабря 2021 г.; одобрена после рецензирования 25 января 2022 г.; принята к публикации 7 февраля 2022 г.

Mikhaelis S. I., Mikhaelis V. V., Mikhaelis D. V. (2021) Methods of visualization of historical research data on the example of the courts of the Russian Empire after the judicial reform of 1864. *Istoricheskaya informatika = Historical Informatics*. No. 3 (37). P. 1-18. (In Russ.).

Sidorova S. O. (2018) The financial situation of postal and telegraph employees on the territory of Belarus at the turn of the XIX-XX centuries. *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Ser. 1. Istoriya i arkheologiya. Filosofiya. Politologiya = Bulletin of the Yanka Kupala Grodno State University. Ser. 1. History and Archeology. Philosophy. Political science*. Vol. 10. No. 3. P. 35-42. (In Russ.).

Soklakov V. N. (2019) Questions of increasing salaries of judges in the legislative activity of the Russian Empire (to the history of the adoption of the law on July 3, 1908). *Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. Uchenye zapiski = Electronic Scientific Journal of Kursk State University. Scientific notes.* No. 1 (49). P. 38-44. (In Russ.). Available from: http://www.scientific-notes.ru (Accessed 12.16.2021).

Tulub P. A. (1897) From notes and observations of a magistrate. *Zhurnal Ministerstva Yustitsii = Journal of the Ministry of Justice*. No. 3. P. 197-222. (In Russ.).

Faronov V. N. (2012) The working family of Siberia in the late XIX - early XX century (based on the materials of the Tomsk province). Barnaul: Azbuka. 200 p. (In Russ.).

Khut'ko T. V. (2017) Financial and logistical support of the activities of magistrate judicial institutions in the Tauride province (60-80-ies of the XIX century). *lex russica (russkii zakon) = Lex Russica (Russian Law)*. No. 4 (125). P. 179-187. (In Russ.).

Tsykunov G. A. (2014) Prerequisites and implementation of judicial reform in 1864. *Glagol" pravosudiya = Glagol of justice*. No. 2(8). P. 86-89. (In Russ.).

Information about the author

D. V. Michaelis – postgraduate student of the Department of International Relations and Customs Affairs,
Baikal State University,
11, Lenin St., Irkutsk 664003, Russia.

Contribution of the author

Michaelis D. V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted December 18, 2021; approved after reviewing January 25, 2022; accepted for publication February 7, 2022.

Научная статья
УДК 94(571)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-181-195

«Саяны на военном фоне»: Поход красного отряда во главе с Н. А. Каландаришвили осенью 1918 г.

Павел Александрович Новиков [1], Геннадий Исакович Хипхенов [2]

[1] Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия, novikov710@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-2968-7822
[2] независимый исследователь, Иркутск, Россия, halifat76@mail.ru

Аннотация. Заблаговременная боевая подготовка и сбор военной информации имеют исключительную ценность. В статье разбирается деятельность структур Иркутского военного округа на монгольском направлении в 1906–1917 гг. Штабные офицеры были предметно осведомлены об экономико-географических условиях Сибири, что нашло отражение в объемных специализированных публикациях. Эти знания пригодились в Гражданской войне. На фоне размаха всероссийского конфликта Сибирь была затронута боевыми действиями в меньшей степени. В начале – середине 1918 г. отряды и красных, и белых пополнялись преимущественно набором добровольцев. К сентябрю 1918 г. вся Сибирь перестала быть ареной регулярных боевых действий, а состоявшиеся кратковременные бои в основном не вышли за пределы Транссибирской магистрали. Кроме успешной мобилизации в Сибирскую армию Иркутский военный округ успешно обеспечивал порядок на своей территории. Так, в сентябре 1918 г. Штаб округа получил сведения о красном отряде во главе с Н. А. Каландаришвили, двигавшемся из Джидинской долины через Монголию, Тункинскую долину и далее через Саяны в Черемховский уезд Иркутской губернии. Своевременно полученная информация позволила оперативно предпринять меры противодействия. Переход через Восточные Саяны или, как называли его участники похода, Белогорье, и по землям сойотов стал тяжелым испытанием. В современном Окинском районе Республики Бурятии сохранилась объемная социальная память об этом событии. Настоящий материал опирается преимущественно на воспоминания участников похода, а наиболее существенные их отличия от данных местных старожилов касаются описания маршрута. Ход событий также освещает интересный документ, впервые выявленный в Российском государственном военном архиве, – доклад командира Отдельного Черемховского батальона полковника И. С. Богатноу. Документ является ценным и ранее неизвестным источником. Он содержит сведения о действиях белого командования, уточняет географию и хронологию событий.

Ключевые слова: Иркутский военный округ, военная топография, Саяны, Н. А. Каландаришвили, И. С. Богатноу, Гражданская война, красные, белые, боевые действия, географическая осведомленность, маршруты движения, ранее неизвестный документ

Благодарности: авторы статьи благодарят Баира Дашиевича Шарастепанова, кандидата географических наук, и Алексея Пурбоевича Папаева, кандидата географических наук (поселок Орлик Республика Бурятия), за помощь в подготовке материала, за ценные советы и консультации.

Для цитирования: Новиков П. А., Хипхенов Г. И. «Саяны на военном фоне»: Поход красного отряда во главе с Н. А. Каландаришвили осенью 1918 г. // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 1. С. 181–195. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-181-195

Original article

“Sayans on a military background”: The campaign of the Red detachment led by N. A. Kalandarishvili in the autumn of 1918

Pavel A. Novikov [1], Gennady I. Hipkhenov [2]

[1] Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia, novikov710@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-2968-7822
[2] Independent researcher, Irkutsk, Russia, halifat76@mail.ru

Abstract. Advance combat training and the collection of military information is of exceptional value. The article examines the activities of the structures of the Irkutsk Military District in the Mongolian direction in 1906-1917. Staff officers were thoroughly

© Новиков П. А., Хипхенов Г. И., 2022

aware of the economic and geographical conditions of Siberia, which is reflected in voluminous specialized publications. This knowledge was useful in the Civil War. Against the background of the scale of the All-Russian conflict, Siberia was affected by its fighting to a lesser extent. In early-mid 1918, both the Reds and Whites were replenished mainly with a set of volunteers. By September 1918, the whole of Siberia had ceased to be the scene of regular hostilities, and the short-term battles that took place mostly did not go beyond the Trans-Siberian Railway. In addition to the successful mobilization into the Siberian Army, the Irkutsk Military District successfully ensured order on its territory. So in September 1918, the district Headquarters received information about the Red detachment led by N. A. Kalandarishvili, moving from the Jida Valley through Mongolia, the Tunka Valley and further through the Sayans to the Cheremkhovsky district of the Irkutsk province. The timely received information made it possible to take counteraction measures promptly. The passage through the Eastern Sayans, or as the participants of the campaign called it, the White Mountains, and through the lands of the Soyots became a difficult ordeal. In the modern Okinsky district of the Republic of Buryatia, a voluminous social memory of this event has been preserved. This material is based mainly on the memories of the participants of the hike, and their most significant differences from the data of local old-timers relate to the description of the route. The course of events is also highlighted by an interesting document, first revealed in the Russian State Military Archive - the report of the commander of the Separate Cheremkhovsky Battalion, Colonel I. S. Bogatnou. The document is a valuable and previously unknown source. It contains information about the actions of the White command, clarifies the geography and chronology of events.

Keywords: Irkutsk Military District, military topography, Sayans, N. A. Kalandarishvili, I. S. Bogatnou, Civil War, Red, White, military operations, geographical awareness, routes of movement, previously unknown document

Acknowledgements: the authors of the article thank PhD Bair Dashievich Sharastepanov, and PhD Alexey Purbuevich Papaev (Orlik settlement, Republic of Buryatia) for their help in preparing the material, and for valuable advice and consultations.

For citation: Novikov P. A., Hipkhenov G. I. (2022) “Sayans on a military background”: The campaign of the Red detachment led by N. A. Kalandarishvili in the autumn of 1918. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 1. P. 181-195. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-181-195

Любые исторические события и боевые действия в том числе разворачиваются на определенной местности. Велико значение заблаговременной боевой подготовки и сбора военной информации. Для реконструкции степени местно-географической осведомленности российских военных целесообразно начать с развернутого военно-исторического экскурса.

С августа 1862 г. в России началось поэтапное учреждение военных округов как территориальных общевойсковых объединений. Все они отличались своими особенностями в дислокации войск (Золотарев, 1894. С. 419–444; Авилов, 2013), в дальнейшем повлиявшие на боевые качества окружных контингентов в первых боях 1877, 1904, 1914 гг. (Новиков, 2008. С. 9–26). 6 августа 1865 г. (все даты далее по старому стилю) был образован и Восточно-Сибирский (по старой орфографии «Восточный Сибирский») военный округ, охвативший территорию России от Енисея до Тихого океана и по площади практически равный остальным округам вместе взятым (Авилов, 2012. С. 20). Центром округа стал Иркутск, командующим войсками округа – генерал-губернатор Восточной Сибири. Именно штаб Восточно-Сибирского военного округа занимался приграничной разведкой. Также важную роль играл военно-топографический отдел штаба округа, образованный в 1867 г., ведавший сбором и анализом статистической информации, выбором путей для войск и т. д. Собранная окружным штабом разведывательная информация передавалась в военное министерство. Войска Восточно-Сибирского военного округа прикрывали тогда более протяженную границу с Китаем, охраняли тихоокеанское побережье России от вероятных (по опыту Крымской войны) британских десантов, содействовали колонизации Дальнего Востока (Новиков, 2021. С. 184).

В мае 1884 г. Восточно-Сибирский военный округ был разделен на Приамурский (с центром в Хабаровке, с 1893 г. – Хабаровске) и Иркутский. В последний вошли Иркутская и Енисейская губернии, Якутская область. Иркутский военный округ граничил с Китаем, но в местности мало освоенной и практически не проходимой (Саянские горы). Поэтому на территории Иркутского военного округа дислоцировалось не более 5000 солдат или 0,6 % русской армии. Именно из-за малочисленности войск, среди которых к тому же не было полевых (первоочередных) частей, Иркутский военный округ получил усеченную, по сравнению с другими окру-

гами, структуру управления – без отдельных управлений, что существенно снизило интенсивность и эффективность его работы (Ращупкин, 2003. С. 107). Был образован отдельно лишь штаб округа, деятельность военно-топографического отделения которого по-прежнему имела особое значение на все еще слабоизученных территориях Сибири и сопредельных районах Монголии. Лучшие воинские части и наиболее подготовленные штабисты перешли в Приамурский военный округ.

Четко прослеживалась неравномерность распределения полевых войск по территории Российской империи. На конец XIX века в западной пограничной полосе (Варшавский, Виленский, Киевский военные округа) войск расположено было в 15 раз более, на Кавказе в 5 раз более, а в Иркутском округе в 80 раз менее, чем в целом по России. Иначе говоря, на важнейших окраинах войск было слишком много, а людей для укомплектования недостаточно; во внутренних округах наоборот. Напротив запасные войска, требовавшие для полной безопасности и достаточного (кадрового) материала, размещались во внутренних и одновременно наиболее населенных округах Европейской России (Золотарев, 1894. С. 422).

Русско-японская война 1904–1905 гг. показала значительные недостатки в подготовке русской армии, в том числе и в организации военной разведки. Высшее командование испытывало, особенно в начале конфликта, острейший дефицит сведений о противнике. Наглядный урок был учтен русским Генеральным штабом. В 1906 г. он распределил сопредельные государства между военными округами и возложил на них детальную тактическую разведку в пределах вероятных будущих театров военных действий (Новиков, 2021. С. 185).

Иркутский военный округ был восстановлен в мае 1906 г., ввиду выяснившейся во время (Русско-японской) войны необходимости иметь в непосредственной близости к китайской границе достаточно полное и властное управление. Прежняя (до 1899 г.) территория была увеличена включением Забайкальской области. Значительно (от 1884 г. в 12 раз) выросла численность войск округа – на 1911 г. она составила около 60 000 человек.

Для разведывательной сферы главным позитивным новшеством было то, что возрожденный Иркутский округ получил все структуры управления. В штаб назначен генерал-квартирмейстер, возглавивший соответствующее управление. В этом управлении сосредотачивалось делопроизводство по размещению и обучению войск, по мобилизации; по сбору военно-статистических данных; по производству съемочных (топографических) работ в районе округа. Управление включало три отделения: строевое, мобилизационное и отчетное. Последнее занималось сбором статистических и топографических данных и содержало их «в постоянной исправности и возможной полноте», вело переписку по ведению геодезических, топографических и картографических работ и т. д. В сферу интересов штаба Иркутского военного округа входили северные районы Китая – Монголии и Маньчжурия. Разведывательные сведения поступали через негласную агентуру, поездки офицеров Генерального штаба, изучение иностранной периодики.

С 1909 г. штаб Иркутского военного округа стал несколько раз в год публиковать обзоры зарубежной печати. Названия обзоров менялись, но они неизменно включали сведения об экономике, внутреннем положении дальневосточных стран, монголо-китайской борьбе, численности, размещении и состоянии японских, китайских и монгольских войск и т. д. Иркутский военный округ рассматривался как район сосредоточения сил и средств на случай войны с Китаем и Японией, причем имеющиеся в распоряжении местного населения продовольственные и тягловые ресурсы оценивались как «избыточные». В округе проводились военные игры, многодневные полевые поездки офицеров, маневры в ходе подвижных сборов и т. д. Русские штабные офицеры были предметно осведомлены об экономико-географических условиях Сибири (Романов, Новиков, 2009. С. 117–186), что нашло полное отражение в объемных специализированных публикациях (Военно-географическое…, 1913; Краткое…, 1919). По злой иронии истории, эти знания пригодились не в борьбе с внешним врагом, а во внутреннем конфликте.

К общему ходу Гражданской войны в 1918 г. обратимся далее.

В сравнении с общим размахом всероссийского конфликта Сибирь непосредственно была затронута боевыми действиями в меньшей степени, что не

исключало отдельных очагов интенсивных боев: Иркутск декабря 1917 г., южное побережье Байкала в конце июля – августе 1918 г. и т. д. В целом вооруженная борьба 1917–1918 гг. была либо очень короткой по времени (декабрьские бои 1917 г. в Иркутске, мятеж Енисейского казачьего дивизиона в Красноярске в январе 1918 г., деятельность отряда штаб-ротмистра Э. Г. Фрейберга, отдельные восстания крестьян Алтайской губернии и т. д.), либо локализовалась на ограниченной территории: действия отряда Г. М. Семенова против красных на юго-востоке Забайкалья в первой половине 1918 г., а главное затрагивала незначительную часть населения Сибири (единовременно действовало до 13 000 чел. с красной стороны и до 9000 чел. с белой). Обе стороны в начале – середине 1918 г. делали ставку на добровольцев (Хипхенов, 2017), хотя и пытались проводить мобилизацию в прифронтовой полосе.

Территориальный масштаб боевых действий резко вырос после восстания Чехословацкого корпуса в конце мая 1918 г. На территории Сибири вдоль Транссиба начала действовать Сибирская группа капитана Р. И. Гайды (часть 2-й чехословацкой дивизии) численностью до 4500 чел.

На базе подпольных офицерских организаций Сибири началось формирование антибольшевистской Сибирской армии во главе с генерал-майором А. Н. Гришин-Алмазовым. В мае – июле ее части пополнялись мобилизацией офицеров и военных чиновников, а также набором добровольцев. На 15 июня около 4000 бойцов, 10 июля до 23 500, к 1 сентября свыше 60 000 (Новиков, 2005. С. 73). Летом 1918 г. Сибирская армия вела боевые действия в двух основных направлениях:

1. От Новониколаевска и Томска на восток совместно с чехами наступал Средне-Сибирский корпус подполковника А. Н. Пепеляева. Белые взяли Красноярск (18 июня), Иркутск (11 июля), Верхнеудинск (20 августа), Читу (25 августа) и 31 августа соединились у станции Оловянная с войсками Г. М. Семенова. Напряженные бои на этом пути состоялись у Нижнеудинска, на южном побережье озера Байкал (белые провели операции на окружение противника под Мурино и у станции Посольская), где до 8000 красных бойцов потерпели поражение от 4000 белых, причем обе стороны ранее активно подтягивали подкрепления из тыла на фронт. Высвободившиеся в Забайкалье части Сибирской армии и чехов с сентября 1918 г. были переброшены под Екатеринбург (Хипхенов, Новиков, Родионов, Скороход, 2020. С. 145–146).

2. От Омска, Петропавловска и Ишима на Тюмень и Екатеринбург наступал Степной Сибирский корпус полковника П. П. Иванова-Ринова. Ему противостояли советские войска Северо-Урало-Сибирского фронта (в июле был преобразован в 3-ю красную армию). От Челябинска на Екатеринбург и Верхнеуральск продвигался Уральский корпус генерал-лейтенанта М. В. Ханжина. В боях под Тюменью с каждой из сторон участвовало, примерно, по 4000 бойцов (Симонов, 2010. С. 311). После взятия Тюмени (20 июля) и Екатеринбурга (25 июля) Степной и Уральский корпуса, составив Екатеринбургскую армейскую группу, двинулись на Кунгур и Нижний Тагил и далее на Пермь.

На Алтае боевые операции закончились к концу августа. Таким образом, к сентябрю 1918 г. вся Сибирь перестала быть ареной регулярных боевых действий, а состоявшиеся кратковременные бои в основном не вышли на пределы полосы вдоль Транссибирской магистрали (Бакшеев, 2020. С. 42).

Повторимся, что в течение первой половины 1918 г. в Сибири и с красной, и с белой сторон действовали преимущественно добровольческие формирования. В мае – июле 1918 г. белые части пополнялись мобилизацией офицеров, военных чиновников и казаков (призываемых приказами войсковых атаманов и решениями войсковых кругов), а также набором добровольцев. 31 июля 1918 г. Временное Сибирское правительство объявило о призыве граждан, родившихся в 1898–1899 гг. Соответственно в пределах восстановленных белыми Омского и Иркутского военных округов в августе – сентябре было мобилизовано 138 700 человек (Симонов, 2001. С. 67), что превратило Сибирскую армию в крупнейшую военную силу белых. При численности до 200 000 человек она на осень 1918 г. была вчетверо многочисленнее Добровольческой армии генерала А. И. Деникина.

Кроме успешной мобилизации в Сибирскую армию Иркутский военный округ продолжал нести и функцию охраны подконтрольных территорий на местах. Так, уже в сентябре 1918 г. Штаб округа располагал сведениями о крупном красном отряде во

главе с Н. А. Каландаришвили (рис. 1), двигавшемся из Джидинской долины через Монголию, Тункинскую долину и Саяны в пределы Иркутской губернии (Церетелли, 1965; Мельников, 2011). Своевременно полученная информация позволила отследить движение красных и успешно их ликвидировать. Остановимся на этом подробнее.

После стычки с казаками под Шимками отряд Каландаришвили направился на запад к подножью Саян, чтобы далее перейти горные хребты и выйти в пределы Черемховского уезда. Здесь имел место любопытный эпизод с занятием красными поселка Монды. У Кожевина он упомянут лишь вскользь, без деталей. Между тем он описан в воспоминаниях Кереши и Анастасии Третьяковой, и интересен, как случай с использованием военной хитрости и маскировки.

Мадьяр Ш. Кереши из отряда Д. М. Третьякова (рис. 2) так описывает события: «Когда мы выехали на тракт, то мы увидели телефонно-телеграфный провод. У нас были аппараты. Я включил аппараты в провод. Перехватили по телеграфу ленту. Третьяков расшифровал ленту телеграммы, переданной в Монды. Согласно этой ленте, чехословацкий отряд выезжает для защиты Монд от приближающейся банды Каландаришвили. Поскольку мы перехватили ленту, то мы и обратно сообщаем: «Приезжать не нужно, так как банда Каландаришвили уже разоружена и находится в Мондах. Через два дня она будет отправлена в Иркутск».

Рис. 1. Нестор Александрович Каландаришвили
Fig. 1. Nestor Alexandrovich Kalandarishvili

Каландаришвили одел погоны, мы одели чехословацкие ленточки – идем по дороге. Здесь нас встречает казачество во главе с офицерством. Пошли к почтовому отделению. В это время тов. Гетц был нашим руководителем. Он зашел на почту. Полковник с бородой встречает его. Мы остались на дороге. Команда Кожана сейчас же окружила станицу. В станице жило около 500 человек [сильно преувеличено – авторы] населения. Казаки, молодежь стояли у почтового отделения на площади. Это почтовое отделение было последним на пути к границе.

Подъезжает отряд, офицеры слезают и заходят в почтовое отделение. Здесь задается вопрос, а что такое сделать с Каландаришвили. Один говорит, что его нужно зарезать, другой – сжечь, и т. д. Тогда входит Каландаришвили и дает распоряжение всех обезоружить. Те смотрят во все глаза: «Как обезоружить? Мы вас встречали, а вы нас обезоружить…» Было обезоружено казачество. Каландаришвили снимает погоны и говорит: «Я Каландаришвили, я не буду вас сжигать, покажите нам только дорогу» (Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 300. Оп. 1. Д. 566. Л. 69–70).

Рис. 2. Дмитрий Матвеевич Третьяков
Fig. 2. Dmitry Matveyevich Tretyakov

По воспоминаниям Анастасии Третьяковой, Монды, оставленные населением («но служба телеграфа и охрана были на месте»), занял сначала один отряд Третьякова, выдававший себя за чехословаков. Третьяков, узнав из телеграфных лент, что белые стягивают в Тунку большие силы, отправил гонца к Каландаришвили, находившемуся в Туране, чтобы он поспешил с переходом. До прибытия Каландаришвили интернационалисты и Третьяков в присутствии служащих телеграфа говорили между собой на немецком языке:

«В помещении телеграфа присутствовали несколько человек скотогонов экспедиционных быков[1], начальник телеграфа и др. Велась оживленная беседа о Каландаришвили и его разбитом отряде. В это время вошел Каландаришвили после некоторого молчания тоже включился в беседу. К сожалению, я не обладаю литературной способностью, чтобы описать сцену, происходившую в тот момент, когда Каландаришвили, разговаривая с начальником телеграфа, снял маскировку с нашего отряда под чехословацкий отряд и объявил присутствующим, что он является Каландаришвили… Можно определенно сказать, что эффект от сообщения Каландаришвили был несравненно сильнее, чем в гоголевском «Ревизоре» с городничим в момент сообщения о приезде настоящего ревизора после отъезда Хлестакова. Свидетельством этого может служить тот факт, что начальник телеграфа после того, как немного пришел в себя от состояния шока, попросил разрешения сменить белье, так как он заболел медвежьей болезнью, чего с городничим, как было известно Гоголю, не случалось» (Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-350. Оп. 1. Д. 84. Л. 101).

Отряд стоял в Мондах двое суток. Захватили 108 «экспедиционных» быков. Арестованных увели с собой. Кереши сообщает, что по дороге над офицерами и казаками устроили суд. По утверждению Анастасии Третьяковой, они взяли с собой с десяток казаков-скотогонов и начальника телеграфа, которого отпустили дня через три домой. Сохранилась телеграмма от 7 октября 1918 г. из с. Шимки: «Доношу сообщение начальника отряда, находящегося в Мондах. Отделение разбито, разграблено. Надсмотрщик Стуков, почтальон Балханов, почтосодержатель Полубенцев с лошадьми взяты в плен большевиками. Участь их неизвестна. Ввиду устранения повреждения линии в сторону Хатхыла, установки батарей аппарата прошу распоряжения о командировании надсмотрщика или опытного чиновника» (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 198. Оп. 7. Д. 97. Л. 198).

Переход через Восточные Саяны, или как называли его участники похода, Белогорье, и по землям сойотов стал самым тяжелым испытанием. В Окинском районе сохранилась объемная социальная память об этом событии, отраженная в содержании «По следам отряда Каландаришвили» книги «Ока: годы и люди» (Шарастепанов, 2008. С. 74–83).

Настоящий материал опирается преимущественно на воспоминания участников похода, а наиболее существенные их отличия от данных местных старожилов **в описании маршрута** мы постараемся выделить. Из Монд шли по берегу Иркута по старой тропе вдоль подножья Мунку-Сардык к верховьям Оки. Далее зимовье Тумерлик (35 км от Монд) – озеро Окинское – Боксонское ущелье – сойотские улусы Ульзутэ, Хайгас, Сорок. Из улуса Сорок проводник Шарлай Убушеевич Аюшеев (Шарастепанов, 2008. С. 77) провел отряд **по рекам Тустук, Хочшон, Урик, Енхор на Алиберовский графитный рудник** (Кожевин, 1971. С. 61). Этот путь занял около 10 дней. С отрядом вышло 600–700 человек, остальные либо отстали, либо погибли. Причем в изученных нами показаниях пленных красноармейцев нет прямых указаний о пребывании на руднике. В них говорится, что пройдя стороной от графитного рудника Алибера, они остановились от него верстах в 50, в селении, называемом «летники».

Выйдя в населенные места, красноармейцы, измученные, голодные, плохо одетые, волей-неволей занялись мародерством, в чем их впоследствии обвиняли на суде. Но в сложившихся условиях ожидать от них другого и не приходилось. Тем более, что испуганные сойоты поголовно покинули свои жилища и хозяйства, опасаясь незваных гостей. В жалобах пострадавших фигурируют изъятые «лошадей 15 рабочих и 34 диких, 10 голов рогатого скота, 80 копен сена, 60 пудов муки» (ГАИО. Ф. 524. Оп. 2. Д. 563. Л. 92–94). Из юрт забирали «все, что

[1] Русская экспедиция по заготовке мяса в Монголии для русской армии (1915-1919 гг.)

было», но, прежде всего, еду и теплую одежду: «Сойот дома не было, и платить было некому» (ГАИО. Ф. 524. Оп. 2. Д. 563. Л. 141, 151).

Сами красноармейцы так объясняли свое поведение: «При вступлении в землю сойотов к Каландаришвили явились депутаты от сойотов и заявили, что не будут уходить, если только не будет грабежей. Каландаришвили дал слово, что грабежей не будет. Но в отряде организации и дисциплины не было, и потому начались скоро отдельные случаи грабежей. Грабили главным образом мальчишки, бывшие в отряде Каландаришвили и поступившие в отряд еще в Иркутске» (ГАИО. Ф. 524. Оп. 2. Д. 563. Л. 156).

«По выходе из Монголии около д. Туран отношение к населению изменилось, продукты и теплую одежду стали брать без денег. Брали без денег и с применением оружия. В людей Каландаришвили стреляли также и сойоты, и буряты, так что получалась взаимная перестрелка. Если люди, у которых отобрали вещи без денег, приходили к Каландаришвили, то Каландаришвили платил им деньги. Но таких случаев было мало» (ГАИО. Ф. 524. Оп. 2. Д. 563. Л. 317).

Неизбежные конфликты с местным населением усложнили условия похода. К природным и бытовым трудностям добавились и боевые потери. По материалам «белого» следствия, «близ расположения отряда красных всегда держались охотники-промышленники, убивавшие всех отсталых и заблудившихся. В прошедшем сезоне промысел на красноармейцев считался самым выгодным: при каждом красном имелись хорошее оружие, патроны и крупные суммы денег. Допрошенные красноармейцы утверждают, что из групп в 5–8 чел доходило не более 2–3» (ГАИО. Ф. 524. Оп. 2. Д. 563. Л. 372).

В сойотских улусах было устроено совещание командиров по вопросу о дальнейших действиях. Каландаришвили предлагал отправиться зимовать на Алиберовский графитный рудник и этим сберечь отряд, как боевую единицу. Ему возражали, что такая масса людей не сможет прокормиться в столь малонаселенных местах. Третьяков предлагал выбираться в Черемховский уезд и там продолжить партизанскую борьбу с опорой на шахтеров угольных копей. Не придя к единому мнению, отряд раскололся. Третьяков с отрядом в 150 человек (с ним ушел и 3-й эскадрон Р. Чаупала) **первым отправился в сторону Голуметской волости**. Но и Каландаришвили, хотевший было оставаться на зимовку, через день-другой двинулся в том же направлении во главе отряда около 200 человек. Также была еще одна большая группа, выделившаяся либо в сойотских улусах, либо после ухода отряда Третьякова. Им объявили, что кто желает воевать, остается на зимовку, кто не хочет – может уходить. Желающих уйти оказалось 183 человека. Их отпустили, отобрав у большинства оружие (ГАИО. Ф. 524. Оп. 2. Д. 563. Л. 19).

Проводниками выступили двое сойотов, Шокдырь (по другим данным – Тангуля) Шарастепанов (72 года) и Тудук (Тыдып) Нортоаев (Нуртаев) (55 лет), не успевшие скрыться и задержанные красными. Они вывели отряды Третьякова и Каландаришвили **по р. Ерма (приток р. Белая) в район Голуметы.** Путь занял 6 дней. Услуги проводников были щедро оплачены. Шарастепанову дали 800 рублей облигациями займа, 200 рублей и винтовку, которую потом, правда, отобрали. Но облигации ему удалось продать крестьянам за 400 рублей.

Из-за необыкновенных лишений и тягот, испытанных ими в походе, сами красноармейцы называли свой путь «Божьими карами»: «Глубокий по колено снег и сильные холода поставили людей в ужасное положение. Кавалерийские лошади, непривыкшие к горным тропам, одна за другой падали, спешившиеся люди не могли идти и, не желая гибнуть мучительной смертью от голода и холода, кончали самоубийством. Более месяца не было ни крошки хлеба. Более половины красных спаслось только благодаря выносливости монгольских лошадей, которые были частью куплены, а частью просто захвачены красными во время перехода через Монголию.

Вид перешедших через горы ужасный, большинство больные, внешне сильно напоминают отступающих из России французов в конце 1812 г. Чтобы спастись от холода, брали все, что могло маломальски служить защитою. Десятками красные гибли при переходах вброд горных речек: быстрое течение сбивало людей с ног и сносило их вниз. Оставшиеся на берегу пешие, не имея лошадей для переправы, открывали иногда стрельбу по переправляющимся на лошадях. Решившиеся перейти

вброд без лошади и смогшие сделать это, замерзали после перехода» (Дело (Иркутск). 1918 г. № 66, 31 октября).

Отчаянье доводило людей до крайности: «До этого места [с. Чернушка – авторы] не доходя километров пять, один командир взвода пристрелил жену (у ней начались родовые схватки) и застрелил себя» (ГАРБ. Ф. Р-350. Оп. 1. Д. 25. Л. 28).

Участник похода Помазкин так описал в 1925 г. весь поход: «…мы шли тропинкой, тайгой, тропинкой, слякотью. Этой тропинкой шли мы три месяца, оставляя много убитого народа монгольцами по дороге, ели одну конину без соли и без хлеба. После трехмесячного скитания мы вышли в д. Ангу, Черемховского уезда и усталых и голодных нас забрали в плен» (Воспоминания…, 2019. С. 149).

Говоря о маршруте движения, также следует отметить, что еще в верховьях р. Оки от основного отряда отделилась группа в 40 человек (из 1-й Красноярской роты и бывшие красноармейцы 3-го Советского полка). О причине ухода они заявили, что «Третьяковские разведчики шли впереди и грабили бурят, а буряты стреляли нас задних» (ГАИО. Ф. 524. Оп. 2. Д. 563. Л. 233). Такие условия обстановки описанные Г. Медвяцким подтверждал и И. Кигурадзе. **Они проделали совершенно другой путь по р. Ока (частично на плотах),** длившийся около месяца. В середине ноября 12 или 13 выживших из них вышли в с. Верхне-Окинское и сдались. Остальные замерзли в тайге, умерли от голода, убились, падая со скал. 15 ноября их доставили в с. Масляногорское, «у некоторых так обморожены ноги, что не могут на них стоять» (Наша деревня (Иркутск), 1918. № 34. 11 декабря).

Еще одна группа в 20 красноармейцев, отставшая от главных сил Каландаришвили еще в Монголии, вышла в ноябре 1918 г. в с. Мото-Бодары, где и была арестована (ГАИО. Ф. 524. Оп. 2. Д. 563. Л. 323).

Более подробно обо всем походе остатков 3-й Советской дивизии во главе с Н. Каландаришвили и Д. Третьяковым из Троицкосавка в пределы Черемховского уезда, о командном и рядовом составе отряда, его ликвидации, а также о множестве других боевых эпизодов 1918 г. можно будет узнать из готовящейся к изданию объемной монографии Г. И. Хипхенова «Крушение Центросибири» (более 170 фотографий, 20 цветных карт и схем). На электронную почту автора можно направлять заявки на экземпляры книги, т. к. последняя будет издана небольшим тиражом на собственные средства.

Ход ликвидации белыми отряда Каландаришвили также освещает интересный документ (рис. 3; 4), впервые выявленный Г. И. Хипхеновым в фонде 4-го Восточного-Сибирского армейского корпуса в Российском государственном военном архиве – доклад командира Отдельного Черемховского батальона полковника И. С. Богатноу (октябрь 1918 г.).

Документ публикуется в современной орфографии, но с сохранением стилистических особенностей оригинала, включая главную – искаженное написание фамилии командира красного отряда «Карандашвили» вместо правильного «Каландаришвили». Сохранено и авторское написание прописных и строчных букв. Слова и части слов, сокращенные в оригинале, восстановлены по смыслу. Примечания авторов обозначены [].

Приложение

«ДОКЛАД об экспедиции отряда Отдельного Черемховского батальона, действовавшего против Карандашвили **[так в документе – авторы]**.

6 октября 1918 г. я получил из Зимы копию телеграммы Штаба Восточного фронта за № 1847 следующего содержания: «Сообщите Окинской станции[2]: из Монды идет, преследуемый казаками, отряд КАРАНДАШВИЛИ 300 всадников с большевистскими главарями. Начальнику Окинской станции предписываю организовать отряд из местных жителей и пересечь путь верховьям Оки».

[**последовал следующий ответ**] «Прошу Вашего распоряжения о высылке на станцию Ока роты солдат ввиду того, что организовать отряд не представляется возможным ввиду отсутствия оружия; телеграфируйте, какое последует распоряжение. № 104 Начальник железнодорожной милиции Меликов».

В последующие дни я получил еще несколько телеграмм о движении Карандашвили из Монд. Обследовав при помощи карты (переселенческого управления III-2 10 верст в 1 дюйме картографическое заведение Михеева Иркутск) возможное

[2] Судя по содержанию, речь идет о станции Ока в восточных окрестностях станции Зима (Иркутская область) на Транссибирской железнодорожной магистрали.

направление движения Карандашвили из Монды и путем опроса местных охотников, хорошо знакомых с этим районом, я выяснил, что движение по долине р. Оки из Монды до наступления сильных морозов невозможно вследствие совершенно непроходимых болот и почти отвесных скал, пересекающих путь во многих местах. Оно возможно только по льду, когда р. Ока станет. Оставались пути по р. Китою и по р. Урику на графитный прииск Алибера и далее по Большой Белой в населенные участки. Решив, что по Китою Карандашвили едва ли решится двигаться, так ему пришлось бы в таком случае проходить опять вблизи Тункинского участка и наткнуться на тункинских казаков, я пришел к заключению, что он может избрать только единственный путь **по тропе из Монды в истоки р. Иркута, приток Гарган, приток Урика – Холба, река Урик до его впадения в р. Белую** и дальше по населенным участкам на Черемхово. К этому последнему заключению я пришел, потому что большинство состава отряда Карандашвили, по сведениям от местных жителей, состоит из рабочих Черемховских копей; естественно, что выйдя к Черемхово, отряд легко мог рассосаться мелкими партиями по копям и избежать преследования, если у него не было более широких планов, тем более, что Карандашвили мог не знать о нахождении в Черемхово гарнизона. Трудно было бы учесть последствия подобной возможности, принимая во внимание, что около половины рабочих на копях бывшие красноармейцы, о чем свидетельствуют имеющиеся у меня списки и, как они, так и жители Черемховского района в большинстве случаев состоят из уголовного элемента и большевиков.

Придя к вышеуказанному заключению, я 9 октября выслал в направлении д. Инга, заимку Шанхар и далее вверх по р. Урику разведку под командой прапорщика Новикова, дав ему задачу обследовать течение рек Урик и Белой и собрать точные сведения о движении отряда Карандашвили, после чего самому, имея за отрядом Карандашвили наблюдения, отойти на д. Голуметь, жители которой настроены против большевиков и даже организовали в феврале сего года боевую дружину для борьбы с ними.

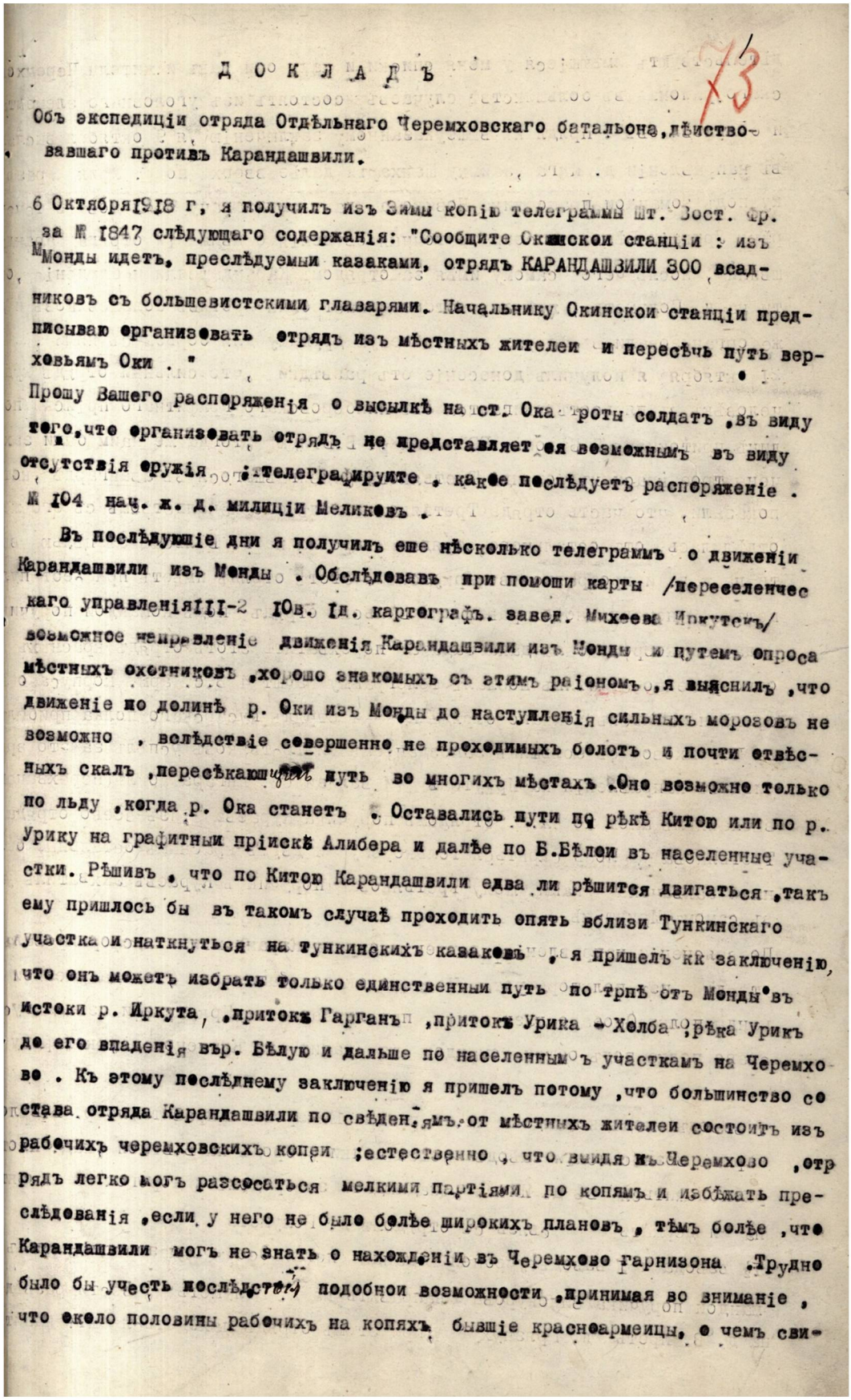
21 октября я получил донесение от разведки, что сильный отряд красных человек в пятьсот двигается от Алиберовского графитного прииска **по долине притока р. Белая – Ерма на р. Большую Белую;** тогда же нами были захвачены трое красных отряда Третьякова, двигавшихся в авангарде, которые показали, что часть отряда Третьякова под его начальством с его женой отделилась от основного отряда и прошла на г. Бельск с целью выйти на железную дорогу и пробраться в Иркутск. Этот отряд имеет при себе пулемет. Я немедленно отправил на Бельск отряд под командой поручика Радаева, которому была дана задача перехватить этот отряд красных; одновременно с этим послал телеграмму Начальнику штаба 4-го Восточно-Сибирского армейского корпуса о высылке на Бельск конного отряда. Конный отряд гусарского полка прибыл в Черемхово с большим запозданием, и Третьяков успел за это время уйти в направлении на Иркутск и вблизи ст. Ангара был перехвачен высланным мною по железной дороге отрядом поручика Кураева; из всего отряда Третьякова удалось скрыться только ему и двум красным, остальные были нами захвачены. Жену Третьякова поручик Кураев захватил уже в самом Иркутске.

По выяснении направления движения отряда Карандашвили, я сформировал отряд из полутора рот Черемховского батальона, взвода учебной команды полка Особого назначения, присланного из Иркутска и взвода гусарского полка под общей командой штабс-капитана Кузнецова, которому дал задание (рис. 5):

1 взвод под командой штабс-капитана Макарова направить по р. Большая Белая через Вознесенский завод, выселки Абики, брод на Большой Белой на д. Илот, расположиться в д. Илот, наблюдать за бродом и дорогой на заимку Вяткина и держать связь с отрядом д. Голуметь.

1 ½ взвода и взвод учебной команды полка Особого назначения под командой поручика Винокурова направить на д. Голуметь, вести разведку на д. Верхняя Иреть и д. Грязнуху; при этом отряде находиться штабс-капитану Кузнецову.

1 ½ взвода под командой штабс-капитана Звездина направить в обход по течению р. Голуметь через Б. Ложенкова заимка Федяева на р. Инге: вести разведку на д. Ингу, заимка Емельянова. Смотрите листы 5-III и 5-IV карт издания Иркутского переселенческого района 1915 г. масштаба 2 версты в 1 дюйму.



Д О К Л А Д Ъ

Объ экспедиціи отряда Отдѣльнаго Черемховскаго батальона, дѣйствовавшаго противъ Карандашвили.

6 Октября 1918 г, я получилъ изъ Зимы копію телеграммы шт. Зост. ср. за № 1847 слѣдующаго содержанія: "Сообщите Окинской станціи : изъ Монды идетъ, преслѣдуемый казаками, отрядъ КАРАНДАШВИЛИ 300 всадниковъ съ большевистскими главарями. Начальнику Окинской станціи предписываю организовать отрядъ изъ мѣстныхъ жителей и пересѣчь путь верховьямъ Оки ."

Прошу Вашего распоряженія о высылкѣ на ст. Ока роты солдатъ, въ виду того, что организовать отрядъ не представляется возможнымъ въ виду отсутствія оружія ; телеграфируите , какое послѣдуетъ распоряженіе . № 104 нач. ж. д. милиціи Меликовъ .

Въ послѣдующіе дни я получилъ еще нѣсколько телеграммъ о движеніи Карандашвили изъ Монды . Обслѣдовавъ при помощи карты /переселенческаго управленія III-2 10в. 1д. картографъ. завед. Михеева Иркутскъ/ возможное направленіе движенія Карандашвили изъ Монды и путемъ опроса мѣстныхъ охотниковъ , хорошо знакомыхъ съ этимъ раіономъ, я выяснилъ , что движеніе по долинѣ р. Оки изъ Монды до наступленія сильныхъ морозовъ не возможно , вслѣдствіе совершенно не проходимыхъ болотъ и почти отвѣсныхъ скалъ , пересѣкающихъ путь во многихъ мѣстахъ . Оно возможно только по льду , когда р. Ока станетъ . Оставались пути по рѣкѣ Китою или по р. Урику на графитный пріискъ Алибера и далѣе по Б. Бѣлои въ населенные участки. Рѣшивъ , что по Китою Карандашвили едва ли рѣшится двигаться , такъ ему пришлось бы въ такомъ случаѣ проходить опять вблизи Тункинскаго участка и наткнуться на тункинскихъ казаковъ , я пришелъ къ заключенію, что онъ можетъ избрать только единственный путь по тропѣ отъ Монды въ истоки р. Иркута , притокъ Гарганъ , притокъ Урика - Хелба , рѣка Урикъ до его впаденія въ р. Бѣлую и дальше по населеннымъ участкамъ на Черемхово . Къ этому послѣднему заключенію я пришелъ потому , что большинство состава отряда Карандашвили по свѣденіямъ отъ мѣстныхъ жителеи состоитъ изъ рабочихъ черемховскихъ копеи ; естественно , что видя въ Черемхово , отрядъ легко могъ разсосаться мелкими партіями по копямъ и избѣжать преслѣдованія , если у него не было болѣе широкихъ плановъ , тѣмъ болѣе , что Карандашвили могъ не знать о нахожденіи въ Черемхово гарнизона . Трудно было бы учесть послѣдствія подобнои возможности , принимая во вниманіе , что около половины рабочихъ на копяхъ бывшіе красноармеицы, о чемъ сви-

Рис. 3. Титульный лист доклада командира Отдельного Черемховского батальона полковника И. С. Богатноу
Fig. 3. Title page of the report of the commander of the Separate Cheremkhovsky Battalion, Colonel I. S. Bogatnou

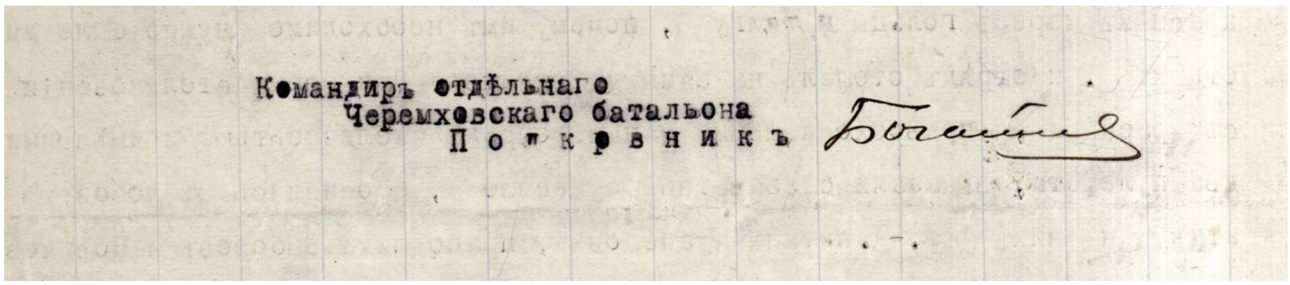


Рис. 4. Подпись под докладом
Fig. 4. Signature under the report

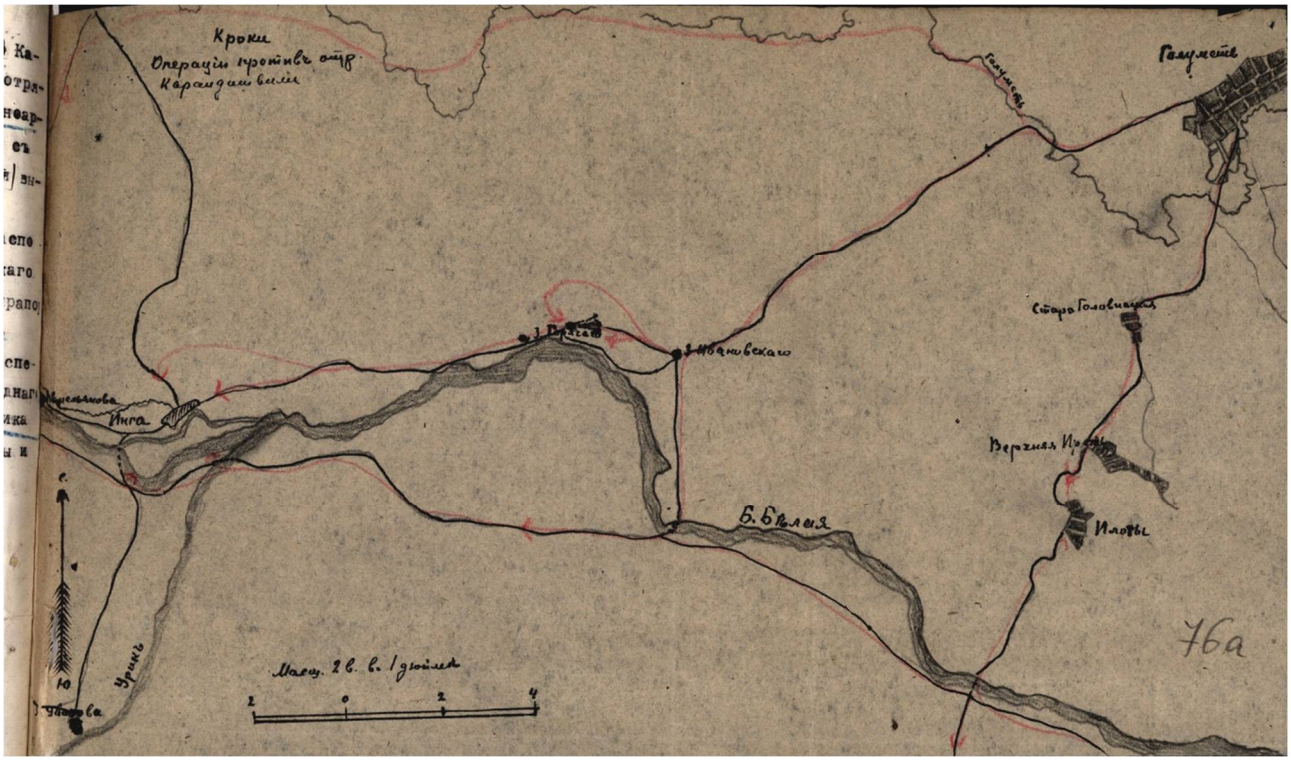


Рис. 5. Кроки (глазомерная схема) операций против отряда Каландаришвили
Fig. 5. Sketch (eye-measuring scheme) of operations against the Kalandarishvili detachment

1 взвод под командой штабс-капитана Невидимова через Голуметь, Ингу на заимку Уварову, вести разведку по р. Большой Елохой.

1 взвод под командой подпоручика Иванова через Голуметь, Ингу, заимку Уварову на заимку Шанхар, вести разведку вверх по р. Урику.

1 взвод гусар под командой корнета Иванова направится через Голуметь, з. Ивановского, брод на р. Большой Белой и далее на д. Чернуху и вести разведку вверх по р. Чернухе и Большой Белой.

Итого 1 ½ роты, 1 взводы учебной команды и 1 взвод гусар.

Все донесения направлять в штаб отряда д. Голуметь.

22 и 23 октября все отряды были двинуты на указанные в задании места: пешие части на подводах и к вечеру 23 октября были сосредоточены в д. Голуметь. 24 октября была выслана разведка: отряд корнета Иванова по указанному ему направлению в задании, отряды подпоручика Иванова и шт.-капитана Невидимова на заимку Ивановского, заимка Горячего «Филиппца» и далее на д. Ингу. 26 октября разведка обнаружила заставу красных в 20 человек с пулеметом впереди з. Горячего. Застава

была окружена и после небольшой перестрелки вся перебита; взято 20 винтовок, пулемет и 20 лошадей, причем особенно отличились своими решительными действиями и находчивостью 1 роты солдат Чумаков и доброволец Романов. Продолжая разведку, отряды захватили еще один пеше-конный дозор в 25 человек, от которого узнали, что Карандашвили занял д. Ингу и Чернуху. Штаб его в Инге и все дороги охраняются заставами с пулеметами. После чего разведчики, выставив наблюдательные посты у заимки Горячего, отошли к заимке Ивановского.

28 октября в 5 часов я прибыл в Голуметь и принял на себя общее руководство операции. К этому времени стали прибывать пленные, которые сейчас же направлялись в Черемхово. Благодаря тому, что было захвачено около 60 лошадей, я имел возможность посадить ½ отряда на лошадей и 28 октября в 10 часов я со всем отрядом выступил на д. Ингу, а отряд штабс-капитана Звездина направил в обход д. Инги с севера на заимку Федяева, отряд же поручика Винокурова через брод у заимки Тарасова в обход Инги с юга на д. Чернуху.

К вечеру 28 д. Инга была окружена с севера, востока и юга. Красным оставался один лишь свободный путь на Чернуху, куда и успел проскочить сам Карандашвили с 50 всадниками и пулеметами. В эту же ночь отряд корнета Иванова, переправившись у устья р. Урик, напал на заставу красных у д. Чернуха и 9 человек изрубил, после чего отошел к заимке Уварова. Карандашвили, не задерживаясь в Чернухе, двинулся тайгой вверх по р. Урик.

За всю операцию по 30 октября нами было захвачено 420 пленных, 170 лошадей, 60 седел, 100 винтовок, 10 000 патронов и 40 000 рублей. Удалось прорваться только Карандашвили с 50 всадниками и мелким партиям по 3–4 человека уйти тайгой и рассеяться по населенным пунктам. От отряда Карандашвили в верховьях Урика отделилась партия в 14 человек под командой его племянника и ушла на р. Оку, где и была задержана и разоружена направленным мною вверх по р. Оке от станции Зима отрядом поручика Хлыневского. Учитывая возможность ухода частей красных из Инги и Чернухи вниз по р. Белой по правому ее берегу, был сформирован и поставлен на Вознесенском винокуренном заводе добровольческий отряд из местных крестьян под командой Черемховского уездного комиссара, которому тоже удалось захватить партию красных в 30 человек. Окружением красных в д. Инга и Чернухе завершилась первая часть операции. Дальнейшие действия отряда были направлены на поимку Карандашвили и его штаба.

1 ноября получил извещение, что в Черемхово рабочие на копях забастовали и возможны волнения и эксцессы, я сдал руководство операцией штабс-капитану Кузнецову и отправился в Черемхово.

1 ноября вечером разведкой прапорщика Новикова Карандашвили со своим отрядом был обнаружен в 8 верстах от д. Шанхар на берегу р. Урика, расположившимся там на ночлег. Двинутые из Инги в Шанхар ночью 1 ноября отряды вернулись обратно, так как не могли перейти р. Б. Белую ввиду затора льда и поднятия в р. воды. Отряды переправились через Белую 2 и 3 ноября и прибыли в Шанхар часть 2-го, частью 3-го.

3 же ноября в Шанхар прибыл и начальник отряда штабс-капитан Кузнецов. В д. Инге комендантом за 5 и 6 ноября были задержаны еще 15 красных, пытавшихся пройти лесом мимо д. Инги. Ознакомившись с данными об отряде Карандашвили, шт.-капитан Кузнецов, оставив заставы в Шанхаре и на Уриковой заимки, 4 ноября выступил в погоню за Карандашвили вверх по р. Урику. В погоню был двинут отряд в 25 человек. 5 ноября уже с наступлением темноты Карандашвили был застигнут при впадении р. Б. Нарина в р. Анот. Отряд противника расположился на ночлег и выставил для охраны себя сторожевую заставу, выдвинув в нашу сторону конные посты. Наша разведка, наткнувшись на пост красных, открыла огонь и убила одного часового, а другой бросился бежать и скрылся. Услышав выстрелы, застава противника изготовилась к бою и открыла в свою очередь по нашему дозору огонь. Штабс-капитан Кузнецов повел быстрое наступление цепью на заставу противника, которая встретила нашу цепь огнем из винтовок и пулеметов. Завязалась перестрелка, прекратившаяся в скором времени, так как застава красных разбежалась по лесу, оставив на месте трех убитых и двух раненых. От дальнейшего преследования красных пришлось отказаться вследствие наступившей полной темноты; при выходе из Шанхара предполагалось настичь красных к вечеру 4 ноября, поэтому продукты были взяты на один день, для лошадей фуража не было. Лошади еще не

отдохнули от тысячеверстного перехода красных через гольцы и тайгу, почему им необходимо было дать отдых, и отряд отошел на заимку Вяткино. При этом столкновении с красными, превосходившими наш отряд численностью и имевшими два пулемета, выказали беззаветное мужество, бросившись в лобовую атаку на них штабс-капитан Кузнецов, прапорщики Выборов и Новиков, солдаты-добровольцы: Романов, Муртазов, Феденко и Грачев.

7 ноября высланная разведка под командой прапорщика Новикова донесла, что Карандашвили пошел охотничьей тропой на р. Китой в направлении д. Мото-Бодары. Ввиду этого наш отряд направился наперерез его пути на Мото-Бодары.

11 ноября наш отряд напал на след Карандашвили, направлявшегося в верховья р. Китоя и с этого времени начал безостановочное преследование. 22 ноября на Юльевском участке разведка поручика Иванова захватила 4 красных отряда Карандашвили на р. Богданке. Пленные подтвердили намерение Карандашвили выйти на р. Китой, где ждать присылки из Иркутска паспортов, за которыми командирован из отряда особый доверенный в Иркутск к Потеашвили. Преследуя дальше по пятам Карандашвили, отряд наш 30 ноября прибыл на р. Иркут на Иннокентьевский участок, на котором, по сведениям от местных жителей, жил раньше долгое время Карандашвили. Не имея возможности здесь задержаться, преследуемый по пятам нашим отрядом, Карандашвили направился на с. Тунку. Не дойдя до Тунки 70 верст, нашему отряду пришлось прекратить преследование вследствие отсутствия продовольствия, фуража, глубокого снега и начавшихся сильных морозов. Преследуя Карандашвили, наш отряд по дороге встречал павших лошадей его отряда и у остатков потухшего костра нашел четырех замерзших красноармейцев, что дает повод думать, что едва ли Карандашвили удастся с оставшимися у него пятью-шестью красными благополучно выбраться из тайги. 14 декабря отряд вернулся в Черемхово.

Считаю своим долгом указать на проявленную в этой экспедиции энергию, распорядительность, самоотверженность и беззаветную храбрость Черемховского отдельного батальона штабс-капитана Кузнецова, подпоручика Иванова, прапорщиков Выборова и Новикова, солдата 1-й роты Чумакова, добровольцев Романова, Муртазова, Феденко и поступивших добровольцами на время экспедиции председателя Черемховской уездной земской управы Грачева и уездного комиссара Волохова; учебной команды полка особого назначения: поручика Винокурова и всей команды, показывавшей пример доблести, дисциплины и добросовестного исполнения возлагаемых на команду поручений.

Командир отдельного Черемховского батальона полковник Богатноу.

Источник: Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39513. Оп. 1. Д. 30. Л. 73–75.

Список источников

Авилов Р. С. Восточный Сибирский военный округ (1865–1884 гг.): страницы истории // Военно-исторический журнал. 2013. № 12. С. 3–9.

Авилов Р. С. Реализация военно-окружной реформы 1862–1865 годов в Восточной Сибири и на российском Дальнем Востоке: создание Восточного Сибирского военного округа // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. Вып. 51. № 16 (270). История. С. 18–25.

Бакшеев А. И. НЭП в Сибири. Атмосфера и логика войны. Красноярск : КрасГМУ, 2020. 145 с.

Военно-географическое и военно-статистическое описание Иркутского военного округа. Иркутско-Минусинский район / составил Генерального штаба капитан Гамченко, под ред. Окружного генерал-квартирмейстера генерал-майора Сухомлина. Издание штаба округа. Иркутск, типо-литография штаба округа, 1913. Вып. 1. 439 с.

References

Avilov R. S. (2013) Eastern Siberian Military District (1865-1884): pages of history. *Voenno-istoricheskii zhurnal = Military Historical Journal.* No. 12. P. 3-9. (In Russ.).

Avilov R. S. (2012) The implementation of the military district reform of 1862-1865 in Eastern Siberia and the Russian Far East: the creation of the Eastern Siberian Military District. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University.* History. No. 16 (270). Iss. 51. P. 18-25. (In Russ.).

Baksheev A. I. (2020) NEP in Siberia. The atmosphere and logic of war. Krasnoyarsk: KrasSMU. 145 p. (In Russ.).

Gamchenko, Sukhomlin (1913) Military-geographical and military-statistical description of the Irkutsk Military District. Iss. 1. Irkutsk-Minusinsky District. Publication of the district headquarters. Irkutsk: Typo-lithography of the district headquarters. 439 p. (In Russ.).

Воспоминания участников Гражданской войны в Восточной Сибири 1918–1920 годов (по материалам ГАНИИО) / сост. Е. А. Серебряков. Иркутск : Оттиск, 2019. 644 с.

Золотарев А. М. Записки военной статистики России: курс старшего класса Николаевской академии Генерального штаба. 2-е изд. Т. 1. Теория статистики. Общее обозрение России. Вооруженные силы. СПб., 1894. 585 с.

Кожевин Е. В. Легендарный партизан Сибири. 2-е изд., перераб. и доп.. Иркутск, 1971. 215 с.

Краткое военно-географическое описание Западно-Сибирского театра военных действий. Петроград, 1919. 123 с.

Мельников И. Д. Гражданская война в Джиде. Улан-Удэ, 2011. 399 с.

Новиков П. А. «Новые приоритеты»: Монгольское направление в развитии Иркутского военного округа 1906–1917 гг. // Монголия XX века и российско-монгольские отношения: история и экономика : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию установления рос.-монгол. дипломат. отношений (Россия, г. Иркутск, 28 мая 2021 г.). Иркутск : Изд. дом БГУ, 2021. С. 183–191.

Новиков П. А. Восточно-Сибирские стрелки в Первой мировой войне: 2-й, 3-й и 7-й Сибирские армейские корпуса в 1914–1918 гг. Иркутск, 2008. 275 с.

Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: Центрполиграф, 2005. 415 с.

Ращупкин Ю. М. Иркутский военный округ во 2-й половине XIX – начале XX в.: формирование, специфика и деятельность. Иркутск, 2003. 207 с.

Романов Г. И., Новиков П. А. Иркутское казачество (2-я половина XVII – начало XX в.). Иркутск : Земля Иркутская, 2009. 352 с.

Симонов Д. Г. Белая Сибирская армия в 1918 году: монография. Новосибирск : Новосибирский государственный университет, 2010. 610 с.

Симонов Д. Г. К вопросу о военном строительстве в тыловых округах колчаковской армии // Гражданская война на востоке России: Проблемы истории : Бахрушинские чтения 2001 г.; Межвуз. сб. научных трудов / под ред. В. И. Шишкина. Новосибирск, 2001. С. 67–86.

Хипхенов Г. И. Правда и «кривда» о красных отрядах. Из военно-политической истории периода «первой Советской власти» в Восточной Сибири (1917–1918 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4. С. 154–175.

Хипхенов Г. И., Новиков П. А, Родионов Ю. П., Скороход В. П. Белая Сибирь. 2-е изд., испр. и доп. Иркутск, 2020. 240 с.

Serebryakov E. A. (2019) Memoirs of a participant in the Civil War in Eastern Siberia of 1918-1920 (based on the materials of the GANIO). Irkutsk: Ottisk. 644 p. (In Russ.).

Zolotarev A. M. (1894) Notes of military statistics of Russia: senior class course of the Nikolaev Academy of the General Staff. Vol. 1. Theory of statistics. General overview of Russia. Armed forces. St. Petersburg. 585 p. (In Russ.).

Kozhevin E. V. (1971) A legendary partisan of Siberia. Irkutsk. 215 p. (In Russ.).

(1919) A brief military-geographical description of the West Siberian theater of military operations. Petrograd. 123 p. (In Russ.).

Mel'nikov I. D. (2011) The Civil War in Jida. Ulan-Ude. 399 p. (In Russ.).

Novikov P. A. (2021) "New priorities": The Mongolian direction in the development of the Irkutsk Military District 1906-1917. *Mongoliya XX veka i rossiisko-mongol'skie otnosheniya: istoriya i ekonomika : materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 100-letiyu ustanovleniya ros.-mongol. diplomat. otnoshenii (Rossiya, g. Irkutsk, 28 maya 2021 g.). = Mongolia of the twentieth century and Russian-Mongolian relations: history and economics. Materials of the International Scientific Conference, dedicated. To the 100th anniversary of the establishment of Ros.-Mongol. a diplomat. Relations (Russia, Irkutsk, May 28, 2021).* Irkutsk: Publishing House of BSU. P. 183-191. (In Russ.).

Novikov P. A. (2008) East Siberian riflemen in the First World War: 2nd, 3rd and 7th Siberian Army Corps in 1914-1918. Irkutsk. 275 p. (In Russ.).

Novikov P. A. (2005) Civil War in Eastern Siberia. Moscow: Tsentrpoligraf. 415 p. (In Russ.).

Raschupkin Yu. M. (2003) Irkutsk military district in the 2nd half of the XIX - early XX century: formation, specifics and activities. Irkutsk. 207 p. (In Russ.).

Romanov G. I., Novikov P. A. (2009) Irkutsk Cossacks (2nd half of the XVII - early XX century). Irkutsk: Irkutsk Land. 352 p. (In Russ.).

Simonov D. G. (2010) The White Siberian Army in 1918.. Monograph. Novosibirsk: Novosibirsk State University. 610 p. (In Russ.).

Simonov D. G. (2001) On the question of military construction in the rear districts of the Kolchak Army. *Grazhdanskaya voina na vostoke Rossii: Problemy istorii : Bakhrushinskie chteniya 2001 g.; Mezhvuz. sb. nauchnykh trudov Civil War in the East of Russia: Problems of history. Bakhrushin readings 2001; Inter-university Collection of scientific papers.* Novosibirsk. P. 67-86. (In Russ.).

Khipkhenov G. I. (2017) Pravda and “krivda” about the Red detachments. From the military-political history of the period of the "first Soviet power" in Eastern Siberia (1917-1918). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of Ancient Technology Laboratory.* Vol. 13. No. 4. P. 154-175. (In Russ.).

Khipkhenov G. I., Novikov P. A, Rodionov Yu. P., Skorokhod V. P. (2020) White Siberia. Irkutsk. 240 p. (In Russ.).

Церетелли М. Народный герой Нестор Каландаришвили: Воспоминание соратника / Лит. запись П. И. Гладких. Тбилиси: Литература да хеловнеба, 1965. 143 с.

Шарастепанов Д. Ока: годы и люди. Улан Удэ : Республиканская типография, 2008. 373 с.

Tseretelli M. (1965) National hero Nestor Kalandarishvili: memoirs of a comrade-in-arms. Lit. record of P. I. Gladkikh. Tbilisi: Literatura da khelovneba. 143 p. (In Russ.).

Sharastepanov D. (2008) Oka: years and people. Ulan Ude: Republican Printing House. 373 p. (In Russ.).

Информация об авторах

П. А. Новиков – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия.

Г. И. Хипхенов – независимый исследователь,
664035, Иркутск, ул. Сурнова, 30/6, кв. 64, Россия.

Information about the authors

P. A. Novikov – Dr. Sci. (History), Professor, Head of Chair of the History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia.

G. I. Hiphenov – Independent researcher,
64, 30/6 Surnova St., Irkutsk 664035, Russia.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 1 октября 2021 г.; одобрена после рецензирования 9 ноября 2021 г.; принята к публикации 22 ноября 2021 г.

Article info

The article was submitted October 1, 2021; approved after reviewing November 9, 2021; accepted for publication November 9, 2022.

Научная статья
УДК 94(47)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-196-208

«Никто из духовенства действующей армии не должен находиться в обозах»: рапорты благочинного 15-й Воткинской дивизии Георгия Желватых (январь – октябрь 1919 г.)

Михаил Игоревич Вебер

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия, mikeveber@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7512-6087

Аннотация. Публикуются рапорты и отчеты благочинного 15-й Воткинской стрелковой дивизии Сибирской армии Георгия Мироновича Желватых Главному священнику армии и флота протоиерею Александру Алексеевичу Касаткину, выявленные в фонде 40253 «Управление Главного священника армии и флота» Российского государственного военного архива. Публикуемые документы являются ценным источником по истории Русской православной церкви в годы Гражданской войны в России. Они проливают свет на работу полковых священников в колчаковской армии. Подробное рассмотрение источников, их хронологии и содержания решает и вспомогательные источниковедческие задачи. На основе публикуемых документов удалось установить имена и биографии всех полковых священников Воткинской Народной армии. Как оказалось, никто из них не был кадровым военным священником. Все они были представителями приходского духовенства Пермской и Вятской епархий Русской православной церкви, проживавшими в 1918 году в местностях, охваченных Ижевско-Воткинским восстанием. Осенью 1918 года эти сельские священники были мобилизованы командованием повстанцев и заняли должности полковых священников в Воткинской Народной армии, впоследствии переформированной в 15-ю Воткинскую стрелковую дивизию. Кроме того, публикуемые документы являются ценным источником по военной истории. В них содержатся сведения о боевом пути 15-й Воткинской стрелковой дивизии, в частности, об ее участии в боях за город Тобольск в сентябре – октябре 1919 года, получивших в исторической литературе название «тобольской кадрили». Г. М. Желватых описывает деятельность полковых священников соединения на общем фоне боевых действий Восточного фронта, дает характеристики командного состава, оценивает личные и профессиональные качества, степень религиозности.

Ключевые слова: Гражданская война, Белое движение, Ижевско-Воткинское восстание, Колчак, Сибирская армия, Воткинская Народная армия, Воткинская стрелковая дивизия, военное духовенство, полковой священник, Русская православная церковь

Для цитирования: Вебер М. И. «Никто из духовенства действующей армии не должен находиться в обозах»: рапорты благочинного 15-й Воткинской дивизии Георгия Желватых (январь – октябрь 1919 г.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 1. С. 196–208. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-196-208

Original article

“No one of the clergy of army in the field should be in supply train”: the reports of dean of the 15th Votkinsk division Georgy Zhelvatykh (September - October 1919)

Mikhail I. Weber

Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, mikeveber@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7512-6087

Abstract. The reports of Chief Priest of the 15th Votkinsk Rifle Division of the Siberian Army, Georgy Mironovich Zhelvatykh to the Chief Priest of the Army and Navy, Archpriest Alexander Alekseevich Kasatkin, which found in the fund 40253 “Office of the Chief Priest of the Army and Navy” of the Russian State Military Archive, are published for the first time. The published documents are a valuable source on the history of the Russian Orthodox Church during the Civil War in Russia. They shed light on the work of regimental priests in the army of Admiral Kolchak. A detailed examination of the sources, their chronology and content solves auxiliary source research tasks. Based on the published documents it was possible to establish the names and biographies of all the regimental priests of the Votkinsk People's Army. As it turned out, none of them was a career military priest. All of them were repre-

© Вебер М. И., 2022

sentatives of the parish clergy of the Perm and Vyatka dioceses of the Russian Orthodox Church, and they lived in 1918 in the areas covered by the Izhevsk-Votkinsk uprising. In the autumn of 1918 these rural priests were mobilized by the rebel command and took up the positions of regimental priests in the Votkinsk People's Army later reorganized into the 15th Votkinsk Rifle Division. In addition, the published documents are a valuable source on military history. They contain information about the combat path of the 15th Votkinsk Rifle Division, in particular, about its participation in the battles for the city of Tobolsk in September - October 1919, which received the name "Tobolsk quadrille" in historical literature. G. M. Zhelvatykh describes the activities of the regimental priests of the compound against the general background of the fighting of the Eastern Front, and gives characteristics of the command staff, evaluates personal and professional qualities, and the degree of religiosity.

Keywords: Civil War, White movement, Izhevsk-Votkinsk rebellion, Kolchak, Siberian Army, Votkinsk People's Army, Votkinsk Rifle Division, military clergy, regimental priest, Russian Orthodox Church

For citation: Weber M. I. (2022) "No one of the clergy of army in the field should be in supply train": the reports of dean of the 15th Votkinsk division Georgy Zhelvatykh (September - October 1919). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 1. P. 196-208. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-196-208

Распад СССР и крушение коммунистической диктатуры, приведшие к «архивной революции» и снятию цензурных ограничений, повлекли за собой закономерный всплеск интереса российских исследователей к истории Русской православной церкви в годы революции и Гражданской войны. В частности, внимание историков было обращено на историю военного духовенства колчаковской армии. На сегодняшний день российские историки уже довольно далеко продвинулись в изучении этой темы: результаты их исследований представлены в монографиях (Олихов, 2017; Нечаев, 2004. С. 223–249), статьях (Волков, 2002; Волков, 2003; Волков, 2006; Ганин, 2008; Новикова, 2009; Новикова, 2010; Олихов, 2016; Попов, 2005; Сизов, 2017; Сушко, 2017; Шулдяков, 2017; Шулдяков, 2018 и др.), а также в публикациях источников (Вебер, 2019; Вебер, 2021a; Вебер, 2021b; Суханов, 2015 и др.). Данная публикация фактологически дополняет уже проанализированные нами военные события (Вебер, 2018) и развивает ранее примененные методологические подходы (Вебер, 2020).

Нами публикуются 7 рапортов, 1 отчет и 1 личное письмо благочинного 15-й Воткинской стрелковой дивизии Г. М. Желватых Главному священнику армии и флота протоиерею А. А. Касаткину[1], а также циркуляр Желватых подчиненным ему полковым священникам, выявленные в Российском государственном военном архиве (РГВА). Два документа были ранее частично введены в научный оборот церковным историком Д. В. Олиховым (Олихов, 2017). Наша публикация ставит своей целью ввести в научный оборот все 10 сохранившихся в РГВА документов как единый комплекс источников по истории военного духовенства 15-й Воткинской стрелковой дивизии.

Стоит также отметить, что один документ за авторством Г. М. Желватых сохранился в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). В 2012 г. новосибирский историк В. В. Журавлев опубликовал найденную им в ГАРФ приветственную те-

[1] Касаткин Александр Алексеевич (1868–?) – священник Русской православной церкви. Родился 18 октября 1868 г. в Костромской губ. Окончил Костромскую духовную семинарию со степенью студента. С 1889 г. – священник Костромской епархии. С 1897 г. – корабельный священник крейсера «Герцог Эдинбургский» на Балтийском флоте. С 1898 г. – полковой священник 97-го пехотного Лифляндского полка. Участник Русско-японской войны. 12 июля 1905 г. награжден орденом Св. Анны 3-й ст. с мечами, 25 февраля 1906 г. – золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте. С 1905 г. – полковой священник 162-го пехотного Ахалцыхского полка и благочинный 41-й пехотной дивизии 16-го армейского корпуса. В 1910 г. возведен в сан протоиерея. Участник 1-го Всероссийского съезда военного и морского духовенства 1–10 июля 1914 г. (делегат от Казанского военного округа). Участник Первой мировой войны. 4 июля 1915 г. награжден орденом Святой Анны 2-й ст. с мечами; 13 июля 1915 г. – орденом Святого Владимира 4-й ст. с мечами. В 1917 г. – священник при штабе 1-й армии. Участник Гражданской войны на Восточном фронте. В декабре 1918 г. назначен Главным священником армии и флота. В октябре 1919 г. должность Главного священника армии и флота была упразднена, а вместо нее введена должность епископа армии и флота, на которую был назначен епископ Чебоксарский Борис (Шипулин) (1874–1938) (Капков К. Г. Памятная книга военного и морского духовенства Российской Империи XIX – начала XX в.: Справочные материалы. М.: Летопись, 2008. 752 с. С. 272).

леграмму, которую Г. М. Желватых 12 августа 1919 г., в день годовщины антибольшевистского восстания в Воткинске, от имени военного духовенства 15-й Воткинской стрелковой дивизии направил Верховному правителю России адмиралу А. В. Колчаку (Приветственные послания…, 2012. С. 449–450)[2]. В ней, в частности, говорилось: «Духовенство[,] всегда стоящее на страже мира[,] правды и любви[,] и впредь будет молить Господа о ниспослании Вам крепости и сил возродить Россию и явить снова единой и сильной в ряду прочих держав. Все свои силы духовенство отдает на поддержку Вашего Высокопревосходительства и нашей доблестной армии» (Приветственные послания…, 2012. С. 450)[3]. В ответной телеграмме, направленной Г. М. Желватых 16 августа 1919 г., Верховный правитель поблагодарил военное духовенство 15-й Воткинской стрелковой дивизии и выразил надежду «на благие результаты, которые в борьбе против морального разложения, вносимого в жизнь большевизмом, окажет действенная работа духовенства в армии» (Там же). В нашу публикацию приветственная телеграмма Желватых Колчаку не включена, поскольку уже была целиком опубликована В. В. Журавлевым.

Автор публикуемых документов – священник Георгий Миронович Желватых (1871–?). Образование он получил, по одним данным, в Соликамском духовном училище, по другим – в городском 4-х классном училище. В 1908 г. Желватых служил диаконом в Градо-Оханском Успенском соборе в г. Оханске Пермской губернии (Адрес-календарь…, 1908. С. 120)[4]. В декабре 1910 г. он, будучи рукоположен к этому моменту в священника, был назначен священником в Христо-Рождественскую церковь в с. Рождественский завод (Ножовка) Рождественской волости Оханского уезда Пермской губернии (Справочная книга…, 1911. С. 67)[5].

1 декабря 1910 г. Г. М. Желватых также стал заведующим Верхне-Рождественской церковно-приходской школой, расположенной в соседнем селе. Школа эта не имела собственного здания, обучение детей проходило в арендуемых у крестьян помещениях, поэтому было решено построить для нее отдельное здание. С сентября 1911 г. по январь 1914 г. Г. М. Желватых возглавлял строительный комитет, ведавший постройкой школы.

В с. Рождественский завод, расположенном на берегу р. Кама на почтовом тракте между Воткинском и Осой, Г. М. Желватых прожил 8 лет – с декабря 1910 г. по ноябрь 1918 г. Христо-Рождественская церковь, в которой он служил, была деревянной, ее построили в 1898 г. вместо обветшавшей старой. Средне-Рождественский железоделательный завод, давший название селу, к началу XX в. уже закрылся. В селе проживало три с половиной тысячи человек. Помимо православной Христо-Рождественской, в Рождественском заводе была еще единоверческая церковь, а также почтово-телеграфное отделение, земская больница, школа и 25 небольших торговых предприятий (Россия…, 1914. С. 519)[6].

Ижевско-Воткинское восстание резко изменило судьбу скромного приходского священника Рождественского завода. 15 ноября 1918 г. Г. М. Желватых был мобилизован повстанцами и назначен полковым священником 2-го Сайгатского полка Воткинской Народной армии, а уже на следующий день стал благочинным Воткинской Народной армии. После соединения с колчаковцами Воткинская Народная армия была реорганизована в Воткинскую стрелковую дивизию. Желватых остался ее благочинным. Воткинцы считались добровольцами колчаковской армии. Колчаковское командование пообещало демобилизовать их и расформировать дивизию после того, как белые возьмут Воткинск – и обещание это исполнило. 7 апреля 1919 г. колча-

[2] Приветственные послания Верховному Правителю и Верховному Главнокомандующему адмиралу А. В. Колчаку. Ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г. Сб. док. / сост. и науч. ред. В. В. Журавлев. Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. 558 с.

[3] Там же.

[4] Адрес-календарь Пермской епархии на 1909 г. / Составил диакон Петр Ершов. Пермь : Электро-типография В. А. Чердынцева, 1908. 321 с.

[5] Справочная книга Пермской епархии на 1912 г. / Составил диакон Петр Ершов. Пермь : Электр. тип. Наследников П. Ф. Каменского, 1911. 316 с.

[6] Россия: Полное географическое описание нашего отечества. Т. 5. Урал и Приуралье / под редакцией В. П. Семенова-Тянь-Шаньского. СПб. : Издание А. Ф. Девриена, 1914. VII, 669 с.

ковцы взяли Воткинск и вскоре воткинцев распустили по домам. Можно предположить, что и Желватых не остался на военной службе, а вернулся в свой приход в с. Рождественский завод.

В июне 1919 г. Красная армия вновь подошла к Воткинску. Для обороны Воткинска колчаковское командование начало заново формировать 15-ю Воткинскую стрелковую дивизию. Однако из-за стремительного наступления красных и промедления при формировании новая Воткинская стрелковая дивизия не успела принять участия в боях за Ижевск и Воткинск и закончила свое формирование уже во время дальнейшего отступления колчаковской армии на Урал и за Урал. Помимо добровольцев-воткинцев в нее были влиты остатки разгромленной красными 16-й Сарапульской стрелковой дивизии, укомплектованной принудительно мобилизованными крестьянами. В этой Воткинской стрелковой дивизии второго формирования Г. М. Желватых вновь был назначен благочинным и отступал с ней в Сибирь. Дальнейшая его судьба пока не установлена.

Судя по документам, Г. М. Желватых был человеком не робкого десятка, нередко выезжал на передовую и требовал того же от подчиненных ему полковых священников. Сам он писал о своем боевом духе в частном письме к А. А. Касаткину: «Находясь в строю 2-й год, я уже привык к канонадам и теперь положительно чувствую себя спокойно»[7]. Вместе с тем, нельзя не отметить, что Г. М. Желватых придерживался антисемитских взглядов.

Благодаря рапорту Г. М. Желватых от 22 января 1919 г. стали известны имена всех полковых священников Воткинской Народной армии[8]. Как удалось установить, никто из них не был кадровым военным священником. Все они – представители приходского духовенства Пермской и Вятской епархий Русской православной церкви, проживавшие в 1918 г. в местностях, охваченных Ижевско-Воткинским восстанием. Осенью 1918 г. они были мобилизованы командованием повстанцев и заняли должности полковых священников в полках Воткинской Народной армии, разделив с ней ее судьбу.

Кроме того, публикуемые документы являются ценным источником не только по церковной, но и по военной истории. В частности, в них хорошо отражено участие 15-й Воткинской стрелковой дивизии в тяжелых встречных боях с частями Красной армии в районе г. Тобольска в сентябре – октябре 1919 г., получивших в исторической литературе название «тобольской кадрили». Г. М. Желватых описывает деятельность полковых священников 15-й Воткинской стрелковой дивизии в контексте общего хода боевых действий на этом участке Восточного фронта.

В рапортах Г. М. Желватых также содержатся довольно любопытные характеристики командного состава 15-й Воткинской стрелковой дивизии: командира дивизии, начальника штаба дивизии и командира 60-го Чистопольского стрелкового полка[9]. Желватых дает оценку их личным и профессиональным качествам, особо упоминает о степени религиозности.

Публикуемые документы выявлены в фонде 40253 «Управление Главного священника армии и флота» Российского государственного военного архива (РГВА). В публикацию включены все сохранившиеся в архиве рапорты, отчеты и письма Г. М. Желватых. Документы публикуются в современной орфографии, но с сохранением стилистических особенностей оригинала. В частности, сохранено авторское написание прописных и строчных букв. Слова и части слов, пропущенные или сокращенные в оригинале, восстановлены по смыслу и обозначены квадратными скобками – [].

Публикуемые документы

№ 1
Рапорт благочинного сводной Воткинской стрелковой дивизии Г. М. Желватых Главному священнику армии и флота протоиерею А. А. Касаткину № 75. С. Мостовское, 22 января 1919 г.

Долг имею Вашему Высокопреподобию почтительнейше донести, что 30 октября 1918 г. по случаю эвакуации населения правого берега р. Камы и всей

[7] См. док. № 10.
[8] См. док. № 1.
[9] См. док. № 2, № 3 и № 8.

Воткинской Народной армии – на левый берег, в настоящее время переименованной в сводную стрелковую дивизию, по приказанию Штаба армии пришлось следовать за армией и всему духовенству эвакуируемых селений.

Я, священник завода Рождественского Оханского уезда Пермской епархии, 15-го ноября 1918 г. Штабом Главнокомандующего назначен полковым священником во 2-й Сайгатский полк, а 16-го числа того же месяца – благочинным духовенства [Воткинской народной] армии.

Сношений с епархиальной властью никаких нет; почта пока не открыта. Епархиальное начальство о нашей участи, как беженцев, пока тоже не знает.

Умерших солдат пока записываем в тетради (на память).

Ходатайствую пред Вашим Высокопреподобием на случай быть может переформирования войск назначить меня полковым священником.

При сем прилагается список духовенства-беженцев, состоящих в рядах армии, несущих пастырские труды в дивизии.

Благочинный дивизии,
священник *Георгий Желватых*

22 января 1919 г.
№ 75
с. Мостовское Красноуфимского уезда Пермской губ.

Список духовенства,
состоящих на службе в сводной стрелковой дивизии

1-го Воткинского полка – священник Николай Хлынов[10] Пермской епархии

2-го Сайгатского полка – священник Георгий Желватых Пермской епархии

3-го Осинского полка – священник Антоний Ромудин Пермской епархии

4-го Воткинского полка – священник Василий Рычков[11] Вятской губернии-епархии

Дивизионного лазарета № 1-й – священник Иаков Грошев[12] Пермской еп[архии]

Дивизионного лазарета № 2-й – священник Феодор Красильников[13] Пермской епархии[14]

[10] Хлынов Николай Алексеевич (1872–?) – священник Русской православной церкви. Окончил Пермскую духовную семинарию. В 1908 г. служил священником в Покровской церкви в с. Бабкинское Оханского уезда Пермской губернии (Адрес-календарь Пермской епархии на 1909 г. / Составил диакон Петр Ершов. Пермь: Электро-типография В. А. Чердынцева, 1908. 321 с. С. 117). В 1912 г. служил священником в Христо-Рождественского собора в заштатном городе Дедюхин Соликамского уезда Пермской губернии (Справочная книга Пермской епархии на 1912 г. / Составил диакон Петр Ершов. Пермь: Электр. тип. Наследников П. Ф. Каменского, 1911. 316 с. С. 95). Имел право ношения камилавки.

[11] Рычков Василий (?–?) – священник Русской православной церкви. В 1917 г. служил священником в Свято-Троицкой церкви в с. Черново Сарапульского уезда Вятской губернии.

[12] Грошев Иаков Евдокимович (1857–?) – священник Русской православной церкви. Получил домашнее образование. В 1908 г. служил священником в Афанасье-Кирилловской церкви в с. Больше-Усинском Осинского уезда Пермской губернии (Адрес-календарь Пермской епархии на 1909 г. / Составил диакон Петр Ершов. Пермь : Электро-типография В. А. Чердынцева, 1908. 321 с. С. 141). В 1912 г. – на той же должности (Справочная книга Пермской епархии на 1912 г. / Составил диакон Петр Ершов. Пермь : Электр. тип. Наследников П. Ф. Каменского, 1911. 316 с. С. 84). Имел право ношения скуфьи.

[13] Красильников Феодор Владимирович (1877–?) – священник Русской православной церкви. Окончил Оханское городское училище. В 1908 г. служил диаконом в Вознесенской церкви в поселке Михайловский завод Красноуфимского уезда Пермской губернии (Адрес-календарь Пермской епархии на 1909 г. / Составил диакон Петр Ершов. Пермь : Электро-типография В. А. Чердынцева, 1908. 321 с. С. 156). В 1911 г. служил диаконом в Богородицкой церкви в поселке Кусье-Александровский завод Пермского уезда Пермской губернии (Справочная книга Пермской епархии на 1912 г. / Составил диакон Петр Ершов. Пермь : Электр. тип. Наследников П. Ф. Каменского, 1911. 316 с. С. 38).

[14] На документе имеются: 1) делопроизводственная помета «Вход[ящий] № 98. 11.02.1919 г.», 2) резолюция «12.02.[19]19 г. Для утверждения священников в должностях полк[овых] свящ[енник]ов затребовать от благочинного сведения об образов[ательном] цензе священников и документы на увольнение их из Пермской епархии. Прот[оиерей] *Касаткин*» и 3) делопроизводственная по-

Благочинный, священник *Георгий Желватых*

РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 1. Ч. 1. Л. 117–118. Подлинник. Рукопись. Черные чернила.

№ 2

Рапорт благочинного 15-й Воткинской стрелковой дивизии Г. М. Желватых Главному священнику армии и флота протоиерею А. А. Касаткину № 316. Пароход «Европа», 10 сентября 1919 г.

Доношу, что 6-го сего сентября штаб Воткинской дивизии, в полном своем составе, плывший из г. Тобольска на пароходе «Европа», стал перевозить на другую сторону обоз, численностью более 400 лошадей. Переправа была самая опасная, так как красные находились от перевоза всего лишь полторы-две версты. Немного попало [красным] имущества, принадлежащего дивизии, между прочим у меня лично попалось красным: шапка, сапоги и др[угие] вещи. Видя такое опасное положение, я стал совершать всенощное бдение Казанской Божией Матери, соборно со священником о. Михаилом Базилевским[15], переправа продолжалась всю ночь. Переправой командовал Начальник Штаба дивизии Ротмистр Фон Вах[16].

Этот человек заслуживающий достойного внимания, весьма хороший и храбрый работник.

В ту же ночь в 3 часа утра наш пароход «Европа», погруженный снарядами (до 10 000), почти с полного ходу набежал на буксирный пароход «Отец». Несчастий с людьми не было, только буфет (каюта) разрушена до основания.

Оба эти чуда я приписываю заступничеству Божией Матери. И в 10 часов утра я совершил в Штабе дивизии благодарственный молебен с коленопреклонением, с провозглашением многолетия Верховному Правителю и воинству. На молебне присутствовало много начальствующих лиц и солдаты.

При этом докладываю, что при полевом штабе, где я нахожусь, на фронте, мною совершаются ежедневно богослужения и молебны о даровании победы.

мета «Стр[оевой]. 12.02.1919 г. Доклад [нрзб]. Исполнено за № 225».

[15] Предположительно, Базилевский Михаил Семенович (1869–?) – священник Русской православной церкви. В 1878 г. окончил городское училище. С 1892 г. – псаломщик. В 1901 г. принял сан священника. В 1908 г. служил священником Знаменской церкви в поселке Верхне-Тагильский завод Екатеринбургского уезда Пермской губернии (Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1909 г. Екатеринбург : Типография А. М. Жукова, 1909. 299 с. С. 37). В 1914 г. служил священником Богоявленской церкви в с. Лялинское Верхотурского уезда Пермской губернии (Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1915 г. Екатеринбург : Типография Е. Н. Ершова и К°, 1915. 137, 427 с. С. 68). С 1908 г. имел право ношения набедренника.

[16] Фон Вах Борис Эммануилович (1889–1958) – офицер русской армии. Родился в 1889 г. в Петергофе. В 1914 г. окончил Елисаветградское кавалерийское училище по 1 разряду и был выпущен в 3-й гусарский Елисаветградский полк. Участник Первой мировой войны. В 1915 г. был переведен в 1-й Драгунский Московский полк. 11 февраля 1916 г. произведен в поручики. С 16 августа того же года – штабс-ротмистр. В октябре 1917 г. был командирован для прохождения подготовительных курсов 3-й очереди военного времени в Николаевскую военную Академию Генерального штаба, которые окончил в июне 1918 г. В числе курсантов эвакуирован вместе с академией из Екатеринбурга в Казань (23–24 июля 1918 г.), где оказался в распоряжении Комуча. 13 августа 1918 г. поступил добровольцем в ряды Народной армии Комуча. На исходе лета – осень 1918 г. – ротмистр при штабе Главковерха. Служил во 2-м Генерал-квартирмейстерском управления. С 1 января 1919 г. – помощник начальника 1-го отделения Организационного отдела Управления дежурного генерала при Верховном Главнокомандующем. 12 января откомандирован в распоряжение начальника штаба Сибирской армии в Екатеринбург для назначения на должность Генерального штаба. 2 февраля 1919 г. назначен начальником оперативного отдела штаба Воткинской стрелковой дивизии. С 21 марта – вр. и. д. начальника штаба той же дивизии. 5 июня 1919 г. назначен начальником обороны Воткинска. С 13 июня – начальник штаба 8-го Камского армейского корпуса. 9 августа переведен в Томский гусарский полк с назначением на должность командиром полка. С августа 1919 г. – начальник штаба 15-й Воткинской стрелковой дивизии. 11 ноября 1919 г. назначен вр. и. д. начальника 15-й Воткинской стрелковой дивизии. Подполковник. В 1920 г. в войсках Российской Восточной окраины – командир Воткинского стрелкового полка, в который была сведена 15-я Воткинская стрелковая дивизия. С 25 июля 1921 г. – помощник начальника Ижевско-Воткинской стрелковой бригады. Участник наступления на Хабаровск в конце 1921 – начале 1922 г. и последующей обороны Приморья. С 14-го октября 1922 г. – командир Прикамского полка. В эмиграции в США. Скончался 26 июня 1958 г. в Сан-Франциско.

Воткинская дивизия борется с врагом второй год и много терпит разных лишений и бед[17].

Священник *Георгий Желватых*

РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 2. Л. 323. Подлинник. Рукопись.

№ 3

Рапорт благочинного 15-й Воткинской стрелковой дивизии Г. М. Желватых Главному священнику армии и флота протоиерею А. А. Касаткину № 317. Пароход «Европа», 10 сентября 1919 г.

С чувством глубокого сожаления имею честь донести, что 60-й Чистопольский полк нашей Воткинской дивизии несет глубокую печаль с разлукой своего дорогого полковника Августа Ивановича Отмар-Штейна[18], оставившего службу по болезненности состояния здоровья.

Полковник Отмар-Штейн человек весьма религиозно воспитанный, деликатный и чудный, много помогал своими убеждениями полковому священнику в религиозных беседах с солдатами.

Ко дню 17 августа Воткинской дивизии (годовщины)[19] Отмар-Штейн представлен к производству в генерал-майоры. Это достойному и достойное[20].

Священник *Георгий Желватых*

РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 2. Л. 320. Подлинник. Рукопись.

№ 4

Рапорт благочинного 15-й Воткинской стрелковой дивизии Г. М. Желватых Главному священнику армии и флота протоиерею А. А. Касаткину № 337. Действующая армия, 21 сентября 1919 г.

Доношу, что мною отдано циркулярное[21] предписание священникам вверенного мне Благочиния, чтобы они во время боя находились на фронте, а не при обозах[22].

ПРИЛОЖЕНИЕ. Копия предписания за № 336[23].

СВЯЩЕННИК *Георгий Желватых*

РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 6. Л. 56. Подлинник. Машинопись.

[17] На документе имеются: 1) делопроизводственная помета «Вх[одящий] № 2 960. 26.IX.1919 г.» и 2) резолюция «30.IX.1919 г. Благодарю о. Желватых за усердную пастырскую деятельность. Прот[оиерей] *Касаткин*».

[18] Отмар-Штейн Август Иванович (1869–?) – офицер русской армии. Родился 9 февраля 1869 г. в дворянской семье. В 1896 г. окончил Казанское пехотное юнкерское училище. Служил в 241-м Борисовском пехотном резервном батальоне. Подпоручик (07.08.1896). Поручик (07.08.1900). Штабс-капитан (07.08.1904). Участник Русско-японской войны. За отличия в боевых действиях награжден в 1905 г. орденами Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» и Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом. 28 мая 1908 г. перешел на службу в пограничную стражу. Служил младшим офицером в Управлении Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи. Ротмистр (06.12.1908, со ст. с 07.08.1908). Капитан. В 1910 г. награжден орденом Св. Анны 3-й ст., в 1914 г. – орденом Св. Станислава 2-й ст. Участник Первой мировой войны. Командир роты, затем – командир 1-го батальона 7-го Заамурского пограничного пехотного полка. Подполковник (05.05.1917, со ст. с 22.05.1916). Полковник (14.10.1917, со ст. с 29.07.1916). 17 ноября 1916 г. награжден Георгиевским оружием. Участник Гражданской войны на Восточном фронте. После реорганизации Воткинской Народной армии в Воткинскую стрелковую дивизию в начале 1919 г. назначен командиром 4-го Воткинского стрелкового полка. В июле 1919 г. в 15-й Воткинской стрелковой дивизии (второго формирования) назначен командиром 60-го Чистопольского стрелкового полка. В сентябре 1919 г. ушел в отставку по состоянию здоровья.

[19] Имеется в виду годовщина антибольшевистского восстания 1918 г.

[20] На документе имеются: 1) делопроизводственная помета «Вх[одящий] № 2 961. 26.IX.1919 г.» и 2) резолюция «29.IX.1919 г. К сведению. Прот[оиерей] *Касаткин*».

[21] В документе ошибочно «циркулюрное».

[22] На документе имеются: 1) делопроизводственная помета «Вх[одящий] № 2 983. 29.IX.1919 г.» и 2) резолюция «20.IX.1919 г. О[тец] Благочинный пусть донесет о нерадивых пастырях дивизии, которые проживают в обозах. Прот[оиерей] *Касаткин*».

[23] См. документ № 4.

№ 5

Циркуляр благочинного 15-й Воткинской стрелковой дивизии Г. М. Желватых полковым священникам дивизии № 336. Действующая армия, 21 сентября 1919 г.

Копия

До сведения моего дошло, что при объезде боевого участка одним из начальствующих лиц дивизии, им было замечено, что ни один из полковых священников не находился на фронте, а спокойно проживали в тылу – в обозе.

Явление весьма и весьма печальное для ПАСТЫРЯ.

Не забывайте, ОТЦЫ, что никто из духовенства действующей армии не должен находиться в обозах, их место при штабе полка (полевом), а во время боев – или на перевязочном пункте или там, где ему указывает быть пастырский долг, чтобы примером личного мужества поддержать в стрелках дух бодрости, спокойствия и неустрашимости перед врагом.

Предписываю, впредь подобной халатности по отношению к службе не допускать и быть всегда на высоте своего пастырского призвания.

С подлинным верно:
СВЯЩЕННИК *Георгий Желватых*

РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 6. Л. 57. Копия. Машинопись.

№ 6

Рапорт благочинного 15-й Воткинской стрелковой дивизии Г. М. Желватых Главному священнику армии и флота протоиерею А. А. Касаткину № 342. Действующая армия, 23 сентября 1919 г.

Секретно

Доношу, что наша дивизия сегодня ночью будет наступать на Тобольск. Быть мне в Омске никак не приходится, все время на фронте24.

Священник *Георгий Желватых*

[24] На документе имеются: 1) делопроизводственная помета «Вх[одящий] № 2 982. 29.IX.1919 г.» и 2) резолюция «30.IX.1919 г. К делу. Прот[оиерей] *Касаткин*».

РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 2. Л. 317. Подлинник. Рукопись.

№ 7

Отчет благочинного 15-й Воткинской стрелковой дивизии Г. М. Желватых о своей работе за сентябрь 1919 г. № 350. Действующая армия, 4 октября 1919 г.

В составе духовенства вверенного мне благочиния [перемен] за сентябрь месяц не было.

С 1-го по 14-е сентября[25] были на позиции. 14-го сентября – на пароходе «Европа» в присутствии начальствующих и солдат отслужен благодарственный молебен, по случаю победы над красными.

18-го сентября – на бронированном пароходе «Катунь» отслужил всенощное бдение, а 19-го сентября божественную литургию на пароходе «Европа» и панихиду по убиенным воинам, в присутствии командного состава.

20 сентября – всенощное бдение – отслужил на пароходе «Андрей Первозванный» (госпитальное судно).

21 сентября – божественную литургию совершил на пароходе «Европа» в присутствии начальствующих и солдат. Присутствовало более 100 человек.

22 сентября делал поездку в штаб Артиллерии на баржу № 618-й, осматривал делопроизводство священника Артиллерии. Приходо-расходные и метрические книги имеются (хотя временные). О. Протоиерей Владимир Катаев[26] на фронте не бывает[27].

[25] Здесь и далее подчеркнуто черными чернилами автором.

[26] Предположительно, Катаев Владимир Николаевич (1868–1942) – протоиерей Русской православной церкви. Родился 18 февраля 1868 г. в с. Селезневское Вятского уезда Вятской губернии. В 1890 г. окончил Вятскую духовную семинарию по 2-му разряду. В 1890–1892 гг. работал учителем в Косинской земской школе. 28 февраля 1892 г. рукоположен в священника. В 1894–1905 гг. – окружной миссионер Вятской епархии. С 1910 г. – заведующий Зимниковской, с 1914 г. – Валинско-Устьинской церковно-приходской школы (обе – в приходе с. Большая Кильмезь Малмыжского уезда Вятской губернии). В 1896 г. получил право ношения набедренника, в 1900 г. – скуфьи, в 1905 г. – камилавки, в 1913 г. – наперсного креста. В 1917 г. –

23 сентября – полевые штабы отправились в наступление на «Усть-Ишиме». Пред боем отслужил молебен о даровании победы, офицеры пропели сами молитву «Царю Небесный».

24-го сентября в Егерском полку – отслужил соборно с полковым священником о. Михаилом Базилевским молебен в присутствии командира полка. Солдатам сделал общую исповедь и окропил св[ятой] водой.

25 сентября во 2-й роте Егерского полка – отслужил молебен на барже пред наступлением. Солдатам дал общую исповедь и окропил св[ятой] водой. В этот же день мы взяли село Усть-Ишим, красные стреляли по пароходу, в котором находились полевые штабы дивизии – орудийным, ружейным и пулеметным огнем. Боем руководил доблестный начальник дивизии, полковник Юрьев, от врага мы находились на расстоянии 100 сажен, стоящий возле меня на палубе парохода священник о. Михаил Базилевский – легко ранен в левую ногу[28] и чиновник Дягтерев, оба одной пулей. Убитых не было, раненых 4, мы взяли 2 орудия, 3 пулемета и трофеи. После боя в присутствии начальствующих и солдат я отслужил молебен. Радости было много.

27 сентября – День Воздвижения Креста Господня – божественную литургию совершил на пароходе «Европа». Причастников[29] было 10 человек, на литургии присутствовали начальствующие лица и солдаты до 100 челов[ек].

28 сентября – всенощное бдение и молебен совершил в 60-м Чистопольском полку в присутствии офицеров и солдат, бывших до 300 человек. Командира полка – капитана Жуланова[30] – я благословил иконою Серафима Саровского. Солдатам дал общую исповедь.

29 сентября. Забрали пулеметы, ружья и др[угие] припасы, брошенные при отступлении красными на Тобольск.

30 сентября. Отпевали солдата 60-го Чистопольского полка, нечаянно убитого. В 12 часов ночи мы заняли Тобольск без боя, ибо красные из него отступили.

Примечание: на всех богослужениях мною произносятся поучения – на тему, обличающую большевиков. Священникам вверенного мне благочиния мною предписано о совершении ежедневных богослужений – о даровании победы, а по субботам панихиды по убитым воинам[31].

Священник *Георгий Желватых*

РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 2. Л. 482–483. Подлинник. Рукопись.

№ 8

Рапорт благочинного 15-й Воткинской стрелковой дивизии Г. М. Желватых Главному священнику армии и флота протоиерею А. А. Касаткину № 352. Действующая армия, 4 октября 1919 г.

С глубокой скорбью болью на сердце доношу, что наша доблестная Воткинская дивизия лишилась храброго и энергичного полководца – это Начальника дивизии, полковника Георгия Юрьева[32], отре-

священник Троицкой церкви в с. Большая Кильмезь Малмыжского уезда Вятской губернии (Вятские епархиальные ведомости. 1917. 26 января. № 3–4. С. 26).

[27] Абзац выделен на полях вертикальной чертой зелеными чернилами протоиереем А. А. Касаткиным.

[28] Подчеркнуто зелеными чернилами протоиереем А. А. Касаткиным.

[29] Причастник – тот, кто принимает причастие.

[30] Жуланов Иван Петрович (?–?) – офицер русской армии. Родился в д. Шулдиха Еловской волости Осинского уезда в семье крестьянина. Участник Первой мировой войны. Участник Гражданской войны на Восточном фронте. В Воткинской Народной армии и Воткинской стрелковой дивизии (первого формирования) – командир 1-го батальона 3-го Осинского стрелкового полка, затем – командир 3-го Осинского стрелкового полка. В 15-й Воткинской стрелковой дивизии (второго формирования) помощник командира, с сентября 1919 г. – командир 60-го Чистопольского стрелкового полка. Участник Сибирского Ледяного похода. В эмиграции в Маньчжурии. Предположительно, скончался 17 мая 1928 г. в г. Харбине.

[31] На документе имеется делопроизводственная помета «Вх[одящий] № 3 398. 27.X.[19]19 г.»

[32] Юрьев (Бимман) Георгий Николаевич (1876–1920) – офицер русской армии. Родился 5 апреля 1876 г. в семье потомственных дворян Подольской губернии. Окончил Киевский Владимирский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище. В 1900 г. увольняется с военной службы и служит до 1907 г. на различных должностях в полиции, затем выходит в отставку. После начала Первой мировой войны призван в армию в чине поручика. 7 августа 1915 г. эвакуируется с фронта «вследствие

шенного от командования дивизией по злым наветам явных недоброжелателей.

Дух в дивизии стал угасать и тогда только поднимется, когда полковник Юрьев будет возвращен обратно к нам

Священник *Георгий Желватых*

РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 2. Л. 364. Подлинник. Рукопись.

№ 9

Рапорт благочинного 15-й Воткинской стрелковой дивизии Г. М. Желватых Главному священнику армии и флота протоиерею А. А. Касаткину № 354. Аманиевские юрты, 7 октября 1919 г.

Для сведения доношу Вашему Высокопреподобию, что Преосвященный Иринарх[33], Епископ Тобольский, сделал распоряжение по вверенной ему епархии о сборе в пользу Сибирской Армии денег[34].

Основание: личный разговор с Преосвященным.

Священник *Георгий Желватых*

РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 2. Л. 363. Подлинник. Рукопись.

№ 10

Письмо благочинного 15-й Воткинской стрелковой дивизии Г. М. Желватых протопресвитеру армии и флота А. А. Касаткину о встрече с епископом Тобольским Иринархом. Действующая армия, 7 октября 1919 г.

Ваше Высокопреподобие,
Достопочтеннейший о. Протопресвитер![35]

С фронта из передовой позиции почтительнейше посылаю свой иерейский привет. Письмо пишу утром в 9 час[ов], после совершенного молебна о даровании победы. Неприятель жарит по нам из 6-ти орудий на расстоянии 3-х верст, и я решился писать письмо. Находясь в строю 2-й год, я уже привык к канонадам и теперь положительно чувствую

контузии и болезни». Лечится в Ялте. Комиссия определяет инвалидность 3-й категории. 14 августа 1915 г. с разрешения государя меняет немецкую фамилию Бимман на Юрьев. Вернувшись после лечения из Швейцарии, состоит в качестве члена военно-полевого суда, утвержденного при начальнике гарнизона Бердичева. В августе 1917 г. принят служащим на Воткинский завод. В 1918 г. – секретарь заводоуправления Воткинского завода. Активный участник антибольшевистского Ижевско-Воткинского восстания. С 18 августа 1918 г. – комендант Воткинска. Со 2 сентября 1918 г. – начальник штаба Воткинской Народной армии. С 7 октября по 20 октября 1918 г. – командующий Воткинской Народной армией. С ноября 1918 г. по 3 января 1919 г. начальник сводной Воткинской дивизии. За отличия в боях приказами адмирала А. В. Колчака от 24 января 1919 г. произведен в подполковники со старшинством с 30 августа 1918 г. и награжден орденом Св. Георгия 4-й ст.; приказом от 29 января 1919 г. произведен в полковники со старшинством с 3 декабря 1918 г. В мае – октябре 1919 г. командовал 15-й Воткинской стрелковой дивизией. Приказом Главнокомандующего армиями Восточного фронта генерала М. К. Дитерихса от 17 октября 1919 г. зачислен в резерв чинов при штабе Омского военного округа. Попал в плен к красным под Кемчугом в январе 1920 г. Расстрелян по постановлению Енисейской ГубЧК в июне 1920 г.

[33] Иринарх (в миру – Иван Дамианович Синеоков-Андриевский) (1871–1933) – епископ Русской православной церкви. Родился 13 сентября 1871 г. в Екатеринославе в дворянской семье. Окончил Екатеринославскую духовную семинарию и Киевскую духовную академию. В 1897 г. рукоположен в священники. В 1910 г. принял монашество с именем Иринарх. 16 июля 1917 г. назначен епископом Березовским, викарием Тобольской епархии. После убийства большевиками 16 июня 1918 г. епископа Тобольского Гермогена назначен временным управляющим Тобольской епархии. В ноябре 1918 г. на Соборном совещании в Томске избран членом Временного Высшего Церковного Управления. После повторного занятия красными Тобольска в октябре 1919 г. был арестован и 4 месяца провел в заключении. В 1922–1925 гг. – епископ Тюменский. В 1925–1928 гг. – епископ Великоустюжский и Усть-Вымский. В 1928 г. назначен епископом Якутским и Вилюйским. В 1931 г. назначен архиепископом Пермским и Соликамским. 23 декабря 1931 г. арестован в Перми по обвинению в создании контрреволюционной подпольной организации. Приговорен к 5 годам заключения, где и скончался в 1933 г.

[34] На документе имеются: 1) делопроизводственная помета «Вх[одящий] № 3 404. 27.X.[19]19 г.» и 2) резолюция «28.X.1919 г. К сведению. Прот[оиерей] *Касаткин*».

[35] О получении А. А. Касаткиным сана протопресвитера сведений нет. Однако в дореволюционной России военное и морское духовенство по традиции возглавлял священник в сане протопресвитера.

себя спокойно. Ранены[е] приобщены, дух молодцев бодрый, и мне больше ничего и не нужно, хотя бы и смерть на плечах.

По занятии г. Тобольска – я ходил к Владыке Иринарху вместе с полковым священником о. Михаилом Базилевским – дабы получить и благословение на подвиг ратный. Визит продолжался 2 часа. Владыка принял как отец. Весьма жаловался на газету большевиков[36], унижающую его достоинство, которая издевалась над ним, как раболепным рабом, якобы он их покорный слуга во всех их грозных делах. Дабы избавиться от такой грязной клеветы, написанной жидами (в Тобольске их более половины города[37]), я просил его немедля ехать в Омск и объясниться с высшей властью. Иначе его они запачкают. На самом деле Владыку уважают верующие все, кроме жидов. Не откажите и Вы оказать ему свой добрый и заступающий за опальника – щит. Я ему отдаю самый лучший приют, ибо он делает повсеместный сбор по своей епархии на нужды Сибирской Армии.

Сами знаете, красные погубили Владыку Тобольского Гермогена[38], и этого хотят запачкать газетными гадостями, кто это делает? Тобольские жиды, коим нет числа. Владыку Иринарха хотели взять заложником при отступлении красные, но он скрылся.

Помолитесь за меня дорогой о. Протопресвитер и не оставьте поддержать меня во всех нуждах[39].

Вашего Высокопреподобия недостойный послушник и недостойный иерей

Георгий Желватых

7 окт[ября] 1919

Д[ействующая] Армия. Позиция

РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 2. Л. 361–362. Подлинник. Рукопись.

[36] Имеется в виду газета «Тобольская коммуна» – орган тобольского военно-революционного комитета и тобольской партийной организации РКП(б), выходившая в Тобольске в сентябре 1919 г., пока город был занят красными. Редактировали газету члены военревкома В. Орлов и П. Я. Гордиенко. (См.: Андреева, Петрова, 2013).

[37] Сведения не соответствуют действительности.

[38] Гермоген (в миру – Георгий Ефремович Долганов) (1858–1918) – епископ Русской православной церкви. Родился 25 апреля 1858 г. в Новой Одессе Херсонского уезда Херсонской губернии в семье единоверческого священника. В 1889 г. окончил юридический факультет Императорского Новороссийского университета. В 1890 г. принял монашество. В 1893 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия. В 1893–1898 гг. – инспектор, в 1898–1901 гг. – ректор Тифлисской духовной семинарии. В 1901–1903 гг. – епископ Вольский, викарий Саратовской епархии. В 1903–1912 гг. – епископ Саратовский и Царицынский. Из-за конфликта с Григорием Распутиным в январе 1912 г. уволен от управления епархией и отправлен в монастырь. После Февральской революции назначен епископом Тобольским и Сибирским. В апреле 1918 г. арестован большевиками за организацию крестного хода в Тобольске и посажен в тюрьму в Екатеринбурге. В июне 1918 г. вывезен комиссаром П. Д. Хохряковым вместе с группой других арестованных на строительство полевых укреплений возле с. Покровское. В ночь с 28 на 29 июня 1918 г. утоплен красными в р. Туре. В 2000 г. канонизирован РПЦ.

[39] На документе имеется резолюция «27.X.1919 г. К сведению. Прот[оиерей] *Касаткин*».

Список источников

Андреева А. А., Петрова О. А. История журналистики тюменского региона (1789–1929). Тюмень : Изд-во Тюменского государственого университета, 2013. 487 с.

Вебер М. И. Военное духовенство 4-го Оренбургского армейского корпуса колчаковской армии по документам благочинного корпуса С. В. Каверзнева // Genesis: исторические исследования, 2021а. № 12. С. 207–217.

Вебер М. И. К вопросу о биографии капитана Герке // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : материалы XIV Всероссийской научной конференции. В 2-х т. 2020. С. 459–469.

References

Andreeva A. A., Petrova O. A. (2013) The history of journalism of the Tyumen region (1789-1929). Tyumen': Tyumen State University. 487 p. (In Russ.).

Weber M. I. (2021a) Military clergy of the 4th Orenburg Army Corps of the Kolchak Army according to the documents of Chief Priest S. V. Kaverznev. *Genesis: istoricheskie issledovaniya = Genesis: historical studies*. No. 12. P. 207-217. (In Russ.).

Weber M. I. (2020) On the question of the biography of Captain Gerke. *Ural industrial'nyi. Bakuninskie chteniya. Materialy XI Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. V 2-kh tomakh = Ural Industrial. Bakunin readings. Materials of the XIV All-Russian Scientific Conference*. In 2 vol. P. 459-469. (In Russ.).

Вебер М. И. Мартовская мобилизация 1919 г. в колчаковскую армию на территории Ирбиртского уезда Пермской губернии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. № 1 (172). С. 80–92.

Вебер М. И. «Ограбление церквей безусловно восстанавливало население против нас»: дело о мародерстве полкового священника колчаковской армии Семена Трейерова // Социально-экономическая история Урала XVIII–XX вв.: проблемы и решения. Сб. науч. ст. и мат-лов памяти Е. Ю. Рукосуева. Екатеринбург : ИИА УрО РАН, 2021b. С. 231–249.

Вебер М. И. «Тяжелые времена переживает Русская земля»: дневник священника 3-го Барнаульского Сибирского стрелкового полка К. Дмитриева // Культурный код. 2019. № 4. С. 39–51.

Волков Е. В. Православное духовенство в войсках А. В. Колчака в годы Гражданской войны // Гражданская война на Востоке России: новые подходы, открытия, находки : материалы науч. конф. в Челябинске 19–20 апреля 2002 г. М.: Посев, 2003. С. 32–36.

Волков Е. В. Православное духовенство России в двух гражданских войнах // Проблемы истории, филологии, культуры. 2006. № 16–2. С. 105–119.

Волков Е. В. Православные священники в белых армиях: люди, идеи, судьбы // Военный комментатор. 2002. № 2 (4). С. 4–15.

Ганин А. В. Оренбургское казачество и церковь в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. // Белая гвардия. 2008. № 10. С. 146–162.

Нечаев М. Г. Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917–1922. Пермь : Изд-во ПГПУ, 2004. 334 с.

Новикова Т. М. Деятельность Русской Православной церкви в период Гражданской войны (на материалах Восточной Сибири) // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4–4 (64). С. 194–198.

Новикова Т. М. Православная церковь и правительство А. В. Колчака // Вестник ИрГТУ. 2010. № 4 (44). С. 268–272.

Олихов Д. В. Временное высшее церковное управление Сибири (1918–1920 гг.). Опыт церковного строительства в эпоху гражданского лихолетья. СПб.: Сатисъ, 2017. 222 с.

Олихов Д. В. Создание и деятельность Временного Высшего церковного управления Сибири (1918–1920 гг.) // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2016. № 1. С. 72–86.

Попов А. В. Временные Высшие Церковные Управления на территориях, контролируемых белогвардейски-

Weber M. I. (2018) The March mobilization of 1919 in the Kolchak Army on the territory of the Orbit district of Perm province. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki = Izvestiya Ural Federal University. Ser. 2. Humanities.* Vol. 20. No. 1 (172). P. 80-92. (In Russ.).

Weber M. I. (2021b) "The robbery of churches certainly restored the population against us": the case of the looting of the regimental priest of the Kolchak army Semyon Treyerov. *Sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Urala XVIII-XX vv.: problemy i resheniya. Sb. nauch. st. i mat-lov pamyati E. Yu. Rukosueva = Socio-economic history of the Urals of the XVIII-XX centuries: problems and solutions. Collection of scientific articles and materials in memory of E. Yu. Rukosuev.* Ekaterinburg: IIA UrO RAN. P. 231-249. (In Russ.).

Weber M. I. (2019) "The Russian land is going through hard times": the diary of the priest of the 3rd Barnaul Siberian Rifle Regiment K. Dmitriev. *Kul'turnyi kod = Cultural code*. No. 4. P. 39 -51. (In Russ.).

Volkov E. V. (2003) Orthodox clergy in the troops of A. V. Kolchak during the Civil War. *Grazhdanskaya voina na Vostoke Rossii: novye podkhody, otkrytiya, nakhodki: Materialy nauch. konf. v Chelyabinske 19–20 aprelya 2002 g. = Civil War in the East of Russia: new approaches, discoveries, finds: Materials of the scientific conference in Chelyabinsk on April 19-20, 2002.* Moscow: Posev. P. 32-36. (In Russ.).

Volkov E. V. (2006) The Orthodox clergy of Russia in two Civil wars. *Problemy istorii, filologii, kul'tury = Problems of history, philology, culture*. No. 16-2. P. 105-119. (In Russ.).

Volkov E. V. (2002) Orthodox priests in the White Armies: people, ideas, destinies. *Voennyi commentator = War commentator*. No. 2 (4). P. 4-15. (In Russ.).

Ganin A. V. (2008) Orenburg Cossacks and the Church during the Civil War of 1917-1922. *Belaya gvardiya = White guard*. No 10. P. 146-162. (In Russ.).

Nechaev M. G. (2004) The Church in the Urals during the Great Upheavals: 1917-1922. Perm': State Polytechnic University. 334 p. (In Russ.).

Novikova T. M. (2009) Activity of the Russian Orthodox Church during the Civil War (based on the materials of Eastern Siberia). *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = News of the Altai State University*. No. 4-4 (64). P. 194-198. (In Russ.).

Novikova T. M. (2010) The Orthodox Church and the Government of A. V. Kolchak. *Vestnik IrGTU = Bulletin of Irkutsk State Technical University*. No. 4 (44). P. 268-272. (In Russ.).

Olikhov D. V. (2017) The Provisional Supreme Church Administration of Siberia (1918-1920). The experience of church construction in the era of civil hard times. St. Petersburg: Satis. 222 p. (In Russ.).

Olikhov D. V. (2016) Creation and activity of the Provisional Supreme Church Administration of Siberia (1918-1920). *Vestnik Omskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii = Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary*. No. 1. P. 72-86. (In Russ.).

Popov A. V. (2005) Temporary Higher Church Administrations in the territories controlled by the White Guard

ми правительствами // История белой Сибири : материалы VI Междунар. науч. конф., Кемерово, 7–8 февраля 2005 г. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2005. С. 180–188.

Сизов С. Г. Православная Церковь в общественно-политических, духовных и социальных процессах Белого Омска (июнь 1918 – ноябрь 1919) // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2017. № 1 (2). С. 65–70.

Суханов А. В. «Большевики… отняли свободу верить и молиться». Пастырское обращение Главного священника Сибирской армии протоиерея Алексея Русецкого к рабочим Мотовилихинского завода. 1919 г. // Исторический архив. 2015. № 5. С. 196–199.

Сушко А. В. Участие омского духовенства в событиях Русской революции и Гражданской войны (на примере судеб архиепископа Сильвестра (Ольшевского) и священника В. Ф. Инфатьева) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 3. С. 5–8.

Шулдяков В. А. Главный священник Восточного фронта протоиерей Алексей Русецкий (1871–1945) // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2017. № 2 (3). С. 41–47.

Шулдяков В. А. Главный священник Восточного фронта протоиерей Алексей Русецкий (1871–1945) // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2018. № 2 (5). С. 94–125.

Информация об авторе

М. И. Вебер – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра политической и социокультурной истории,
Институт истории и археологии УрО РАН,
620108, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16, Россия.

Вклад автора

Вебер М. И. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 5 декабря 2021 г.; одобрена после рецензирования 12 февраля 2022 г.; принята к публикации 21 февраля 2022 г.

governments. *Istoriya beloi Sibiri: materialy VI Mezhdunar. nauch. konf., Kemerovo, 7–8 fevralya 2005 g. = History of White Siberia. Materials of the VI International Scientific Conference, Kemerovo, February 7-8, 2005.* Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. P. 180-188. (In Russ.).

Sizov S. G. (2017) The Orthodox Church in the socio-political, spiritual and social processes of White Omsk (June 1918 - November 1919). *Vestnik Omskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii = Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary*. No. 1 (2). P. 65-70. (In Russ.).

Sukhanov A. V. (2015) "The Bolsheviks ... took away the freedom to believe and pray." Pastoral address of the Chief Priest of the Siberian Army Archpriest Alexei Rusetsky to the workers of the Motovilikha plant. 1919. *Istoricheskii arkhiv = Historical Archive*. No 5. P. 196-199. (In Russ.).

Sushko A. V. (2017) Participation of Omsk clergy in the events of the Russian Revolution and Civil War (on the example of the fate of Archbishop Sylvester (Olshevsky) and priest B. F. Infatiev). *Omskii nauchnyi vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' = Omsk Scientific Bulletin. The Society series. History. Modernity.* No. 3. P. 5-8. (In Russ.).

Shuldyakov V. A. (2017) The chief priest of the Eastern Front, Archpriest Alexei Rusetsky (1871-1945). *Vestnik Omskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii = Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary*. No. 2 (3). P. 41-47. (In Russ.).

Shuldyakov V. A. (2018) The chief priest of the Eastern Front, Archpriest Alexei Rusetsky (1871-1945). *Vestnik Omskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii = Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary*. No. 2 (5). P. 94-125. (In Russ.).

Information about the author

M. I. Weber – Cand. Sci. (History), Senior Research fellow of the Center for Political and Sociocultural History,
Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences,
16, S. Kovalevskaya St., Ekaterinburg 620108, Russia.

Contribution of the author

Weber M. I. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted December 5, 2022; approved after reviewing February 12, 2022; accepted for publication February 21, 2022.

Научная статья
УДК 355/359
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-209-218

«Под давлением идеологии»: Отечественное сельское хозяйство 1920-х годов в советской историографии 1920-х – начала 1950-х годов

Андрей Иванович Бакшеев [1], Александр Георгиевич Рогачев [2]

[1] Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого Министерства здравоохранения Российской Федерации, Красноярск, Россия, baksh-ai@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8085-8837
[2] Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия, kaf.history@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9818-1812

Аннотация. В изучении и осмыслении отечественной аграрной истории периода 1920-х выделяются пять этапов: 1920-е гг.; 1930-е гг., вторая половина 1940-х – начало 1950-х гг.; середина 1950-х – 1980-е гг.; 1990-е гг. и по настоящее время. Данная статья предметно рассматривает первые три этапа, связанные с деятельностью И. В. Сталина. Его политической роли посвящен справочный фрагмент. В 1920-е годы в СССР наблюдалась ограниченная политической монополией большевистской партии дискуссия о дальнейшем аграрном курсе. Опираясь на предвзято подобранный фактический материал, цитаты теоретиков марксизма, авторы-политики логически упрощенно, но эмоционально ярко предлагали управленческие решения. Комплексный обобщающий характер носили публикации экономистов Н. Д. Кондратьева и А. В. Чаянова. В прикладных целях сельское хозяйство активно изучали и на уровне округов Сибири, обеспечивая данными как местные, так и общесибирские издания. Переход ко второму периоду историографии совпал с форсированной и насильственной коллективизацией. Принудительно-административное сужение спектра научных трактовок и приоритет сталинских оценок отвели периоду Новой экономической политики роль антипода успехов становления в СССР колхозного строя. Материалы партийных съездов и пленумов наполнены утверждениями о безальтернативной верности аграрной политики 1930-х гг. Для ученых резолюции этих собраний стали указанием того, какие выводы формулировать. Определяющее влияние оказал вышедший в 1938 г. при участии И. В. Сталина учебник «История ВКП(б). Краткий курс». Исследовательский интерес к событиям 1920-х годов заметно снизился, а политическая составляющая изданий явно превалировала над научной. Рост национального самосознания в ходе Великой Отечественной войны несколько скорректировал содержание советской историографии и инициировавал возрождение научной критики. Исследователи сосредоточили внимание на освещение роли партии, сохранив однако цитатный метод трактовки фактического материала. В заключение дается оценка советской историографии, рекомендуется ее взвешенная ревизия и выработка новых концепций.

Ключевые слова: историография, Новая экономическая политика, И. В. Сталин, периодизация, идеология, большевики, крестьянство, публикации, риторика, трактовки

Для цитирования: Бакшеев А. И., Рогачев А. Г. «Под давлением идеологии»: Отечественное сельское хозяйство 1920-х годов в советской историографии 1920-х – начала 1950-х годов // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 1. С. 209–218. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-209-218

Original article

“Under the pressure of ideology”: Domestic agriculture of the 1920s in Soviet historiography of the 1920s - early 1950s

Andrey I. Baksheev [1], Alexander G. Rogachev [2]

[1] Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V. F. Voyno-Yasenetsky, Ministry of Health of the Russian Federation, Krasnoyarsk, Russia, baksh-ai@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8085-8837
[2] Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia, kaf.history@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9818-1812

Abstract. Five stages are distinguished in the study and reflection of the domestic agrarian history of the period of the 1920s: the 1920s; the 1930s, the second half of the 1940s - the beginning of the 1950s; the mid-1950s-the 1980s; the 1990s and to the present. This article examines in detail the first three stages related to the activities of I. V. Stalin. The given reference fragment is

© Бакшеев А. И., Рогачев А. Г., 2022

devoted to his political role. In the 1920s, in the USSR, there was a limited by the political monopoly of the Bolshevik Party discussion about the further agrarian course. Relying on biased factual material, and the quotes from Marxist theorists the political authors logically simplified but emotionally vividly offered managerial solutions. The publications of such economists as N. D. Kondratiev and A. V. Chayanov were of a complex generalizing nature. For applied purposes the agriculture was also actively studied at the level of Siberian districts, providing both local and Siberian-wide publications with data. The transition to the second period of historiography coincided with forced and violent collectivization. The forced administrative narrowing of the spectrum of scientific interpretations and the priority of Stalin's assessments assigned to the period of the New Economic Policy the role of the antipode of the success of the formation of the collective farm system in the USSR. The proceedings of Communist Party congresses and plenums are filled with assertions about the uncontested fidelity of the agrarian policy of the 1930s. For scientists, the resolutions of these meetings became an indication of what conclusions to formulate. The textbook "History of the CPSU(b): A short course", published in 1938 with the participation of I. V. Stalin had a decisive influence. Research interest in the events of the 1920s has noticeably decreased, and the political component of the publications clearly prevailed over the scientific one. The growth of national consciousness during the Great Patriotic War somewhat corrected the content of Soviet historiography and initiated the revival of scientific criticism. The researchers focused on highlighting the role of the party, while retaining the citation method of interpreting factual material. In conclusion, an assessment of Soviet historiography is given, its balanced revision and the development of new concepts are recommended.

Keywords: historiography, New Economic Policy, I. V. Stalin, periodization, ideology, Bolsheviks, peasantry, publications, rhetoric, interpretations

For citation: Baksheev A. I., Rogachev A. G. (2022) "Under the pressure of ideology": Domestic agriculture of the 1920s in Soviet historiography of the 1920s - early 1950s. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 1. P. 209-218. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-209-218

В изучении и осмыслении отечественной аграрной истории периода 1920-х выделяются пять этапов: 1920-е гг. (его условно можно именовать как дискуссионный); 1930-е гг. (сталинский, пропагандистский), вторая половина 1940-х – начало 1950-х гг. (сталинский, начально-научный); середина 1950-х – 1980-е гг. (развито научный); 1990-е гг. и по настоящее время (постсоветский). Несмотря на идеологический монополизм, присутствовал реальный или имитируемый дискурс, в котором отразилась общая интеллектуальная эволюция и проявились внутренние закономерности. В данной статье хотелось бы предметно рассмотреть первых три этапа, в той или иной степени тесно связанные с деятельностью И. В. Сталина. Тем самым мы дополним и разовьем ранее высказанные оценки (Рогачев, Бакшеев, 2021. С. 209–211).

Если описать события максимально схематично, то за 1917–1924 гг. И. В. Сталин установил прочные деловые контакты и связи на местах. Гражданская война в значительной степени повлияла на политический характер Сталина. В обществе, жившем по законам «военного коммунизма», повсеместное распространение получили специфический образ мышления и стиль управления. Типичной практикой стало решение всех текущих проблем директивным, административным путем. Все это очень соответствовало стилю работы Сталина, предоставило возможности для развития врожденных черт его личности. После смерти В. И. Ленина И. В. Сталин дал клятву и в дальнейшем строго следовать «ленинским курсом». Это среди прочего в конечном итоге способствовало победе И. В. Сталина 1924–1929 гг. над оппозицией.

22 августа 1921 г. ЦК РКП(б) поручил Сталину общее руководство работой отдела агитации и пропаганды ЦК партии. 29 ноября 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) принимает резолюцию В. И. Ленина и И. В. Сталина об образовании федерации закавказских республик. 29 декабря 1921 г. И. В. Сталин первой сессией ВЦИК 9-го созыва избирается членом Президиума ВЦИК и утверждается народным комиссаром по делам национальностей и народным комиссаром рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ).

В марте – апреле 1922 г. состоялся XI съезд РКП(б). В. И. Ленин на съезде свои усилия направил на укрепление единства партии и борьбу с бюрократизмом. В последний день съезда избрали новый ЦК, который 3 апреля утвердил новое Политбюро – уже не «пятерку», а «семерку», в которую входили Зиновьев, Каменев, Ленин, Рыков, Сталин, Томский, Троцкий. Бухарин, Калинин и Молотов стали кандидатами в члены Политбюро. Во время той же сессии ЦК в Секретариат ЦК вошли: Сталин, Куйбышев и Молотов. Генеральным секретарем ЦК избрали Сталина.

Должность Генерального секретаря партии явилась новым постом. Видимо, Ленин считал все это временным мероприятием, связанным с его собственной болезнью. До 1919 г. должности секретаря партии не существовало. На VIII съезде в марте 1919 г. секретарем избрали Н. Н. Крестинского, человека без особого влияния и сторонника Троцкого. На IX съезде в Секретариат партии вошла тройка: Крестинский, Преображенский, Серебряков, все – друзья Троцкого. Но X съезд их заменил тремя сталинцами: Молотовым, Михайловым и Ярославским. А в апреле 1922 г. член Политбюро Сталин согласился стать генсеком, сняв с себя обязанности наркома по делам национальностей и наркома Рабкрина.

В 1923 г. Сталин, Зиновьев и Каменев объединились в борьбе против Троцкого. После поражения Троцкого Сталин расторг этот союз и объединился с Бухариным против Зиновьева, Каменева и примкнувшего к ним Троцкого. В 1927 г. троцкистско-зиновьевская оппозиция терпит поражение, её лидеров исключают из ВКП(б), а Л. Д. Троцкого вскоре высылают за границу. В 1928–1929 гг. Н. И. Бухарин и его сторонники обвиняются в правом кулацком уклоне и быстро теряют высшие руководящие посты в партии и государстве. Таков обзор борьбы за высшую власть в СССР.

В советском государстве в течение 1920-х годов публиковались официальные работы о курсе в отношении крестьянства, претендующие на теоретический характер. Авторами были виднейшие большевики. Аналогичным образом на уровне всей Сибири, сибирских регионов, республик и округов Сибирского края в местной прессе выступали местные руководители. Все авторы откровенно объясняли цели советской политики в отношении крестьянства. Как уже отмечалось, большинство текстов целесообразнее рассматривать как письменные исторические источники, а не исследовательскую литературу (Рогачев, Бакшеев, 2021. С. 210).

Одновременно публиковались труды экономистов Н. Д. Кондратьева и А. В. Чаянова (Кондратьев, 1989; Чаянов, 1989). Можно констатировать взаимопроникновение тезисов. Особо повторим и подчеркнем, что в постсоветской историографии «общепризнано», что В. И. Ленин использовал теоретические наработки А. В. Чаянова (Проекты преобразований…, 2015. С. 32). В свою очередь ученые для «подкрепления» собственной позиции цитировали политиков.

Так, в июле 1925 г. на заседании президиума Госплана СССР Н. Д. Кондратьев заявил, что в резолюции по докладу товарища Каменева (после 3-го Съезда Советов) говорится, что основным противоречием в сельском хозяйстве является то, что оно относительно достаточно снабжено рабочей силой, но слишком слабо снабжено основными орудиями и средствами производства (Доклад Н. Д. Кондратьева, 1925. С. 104).

Семейно-трудовая концепция Чаянова являлась господствующей теоретической основой как местных (окружных) аграрно-статистических изданий, так и регионального аграрно-производственного планирования (Проекты преобразований…, 2015. С. 131–151). Например, ссылаясь на данные Чаянова по Харьковской губернии, статистики Барнаульского округа подчеркивали влияние на годовую выработку запросов потребления, предъявляемых работнику со стороны его семьи (Пушкарев, 1927. С. 143[1]). Во время коллективизации Кондратьев был предсказуемо назначен объектом назидательного осуждения и откровенно фальсификаторской критики (Камшицкий, 1929). В 1930 г. В. П. Милютин отнес Кондратьева к представителям «буржуазной школы» и процитировал враждебные высказывания: «Мы на практике сплошь и рядом ведем борьбу с крепкими развивающимися слоями деревни, со слоями хозяйства, которые только могут быть основой товарной продукции, что является хозяйственно и политически опасным» (Милютин, 1930. С. 26–27).

В прикладных целях сельское хозяйство квалифицировано изучали и на региональном уровне. В «Сибирской советской энциклопедии», чья незавершенность и менявшееся содержание прямо отразили ужесточение избранного политического курса и усиление централизации во всех сферах, было опубликовано множество взаимоувязанных справочных статей. Редакторами отдела «Сельское хозяйство и экономика деревни» в томе 1 (вышел в сентябре 1929 г.) выступали В. А. Каврайский (Новосибирск), профессор И. И. Осипов (Москва), И. Н. Харламов; в томе 2 (март

[1] Пушкарев В. М. Сельское хозяйство // Барнаульский округ (Статистико-экономический обзор). Барнаул, 1927. С. 139–247.

1931 г.) – последний, С. Г. Колеснев, К. К. Лопатто, М. А. Минеев и Н. П. Ялухин, в томе 3 (весна 1932 г.) – обновленный состав второго и Ф. А. Хоробрых.

И. И. Ляшенко (Новосибирск) рассматривал классовое расслоение и классовую борьбу в Сибирской деревне (с четким разделением трех периодов дореволюционного, 1920–1929 гг., социальных сдвигов и классовой борьбы в новых (на 1930 г.) условиях); В. Тябин – землепользование; Б. Немыскин – проблемы землеустройства; В. Беляев (Новосибирск) – коневодство; А. Ф. Брусницын (Новосибирск) – животноводство; М. Тихоненко – крестьянскую кожевенную промышленность, коллективные хозяйства, крупный рогатый скот; Я. Ваньков – мукомольную и крупяную промышленность; В. Ершов – маслоделие. Значение обнародованной декларации, руководящей программы имели статьи «Земельная политика», «Коллективные хозяйства». В рамках Сибирской Советской энциклопедии подготовлены очень содержательные очерки и по округам восточной части СССР.

От тома к тому существенно меняется смысловое освещение хозяйственных процессов, а главное описание перспектив. В справочной литературе середины 1920-х годов господствовали рыночные подходы. Эксперты оценивали (преимущественно в рублях) оборот крупнейших предприятий, отраслей, а также округа в целом; посевную площадь; занятость населения по промыслам и мелко-кустарной промышленности; стоимость продукции полеводства, скотоводства; заготовки; вывоз за пределы округа по товарам.

Экономические связи города с единоличным селом могли строиться только через рынок. При этом сами крестьяне решали: выгодно ли им продавать государству свою продукцию или нет. Это совершенно не устраивало И. В. Сталина и его единомышленников, которые стремились в кратчайший срок коллективизировать деревню и перейти на внерыночные отношения, при которых автоматически исчезал действующий механизм обеспечения хотя бы приблизительно равноценного обмена между городом и деревней.

Большевики предпочли предъявить крестьянам требование подчиниться «общегосударственной дисциплине» и государственному (фактически партийному) регулированию хозяйственной жизни, отказаться от «мелкобуржуазной стихии спекуляции и торгашества» в пользу полного государственного контроля (и учета) над расходом всей производимой продукции. Сопровождавший такой переход падение самого производства (инициированное подрывом мотивации на инициативный труд) и как следствие падение уровня и качества жизни коммунистические власти не открыто признавали, а на внутрипартийном уровне считали хотя и негативным, но терпимым для административно-командной системы побочным эффектом.

На наш взгляд, материалы советского хозяйственного планирования второй половины 1920-х годов свидетельствуют, что негативные последствия большинством экспертов не предвиделись и, соответственно, не готовилось их устранение. Однако партия была готова умалчивать о них или находить благоприятные для властей «объяснения».

Применительно к Сибири особенно характерным выглядит провал хорошо проработанных планов второй половины 1920-х годов по субрегиональной хозяйственной специализации или, иными словами, географической рационализации аграрного производства. Четко прослеживается остановка тенденции опережающего развития (рост долей тех или иных субрегионов). Например, если в Тулунском округе до 1929 г. аграрное производство растет как в абсолютных, так и в относительных показателях, то после 1929 г. растут только отдельные абсолютные показатели. Причины изменений очевидны: свободный труд по самостоятельно поставленным задачам на свой хозяйственный риск в расчете на материальную выгоду заменен централизованным, а потому, полностью унифицированным государственным планированием с его приоритетом партийной целесообразности и строгим нежеланием нести ответственность за природные и социальные риски. Партия действовала по командному принципу «Вперед» (пробуйте, как мы сказали), а не призывом «За мной» (повторяйте наш удачный пример). Переход от единоличных к коллективным формам осуществлялся не убеждением успешным и наглядным примером коммун, а всей мощью и разнообразием государственного принуждения.

Например, в «Сибирской Советской энциклопедии» предсказуемо обличаются последователи Кондратьева и Чаянова: «Суть кулацкой теории Осиповых, Марковских, Максимовых и других кондратьев-

цев сводилась к следующему: сельское хозяйство Сибири находится в состоянии кризиса; выходом из положения является внедрение паротравополья и на его основе, развитие высокотоварного крестьянского хозяйства… Надо установить прочный земельный строй (отруба и выселки), надо ввести налог с земли, а не с дохода. Понизить цены на промышленные товары и повысить на сельско-хозяйственные товары. Кредитовать преимущественно более зажиточные хозяйства, т. к. эффективность кредита будет выше и т. п.» (Статья «Классовое расслоение и классовая борьба в Сибирской деревне»).

Враги назначались с завидной периодичностью. Риторика обеспечивала необратимость курса, альтернативы сознательно не рассматривались. В тактическом смысле ставка на приоритетность контроля над материальными ресурсами давала большевикам существенное превосходство над оппонентами и противниками, обеспечивала большее пространство для маневра. В стратегическом же отношении отодвигала и так гипотетическую победу в экономическом соревновании с зарубежным капиталистическим окружением. Краткосрочные материальные убытки военного коммунизма, а затем коллективизации, олицетворяющие плату за чрезвычайщину и диктат, дали козырь антибольшевистской пропаганде и снизили привлекательность коммунистической модели в мире.

После 1933 г. существенная часть авторов подверглась репрессиям (П. К. Казаринов, И. И. Осипов, Ф. А. Хоробрых), другие (23 чел.) предпочли отказаться от продолжения работы (Посадсков, 2009. С. 75). Том 4 выпущен в виде макета в мае 1937 г., еще два тома реконструированы на основе рукописей из Государственного архива Новосибирской области в 2001–2002 гг.

Фундаментом общесибирских изданий выступала активная научная работа, проводимая в регионах: сначала в губерниях Сибири, а затем в Сибирском крае и его округах. Например, мощный исследовательский центр в 1920-е годы действовал в Иркутске, где ежегодно издавались статистические сборники Иркутского губернского статистического бюро. Л. А. Кокоулина, К. Н. Миротворцев, М. П. Соколов, А. В. Черных и другие на высочайшем уровне собирали сведения и на их основе анализировали развитие сельского хозяйства, намечали оптимальные пути его развития. Оценки исследователей ученых учитывали местные советские руководители, при реализации общегосударственной политики, пока еще допускалось учитывать местную специфику. Методологический и концептуальный интерес для нас представляли и современные НЭПу справочно-статистические издания по другим губерниям, уездам (округам) нашей страны. Они были полезны как для сопоставления, так и для реконструкции экспертных подходов, терминологии.

Переход ко второму периоду историографии: 1930-е – первая половина 1950-х гг., совпал с переустройством сельского хозяйства, с форсированной и насильственной коллективизацией. Принудительно-административное сужение спектра научных трактовок, усиление партийного контроля, приоритет сталинских оценок происходившего и происходящего отвели периоду НЭПа неблагодатную роль антипода героических успехов становления в СССР колхозного строя. Собственно говоря, оценки НЭПа в литературе 1930–1950-е годы «зашиты» в лакированном освещение коллективизации (Рогачев, Бакшеев, 2021. С. 211).

Материалы партийных мероприятий (съездов и пленумов) наполнены утверждениями о безальтернативной верности аграрной политики 1930-х гг. Для ученых резолюции высших партийных собраний стали прямым указанием: какие трактовки приводить и какие выводы формулировать.

Например, часто цитировалось высказывание И. В. Сталина на XVI съезде ВКП(б) в 1930 г.: «Не может быть сомнения, что мы не смогли бы поднять громадную работу по перестройке сельского хозяйства и развитию колхозного движения, если бы не провели районирования… Цель районирования – приблизить партийно-советский и хозяйственно-кооперативный аппарат к району и селу для того, чтобы получить возможность своевременно разрешать наболевшие вопросы сельского хозяйства, его подъема, его реконструкции. В этом смысле, повторяю, районирование дало громадный плюс всему нашему строительству» (Сталин, 1935. С. 406). Смежные устремления: «Приблизить аппарат к району и селу», «завершить территориальную организацию района как узлового руководящего звена, осуществляющего важнейшие директивы партии и правительства по выполнению народно-хозяйственных планов».

Определяющее влияние на трактовки аграрной политики оказал вышедший в 1938 г. при непосредственном участии И. В. Сталина учебник «История ВКП(б). Краткий курс». Советскому обществу было предъявлено официально заданное безальтернативное понимание истории.

Теме коллективизации посвящена почти вся XI глава учебника. Развитие процесса коллективизации описывалось по следующей схеме. Подъем промышленности в ходе индустриализации привел к массовому поступлению тракторов и других сельскохозяйственных машин в деревню. Знакомство крестьян с работой новой техники в совхозах и МТС способствовало росту колхозного движения, которое отныне приобрело массовый характер. Соответственно, сплошная коллективизация потребовала нового землеустройства, перехода в пользование колхозов земель, которые ранее принадлежали кулакам. Эта необходимость стала причиной перехода от политики ограничения кулачества к политике его «ликвидации как класса».

Ярким отражением общей позиции Сталина стало выступление 2 июля 1934 г.: «Например, Кабаков (секретарь Свердловского обкома ВКП(б), расстрелянный в 1937 г. «за принадлежность к правому уклону»), говорил так, что стоит ли, дескать, вообще рассуждать об этом, когда единоличнику куда лучше живется, чем колхознику, и вообще единоличный труд дает больше выгоды, чем колхозный…. Не стоит у нас вопрос, выгодны ли колхозы или невыгодны…. Не стоит и не будет стоять вопрос, целесообразно ли для отдельных колхозников быть в колхозе или нецелесообразно, потому что этот вопрос тоже решен» (Трагедия…, 2002. С. 186)[2].

Исследовательский интерес к событиям 1920-х годов в последовавшее десятилетие резко снизился, а издававшиеся работы носили пропагандистский характер (30 лет…, 1932; Кассин, 1939; и др.)[3]. Тексты наполнены крайне специфической риторикой, партийным эпистолярным жанром, пронизанным пафосом битвы и штурма.

В публикациях, в том числе освещающих региональные данные, откровенно излагаются тактические приоритеты государства. Откровенно указывалось, что наличие в колхозах хуторских усадеб является фактором, тормозящим процесс образования новой колхозной деревни, фактором – понижающим производительность колхозного труда, задерживающим организационно-хозяйственное укрепление колхозов, фактором, замедляющим преодоление их частно-хозяйственного сознания. Разрозненное проживание колхозников исключает налаживание новой общественной жизни и «продуктивной работы по переделке старого быта» (Шулейкин, 1935. С. 7).

Изучение истории советской деревни испытывало существенные трудности, в том числе и потому, что большинство исследователей разрабатывало темы не позднее Гражданской войны. Неблагополучное положение показала неудача в подготовке многотомной «Истории коллективизации» в 1943–1944 гг. Власть осознавала необходимость актуализировать собственное теоретическое и практическое наследие для восстановления колхозного строя освобожденных территорий СССР и для подготовки (в т. ч. агитационной) «социалистических» аграрных преобразований в странах Восточной Европы. Задумывалось выпустить тексты суммарным объемом 80 п. л., но вскрылось как отсутствие конкретно-исторических заделов, так недостаточная квалификация привлеченных авторов (Барсенков, 1988. С. 24). Сказались и сложные условия Великой Отечественной войны. Издание не состоялось, что позволяет отнести начало (вероятно, инициированное в том числе и неудачей многотомника) собственно научного изучения непосредственной предыстории коллективизации уже к послевоенному времени.

Сопровождавшая Великую Отечественную войну вынужденная ставка большевиков на патриотизм и самобытность и общий рост национального самосознания несколько скорректировали мировоззренческое и идейное содержание советской историографии, инициировали возрождение научной критики. По окончании войны в СССР оформилась система подготовки исторических кадров, включая организационные структуры (институты, кафедры и т. д.), наметились контуры будущих ведущих научных школ. В конце 1940-х годов разворачивается подготовка первых диссертаций по советской аграрной истории,

[2] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы / Т. 4. 1934–1936. М. : РОССПЭН, 2002. 1056 с.

[3] 30 лет Красноярской, Читинской, Иркутской партийным организациям: материалы для докладчиков. Иркутск, 1932. 44 с.

востребовав выдвижение не только пропагандистских, но уже научных концепций. К середине 1950-х годов на кафедрах истории СССР и основ марксизма-ленинизма большинство тем аспирантских изысканий были посвящены уже советскому периоду.

Первый, упрощенный анализ подготовки и проведения коллективизации содержали стенограммы лекций Э. Б. Бурджалова, П. А. Александрова, Э. Б. Генкиной, изданные в качестве учебных пособий для Московского университета и Высшей партийной школы. Эти тексты отличала четкая структура изложения материала, но выводы практически повторяли «Краткий курс». В дальнейшем часть сюжетов получила расширенное освещение и в последующих работах тех же авторов.

Публикуются первые монографические работы, заложившие концептуальный фундамент советской трактовки аграрных процессов (Анисимов, 1947; Конюков, 1949; Овсянников, 1949; и др.). Эти трактовки развили партийный подход как к освещению содержания преобразований, так и к неизбежному умолчанию компрометирующих аспектов. На роль первых обобщающих работ по истории народного хозяйства претендовали монографии И. А. Гладкова и коллективные труды (СССР в период…, 1955), по общим оценкам «преддверия» и самой коллективизации публикации С. П. Трапезникова и М. А. Краева (Трапезников, 1949; Трапезников, 1951; Краев, 1954). Авторы оперировали несколько расширенным фактическим материалом, который внешне подтверждал правильность сталинских оценок.

Публикация Сталина 1952 г.: «Никто не может отрицать, колоссального развития производительных сил нашего сельского хозяйства за последние 20–25 лет. Но это развитие не имело бы места, если бы мы не заменили в тридцатых годах старые производственные капиталистические отношения в деревне новыми, коллективистическими производственными отношениями» (Сталин, 1952. С. 62). Очень характерно, что в действительности в 1950 г. сельское хозяйство СССР произвело 92 % продукции 1940 г. (причем 51 % продукции дали личные подсобные хозяйства, занимавшие всего до 3 % угодий), поголовье скота уменьшилось больше чем на четверть, посевы сократились, а итоговый (амбарный) сбор зерновых был меньше 1913 г. Считается, что в 1952 г. И. В. Сталин лично вписал в доклад Г. М. Маленкова XIX съезду ВКП(б) о сборе зерновых в 1,6 раза больше фактического. Вслед однако прозвучало обещание «в короткие сроки создать в нашей стране обилие продовольствия для населения и сырья для лёгкой промышленности» (Маленков, 1952. С. 78)[4], что хоть замаскировано, но признавало производственное неблагополучие в аграрном секторе.

Послевоенные публикации по-прежнему приоритетное внимание уделяли подбору эмоциональных цитат («правильный путь»; «чистота марксистско-ленинского учения»), широко использовали контрфактические аргументы («Это было бы реакционнейшей, антипролетарской утопией», «Победа правого уклона означала бы «идейный разгром нашей партии» (Сталин, 1949)[5]), не чураясь прямых логических подлогов – «По Декрету о земле вся земля стала «общенародной, государственной собственностью». Например, «всемирно-историческая победа партии Ленина – Сталина» была бы невозможна без разгрома «ревизионистов, меньшевиков, троцкистов, бухаринцев и других злейших врагов социализма, агентов иностранной буржуазии». Все эти враги коммунистической партии и народа клеветнически утверждали, что крестьяне, как собственники, враждебны социалистическим идеям пролетариата (Пуговкин, 1952. С. 18). Предатели твердили о наличии якобы деградации сельского хозяйства, клеветали на партию и её политику (Пуговкин, 1952. С. 31). Не преминули повторить критику 1930-х гг. против Кондратьева, Чаянова, Макарова с навешиванием новых откровенно бранных ярлыков (Пуговкин, 1952. С. 19, 26).

Роль создателя официальной научной концепции «великого перелома» в дальнейшем закрепилась за С. П. Трапезниковым, бывшем комсомольским и партийным работником (секретаре райкома) в Поволжье, с 1948 г. по 1956 г. – директор высшей партийной школы при ЦК Молдавии.

В послевоенный период защищаются первые диссертации, посвященные или аграрным преобразованиям в отдельных местностях (округах, областях), или определенным этапам коллективизации (Плю-

[4] Маленков Г. М. Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б) 5 октября 1952 г. М. : Госполитиздат. 1952. 108 с.

[5] Сталин И. В. Политический отчет ЦК 15-му съезду ВКП(б) 3 декабря 1927 г. // Сталин И. В. Сочинения. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1949. Т. 10. С. 305–306.

щев, 1948[6]; Алексеева, 1951[7]; Саблина, 1952[8]; Акимова, 1953[9]; Вартанян, 1953[10]; Тарасов, 1953[11]; и др.). Основной упор исследователи направили на освещение роли партии в подготовке и проведении мероприятий, сохранялся цитатный метод подачи и трактовки фактического материала.

В уже постсоветских историографических публикациях это характерное свойство советской исторической науки объясняется не только партийным диктатом, но и «теоретико-методологическим иждивенчеством» – некритичным использованием партийно-государственной документации и сопутствующим спросом на конъюнктурные знания (Катамадзе, 2017. С. 112)[12].

*****

Правящая партия большевиков предпочитала методы штурма, атаки, и в том же направлении воздействовала на народные массы. Этот фактор являлся определяющим при избрании партийным аппаратом линии политического поведения.

В постсоветской исторической литературе активно обсуждается вопрос о возможной альтернативе продолжения НЭПа, разбираются причины свертывания и так ограниченного рынка в СССР, обсуждается роль И. В. Сталина и его идейных противников в принятии решения о переходе к форсированной и насильственной коллективизации. Однако материал Сибири, на наш взгляд, показывает, что реализованный сценарий и был наиболее вероятным, наиболее последовательным по отношению к первоначальным, а значит, добровольным и искренне разделяемым намерениями большевиков 1918–1920-х годов. Большевики никогда не сожалели о том материальном и психологическом ущербе, который нанесла продовольственная разверстка крестьянскому производству. Фактически, мы наблюдаем последовательное молчание советской пропаганды по этому вопросу.

Возможное общественное недовольство купировалось риторическими, пропагандистскими приемами отвлечения типа «кулак (Антанта, Колчак, эсеры) костлявой рукой голода хотят задушить молодую советскую республику», нотациями о марксистской закономерности политической целесообразности, характеристиками текущего момента, всем тем, что так или иначе должно было убедить в безальтернативности фактического курса большевиков. Соответственно, большевиками в отношении крестьянства реализовывался тот же самый набор приемов, что и против других политических партий, против Учредительного Собрания, против буржуазии и т. д. Подобные практики стали определяющей частью партийного, а затем и исторического дискурса, причем не стоит преувеличивать степень его научности, логичности, непротиворечивости. Монополизм трактовки экономических процессов важнее производственных реалий. Склонность к чрезвычайным приемам вылилась в нарастание атмосферы подозрительности и соперничества к концу НЭПа, в том числе в интеллектуальной сфере, тяготение к физическому уничтожению оппонента. Предметное изучение механизма создания тех или иных образов в пропаганде и их последующей управляемой корректировки открывает исследователю большие возможности.

Изучение высказываний видных большевиков и эволюционирующих положений советской историографии позволяет говорить об едином трактовочном стиле. Выделяется довольно устойчивое пропагандистское ядро, которое достаточно устойчиво, если и меняется, то преимущественно стилистически. Общий признак – наличие лакун и умолчаний.

---

[6] Плющев Г. К. Борьба за коллективизацию и ликвидацию кулачества как класса в Курском округе (1928–1931 гг.) : автореф. дис... канд. ист. наук. Курск, 1948.

[7] Алексеева З. В. Борьба ярославских большевиков за коллективизацию сельского хозяйства и ликвидацию кулачества как класса в годы первой сталинской пятилетки (1928–1932) : автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1951.

[8] Саблина Т. М. Классовая борьба в деревне в период сплошной коллективизации сельского хозяйства : автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1952.

[9] Акимова А. Ф. Переход партии от политики ограничения эксплуататорских тенденции кулачества к политике ликвидации кулачества как класса : автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1953.

[10] Вартанян О. М. Переход КПСС от политики ограничения эксплуататорских тенденции кулачества к политике ликвидации кулака как класса : автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1953.

[11] Тарасов Е. П. Подготовка сплошной коллективизации сельского хозяйства на территории Ярославской области : автореф. дис... канд. ист. наук. Ярославль, 1953.

[12] Катамадзе Н. Ш. Советская историография отечественной аграрной истории (1950-е – начало 1990-х годов): направления, течения, школы : дис. канд. ист. наук. М., 2017. 288 с.

Ключевым направлением деятельности большевиков была формулировка «образа будущего». Сформулировав его и затем неоднократно корректируя, жестко низвергая альтернативы, большевики производным от «грядущего» образом комментировали настоящее, принимали и объясняли текущие решения. Соответственно огромная роль принадлежала меняющейся риторике, аргументации, умело и целенаправленно конструируемым и поддерживаемым мифам.

В заключение можно констатировать сохраняющуюся зависимость современной историографии от исследовательской традиции советской исторической науки. Представляется перспективным взвешенная ревизия прежних и выработка новых концептуальных подходов.

Список источников

Анисимов Н. И. Советское крестьянство. 2-е изд., доп. М.: Молодая гвардия, 1947. 184 с.

Барсенков А. С. Советская историческая наука в послевоенные годы (1945–1955). М., 1988. 139 с.

Доклад Н. Д. Кондратьева. Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства // Плановое хозяйство, 1925. № 8. С. 100–118.

Камшицкий В. Кондратьев // Малая советская энциклопедия. М., 1929. Т. 4. С. 134.

Кассин П. С. Иркутская область (очерки). Иркутск : ОГИЗ, 1939. 98 с.

Кондратьев Н. Д. Критические заметки о плане развития народного хозяйства // Сб. Каким быть плану: дискуссии 20-х гг. Л., 1989. С. 95–136.

Конюков И. А. Очерки начальных этапов развития коллективного земледелия. 1917–1925. М., 1949. 191 с.

Краев М. А. Победа колхозного строя в СССР. М. : Госполитиздат, 1954. 720 с.

Милютин В. П. Борьба на аграрном фронте и реконструкция сельского хозяйства. М.-Л., 1930. 96 с.

Овсянников Г. М. Московские большевики в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства (1930–1934). М., 1949. 144 с.

Посадсков А. Л. Сибирская Советская энциклопедия // Новая Сибирская энциклопедия. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 74–76.

Проекты преобразований аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации /В. А. Ильиных, С. Н. Андреенков, В. М. Рынков и др. Новосибирск : Сибпринт, 2015. 298 с.

Пуговкин Г. Н. Партия Ленина – Сталина – организатор массового движения за коллективизацию сельского хозяйства в СССР (К 25-летию XV съезда партии) // Вопросы истории, 1952. № 12. С. 18–47.

Рогачев А. Г., Бакшеев А. И. Особенности новой экономической политики (НЭП) в «Сибревкомовской Сибири» (1921–1925 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 2. С. 208–218.

References

Anisimov N. I. (1947) The Soviet peasantry. Moscow: Mol. Gvardiya. 184 p. (In Russ.).

Barsenkov A. S. (1988) Soviet historical science in the post-war years (1945-1955). Moscow. 139 p. (In Russ.).

Kondratiev N. D. (1925) Fundamentals of a long-term plan for the development of agriculture and forestry. *Planovoe khozyaistvo = Planned economy.* No. 8. P. 100-118. (In Russ.).

Kamshitskii V. (1929) Kondratiev. *Malaya Sovetskaya entsiklopediya = Small Soviet Encyclopedia.* Moscow. Vol. 4. P. 134. (In Russ.).

Kassin P. S. (1939) Irkutsk Region. Essays. Irkutsk: OGIZ. 98 p. (In Russ.).

Kondrat'ev N. D. (1989) Critical notes on the plan for the development of the national economy. *Sbornik. Kakim byt' planu: diskussii 20-kh gg. = Collection. What should the plan be: discussions of the 20s.* Leningrad. P. 95-136. (In Russ.).

Konyukov I. A. (1949) Essays on the initial stages of the development of collective agriculture. 1917-1925. Moscow. 191 p. (In Russ.).

Kraev M. A. (1954) The victory of the collective farm system in the USSR. Moscow: Gospolitizdat. 720 p. (In Russ.).

Milyutin V. P. (1930) Struggle on the agrarian front and reconstruction of agriculture. Moscow-Leningrad. 96 p. (In Russ.).

Ovsyannikov G. M. (1949) Moscow Bolsheviks in the struggle for collectivization of agriculture (1930-1934). Moscow. 144 p. (In Russ.).

Posadskov A. L. (2009) Siberian Soviet Encyclopedia. New Siberian Encyclopedia. Novosibirsk. Vol. 3. P. 74-76. (In Russ.).

Il'inykh V. A. (2015) Projects of transformations of the agrarian system of Siberia in the XX century: the choice of ways and methods of modernization. Novosibirsk: Sibprint. 298 p. (In Russ.).

Pugovkin G. N. (1952) The Lenin-Stalin Party is the organizer of the mass movement for the collectivization of agriculture in the USSR. (To the 25th anniversary of the XV Party Congress). *Voprosy istorii = Questions of History.* No. 12. P. 18-47. (In Russ.).

Rogachev A. G., Baksheev A. I. (2021) Features of the New Economic Policy (NEP) in «Sibrevkomov» Siberia (1921–1925). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Vol. 17. No. 2.

СССР в период восстановления народного хозяйства (1921–1925): Исторические очерки. [под ред. А. П. Кучкина (глав. ред.) и др.]; Акад. наук СССР. Институт истории. М., 1955. 596 с.

Сталин И. В. Вопросы ленинизма. Изд. 10-е, М., Госполитиздат, 1935. 655 с.

Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952. 96 с.

Трапезников С. П. Ленин и Сталин о социалистическом преобразовании сельского хозяйства. Кишинев, 1949. 39 с.

Трапезников С. П. Борьба партии большевиков за коллективизацию сельского хозяйства в годы первой сталинской пятилетки. М., 1951. 264 с.

Чаянов А. В. Избранные произведения. Сборник / сост. Е. В. Серова. М. : Московский рабочий, 1989. 366 с.

Шулейкин И. Ликвидацию последствий хуторизации надо организовать // Землеустройство и ликвидация хуторского расселения в колхозах Западной области : сборник статей / под ред. И. Шулейкина. М.: НИИОТ, 1935. С. 5–12.

Kuchkina A. P. (1955) The USSR during the restoration of the national economy (1921-1925). Historical essays. Moscow: Academy of Sciences of the USSR; Institute of History. 596 p. (In Russ.).

Stalin I. V. (1935) Questions of Leninism. Moscow: Gospolitizdat. 655 p. (In Russ.).

Stalin I. V. (1952) Economic problems of socialism in the USSR. Moscow: Gospolitizdat. 96 p. (In Russ.).

Trapeznikov S. P. (1949) Lenin and Stalin on the socialist transformation of agriculture. Kishinev. 39 p. (In Russ.).

Trapeznikov S. P. (1951) The struggle of the Bolshevik Party for the collectivization of agriculture during the first Stalin five-year plan. Moscow. 264 p. (In Russ.).

Chayanov A. V. (1989) Selected works. Collection. Moscow: Moskovskii rabochii. 366 p. (In Russ.).

Shuleikin I. (1935) Liquidation of the consequences of farmization should be organized. *Zemleustroistvo i likvidatsiya khutorskogo rasseleniya v kolkhozakh Zapadnoi oblasti. Sbornik statei = Land management and liquidation of farm settlement in the collective farms of the Western region. Collection of articles.* Moscow: NIIOT. P. 5-12. (In Russ.).

Информация об авторах

А. И. Бакшеев – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук,
Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого Министерства здравоохранения Российской Федерации,
660022, Красноярск, ул. Партизана Железняка, 1, Россия.
А. Г. Рогачев – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии,
Красноярский государственный аграрный университет,
660049, Красноярск, пр. Мира, 90, Россия.

Information about the authors

A. I. Baksheev – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities,
Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V. F. Voyno-Yasenetsky, Ministry of Health of the Russian Federation,
1, Partizan Zheleznyak St., Krasnoyarsk 660022, Russia.
A. G. Rogachev – Dr. Sci (History), Professor of the Department of History and Political Science,
Krasnoyarsk State Agrarian University,
90, Mira Avenue, Krasnoyarsk 660049, Russia.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 1 сентября 2021 г.; одобрена после рецензирования 12 октября 2021 г.; принята к публикации 25 октября 2021 г.

Article info

The article was submitted September 1, 2022; approved after reviewing October 12, 2022; accepted for publication October 25, 2021.

Научная статья
УДК 351.74
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-219-229

Деятельность подразделений пожарной охраны в Алтайском крае (1953–1965 гг.)

Евгений Владимирович Мануйлов

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, e.manujlov@mail.ru

Аннотация. После образования НКВД СССР в 1934 г. стало функционировать Главное Управление Пожарной охраны, имевшее позднее различные названия. Рассматриваемый период (1953–1965 гг.) включал в себя реформирование правоохранительной системы в начале прихода нового руководства страны, начавшийся в марте 1953 г., после смерти И. В. Сталина. Пожарная охрана входила в единую силовую структуру наряду с другими подразделениями милиции и пенитенциарной системы. В ходе многочисленных преобразований в указанное время пожарные входили в МВД СССР, затем с 1955 г. – в МВД РСФСР, с 1962 г. – в Министерство охраны общественного порядка (МООП) РСФСР. Возгорания различной сложности наносили серьезный урон народному хозяйству Алтайского края, от огня погибали люди и животные (как домашние, так и дикие), уничтожалась различная инфраструктура, посевы, лесные массивы. Руководством пожарных частей осуществлялся постоянный мониторинг, подсчитывался так называемый процент «горимости», определялся материальный ущерб от пожаров. Причинами пожаров становились, как правило, грубое нарушение правил противопожарной безопасности, неисправная электропроводка, природные явления и умышленные поджоги. Подразделения пожарной охраны совместно с добровольными формированиями из числа местных жителей осуществляли профилактические мероприятия, направленные на предотвращения возгораний, а так же с другими «силовыми» службами, оперативно ликвидировали возгорания, спасая людей, животных и материальные ценности. Советская система подготовки кадров для всех правоохранительных органов (в том числе и пожарная охрана) включала в себя различные уровни и была направлена на профессиональную подготовку и переподготовку ее сотрудников. Оснащение техническими средствами пожарных частей было еще недостаточным, но постепенно совершенствовалось.

Ключевые слова: пожарные, Алтайский край, подразделения, возгорание, пожар, сотрудники, структура, профилактика, местное население

Для цитирования: Мануйлов Е. В. Деятельность подразделений пожарной охраны в Алтайском крае (1953–1965 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 1. С. 219–229. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-219-229

Original article

Activity of fire protection units in the Altai Territory (1953-1965)

Evgeny V. Manuilov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, e.manujlov@mail.ru

Abstract. After the formation of the NKVD of the USSR, in 1934 the Main Department of Fire Protection, which later had various names, began to function. The period under review (1953-1965) included the reform of the law enforcement system at the beginning of the arrival of the new leadership of the country, which began in March 1953, after the death of I. V. Stalin. The fire department was part of a single power structure, along with other police units of the penitentiary system. In the course of numerous transformations at this time firefighters were included in the Ministry of Internal Affairs of the USSR, then since 1955 in the Ministry of Internal Affairs of the RSFSR, since 1962 to the Ministry of Public Order Protection (MOO) RSFSR. Fires of varying complexity caused serious damage to the national economy of the Altai Territory. People and animals (both domestic and wild) died from the fire, and infrastructure, crops, forests were destroyed. The directors of the fire departments carried out constant monitoring, calculated the so-called percentage of “burnability”, determined the material damage from fires. The causes of fires were, as usual, a gross violation of fire safety rules, faulty electrical wiring, natural phenomena and deliberate arson. Fire protection units together with voluntary formations from among local residents carried out preventive measures aimed at preventing fires as well as together with other “power” services they promptly eliminated fires, saved people, animals and material valuables. The Soviet system of personnel training for all law enforcement agencies (including fire protection) included various levels, which was con-

© Мануйлов Е. В., 2022

stantly being improved and was aimed at professional training and retraining of its employees. Equipping fire departments with technical means was still not enough, but their gradual equipping was underway.

Keywords: Firefighters, Altai Territory, subdivisions, ignition, fire, employees, structure, prevention, local population

For citation: Manuilov E. V. (2022) Activity of fire protection units in the Altai Territory (1953-1965). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 1. P. 219-229. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-219-229

Введение

Части пожарной охраны МВД СССР относились к системе советских правоохранительных органов, осуществлявших обеспечение пожарной безопасности как составной части общественной безопасности.

Пожарная охрана являлась одним из подразделений правоохранительных органов, бойцы которой охраняли от возгораний важные стратегические объекты, а так же оберегали жилищный фонд, промышленные объекты, складские помещения, элеваторы, железнодорожные станции, мосты, аэропорты и т. д.

В составе НКВД СССР еще с 1934 г. функционировало Главное управление пожарной охраны, имевшее право производить осмотры различных помещений, требовать предоставления информации о состоянии пожарной безопасности объекта, привлекать к административной или судебной ответственности лиц, виновных в нарушениях обязательных постановлений, правил, норм и инструкций по противопожарной охране[1].

Следует отметить тесную взаимосвязь сотрудников пожарной охраны со своими коллегами из милиции, пенитенциарной системы. Это объяснялось тем, что все они находились в одной системе МВД-МООП СССР-РСФСР, под единым руководством, что значительно улучшало оперативность в принятии решений, переброски ресурсов.

Краткий историографический обзор

Работ, связанных с изучением деятельности пожарной охраны в Советском Союзе, крайне немного. Из общего числа следует выделить труды иркутского профессора В. В. Черных (Черных, 2011), а также авторов из Барнаульского юридического института МВД России (Суверов Е. В., 2021; Суверов Е. В., 2019, Суверов С. Е., 2019). Встречаются немногочисленные научные статьи историков, изучавших технические особенности обеспечения пожарной охраны (Алешков, Безбородько, Ольховский, Деренко, 2016; Мальхин, 2010; Машура, 2021).

Факультативно данную проблематику изучает М. Н. Казанцева, которая отмечала экологические последствия возгорания в лесистой местности (Казанцева, 2008). Есть ученые, изучающие влияние пожаров на выброс вредных веществ в атмосферу (в том числе и в населенных пунктах) (Тангатарова, Исаева, Тангатаров, 2014), причины лесных возгораний, (Цветков, Буряк, 2014), происходящих непосредственно в Алтайском крае (Щербов, Завгородняя, Лазарева, 2008).

Интересна и подборка публикаций по подготовке кадров для пожарных частей (Миронов, Иванов, Снежинский, 2009; Скипский, 2018; Баринова, Рябов, Виноградов, 2021; Корник, 2012). Определенную попытку изучения бытовых условий пожарных осуществила исследовательская группа из города Санкт-Петербурга (Луговой, Виноградов, Щаблов, Балабанов, 2018). Часть научных работ связана с развитием различных видов спорта среди пожарных команд (Кириченко, Гуров, 2012; Матвеичев, Тоскин, 2018).

Общественная опасность

Убытки от огненной стихии, опасность, угрожающая жизни и здоровью советских граждан, повышали значение пожарной службы в структуре правоохранительных органов. На контроле у Всесоюзного и краевого руководства пожарной охраны, был так называемый «уровень горимости», в 1958 г. он оставался довольно высоким по сравнению с 1957 г., а убытки от пожаров увеличились на 4,3 % (Архив Информационного Центра Главного управления МВД России по Алтайскому краю (Архив ИЦ ГУ МВД

[1] Постановление ЦИК и Совнаркома СССР от 7 апреля 1936 года № 52/654 «Положение о государственном пожарном надзоре и о городской пожарной охране».

России по Алтайскому краю). Ф. 4. Оп. 1. Д. 124. Л. 54).

В результате пожаров огромные площади лесов подвергались частичному или полному уничтожению (Казанцева, 2008).

Уникальные ленточные боры Алтайского края расположены в ложбинах древнего стока, протянувшегося с юго-запада на северо-восток, от Казахстана до поймы реки Оби. В среднем в ленточных борах (в середине XX в.), происходило около 200 возгораний в год, в результате чего огнем была охвачена большая территория (Щербов, Завгородняя, Лазарева, 2008. С. 595).

При пожарах в жилых зданиях в атмосферу происходил выброс вредных, токсичных и канцерогенных веществ, в жилых помещениях выделялись особо опасные вещества **–** диоксины, Большинство химических соединений, образовавшихся при пожарах, вызывали острые и хронические отравления, у местного населения развивались различные заболевания (Тангатарова, Исаева, Тангатаров, 2014. С. 173).

Огнем уничтожались жилые, служебные здания, производственные объекты, запасы продовольственных и промышленных товаров. Последствия стихии негативно сказывались и на краевом лесоперерабатывающем комплексе, когда сгорала древесина, в том числе и заготовленная. Государство тратило значительные финансовые суммы, отвлекались большие людские ресурсы на ликвидацию возгораний.

В колхозе им. Хрущева Топчихинского района Алтайского края 9 января 1957 г. в 2 часа ночи произошел пожар на конном дворе, в результате чего погибло 46 лошадей и сгорело помещение двора (Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 107. Л. 100). В городе Славгороде 30 июня 1959 г. на птицекомбинате Алтайского совнархоза огонь уничтожил 2 производственных цеха и склад с большим количества жира. Пожар поздно заметили, сильно осложняло его тушение отсутствие воды (Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю Ф. 4. Оп. 1. Д. 125. Л. 112).

Структура пожарной службы

В 50-х годах прошлого века в Алтайском крае происходили изменения, связанные со структурой всего правоохранительного блока, в том числе и пожарных подразделений, большинство которых находилось в краевой столице – городе Барнауле.

В октябре 1956 г. пожарные команды 5-я и 6-я, инспекция Государственного пожарного надзора были объединены в 1-ю самостоятельную военизированную пожарную часть (СВПЧ-1) по охране Центрального района города Барнаула. Ей был придан отдельный пост – в нагорной части Барнаула на Змеиногорском тракте[2].

Техническое оснащение пожарных частей в крае было еще недостаточное, но шло регулярное обновление новой техникой. В СВПЧ-1 по охране Центрального района города Барнаула, в 1956 г. (начальник капитан технической службы Г. К. Гуслянов) штат состоял из начсостава – 10 единиц, сержантов – 43 единицы, рядовых – 70 единиц, вольнонаемных – 3 единицы, выставлялся отдельный пожарный пост – в составе 4-х человек, пост на пожарной вышке, круглосуточный – в составе 3-х человек. Материальная база была представлена автонасосной ППЗ – 1 единица, автоцистерной ПМЗ – 1 единица, автомобилем службы связи и освещения ЗИС, автоцистерны ПМЗ, переданной в оперативное распоряжение отдельного поста (Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 93. Л. 171).

С 1 апреля 1959 г. были организованы две военизированные пожарные части МВД по охране заводов № 262 и Алтайского совнархоза № 267 (Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 120. Л. 19).

Части военизированной пожарной охраны базировались: СВПЧ-1**–** по охране города Барнаула; военизированная пожарная часть (ВПЧ) **–** по охране города Барнаула; ВПЧ **–** по охране завода №17; ВПЧ **–** по охране заводов № 262 и № 267; ВПЧ по охране НИИ – 9 (Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 148. Л. 81).

Постепенно ситуация с обеспечением техническими средствами улучшалась, укреплялась материальная база пожарных частей. Интенсивное строи-

[2] История пожарной охраны г. Барнаула, Алтайского края // Сайт «Новости МЧС России» [Электронный ресурс]. URL: https://mchsrf.ru/news/116076-istoriya-pojarnoy-ohranyi-g.html (дата обращения 06.10.2021).

тельство пожарных депо началось в послевоенный период. Пожарное депо – объект пожарной охраны, в котором хранилась и обслуживалась пожарная техника, в нем функционировали служебные помещения для размещения личного состава, площади для приема извещений о пожаре, технические и вспомогательные помещения, необходимые для выполнения задач, возложенных на пожарную охрану (Луговой, Виноградов, Щаблов, Балабанов, 2018. С. 8).

В 1963 г. части пожарной охраны охватывали весь край, в том числе и сельские районы (табл.).

Таблица. **Пожарные подразделения в Алтайском крае в 1963 г. (составлено по: Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 165. Л. 141–183)**

Table. **Fire departments in the Altai Territory in 1963 (compiled by: Archive of the IC GU of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Altai Territory. F. 4. Op. 1. d. 165. l. 141-183)**

№	Название подразделения	Дислокация	Численность
1	Отдел пожарной охраны	город Алейск	34 человека.
2	Пожарная часть РПК Алейского района	село Усть-Чарышская пристань	6 человек
3	Пожарная часть	город Горно-Алтайск	47 человек
4	Пожарная часть РПК Онгудайского района	село Онгудай	6 человек
5	Пожарный пост РПК	село Шебалино	5 человек
6	Пожарная часть ГПК Локтевского района	рабочий поселок Горняк	6 человек
7	Пожарный пост РПК	село Старо-Алейка	5 человек
8	Пожарная часть ГПК Каменского района	село Крутиха	6 человек
9	Пожарный пост РПК	село Панкрушиха	6 человек
10	Пожарная часть РПК Рубцовского района	село Новоегорьевское	5 человек
11	Пожарная часть РПК Славгородского района	поселок Бурла	5 человек
12	Пожарная часть РПК Алтайского района	село Алтайское	6 человек
13	Пожарная часть ГПК Благовещенского района	село Благовещенка	6 человек
14	Пожарный пост РПК	село Родино	6 человек
15	Пожарная часть ГПК Завьяловского района	село Завьялово	6 человек
16	Пожарный пост РПК	село Баево	5 человек
17	Пожарная часть ГПК Михайловского района	село Михайловское	6 человек
18	Пожарный пост РПК	село Угловское,	5 человек
19	Пожарный пост РПК	село Волчиха	6 человек
20	Пожарная часть ГПК Мамонтовского района	село Мамонтово	6 человек
21	Пожарный пост РПК	село Романово	6 человек
22	Пожарная часть ГПК Павловского района	поселок городского типа Павловск	12 человек
23	Пожарный пост РПК	село Шелаболиха	6 человек
24	Пожарная часть ГПК Поспелихинского района	село Поспелиха	6 человек
25	Пожарный пост РПК	село Краснощеково	6 человек
26	Пожарный пост РПК	село Новичиха	5 человек
27	Пожарная часть ГПК Ребрихинского района	село Ребриха	6 человек
28	Пожарный пост РПК	село Тюменцево	6 человек
29	Пожарный пост РПК	село Шарчино	5 человек
30	Пожарная часть ГПК Смоленского района	село Смоленское	6 человек
31	Пожарный пост РПК	село Быстрый исток	6 человек
32	Пожарный пост ГПК	село Петропавловское	5 человек
33	Пожарная часть ГПК Сорокинского района	село Сорокино	6 человек
34	Пожарный пост РПК	село Завьялово	6 человек
35	Пожарный пост РПК	село Кытманово	6 человек
36	Пожарная часть ГПК Хабарского района	село Знаменка	6 человек

37	Пожарный пост РПК	село Хабары	5 человек
38	Пожарная часть ГПК Топчихинского района	село Топчиха	6 человек
39	Пожарный пост РПК	село Парфеново	5 человек
40	Пожарная часть ГПК Тальменского района	поселок городского типа Тальменка	12 человек
41	Пожарная часть ГПК Троицкого района	село Троицкое	11 человек
42	Пожарный пост РПК	село Косиха	6 человек
43	Пожарная часть ГПК Усть-Калманского района	село Усть-Калманка	6 человек
44	Пожарная часть Целинного района	село Целинное	6 человек
45	Пожарный пост РПК	село Ельцовска	5 человек
46	Пожарный пост РПК	село Воеводское	5 человек
47	Пожарная часть ГПК Шипуновского района	село Шипуново	6 человек
48	Пожарный пост РПК	село Белоглазово	6 человек
49	Пожарная часть ГПК Кулундинского района	поселок городского типа Кулунда	12 человек
50	Пожарный пост РПК	село Ключи	5 человек
51	Пожарная часть ГПК Бийского района	село Солтон	6 человек
52	Пожарный пост РПК	село Красногорск	5 человек

Ликвидации пожаров

Пожарные (совместно с другими сотрудниками правоохранительных органов) Алтайского края при поддержки местного населения оперативно ликвидировали возгорания, при этом, нередко рискуя своей жизнью и здоровьем.

Например, в краевом драматическом театре возник пожар (город Барнаул) 25 апреля 1954 г. К моменту прибытия пожарных в театре горела сцена. Возникла угроза проникновения огня в зрительный зал. Благодаря слаженной работе пожарных огонь удалось потушить (Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 86. Л. 52).

В краевой столице 30 апреля 1957 г. в 9 ч. 45 мин. произошел пожар нефтеналивной баржи «Фарель», стоявшей под наливом бензина на причале нефтебазы. Во избежание взрыва, судно было отбуксировано с помощью катера на середину реки Оби, что чрезвычайно затрудняло тушение пожара. Для полной изоляции огня с риском для жизни под защитой распылительных водяных струй на горящий корабль проникли пожарные, чтобы закрыть горящие горловины бензоналивных устройств. С этой задачей успешно справились: бойцы СВПЧ-2 – старшина Ф. И. Дихтиевский, ефрейторы Е. Я. Черников и Ж. А. Ибрагимов, полностью обеспечив тушение пожара (Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 108. Л. 9).

С середины 50-х годов стали передавать пожарную технику на баланс колхозов. В аграрных районах шло строительство пожарных депо, водопроводы на животноводческих фермах приспосабливали для пожаротушения, устраивали грозозащитные сооружения, обеспечивали общественные строения (школы, больницы, клубы) первичными средствами пожаротушения (Министерство внутренних дел…, 2004. С. 474).

Все эти меры частично улучшили техническое оснащение пожарных частей, в том числе и в сельской местности.

Продолжается техническое оснащение пожарных частей. Начиная с 1959 г., была создана серия новых более совершенных автомобилей: пожарных автоцистерн АЦ-40 (130) 63Б, АЦ-40 (131) 137, автомобиль порошкового тушения АП-3 (130) 148, автомобили пожарные аэродромные АА-60 (7310) 16001 и АА-40 (131) 139, ПНС-110 (131) (Мальхин, 2010. С. 69, 70). В условиях суровых сибирских морозов стали использовать обогрев насосного отсека и цистерны с водой выхлопными газами (Алешков, Безбородько, Ольховский, Деренко, 2016. С. 79), дабы избежать преждевременного замерзания жидкости.

В изучаемый период произошла разработка первых образцов новой пожарной техники, система инженерного построения пожарных машин, которые отличались от европейской и американской концепций автомобилестроения (Машура, 2021. С. 453). Начинается предотвращение возгораний лесных массивов, с помощью авиации (Черных, 2011).

Все чаще тушение пожара осуществлялось с помощью цистерн с водой, установленных на специальном автомобиле, это позволяло более оперативное прибытие на место очага, в отличие от конной тяги. Так, в 2 часа ночи 21 декабря 1963 г. в здании музыкальной школы села Усть-Чарышская пристань Алейского района произошел пожар. Уже через 3 минуты после получения сообщения на пожар прибыл дежурный караул отдельного поста села на автоцистерне ПМЗ-27 в составе – шофера, бойца, начальника отделения милиции Красина, в сопровождении других сотрудников милиции. Вскоре была доставлена резервная автоцистерна ГМГ-6. Начальник отдельного пожарного поста Вагриянов возглавил ликвидацию возгорания. Ввиду малочисленности боевого расчета на решающем направлении в чердачном помещении работали государственный пожарный инспектор Волохов и инспектор профилактики Сапрыкин. Пожар был локализован (Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 174. Л. 32).

Однако на деятельность пожарной охраны в Алтайском крае повлияла нестабильность внутриполитического курса нового руководства страны во главе с Н. С. Хрущевым, которая привели в целом к децентрализации и дестабилизации правоохранительного блока, ослаблению его влияния в обществе и госаппарате (История органов внутренних дел Алтая, 2017. С. 220).

За короткое время сотрудники пожарной охраны успели побывать в МВД СССР, с 1955 г. в МВД РСФСР, а с 1962 г. в Министерстве охраны общественного порядка (МООП) РСФСР.

Так же, в связи этими событиями, произошло снижение эффективности деятельности следственных подразделений, в частности, и в делах по расследованию умышленных поджогов (Суверов С. Е., 2019).

Профилактика

Профилактические действия заключались в проведении комплекса организационных и технических мероприятий, направленных на обеспечение безопасности людей, предупреждение пожаров, ограничение их развития, а также на создание условий для их успешного тушения[3].

Сотрудники подразделений военизированной пожарной службы МВД СССР в Алтайском крае проводили плановую профилактическую работу по предотвращению возгораний среди населения. Инспекторами пожарной охраны проводились регулярные проверки противопожарного состояния в различных учреждениях и ведомствах (Суверов Е. В., 2019).

Большое значение уделялось противопожарной агитации с помощью размещения плакатов, чтения книг и газетных статей, прослушивания радиопостановок, просмотров фильмов. Телевидение, которое становилась с 1956 г. все более доступным для жителей Алтая, ратовало за осторожное обращение населения с огнем.

В отдаленных районах края шел прокат киноальманахов на противопожарную тематику, где поднимались вопросы осторожного обращения с огнем, соблюдения соответствующих норм и правил, нарушение которых могло повлечь опасность для жизни, здоровья, сохранности имущества. Товарищ Табышкин, работая матросом пожарного катера, выполнял работы шофера агитационной машины и киномеханика в июне – июле 1957 г. в разных районах края, провел 67 киносеансов, было просмотрено 67 противопожарных кинофильмов, с общим охватом 15000 человек (Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 108. Л. 263).

Кадры

Большую роль в советской правоохранительной системе играла сбалансированная подготовка кадров, в том числе и для пожарных частей. В крае проводились регулярные сборы, где обучались пожарные. С 24 февраля 1956 по 4 марта 1956 г. в Барнауле были организованы 10-дневные сборы районных пожарных инспекторов численностью в 25 человек (Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 95. Л. 40).

Подготовка квалифицированных специалистов для подразделений Алтайского края, осуществля-

[3] МВД России. Энциклопедия / Некрасов В. Ф. (ред.). М.: Объединенная редакция МВД России, Олма-Пресс, 2002. 624 с. С. 400.

лась в Свердловском пожарно-техническом училище МВД СССР и других ведомственных учебных заведениях. В 1954 г. были зачислены 12 кандидатов с Алтая на учебу в Свердловское пожарно-техническое училище МВД СССР (Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 86. Л. 54).

В Свердловском пожарно-техническом училище МВД СССР были организованы курсы подготовки районных пожарных инспекторов, организовано отделение заочного обучения (в мае 1956 г.), в 1962 г. открывается заочное отделение для подготовки начальствующего состава пожарно-технического профиля для исправительно-трудовых учреждений (Миронов, Иванов, Снежинский, 2009. С. 7).

Курсанты Свердловского пожарно-технического училища МВД СССР проходили стажировку в октябре 1958 г. в подразделениях военизированных пожарных отрядов (ВПО) Алтайского края, за время которой они обследовали колхозы, совхозы, клубы, школы, детские учреждения, магазины, хлебоуборочные агрегаты на предмет противопожарного состояния, ими были проинструктированы механизаторы, составлены планы эвакуации людей в случае возникновения пожаров (Скипский, 2018. С. 23).

В Высшей школе МВД СССР в 1957 г. открылся факультет инженеров противопожарной техники и безопасности, готовивший специалистов по очной и заочной формам обучения по программе высшего образования, осуществлявших переподготовку и повышение квалификации командного состава пожарной охраны (Корник, 2012).

В Ленинградском пожарно-техническом училище МВД СССР в 1960 г. были введены учебные программы специальных дисциплин с уклоном на практическую выучку выпускаемых специалистов. В первый год курсанты изучали и исполняли обязанности всех номеров расчета на боевой машине, во второй год – отрабатывали в реальных условиях должностные обязанности командира отделения и звена газодымозащитной службы, на третий год проходили стажировку в УПЧ и подразделениях пожарной охраны в должностях начальника караула пожарной части и инспектора Государственного пожарного надзора (Баринова, Рябов, Виноградов, 2021. С. 75).

Спортивные соревнования

Впервые были проведены соревнования пожарной охраны НКВД в 1937 г., в которые были включены пожарно-прикладные упражнения. В 1954 г. изменились такие виды пожарно-прикладного спорта, как преодоление 100-метровой полосы с препятствиями и пожарная эстафета (5х100м). Наряду с совершенствованием спортивной материально-технической базы стабилизировалась программа соревнований, освобождаясь от условностей и ограничений, постепенно росло мастерство спортсменов-прикладников (Кириченко, Гуров, 2012. С. 243).

Пожарно-прикладной спорт включал в себя различные элементы упражнений из легкой атлетики и гимнастики. Занятия по преодолению полосы препятствий проходили с целью развития способностей к быстрым и сноровистым действиям в условиях, приближенных к оперативной обстановке (Матвеичев, Тоскин, 2018. С. 414).

Для повышения профессиональных навыков среди алтайских пожарных регулярно проводились соревнования. Так, 9 и 10 августа 1954 г. в Барнауле были проведены гарнизонные соревнования среди частей ВПО МВД по пожарно-прикладным видам спорта: боевое развертывание, пожарная эстафета, подъем на 3 этаж по лестнице и преодоление 100 метровой полосы с препятствиями (Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 86. Л. 8).

С 20 по 30 июня 1959 г. были проведены краевые районные и зональные соревнования по пожарно-прикладному спорту среди боевых расчетов сельских добровольных пожарных дружин (ДПД), в которых приняли участие представители 47 районов с участием 1296 человек. Соревнования по боевому развертыванию на пожарных автомобилях, на бензовозах, на мотопомпах по тушению горячей жидкостью добровольными пожарными дружинами (Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 125. Л. 49).

Привлечение общественности

Значительно повышало эффективность деятельности подразделений пожарной службы МВД СССР в Алтайском крае привлечение общественно-

сти, функционирование добровольных пожарных дружин.

Добровольная пожарная дружина села Перво-Каменка Третьяковского района осуществляла круглосуточное дежурство при пожарном депо, ее члены вели наблюдение на вышке за объектами в селе. Многие жители этого населенного пункта имели солидный опыт борьбы с огненной стихией. Так, начальник сельского ДПД Ф. С. Скосарев состоял членом дружины с 1932 г. (Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 90. Л. 70).

С начала 60-х годов прошлого столетия в Алтайском крае создавались и юношеские добровольные пожарные дружины (ЮДПД), которые осуществляли противопожарную пропаганду среди населения страны (выпускали кинофильмы противопожарной тематики, издавали плакаты и брошюры, давали объявления в газетах и журналах, делали передачи на радио). Добровольцы вели как пожарно-профилактическую работу, так и профильную производственную деятельность (Деревянко, Кружилов, 2016. С. 106).

Причины возгораний

Основными причинами возникновения возгораний на Алтае в рассматриваемый период было грубое нарушения техники безопасности (Суверов Е. В., 2021. С. 228), встречались и случаи умышленных поджогов.

На полях колхоза им. Тельмана Завьяловского района Алтайского края 14 августа 1956 г. из-за отсутствия искроуловителя на тракторе возник пожар, в результате огнем было уничтожено 60 гектаров пшеницы (Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 96. Л. 58).

Фиксировались случаи, когда злоумышленники поджигали строения. Так, 21 июня 1963 г. в час ночи на проспекте Красноармейском в краевой столице неизвестный преступник облил соляркой стены 2-х жилых домов и факелом из бумаги поджог эти здания. Стоявшей на трамвайной остановке оперативный уполномоченный отдела уголовного розыска (ОУР) старший лейтенант Шадрин заметил огненное зарево и стал преследовать преступника, одетого в военную форму. Вскоре мужчина был задержан милиционерами, он оказался сверхсрочник, военнослужащий войсковой части 6515. Пожар был локализован в начальной стадии (Архив ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 4. Оп. 1. Д. 165. Л. 248).

Неблагополучная ситуация, сложившаяся в сибирских лесных массивах, способствовала частым возгораниям. В 60-е гг. XX в. на территории Западной Сибири насчитывалось более 4 млн га темнохвойных лесов, усохших в результате повреждения сибирским шелкопрядом. Эти леса были чрезвычайно пожароопасными. Только в 1960–1964 гг. в таких лесных угодьях пожары охватили несколько десятков тысяч гектаров (Цветков, Буряк, 2014. С. 27).

Выводы

Таким образом, экономические потери от пожаров предполагали экстренные государственные меры по противодействию природной стихии, проведению мероприятий по усилению противопожарной безопасности, поддержки деятельности подразделений пожарной охраны в Алтайском крае (1953–1965 гг.). Подразделения пожарной охраны охватывали весь край, что позволяло эффективно бороться с возгораниями. Пожарная охрана была тесно связана со всеми советскими органами правоохранительной системы. Благодаря слаженной работе алтайских пожарных в исследуемый период, удалось предотвратить множество возгораний, спасти человеческие жизни, избежать многомиллионных, экономических потерь.

Сотрудники органов внутренних дел, пенитенциарной системы активно участвовали в тушении и предотвращении пожаров на территории края. Активно привлекались в качестве помощников представители местного населения, формировались добровольные пожарные дружины в населенных пунктах Алтая.

Большие усилия прилагались для проведение профилактических мероприятий, по соблюдению техники безопасности при обращении с огнем, с населением проводились беседы, организовывались просмотры кинофильмов, чтение книг и газет на заявленную тематику.

Структура подразделений военизированной пожарной охраны в изучаемый период менялась, негативное влияние на нее, оказал новый внутриполитический курс руководства страны. Несмотря на это, наблюдалось определенное улучшение материальной базы алтайских пожарных. Увеличение ав-

томобильного парка (специальных автомашин с цистернами) позволяло быстрее добираться до очагов возгорания. К положительным моментам по усилению противопожарной безопасности Алтайского края следует отнести улучшающуюся систему подготовки и переподготовки кадров, а также проведение плановых спортивных соревнований.

Список источников

Алешков М. В., Безбородько М. Д., Ольховский И. А., Деренко О. В. История развития технических средств борьбы с пожарами, приспособленных для работы в условиях низких температур // Пожаровзрывобезопасность. 2016. Т. 25. № 11. С. 77–83.

Баринова Ю. С., Рябов А. В., Виноградов В. Н. От курсов пожарных техников до Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС к 115-летию университета // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2021. № 3 (52). С. 72–77.

Деревянко В. М., Кружилов А. В. Развитие добровольной пожарной охраны в России // Пожарная безопасность: проблемы и перспективы. 2016. № 1 (7). Т. 2. С. 105–107.

История органов внутренних дел Алтая : монография / Е. В. Суверов и др. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2017. 348 с.

Казанцева М. Н. Экологические последствия пожаров и нефтяного загрязнения таежных лесов Среднего Приобья // Успехи современной биологии. 2008. Т. 128. № 1. С. 108–112.

Кириченко С. С., Гуров А. В. Возникновение и развитие пожарно-спасательного спорта // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. 2012. № 1 (3). С. 243–246.

Корник В. Н. Профессиональная подготовка специалистов пожарной охраны в послевоенный период // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4-2 (76). С. 131–135.

Луговой А. А., Виноградов В. Н., Щаблов Н. Н., Балабанов М. А. Служба и быт пожарных в СССР и новой России : монография. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2018. 274 с.

Мальхин А. В. История развития пожарной техники // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2010. № 3 (54). С. 65–77.

Матвеичев В. Н., Тоскин А. Д. Развитие профессионально важных качеств в пожарно-прикладном спорте // Пожарная и аварийная безопасность. XIII Международная научно-практическая конференция, посвященная году культуры и безопасности, 29–30 ноября 2018 г.: сб. науч. тр. Иваново : изд-во Ивановской пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, 2018. С. 414–416.

References

Aleshkov M. V., Bezborod'ko M. D., Ol'khovskii I. A., Derenko O. V. (2016) The history of the development of technical means of fighting fires adapted to work at low temperatures. *Pozharovzryvobezopasnost' = Fire and Explosion Safety*. Vol. 25. No. 11. P. 77-83. (In Russ.).

Barinova Yu. S., Ryabov A. V., Vinogradov V. N. (2021) From courses of fire technicians to the St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations to the 115th anniversary of the University. *Psikhologo-pedagogicheskie problemy bezopasnosti cheloveka i obshchestva = Psychological and Pedagogical Problems of Human and Society Security*. No. 3 (52). P. 72-77. (In Russ.).

Derevyanko V. M., Kruzhilov A. V. (2016) Development of voluntary fire protection in Russia. *Pozharnaya bezopasnost': problemy i perspektivy = Fire Safety: Problems and Prospects.* No. 1 (7). Vol. 2. P. 105-107. (In Russ.).

Suverov E. V. (2017) History of the Altai internal affairs bodies. Monograph. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 348 p. (In Russ.).

Kazantseva M. N. (2008) Ecological consequences of fires and oil pollution of taiga forests of the Middle Ob region. *Uspekhi sovremennoi biologii = Successes of Modern Biology*. Vol. 128. No. 1. P. 108-112. (In Russ.).

Kirichenko S. S., Gurov A. V. (2012) The emergence and development of fire and rescue sports. *Sovremennye tekhnologii obespecheniya grazhdanskoi oborony i likvidatsii posledstvii chrezvychainykh situatsii = Modern technologies for civil defense and emergency response.* No. 1 (3). P. 243-246. (In Russ.).

Kornik V. N. (2012) Professional training of fire protection specialists in the post-war period. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Altai State University.* No. 4-2 (76). P. 131-135. (In Russ.).

Lugovoi A. A., Vinogradov V. N., Shchablov N. N., Balabanov M. A. (2018) Service and life of firefighters in the USSR and New Russia. Monograph. St. Petersburg: Saint-Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia. 274 p. (In Russ.).

Mal'khin A. V. (2010) History of the development of fire equipment. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* No. 3 (54). P. 65-77. (In Russ.).

Matveichev V. N., Toskin A. D. (2018) Development of professionally important qualities in fire-applied sports. *Pozharnaya i avariinaya bezopasnost'. XIII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya Godu kul'tury i bezopasnosti, 29–30 noyabrya 2018 g.: Sb. nauch. tr. = Fire and emergency safety. XIII International Scientific and practical conference dedicated to the Year of Safe-*

Машура С. В. История становления и развития советской пожарной охраны в XX веке // Образование и право. 2021. № 7. С. 451–454.

Министерство внутренних дел. 1902–2002. Исторический очерк / Е. И. Белов, А. В. Борисов, В. К. Виноградов и др.; под ред. Р. Г. Нургалиева. М. : Объединенная редакция МВД России, 2004. 648 с.

Миронов М. П., Иванов В. Е., Снежинский А. В. Уральский институт государственной противопожарной службы: страницы истории и развития // Пожаровзрывобезопасность. 2009. Т. 18. № 2. С. 6–11.

Скипский Г. А. Исторический опыт проведения кадровой политики в органах внутренних дел в 1950-х годах (на примере Свердловского пожарно-технического училища МВД СССР) // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2018. № 1 (10). С. 17–26.

Суверов Е. В. Военизированная государственная пожарная охрана НКВД СССР в Новосибирской области (30-е годы XX века – 1945 г.) // Гуманитарные чтения: сборник статей конференции (Владивосток, 1 января 2021 г.). Владивосток, 2021. С. 226–229.

Суверов Е. В. Пожарная охрана Красноярского края в 30–40-е гг. XX в. // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы семнадцатой международной научно-практической конференции / под ред. С. К. Бурякова. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2019. Ч. 2. С. 118–120.

Суверов С. Е. Следственный аппарат алтайской милиции в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы семнадцатой международной научно-практической конференции / под ред. С. К. Бурякова. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2019. Ч. 2. С. 120–121.

Тангатарова К. А., Исаева О. Ю., Тангатаров А. Ф. Масштабы и последствия пожаров в жилых зданиях // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. 2014. № 1 (5). С. 172–174.

Цветков П. А., Буряк Л. Б. Исследования природы пожаров в лесах Сибири // Сибирский лесной журнал. 2014. № 3. С. 25-42.

Черных В. В. Организация охраны лесов от пожаров в Восточной Сибири (1946 –1990 гг.). Иркутский экономи-

ty. Sat. scientific. tr. Ivanovo: Publishing House of Ivanovo Fire and Rescue Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia. P. 414-416. (In Russ.).

Mashura S. V. (2021) History of formation and development of the Soviet fire protection in the XX century. *Obrazovanie i pravo = Education and law.* No. 7. P. 451-454. (In Russ.).

Belov E. I, Borisov A. V., Vinogradov V. K. (2004) Ministry of Internal Affairs. 1902-2002. Historical essay. Moscow: United Editorial Office of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 648 p. (In Russ.).

Mironov M. P., Ivanov V. E., Snezhinsky A. V. (2009) Ural Institute of State Fire Service: pages of history and development. *Pozharovzryvobezopasnost' = Fire and Explosion Safety.* Vol. 18. No. 2. P. 6-11. (In Russ.).

Skipskii G. A. (2018) Historical experience of personnel policy in the internal affairs bodies in the 1950s (on the example of the Sverdlovsk Fire Technical School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR). *Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii = Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* No. 1 (10). P. 17-26. (In Russ.).

Suverov E. V. (2021) Paramilitary state fire protection of the NKVD of the USSR in the Novosibirsk region (30s of the XX century - 1945). *Gumanitarnye chteniya: sbornik statei konferentsii (Vladivostok, 1 yanvarya 2021 g.). = Humanitarian readings: collection of articles of the conference (Vladivostok, January 1, 2021).* Vladivostok. P. 226-229. (In Russ.).

Suverov E. V. (2019) Fire protection of the Krasnoyarsk Territory in the 30-40s of the XX century. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami : materialy semnadtsatoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Actual problems of combating crimes and other offenses. Materials of the XVII International scientific and practical conference.* Barnaul. Pt. 2. P. 118-120. (In Russ.).

Suverov S. E. (2019) The investigative apparatus of the Altai militia in the late 50s - early 60s of the XX century. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami : materialy semnadtsatoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Actual problems of combating crimes and other offenses. Materials of the XVII International scientific and practical conference*. Barnaul: Publishing house of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Pt. 2. P. 120-121. (In Russ.).

Tangatarova K. A., Isaeva O. Yu., Tangatarov A. F. (2014) The scale and consequences of fires in residential buildings. *Sovremennye tekhnologii obespecheniya grazhdanskoi oborony i likvidatsii posledstvii chrezvychainykh situatsii = Modern technologies for civil defense and emergency response.* No. 1 (5). P. 172-174. (In Russ.).

Tsvetkov P. A., Buryak L. B. (2014) Investigation of the nature of fires in the forests of Siberia. *Sibirskii lesnoi zhurnal = Siberian Forest Journal*. No. 3. P. 25-42. (In Russ.).

Chernykh V. V. (2011) Organization of forest protection from fires in Eastern Siberia (1946-1990). *Irkutskii*

ческий ежегодник- 2011. Иркутск, 2011. С. 92–101.

Щербов Б. Л., Завгородняя Н. В., Лазарева Е. В. Экогеохимические последствия лесных пожаров в ленточных борах Алтайского края // Сибирский экологический журнал. 2008. Т. 15. № 4. С. 595–605.

Информация об авторе

Е. В. Мануйлов – старший инспектор (дежурный) комендантского отделения,
Барнаульский юридический институт МВД России,
656038, Барнаул, ул. Чкалова, 49, Россия.

Вклад автора

Мануйлов Е. В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 18 января 2022 г.; одобрена после рецензирования 22 февраля 2022 г.; принята к публикации 9 марта 2022 г.

ekonomicheskii ezhegodnik-2011 = Irkutsk Economic Yearbook-2011. Irkutsk. P. 92-101. (In Russ.).

Shcherbov B. L., Zavgorodnyaya N. V., Lazareva E. V. (2008) Ecogeochemical consequences of forest fires in ribbon forests of the Altai Territory. *Sibirskii ekologicheskii zhurnal = Siberian Ecological Journal.* Vol. 15. No. 4. P. 595-605. (In Russ.).

Information about the author

E. V. Manuilov – Senior Inspector (duty officer) of the Commandant's office,
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
49, Chkalov St., Barnaul 656038, Russia.

Contribution of the author

Manuilov E. V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted January 18, 2022; approved after reviewing February 22, 2022; accepted for publication March 9, 2022.

Рецензия
УДК 94(47);913;39
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-230-234

300 лет назад в Иркутске

Мессершмидт Д. Г. В Иркутском на реке Ангаре (дневник: декабрь 1723 – февраль 1724) / пер. с нем. О. Д. Лазуткиной; под ред. В. А. Абашника, Л. Д. Бондарь; сост. Ю. И. Чивтаев, под общей ред. Ю. И. Чивтаева, Л. Д. Бондарь. Иркутск : На Чехова, 2021. 216 с.

Анна Анатольевна Сирина

Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, Москва, Россия,
annas@iea.ras.ru, https://orcid.org/0000-0002-9268-9807

Аннотация. Немецкий врач, ученый-энциклопедист Д. Г. Мессершмидт по праву считается выдающимся сибиреведом, собравшим материалы по всем областям знаний в семилетнем путешествии по Сибири. При жизни по разным причинам ему не удалось опубликовать и даже в полной мере обработать свои полевые материалы. Научное наследие Мессершмидта сравнительно недавно стало возвращаться в научный оборот. Рецензируемая книга представляет собой первый перевод на русский язык фрагмента дневника Мессершмидта декабря 1723 – февраля 1724 гг. Это время он провел в Иркутске между путешествиями по Нижней Тунгуске и Забайкалью. Чем он занимался в это время, с кем контактировал, где бывал в городе, какие вопросы решал – обо всем этом можно узнать из уникального источника первой четверти XVIII в. Публикация выполнена в лучших российских академических традициях. В книге имеется предисловие, приложение, состоящее из четырех статей и именной указатель. Книга вышла в канун трехсотлетия пребывания Мессершмидта в Иркутске. Она представляет интерес для историков науки XVIII в., истории и антропологии Иркутска и Восточной Сибири.

Ключевые слова: Д. Г. Мессершмидт, комплексная экспедиция в Сибирь, научная работа, полевой дневник, Иркутск, городской быт, первая четверть XVIII века

Для цитирования: Сирина А. А. 300 лет назад в Иркутске : рецензия на книгу «В Иркутском на реке Ангаре» – дневник Д. Г. Мессершмидта // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 1. С. 230–234. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-230-234

Review

Review

300 years ago in Irkutsk

Messerschmidt D. G. “In Irkutsk on the Angara River” (diary: December 1723 - February 1724) / transl. from German by O. D. Lazutkina, ed. by V. A. Abashnik and L. D. Bondar; comp. Yu. I. Chivtaev, ed. by Yu. I. Chivtaev, L. D. Bondar. Irkutsk: On Chekhov, 2021. 216 p.

Anna A. Sirina

Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
annas@iea.ras.ru, https://orcid.org/0000-0002-9268-9807

Abstract. German doctor, scientist-encyclopedist D. G. Messerschmidt is considered an outstanding Siberian scholar who collected materials in all areas of knowledge during an eight-year journey through Siberia. During his lifetime, for various reasons, he failed to publish and even fully process his field materials. The scientific legacy of Messerschmidt has recently begun to return to scientific circulation. The book under review is the first translation into Russian of a fragment of Messerschmidt's diary from December 1723 - February 1724. He spent this time in Irkutsk between travels along the Lower Tunguska and Transbaikalia. What he

© Сирина А. А., 2022

was doing at that time, with whom he was in contact, where he lived in the city, what issues he solved - all this can be learned from a unique source of the first quarter of the 18th century. The publication is made in the best Russian academic traditions. The book has a preface, an appendix consisting of four articles, illustrations and an index. The book was published on the eve of the 300th anniversary of Messerschmidt's stay in Irkutsk. It is of interest to historians of science in the 18th century, the history and anthropology of Irkutsk and Eastern Siberia.

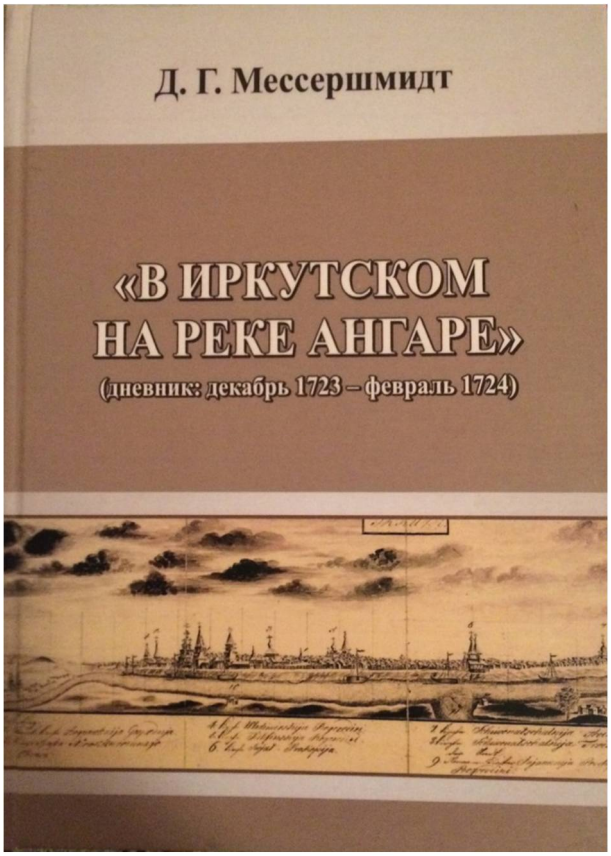
Keywords: D. G. Messerschmidt, complex expedition to Siberia, scientific work, field diary, Irkutsk town, urban life, first quarter of the 18th century

For citation: Sirina A. A. (2022) 300 years ago in Irkutsk: review of the book “In Irkutsk on the Angara River” - the diary of D. G. Messerschmidt. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 1. P. 230–234. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-230-234

2019 год стал годом трехсотлетия с начала семилетнего путешествия в Сибирь состоявшего на российской службе немецкого врача, ученого-энциклопедиста, исследователя Сибири Даниила Готлиба Мессершмидта (Daniel Gottlieb Messerschmidt; 1685–1735). В нескольких городах, через которые пролегал его путь, были организованы юбилейные мероприятия. В Санкт-Петербурге ученые разных специальностей и архивисты-мессершмидтоведы поделились результатами своих исследований, был опубликован ряд ценных работ (К 300-летию…, 2021; см. также библиографию к предисловию в рецензируемой книге).

Сибиряки внесли свою лепту в возвращение исторической памяти о Сибири и об уникальной экспедиции. В 2021 г. в Красноярске и Иркутске вышли сразу две книги переводов дневников ученого путешественника (Мессершмидт, 2021; Путевой журнал…, 2021).

Запрос местного сообщества на изучение локальной истории вызвал к жизни неформальные исследовательские силы, которые порой не уступают ученым, имеющим институциональную принадлежность (Сирина, 2019. С. 260). В славную когорту академиков, член-корреспондентов, докторов и кандидатов различных наук, занимающихся наследием Мессершмидта, по праву вошел (и академическое сообщество его приняло) Юрий Иванович Чивтаев из города Усть-Кута, что на севере Иркутской области. Он не увенчан научными степенями и званиями. Глубокий интерес к наследию Мессершмидта связан с тем, что исследователь живет на той самой земле, по которой три века назад путешествовал Мессершмидт. Чивтаева интересуют те страницы путешествия ученого, которые связаны с современной Иркутской областью и сопредельными территориями. Новая книга «В Иркутском на реке



Ангаре» стала продолжением работы по возвращению наследия Мессершмидта (Мессершмидт, 2018). В ее основе лежит перевод дневника (путевого журнала), который Мессершмидт вел в Иркутске с 19 декабря 1723 г. по 28 февраля 1724 г. Текст дневника занимает менее трети книги – 95 страниц (Мессершмидт, 2021. С. 35–120). Остальной объем составили предисловия составителя и редакторов перевода, приложение, иллюстрации и их список, библиография и именной указатель. Важно подчеркнуть, что перевод выполнен не с берлинского пятитомного академического издания, как это было в предыдущей книге, а с копий подлинника, хранящихся в Санкт-Петербургском филиале архива РАН.

Благодаря этому открылись новые факты, пропущенные в немецкой публикации по соображениям атеистического времени. Оказалось, что энциклопедически образованный врач и ученый был лютеранином, глубоко верующим человеком. Это очень важно для понимания научного подвига Мессершмидта, поскольку мировоззренческие установки оказали огромное влияние на его отношение к экспедиции в Сибирь как миссии, ниспосланной свыше.

О высоком уровне проделанной работы говорит то, что публикация осуществлена в серии «Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки», инициированной Санкт-Петербургским филиалом архива РАН. Расширился состав участников – переводчица О. И. Лазуткина, редакторы перевода Л. Д. Бондарь и В. А. Абашник; составитель, автор предисловия и приложения Ю. И. Чивтаев. Он же вместе с Л. Д. Бондарь осуществил общую редакцию.

В предисловии дана краткая история сибирского путешествия Мессершмидта, обзор содержания иркутских записей. В приложение включены четыре информативные статьи, написанные Ю. И. Чивтаевым с использованием разновременных дневниковых записей: о шведско-немецкой группе научных помощников Мессершмидта; о техническом персонале экспедиции; о месте проживания ученого в Иркутске, о его палеонтологических разысканиях. Будучи самостоятельными исследованиями, эти статьи облегчают и углубляют понимание дневника. Сюда же включены несколько факсимильных страниц «Журнала доктора Мессершмидта» из Санкт-Петербургского филиала архива РАН.

Книга дает важную информацию к темам истории и антропологии науки и истории Сибири. Биографы Мессершмидта отмечают: «В Сибири он преодолел тысячи километров: на севере добрался до Мангазеи (совр. Туруханск), а на востоке дошёл до китайско-монгольской границы и, наконец, 18 марта 1727 г., измученный и больной, вернулся в Петербург» (Басаргина, Бондарь, Тункина, 2019. С. 123). Здесь нужно иметь в виду, что его путь следовал логике той транспортной инфраструктуры, которая сложилась в начале XVIII в., – отрезкам сухопутных дорог, водных путей и волоков, по которым передвигались до постройки Сибирского (Московского) тракта. Мессершмидт и обслуживавшая его команда были «привязаны» к этим путям еще и потому, что вдоль них проживало редкое коренное и русское крестьянское население, снабжавшее экспедицию пищей и информацией.

В Иркутске в ожидании зимнего пути в Забайкалье Мессершмидт приводил в порядок свои дела, коллекции, записи и готовился к продолжению путешествия. Он накапливал новую информацию и проводил исследования. Изредка по просьбе местных купцов или слуг оказывал им врачебную помощь. Город, где жили люди, язык и менталитет которых он плохо понимал, его особо не интересовал. Но сегодня именно сведения о городе, содержащиеся в дневнике, представляют наибольший интерес. Это связано со скудостью источников, так сказать, этнографического характера, в которых было бы явлено личное свидетельство.

В Иркутск Мессершмидт прибыл 19 декабря 1723 г., поставил в известность о своем прибытии, которого ожидали, воеводу. И выбрал для проживания дом богатого кожевника Федора Темникова. Дом находился в местности Потеряиха недалеко от деревянной Троицкой церкви, построенной в 1718 г. попечительством П. А. Медведева. Ю. И. Чивтаев отмечает, что «в первой четверти XVIII в. здесь жили иркутские ремесленники-кожевники», а сам этот факт «является новым в истории города, и стал он известен благодаря Д. Г. Мессершмидту» (Мессершмидт, 2021. С. 146). Отмечу, что Троицкая церковь стоит на том же месте, только из деревянной она была перестроена в каменную. Деревянные дома в этой части города практически не сохранились.

Мессершмидт избегал неформальных приемов у представителей местной власти, связи с внешним миром поддерживал через слуг, изредка выезжал сам. В дневнике упоминаются иркутский воевода Полуектов, купец дворянин Петр Медведев, камерир Федор Корнилович Петров, Дмитрий Иванович Кичкин, преображенский сержант Иван Афанасьевич Носков и др. В дневнике упоминаются имена трех иркутских иконописцев в связи с их участием в рисовании некоторых материалов, собранных Мессершмидтом. Хотя ученый не вполне был доволен их работой, читатель может видеть в книге два из сделанных ими рисунков.

Каждый день Мессершмидт начинал свои дневниковые записи сведениями о погоде: «5 января. Воскресенье после Нового года. С утра прекрасная ясная погода, при этом очень холодно»; «18 февраля. Вторник. С утра ясная, прекрасная, тихая погода, умеренно холодно, солнце греет очень сильно»; «21 февраля. Пятница. Неустойчивая погода с ветром и снегом, умеренно холодно». Первые сведения о погоде в Иркутске появились в летописи В. и А. Сибиряковых в 1728 г., а систематические метеорологические наблюдения начались в 1884 г.[1] Наблюдения Мессершмидта, хотя и непродолжительные, и с точки зрения сегодняшнего дня, описательные, были первыми. В дневнике зафиксировано зимнее половодье на Ангаре, время ледостава на Байкале и Ангаре.

Ученых тех лет занимали разнообразные курио-зы, диковинные находки останков неизвестных животных, растений, камней, археологические находки, древние рукописи, обнаруженные на неизведанных территориях, какой и была в начале XVIII в. Сибирь. Мессершмидт записывал сведения, полученные от разных лиц, бывалых людей, которые могли сообщить что-то новое о разных частях Сибири. Он приглашал их к себе и придирчиво расспрашивал. Так, от сторожа-служивого он получил сведения о путях и сообщениях вблизи Байкала и названиях некоторых птиц на русском и бурятском языках; от русского Кузьмы Михайлова сына Ктестова – информацию о путях связи с Забайкальем; от русского, родившегося вблизи Якутска и много лет промышлявшего в устье Лены и Ледовитого океана, – информацию о фауне тех мест и записи слов на якутском языке, с которым тот был знаком; от тюменского купца Третьякова – ценный камень; от русского купца, приехавшего из Китая – китайских «болванчиков» и серьги; от купца Петра Алексеевича Медведева – сведения о путях связи с Забайкальем и различные курио-зы, а также гостинцы и ездовые сани на время пребывания в Иркутске, и др. Мессершмидт выбрал Петра Федоровича Полубенцева в качестве проводника экспедиции в Забайкалье и переводчика с монгольского языка. Чтение дневника оставляет впечатление, что среди иркутян было немало людей, привычных к преодолению огромных расстояний, владевших языками соседних народов.

Внимание ученого врача привлекали «курио-зы» и в городском сообществе, – люди, необычные для этих мест, приехавшие из дальних стран (но не из России). Благодаря записям Мессершмидта открылся новый факт в истории Иркутска: в 1724 г. здесь проживали три индийца: купец и двое нищих (Мессершмидт, 2021. С. 23). С купцом Парасотамагира, брахманом из Дели, которого женили и оставили в Иркутске, Мессершмидт занимался изучением языка.

Ученый немец отличался особой педантичностью и некоторым высокомерием, превосходством над местной средой. Еще бы, ведь он выполнял задание самого Петра I, был энциклопедически образован и интеллектуально стоял несравненно выше большинства горожан. Из дневника видно одиночество Мессершмидта, проистекавшее из этого обстоятельства. Оно также было связано и с недостаточным знанием русского языка, и с поведением слуг, предававшихся неумеренным возлияниям. Изредка оно скрашивалось встречами с европейски образованными людьми, каким был ссыльный Михал Волохович, немного знавший латинский язык и сообщивший ученому подробности о находке бивней и костей мамонта, или будущий Св. Иннокентий Иркутский (Кульчицкий), с которым Мессершмидт позже встретился в Селенгинске и беседовал на латыни.

Книга вышла в Иркутске в канун 300-летнего юбилея пребывания в нем Мессершмидта, при поддержке Иркутского отделения РГО и Иркутской нефтяной компании. Ее тираж очень мал – всего 100 экземпляров, однако автор планирует разместить электронную копию книги на сайте одной из библиотек г. Иркутска. Значительно расширяя представление о работе академических экспедиций и о самом путешественнике, книга дает бесценный материал об Иркутске первой четверти XVIII в.

[1] Из истории гидрометеорологических наблюдений. URL: https://www.irmeteo.ru/index.php?id=73 (дата обращения 02.02.2022).

Список источников

Басаргина Е. Ю., Бондарь Л. Д., Тункина И. В. 300 лет первой научной экспедиции в Сибирь: Даниэль Готлиб Мессершмидт и изучение его научного наследия // Историко-биологические исследования,. 2019. Т. 11. № 3. С. 120–134.

К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727) : сб. статей / сост. Е. Ю. Басаргина, Л. Д. Бондарь, И. В. Тункина; отв. ред. И. В. Тункина. СПб. : Реноме, 2021. 352 с.

Мессершмидт Д. Г. Дневники от Мангазеи до Иркутска (1723 г.) / предисловие, подгот. текста, перевод, прим. и коммент., прилож. Ю. И. Чивтаева. Иркутск : На Чехова, 2018. 266 с.

Мессершмидт Д. Г. В Иркутском на реке Ангаре (дневник: декабрь 1723 – февраль 1724) / пер. с нем. О. Д. Лазуткиной под ред. В. А. Абашника, Л. Д. Бондарь; сост. Ю. И. Чивтаев, под общей ред. Ю. И. Чивтаева, Л. Д. Бондарь. Иркутск : На Чехова, 2021. 216 с.

Путевой журнал Даниэля Готлиба Мессершмидта / пер., сост., коммент. Г. Ф. Быконя, И. Г. Федорова, Я. И. Федорова. Красноярск : Растр, 2021. 494 с.

Сирина А. А. Первая русскоязычная публикация дневников Д. Г. Мессершмидта 1723 года: рецензия на книгу «Дневники от Мангазеи до Иркутска (1723 г.)» Д. Г. Мессершмидта // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 2. С. 259–263. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-259-263

Информация об авторе

А. А. Сирина – доктор исторических наук, главный научный сотрудник,
Институт этнологии и антропологии Российской академии наук,
119991, Москва, Ленинский просп., 32-А, Россия.

Вклад автора

Сирина А. А. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 7 февраля 2022 г.; одобрена после рецензирования 20 февраля 2022 г.; принята к публикации 9 марта 2022 г.

References

Basargina E. Yu., Bondar' L. D., Tunkina I. V. (2019) 300 years of a scientific expedition to Siberia: Daniel Gotlib Messershmidt and study of his scientific heritage. *Istoriko-biologicheskie issledovaniya = Historical and Biological Research,* Vol. 11. No. 3. P. 120-134. (In Russ.).

Tunkina I. V. (2021) To the 300th anniversary of the start of the expedition of Daniel Gottlieb Messerschmidt to Siberia. St. Petersburg: Renome. 352 p. (In Russ.).

Messerschmidt D. G. (2018) Diaries from Mangazeya to Irkutsk (1723). Irkutsk: Na Chekhova. 266 p. (In Russ.).

Messerschmidt D. G. (2021) In Irkutsk on the Angara River (diary: December 1723 - February 1724). Irkutsk: On Chekhov. 216 p. (In Russ.).

Bykonya G. F., Fedorov I. G., Fedorov Ya. (2021) Travel journal of Daniel Gottlieb Messerschmidt. Krasnoyarsk: Rastr. 494 p. (In Russ.).

Sirina A. A. (2019) The First Russian Publication of the Diaries of Messershmidt (1723): book review “Diaries from Mangazeya to Irkutsk (1723)” of D. G. Messerschmidt. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Journal of Ancient Technology Laboratory.* Vol. 15. No. 2. P. 259–263. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-259-263

Information about the author

A. A. Sirina – Dr. Sci. (History), Research Fellow,
Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences,
32-A, Leninskii Avenue, Moscow 119991, Russia.

Contribution of the author

Sirina A. A. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted February 7, 2022; approved after reviewing February 20, 2022; accepted for publication March 9, 2022.

Рецензия
УДК 94(571.51)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-235-239

Впечатляющая панорама раннего этапа советской действительности

Шекшеев А. П. Органы ВЧК/ГПУ/ОГПУ и большевистская трансформация общества: неизвестная история Енисейской Сибири. Минусинск : Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова. 2021. 664 с.

Игорь Владимирович Наумов

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия, histor@istu.edu

Аннотация. В рецензии анализируется монография А. П. Шекшеева «Органы ВЧК/ГПУ/ОГПУ и большевистская трансформация общества. Неизвестная история Енисейской Сибири», опубликованная Минусинским региональным краеведческим музеем в 1921 г. В ней рассмотрено исследование автором основных этапов в истории советских органов государственной безопасности в данном регионе в заявленный период, игравших одну из ключевых ролей в осуществлении политики коммунистической партии. В рецензии освещены достоинства и недостатки монографии и её вклад в исследование деятельности органов ВЧК, ГПУ и ОГПУ в Енисейском регионе в период Гражданской войны, Новой экономической политики, индустриализации и коллективизации в советском государстве.

Ключевые слова: автор, история, источниковая база, коллективизация, коммунисты, крестьяне, монография, партизаны, раскулачивание, сопротивление, чекисты

Для цитирования: Наумов И. В. Впечатляющая панорама раннего этапа советской действительности : рецензия на монографию А. П. Шекшеева «Органы ВЧК/ГПУ/ОГПУ и большевистская трансформация общества: неизвестная история Енисейской Сибири» // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 1. С. 235–239. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-235-239

Review

An impressive panorama of the early stage of Soviet reality

Sheksheev A. P. Bodies of the Cheka/GPU/OGPU and the Bolshevik transformation of society: the unknown history of the Yenisei Siberia. Minusinsk: Minusinsk Regional Museum of Local Lore named after N. M. Martyanov. 2021. 664 p.

Igor' V. Naumov

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia, histor@istu.edu

Abstract. The review analyzes the monograph by A. P. Sheksheev “The Bodies of the Cheka/GPU/OGPU and the Bolshevik Transformation of Society. The Unknown History of the Yenisei Siberia”, published by the Minusinsk Regional Museum of Local Lore in 1921. It examines the author’s study of the main stages in the history of the Soviet state security agencies in this region during the stated period which played one of the key roles in the implementation of the policy of the Communist Party. The review highlights the advantages and disadvantages of the monograph and its contribution to the study of the activities of the Cheka, GPU and OGPU in the Yenisei region during the Civil War, the New Economic Policy, Industrialization and Collectivization in the Soviet state.

Keywords: author, history, source base, collectivization, communists, peasants, monograph, partisans, dispossession, resistance, security officers

For citation: Naumov I. V. (2022) An impressive panorama of the early stage of Soviet reality : review of the monograph by A. P. Sheksheev “The Bodies of the Cheka/GPU/OGPU and the Bolshevik Transformation of Society. Unknown history of the Yenisei Siberia”. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 1. P. 235-239. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-235-239

© Наумов И. В., 2022

В 2021 г. Минусинский региональный краеведческий музей, один из старейших и известнейших в Сибири музеев, опубликовал очень объемную (664 с.) монографию известного исследователя Гражданской войны и её последствий в Енисейском регионе Александра Петровича Шекшеева, которая стала итогом многолетнего изучения заявленной автором проблемы.

Автор поставил своей задачей осветить деятельность советских органов государственной безопасности в Енисейском регионе в период Гражданской войны, Новой экономической политики, коллективизации сельского хозяйства и индустриализации. Это, как известно, было крайне сложное и драматичное время становления новой советской государственности в России и грандиозных социально-экономических экспериментов коммунистической партии. И, конечно же, в осуществлении коммунистической политики важнейшая роль принадлежала органам государственной безопасности (ВЧК, ГПУ, ОГПУ), без которых её проведение было просто невозможно.

Историю органов ВЧК, ГПУ, ОГПУ, как справедливо указывает сам автор во введении, к настоящему времени нельзя считать совсем неисследованной. Её изучение началось ещё в советский период, когда появились первые работы об их деятельности, в т. ч. и в различных регионах страны. Правда, тогда основной задачей этих публикаций была героизация чекистов и заниматься этими исследованиями мог очень ограниченный круг проверенных лиц, как правило, из числа ветеранов спецслужб. В конце горбачевской перестройки и особенно в 1990-е и 2000-е годы после крушения советской системы произошел резкий рост исторических исследований этой темы. Большой интерес к её изучению был связан с тем, что она представляла собой почти сплошное «белое пятно» в недавней отечественной истории. Работы о различных сюжетах из истории ВЧК-ГПУ-ОГПУ выходили не только в России, но и за рубежом. Немало из них авторы посвятили и сибирским региональным сюжетам, в т. ч. и Енисейскому региону. Однако большинству работ была присуща некоторая односторонность, их авторы основное внимание уделяли репрессивной составляющей в деятельности органов государственной безопасности, «разоблачению» преступлений коммунистической власти.

В рецензируемой же книге автор, как он сам сформулировал: «поставил задачу совместить ранее несовместимое – положительную и отрицательную оценку» (С. 25). И в этом состоит несомненное достоинство исследования А. П. Шекшеева. Его монография дает более или менее цельное представление о деятельности органов ВЧК-ГПУ-ОГПУ в Енисейском регионе в рассматриваемый период.

К её достоинствам следует отнести добротный историографический обзор работ предшественников и особенно широкий круг привлеченных автором источников и их скрупулезный анализ. Он проделал поистине титаническую работу по поиску и выявлению архивных документов и других источников, что позволило создать впечатляющую историческую панораму той эпохи. Стремление сопоставлять и перепроверять сведения различных источников дали ему возможность уточнить ряд важных данных, прежде всего, статистического характера, но не только, и исправить некоторые ошибочные выводы, сделанные его предшественниками из-за некритического восприятия отдельных источников. Вообще благодаря обширной источниковой базе и её крити-

ческому анализу, многие полученные автором выводы представляются достаточно убедительными.

Необходимо отметить неплохую редакторскую подготовку и оформление монографии. Во время чтения почти в «глаза не лезли» опечатки, этот настоящий бич компьютерных наборов. Положительному её восприятию способствует и подстрочное расположение сносок, что делает чтение очень удобным (не надо «лезть» в конец книги, чтобы посмотреть, на что ссылается автор).

Своё исследование А. П. Шекшеев вполне логично начал с попытки осветить деятельность в Енисейской губернии первых чекистов в 1918 г. в период первой советской власти. При этом он пришел к выводу, что сколько-нибудь цельное исследование этого сюжета крайне затруднено из-за почти полного отсутствия источников. В монографии дано довольно яркое описание обстановки анархии и «красного террора» в начале 1920 г. на территории Енисейской губернии после т. н. «Красноярской катастрофы» белых армий и крушения колчаковского режима. К сожалению, из текста неясно, какие органы власти осуществляли политику террора, поскольку органы ВЧК в регионе были созданы несколько позднее. Кстати, процесс создания и становления этих органов в Енисейской губернии автор осветил достаточно полно и интересно. Он рассмотрел не только организационные вопросы – структура, штаты, кадровый состав и т. п., но и организацию снабжения и быта чекистов. Не обошел вниманием и т. н. «социальные болезни» в среде первых чекистов – пьянство, стяжательство и т. п. При этом автор подчеркивал, что руководство Губ.ЧК решительно избавлялось от нарушителей. Любопытно, что он особо отмечал вклад в наведение порядка в собственных рядах М. Д. Бермана, в последующем одного из главных «героев» политики «Большого террора» 1936–1938 гг. в СССР. В монографии подробно показана и деятельность Губ.ЧК по наведению элементарного порядка на территории Енисейской губернии в 1920 г. и особенно по преодолению «партизанской анархии» и подчинению красных партизан и их предводителей власти коммунистов. Большое внимание автор уделил осуществлению чекистами репрессий в 1920 г., прежде всего, против т. н. «бывших людей» – офицеры, предприниматели, торговцы, духовенство, интеллигенция и другие «классово чуждые элементы», а также участию чекистов в борьбе с крестьянскими восстаниями в конце 1920 – начале 1921 г. Он попытался сравнить особенности «красного» и «белого» террора во время Гражданской войны и разобраться в их масштабах и количестве жертв. Исследование этого вопроса привело его к обоснованному выводу о том, что масштабы и «белого», и особенно «красного» террора нередко преувеличивались, причем последнего наиболее активно в постсоветский период.

А. П. Шекшеев подробно осветил преобразование органов ВЧК в ГПУ и затем в ОГПУ на территории Енисейской губернии в связи с переходом к Новой экономической политике (НЭП), а также последующие реорганизации, связанные с упразднением губернии в 1926 г. и создании на её территории нескольких административных округов Сибирского края. По его мнению, это был период внешнего и внутреннего упорядочивания деятельности органов государственной безопасности на территории Енисейского региона, который протекал непросто и непоследовательно. В монографии освещены основные направления работы ОГПУ в период НЭПа – борьба с «контрреволюцией», которая трактовалась достаточно широко, борьба с крестьянскими повстанцами, в которой чекисты сочетали «мягкие» и «жесткие» формы, отдавая предпочтения первым, создание сети негласных осведомителей для контроля за настроениями различных слоёв населения, участие в антирелигиозной борьбе и другие направления. Особенно подробно в ней освещена работа ОГПУ против эсеров – недавних соратников коммунистов по революционной борьбе, немалое количество которых было сослано властями на территорию Енисейского региона из центра страны. Довольно обстоятельно автор описал и внутрипартийную борьбу в регионе, развернувшуюся в коммунистической партии в 1920-е гг. Однако роль и место органов ОГПУ в ней почти остались вне поля его зрения.

Пожалуй, наибольшее внимание А. П. Шекшеев уделил освещению коллективизации сельского хозяйства и событий ей предшествовавших. Он довольно обстоятельно показал участие ОГПУ в организации хлебозаготовок 1928 и 1929 гг., когда после известной поездки И. В. Сталина в Сибирь для организации хлебозаготовок стали широко применяться силовые или как их тогда называли «чрезвычайные»

методы. В монографии широко отражено и сопротивление енисейского крестьянства заготовительной политике властей, выражавшееся в поджогах хлебохранилищ, мельниц, маслозаводов и сельсоветов, угроз и нападений (в т. ч. Убийств) на активистов и советских должностных лиц и т. п. Чекистам пришлось приложить немало усилий для подавления крестьянского сопротивления. Их роль хорошо отражает приведенное автором крестьянское мнение: «Если ГПУ взялось за хлеб, то нечего его держать в амбарах, надо сдавать» (С. 346).

Еще более драматические события развернулись в Енисейском регионе во время самой коллективизации. А. П. Шекшееву удалось показать масштабную и впечатляющую картину настоящей трагедии зажиточных и середняцких слоев крестьянства, значительная часть которого подверглась т. н. «раскулачиванию» и другим репрессиям. Участие ОГПУ в осуществлении политики раскулачивания освещено в монографии достаточно полно. Это и борьба с крестьянскими восстаниями, и аресты раскулаченных, и переселение раскулаченных, и приём и размещение большого количества т. н. «спецпереселенцев» (раскулаченных) из западных регионов СССР. Изучение данного сюжета привело автора к выводу, что в событиях коллективизации чекисты сыграли двойственную роль. С одной стороны, они выполняли роль ударных карательных сил, но, с другой – стремились упорядочить коллективизацию и содействовать восстановлению порядка. По его мнению, в ходе коллективизации её энтузиасты и активисты из местного населения и местного начальства во многих случаях устраивали настоящую вакханалию при обобществлении крестьянских хозяйств и раскулачивании, ведущую к хаосу и острому крестьянскому сопротивлению. В этой ситуации органам ОГПУ приходилось вмешиваться и «охлаждать пыл» наиболее рьяных «коллективизаторов», как писал автор: «чекисты нередко пресекали безобразия и ошибки, допускаемые представителями власти» (С. 494).

Гораздо меньшее внимания в монографии уделено участию ОГПУ в индустриализации и борьбе с «вредительством», что несколько сужает общую панораму деятельности органов ОГПУ в Енисейском регионе. Из других недостатков исследования А. П. Шекшеева наиболее существенными представляются два. Во-первых, по всему тексту монографии нередко заметна некоторая отстраненность автора при освещении ряда проблем, когда он приводит разные точки зрения на ту или иную проблему, высказанные его предшественниками, причем нередко взаимоисключающие, но не высказывает собственного понимания этой проблемы и как бы избегает собственных её оценок (С. 178, 184, 207 и др.). Во-вторых, название монографии не вполне соответствует её содержанию. Из текста совершенно непонятно, что имел в виду автор под «большевистской трансформацией общества». То ли ликвидацию т. н. «эксплуататорских классов», то ли ликвидацию мелкотоварного крестьянства и преобразование его бедняцко-середняцкой части в т. н. «колхозное крестьянство», то ли еще что-то, например, распространение в обществе доносительства или «стукачества». Читателю остается только гадать. В общем «большевистская трансформация общества» осталась за рамками исследования. Отмеченные недостатки, по мнению рецензента, не оказывают заметного влияния на общую положительную оценку монографии.

В целом, безусловно, исследование А. П. Шекшеева поднимает очень важную и интересную проблему. Автор сумел собрать и обобщить поистине огромный фактический материал и этим обогатить и расширить наши представления о той непростой эпохе. Прочитать его монографию будет интересно и полезно всем, интересующимся проблемами отечественной истории.

Информация об авторе

И. В. Наумов – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия.

Information about the author

I. V. Naumov – Dr. Sci. (History), Professor, Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia.

Вклад автора

Наумов И. В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 14 февраля 2022 г.; одобрена после рецензирования 28 февраля 2022 г.; принята к публикации 9 марта 2022 г.

Contribution of the author

Naumov I. V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted February 14, 2022; approved after reviewing February 28, 2022; accepted for publication March 9, 2022.

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас к сотрудничеству в качестве авторов, рекламодателей и читателей и сообщаем требования к статьям, принимаемым к публикации

Правила оформления научных статей

1. Общие положения

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» – научное периодическое издание (выходит 4 раза в год), продолжает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи как российских, так и зарубежных коллег.

Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований.

Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем, интересующимся прошлым. Издание реферируется и рецензируется.

ISSN 2415-8739

Журнал основан в 2003 г.

Учредитель – Иркутский национальный исследовательский технический университет

Рубрики журнала:

- археология
- этнология
- история
- рецензия
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах)

2. Правила оформления

Рекомендуемый объем статьи – 20000–40000 знаков, включая пробелы. В рубрику «Рецензия» принимаются статьи объемом 6000–9000 знаков.

Рукопись должна быть построена следующим образом:

2.1. ***Индекс УДК*** в верхнем левом углу.

2.2. ***Заголовок,*** включающий: название статьи, должен быть информативным и, по возможности, кратким. Первое слово заглавия статьи, как правило, приводят с прописной буквы, остальные слова – со строчной (кроме собственных имён, общепринятых аббревиатур и т. п.). В конце заглавия статьи точку не ставят. Набирается полужирными шрифтом, выравнивается по центру.

2.3. ***Имена, отчества и фамилии авторов:*** располагаются на один интервал ниже заголовка, набираются полужирным шрифтом, выравнивание по левому краю. Если авторов несколько, то после фамилии первого автора ставится запятая и пишется имя, отчество и фамилия второго автора и т. д.

2.4. ***Организация и ее адрес:*** располагается под фамилией автора, первое слово набирается с заглавной буквы, выравнивание по левому краю, после названия организации запятая. Далее указывается адрес организации (город, страна). После этого – адрес электронной почты и ORCID автора (если есть).

Если авторы из разных организаций, то после их фамилий ставятся соответствующие арабские цифры (верхний индекс). Такие же цифры ставятся перед названием и адресом организаций, в которых работают эти авторы.

2.5. ***Аннотация:*** должна быть информативной, содержать 200–250 слов, с указанием ключевых слов (словосочетаний) (9–12).

2.6. ***Благодарности.*** После ключевых слов приводят слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

2.7. ***Английский перевод*** названия статьи, имен, отчеств и фамилий авторов, названия и адреса организаций, аннотации, ключевых слов, благодарностей оформляется так же, как и на русском языке.

2.8. ***Раздел «Список источников»****.* Составляется в алфавитном порядке (по фамилии автора и году издания), оформляется по ГОСТ Р 7.0.5. Например,

статья в журнале:

Ветров В. М., Шергин Д. Е., Тетенькин А. В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 9–34.;

статья в научном сборнике:

Лапшина З. С. Личины петроглифов Амуро-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы : материалы. Международной научной конференции 22–26 августа 2011 г. Кемерово. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011а. Т. 2. С. 64–68.;

монография:
Сидоров А. П. Неолит Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2006. 315 с.
2.9. ***Раздел «References»*** составляется в Harvard Style в порядке списка источников, для этого ФИО авторов работы на русском языке нужно транслитерировать по BSI (https://translit.net/ru/bsi/), все остальные данные перевести на английский. Работы на других языках: если в основе языка латиница – запись копируется без изменений; работы на арабском, китайском, монгольском, греческом и др. языках – запись переводится на английский. Везде указывается в скобках язык работы.
2.10. ***Раздел «Информация об авторах»*** оформляется в конце статьи в следующем виде:
Информация об авторах
И. О. Фамилия –
Степень, звание, должность, подразделение,
Организация,
Почтовый адрес организации (индекс, город, улица, здание, страна).
Эта же информация представляется и на английском языке
Information about the authors
(англ.) И. О. Фамилия –
(англ.) Степень, звание, должность, подразделение,
(англ.) Организация,
(англ.) Почтовый адрес организации (здание, улица, город индекс, страна).
2.11. ***Раздел «Вклад авторов».*** После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.). Возможны формулировки: ***«Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации»;*** «Козлов В. С. выполнил исследовательскую работу, на основе полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати».
2.12. ***Раздел «Конфликт интересов»***. Указывается, что: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов».
2.13. При наличии в статье рисунков в конце статьи приводятся подрисуночные подписи.

3. Рекомендации по набору и оформлению текста
Параметры страницы и абзаца: все отступы по 2 см, ориентация книжная, табуляция 2 см.
Параметры текста: редактор MS Word, стиль обычный, размер 12 пунктов, гарнитура Times New Roman, межстрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине. Не использовать более одного пробела между словами.
Сокращения терминов и названий должны быть сведены к минимуму и осуществляться в соответствии с ГОСТ 7.12-93.
Числовой материал приводится в виде таблиц.
При создании ***таблиц*** рекомендуется использовать возможности MS Word (Таблица – Добавить таблицу). Таблицы должны иметь порядковые номера, название и ссылку в тексте: (табл. 1). Таблицу следует располагать в тексте после первого упоминания о ней.
Библиографические ссылки в тексте должны быть оформлены по образцу: (фамилия, год публикации, номер страницы) в круглых скобках. Например: (Иванов, 2002. С. 12. Рис. 14; Петров, 2014). После фамилии год издания – через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т. п. через точку с прописной буквы.
Ссылки на архивные материалы должны быть расположены в тексте и содержать полное описание источника в круглых скобках. Например: (ГАИО. Ф. Р-102с. Оп. 5. Д. 37. Л. 89 об.).

4. Требования к рисункам
Рисунки (иллюстрации, графики, диаграммы, схемы) должны иметь сквозную нумерацию, название и ссылку в тексте: (рис. 1), которую следует располагать в тексте после первого упоминания о рисунке.
Рисунки, помимо текста рукописи, должны быть предоставлены ***отдельными файлами***: иллюстрации в разрешении не менее 300 dpi с расширениями *.JPEG, *.TIFF.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.
По вопросам публикации статей обращаться: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра истории и философии, К-211.
Главный редактор журнала – Павел Александрович Новиков
Тел.: +7(3952)405186, e-mail: ildt@yandex.ru

Dear colleagues!

We invite you to participate in our magazine as authors, advertisers and readers and report requirements to articles accepted for publication

Article submission guidelines

1. General Provisions

The scholarly journal "Reports of the Laboratory of Ancient Technologies" is a scientific periodical magazine (published 4 times a year), continues and develops a series of annual publications devoted to the study of the history of Baikal Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues.
Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.
The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Antiquity. The publication is abstracted and reviewed.
ISSN 2415-8739
The Journal was founded in 2003
Founder: Irkutsk National Research Technical University
Journal's headings are as follows:

- archaeology
- ethnology
- history
- review
- personalia (memorial notes about a colleague)

2. Manuscript Structure

The article (review) should consist of 20000–40000 symbols including spaces. The heading "Review" accepts articles with a volume of 6000-9000 symbols.
The manuscript should have the following order.
2.1. ***UDC code*** should be placed in the left upper corner.
2.2. ***The title,*** which includes: the title of the article (should be informative and, if possible, brief). The first word of the title of the article, as a rule, is given with a capital letter, the rest of the words - with a lowercase letter (except for their own names, common abbreviations, etc.). There is no full stop at the end of the title of the article. The title should be typed in bold, centered.
2.3. ***Names, patronymics and surnames of authors:*** they are arranged in one interval below the title, they are typed in bold letters, aligned to the left. If there are several authors, then after the first author's name a comma is put and the first, patronymic and surname of the second author are written, etc.
2.4. ***The organization and its address:*** are located under the author's surname, typed in capital letters, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Below the name of the organization is given the address of the organization (country, index, city, street, building number).
located under the author's surname, the first word is typed with a capital letter, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Next, the address of the organization is indicated (city, country). After that - the email address and ORCID of the author (if any).
If the authors are from different organizations, then the corresponding Arabic numerals (superscript) are placed after their names. The same numbers are placed before the name and address of the organizations in which these authors work.
2.5. ***Abstract*** should be informative and consist of 200–2500 words, include 9–12 key words or word combinations.
2.6. ***Acknowledgments.*** After the keywords, words of gratitude are given to organizations (institutions), supervisors and other persons who assisted in the preparation of the article, information about grants, funding for the preparation and publication of the article, projects, research works, within the framework of or as a result of which the article was published.
2.7. ***The English translation*** of the title of the article, the names and initials of the authors, the name and address of the organization, annotations, key words should be made in the same way as in Russian.
Titles, abstracts and key words translated into English cannot contain any transliterations from Russian except for transliterations of personal names, untranslatable names of devices and any other objects.
2.8. Section ***"Список источников (List of sources)".*** It is issued in accordance with GOST R 7.0.5. For example,
a journal article:
Ветров В. М., Шергин Д. Е., Тетенькин А. В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 9–34.;

article in a scientific collection:
Лапшина З. С. Личины петроглифов Амуро-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы : материалы. Международной научной конференции 22–26 августа 2011 г. Кемерово. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011а. Т. 2. С. 64–68.;
monograph:
Сидоров А. П. Неолит Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2006. 315 с.
2.9. Section ***«References»*** is compiled in Harvard Style in the order of the list of sources, for this the names of the authors of the work in Russian must be transliterated according to BSI (https://translit.net/ru/bsi/), all other data must be translated into English. Works in other languages: if the language is based on Latin - the record is copied without changes; works in Arabic, Chinese, Mongolian, Greek and other languages - the record is translated into English. The language of the work is indicated everywhere in brackets.
2.10. ***Information about authors*** should be placed at the end of the article as follow:
Information about the author
Name N. Family name,
Academic degree, academic title, position,
Organization,
Postal address (building, street, city, postal-index, country)
e-mail
2.11. ***Section "Criteria of authorship".*** After the surname and initials of the author, his personal contribution to the writing of the article is briefly described (idea, collection of material, processing of material, writing of the article, scientific editing of the text, etc.). Possible formulations: "All authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication"; "V. S. Kozlov carried out research work, based on the results obtained, he generalized and prepared the manuscript for publication."
2.12. ***Section "Conflict of interest".*** It should be stated that: "The authors state that there is no conflict of interest".
2.13. If there are figures in the article, their captions are shown at the end of the article.

3. Manuscript Format Guidelines
***Page and paragraph settings*:** all margins 2 cm, portrait layout, tab 2 cm.
***Text settings*:** MS Word editor, regular font, size 12 points, typeface Times New Roman, line spacing one and a half, justified alignment. Please avoid using more than one word space.
Abbreviations of terms and names should be minimized and carried out in accordance with GOST 7.12-93.
Numbers should be typewritten in tables.
All ***tables*** should be in MS Word (Table - Add Table). Tables should be numbered, titled and referred to in the text (Table 1). Place tables into the body of the text after their first mention in the most suitable way.
Bibliographic references in the text should be modeled after: (surname, year of publication, page number) in parentheses. For example: (Ivanov, 2002. P. 12. Fig. 14; Petrov, 2014). After the surname, the year of publication is separated by a comma; A link to a page, a drawing, etc., through a dot with a capital letter.
References to ***archival*** materials should be located in the text and contain a full description of the source in parentheses. For example: (GAIO, F. P-102s, Op. 5. D. 37. L. 89 vol.).

4. Artwork and Illustrations
Figures (illustrations, diagrams, schemes) are numbered, titled and referred to in the text: (Fig. 1). Place graphs, pictures and diagrams into the body of the text after their first mention in the most suitable way.
Figures should be submitted as separate files: illustrations - with at a resolution at least 300 dpi - as *.JPEG, *.TIFF.

The editors reserve the right to reject articles that do not meet the specified requirements.
For the publication of articles, please contact: 664074, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, Irkutsk National Research Technical University, Department of History and Philosophy, K-211.
The editor-in-chief is Pavel Aleksandrovich Novikov
Tel.: +7 (3952) 405186, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал

№ 1 (42) 2022

16+

Редактор Н. Е. Мелихова
Ответственный за выпуск О. Н. Валериус
Перевод на английский язык А. В. Тетенькина
Верстка О. Н. Валериус

Дата выхода в свет 30.03.22. Формат 60 х 90 / 8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 31,0.
Тираж 500 экз. Заказ 44. Поз. плана 7н.

Издание распространяется бесплатно

Отпечатано в типографии Издательства
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»
Адрес типографии: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83А